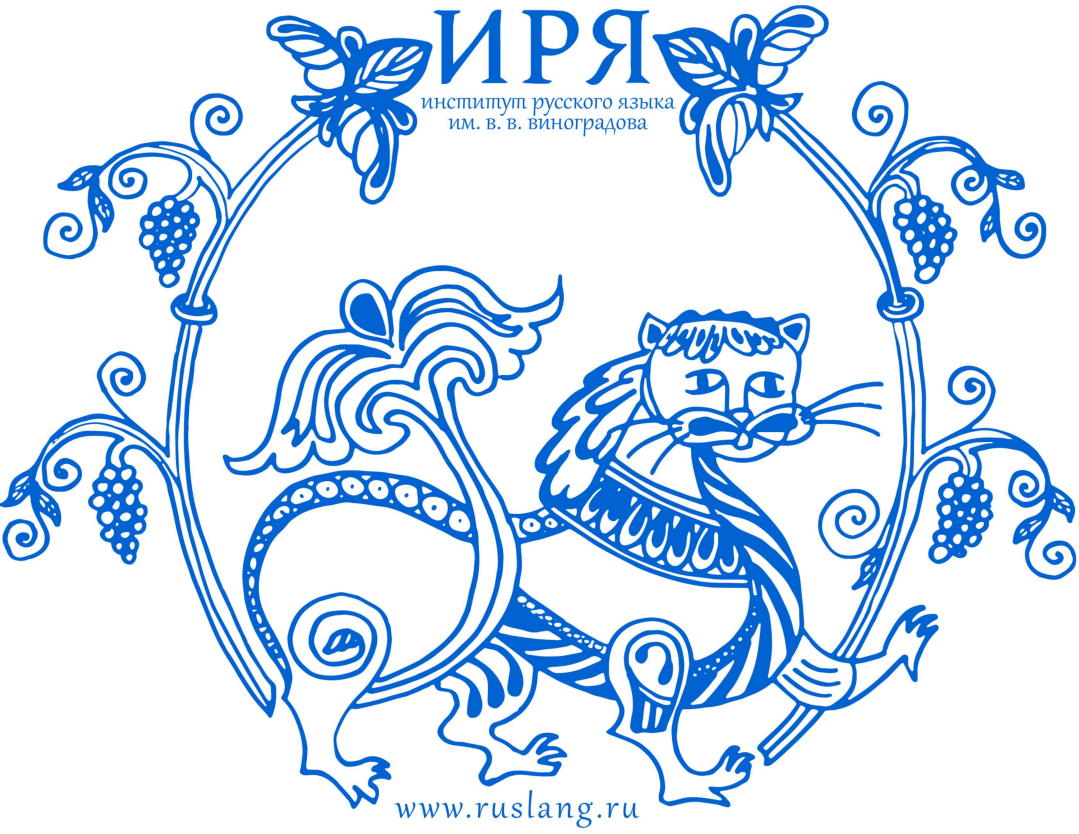
4
С-48

Словообразование современного русского литературного языка

М., 1968 63137

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

23137

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

РУССКИЙ ЯЗЫК
И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

Социолого-лингвистическое исследование

Под редакцией
М. В. ПАНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1968

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1968

4
С-18
63137

Коллективная монография «Русский язык и советское общество», подготовленная Сектором современного русского литературного языка Института русского языка АН СССР (под руководством М. В. Панова), состоит из четырех книг.

— Принципы социологического изучения русского языка советской эпохи. Лексика современного русского литературного языка.

— Словообразование современного русского литературного языка.

— Морфология и синтаксис современного русского литературного языка.

— Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры.

В данной книге описываются изменения в системе словообразования русского литературного языка советской эпохи, связанные с влиянием на язык социальных факторов и их взаимодействием с внутренними тенденциями развития языка.

7-1-2
205-68(I)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

англ.— английское
буд. вр.— будущее время
вин. п.— винительный падеж
возвр. глаг.— возвратный глагол
возр. гр.— возрастная группа
г.— город
греч.— греческое
д.— деревня
дат. п.— дательный падеж
действ. залог — действительный залог
ед. ч.— единственное число
жен. р.— женский род
из ред. почты — из редакционной почты
изъяв. накл.— изъявительное наклонение
изъясн. п.— изъяснительный падеж
им. п.— именительный падеж
иноязы.— иноязычное
исп.— испанское
ит.— итальянское
лат.— латинское
лингв.— лингвистическое
местн. п.— местный падеж
мн. ч.— множественное число
муж. р.— мужской род
наст. вр.— настоящее время
нем.— немецкое
несов. в.— несовершенный вид
норвеж.— норвежское
парт. п.— партитивный падеж
пер.— перевод
пов. накл.— повелительное наклонение
полож. степ.— положительная степень
польск.— польское
пр. п.— предложный падеж
превосх. степ.— превосходная степень
прост.— просторечное
прош. вр.— прошедшее время
разг.— разговорное
род. п.— родительный падеж
русск.— русское
сов. в.— совершенный вид
сослаг. накл.— сослагательное наклонение
спец.— специальное
сравн. степ.— сравнительная степень
сред. р.— средний род
страд. залог — страдательный залог
суфф.— суффикс
тв. п.— творительный падеж
фр.— французское

БАС — Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17. М.— Л., Изд.-во АН СССР, 1950—1965.

МАС — Словарь русского языка в четырех томах. Изд-во АН СССР. М., 1957—1961.

СБ — Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart unter Leitung und Redaktion von H. H. Bielfeldt. Akademie-Verlag. Berlin, 1958.

СО — Словарь русского языка. Сост. С. И. Ожегов. Изд. 6. М., 1964.

СУ — Толковый словарь русского языка, т. I—IV. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940

В тексте приняты следующие условные обозначения разделов, необходимые для взаимных отсылок:

I — Принципы социологического изучения русского языка советской эпохи

II — Лексика современного русского литературного языка

III — Словообразование современного русского литературного языка

IV — Морфология современного русского литературного языка

V — Синтаксис современного русского литературного языка

VI — Фонетика современного русского литературного языка

VII — Народные говоры

Список сокращений, принятых для периодических изданий

«Авиация и косм.» — «Авиация и космонавтика»

«Вестн. Екатерининской ж. дороги» — «Вестник Екатерининской железной дороги»

«Вестн. иск.» — «Вестник искусств»

«Вестн. ЛГУ» — «Вестник Ленинградского университета»

«Вестн. МГУ» — «Вестник Московского университета»

«Веч. кр. газ.» — «Вечерняя красная газета»

«Веч. Москва» — «Вечерняя Москва

«Водн. тр-т» — «Водный транспорт»

«Вопр. л-ры» — «Вопросы литературы»

«Вопр. ракетн. техн.» — «Вопросы ракетной техники»

«Воскр. веч. нов.» — «Воскресные вечерние новости»

ВЯ — «Вопросы языкознания»

«Др. нар.» — «Дружба народов»

«Женск. вестн.» — «Женский вестник»

«Женск. журн.» — «Женский журнал»

«Зн. ком.» — «Знамя коммунизма»

«Зн.— сила» — «Знание — сила»

«Изв.» — «Известия»

«Изв. АН СССР, ОЛЯ» — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка»

«Ин. лит.» — «Иностранная литература»

«Иск. кино» — «Искусство кино»

«Колх. производство» — «Колхозное производство»

«Комс. пр.» — «Комсомольская правда»

«Кр. зв.» — «Красная звезда»

«Кр. зн.» — «Красное знамя»

«Красн. слово» — «Красноармейское слово»

«Крок.» — «Крокодил»

«Лен. зн.» — «Ленинское знамя»

«Ленингр. пр.» — «Ленинградская правда»

«Лесн. пр.» — «Лесная промышленность»

«Лит. и жизнь» — «Литература и жизнь»

«Лит. газ.» — «Литературная газета»

«Лит. Рос.» — «Литературная Россия

«Люберецкая пр.» — «Люберецкая правда»

«Львовск. пр.» — «Львовская правда»

«Мед. газ.» — «Медицинская газета»

«Мет. и гидр.» — «Метеорология и гидрология»

«Мол. гвардия» — «Молодая гвардия»

«Моск. комс.» — «Московский комсомолец»
«Моск. пр.» — «Московская правда»
«Моск. стр.» — «Московский строитель»
«Наш совр.» — «Наш современник»
«Нов. мир» — «Новый мир»
«Пионер. пр.» — «Пионерская правда»
«Пр.» — «Правда»
«Пр. Вост.» — «Правда Востока»
«Пр. Укр.» — «Правда Украины»
«Пром-экон. газ.» — «Промышленно-экономическая газета».
«Раб. газ.» — «Рабочая газета»
«Раб. Москва» — «Рабочая Москва»
«Роман-газ.» — «Роман-газета»
«Русск. вед.» — «Русские ведомости»
«Русск. лит.» — «Русская литература»
«Сельск. жизнь» — «Сельская жизнь»
«Сельск. мол.» — «Сельская молодежь»
«Сельск. хоз.» — «Сельское хозяйство»
«Сельскохоз. жизнь» — «Сельскохозяйственная жизнь»
«Сиб. огни» — «Сибирские огни»
«Сов. Бел.» — «Советская Белоруссия»
«Сов. воин» — «Советский воин»
«Сов. жен.» — «Советская женщина»
«Сов. иск.» — «Советское искусство»
«Сов. культ.» — «Советская культура»
«Сов. лит.» — «Советская литература»
«Сов. патр.» — «Советский патриот»
«Сов. Рос.» — «Советская Россия»
«Сов. Сахалин» — «Советский Сахалин»
«Сов. слав.» — «Советское славяноведение»
«Сов. Союз» — «Советский Союз»
«Сов. спорт» — «Советский спорт»
«Сов. торг.» — «Советская торговля»
«Солд. пр.» — «Солдатская правда»
«Соц. реконстр. с/х» — «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства»
«Строит. газ.» — «Строительная газета»
«Техн.— мол.» — «Техника — молодежи»
«Торг.-пром. газ.» — «Торгово-промышленная газета»
«Утро Рос.» — «Утро России»
«Учит. газ.» — «Учительская газета»
ФН — «Филологические науки»
«Экон. жизнь» — «Экономическая жизнь»
«Эконом. газ.» — «Экономическая газета»

Книга «Словообразование современного русского литературного языка» написана *Д. И. Алексеевым* (§ 45—59, 61—65, 68—69); *Р. В. Бахтуриной* (§ 89, 163—164, 166); *Е. И. Голановой* (§ 108—110, 112—114, 157—160); *В. П. Даниленко* (§ 72—74, 80—88, 90—94, 96—102); *О. П. Ермаковой* (§ 161—162, 168—178); *Е. А. Земской* (§ 1—4, 6—43, 71, 76—79, 103—107, 111, 115—116); *Е. В. Красильниковой* (§ 150—154, 195—205); *М. В. Пановым* (§ 148—149); *Н. А. Янко-Триницкой* (§ 75, 117—147, 181—194) под руководством *Е. А. Земской*. Авторы благодарят доктора филол. наук *Ю. С. Степанова* и кандидата филол. наук *В. В. Лопатина*, высказавших ценные замечания при рецензировании книги.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вступление. *Рост агглютинативности в словообразовательной системе русского языка. Связь тенденции к агглютинативности с развитием аналитизма в морфологии. Усиление тенденции к специализации словообразовательных средств литературного языка. Устранение полисемантичности и повышение продуктивности ряда словообразовательных типов. Значительное увеличение регулярности некоторых словообразовательных типов; смещение ряда деривационных морфем в сторону реляционных. Понятие маркированности — немаркированности. Изменение характера некоторых словообразовательных опповиций. Рост экспрессивности словообразовательных типов как противодействие росту регулярности. Стилистические изменения в системе словообразования. Словообразовательные инновации и нормы литературного языка.*

1. Словообразовательный раздел монографии, естественно, дает описание и анализ не всех изменений, происходящих в словообразовательной системе русского языка советской эпохи, а лишь тех, которые обусловлены непосредственно или опосредствованно (через изменения в других подсистемах или ярусах языка) изменениями в социальной действительности. Это ограничение полностью определяется задачей исследования: изучить связь общественных и языковых процессов и установить различную «чувствительность» разных явлений языка по отношению к социальным факторам.

Очевидно, что и в самой словообразовательной системе чувствительность различных явлений к социальным воздействиям неодинакова. К числу наиболее проницаемых для общественных воздействий относится такое явление, как изменение продуктивности словообразовательных типов, объясняемое изменением социальной потребности в тех или иных группах лексики (например, рост продуктивности различных словообразовательных типов со значением ‘наименование лица по профессиональному действию’, ‘наименование лица по орудию, средству труда’ и т. п.).

Напротив, такие изменения, как появление новых способов словообразования, новых словообразовательных средств, поддаются социальному воздействию не так легко.

2. Наиболее общей тенденцией развития современной словообразовательной системы, которая обнаруживается во многих част-

ных процессах, является рост агглютинативных черт в семантике и структуре производного слова.

В каком значении применяется термин «агглютинативность» по отношению к русскому языку? Агглютинативность понимается как свойство, противоположное фузии. В семантике производного слова она обнаруживается во взаимооднозначном соответствии между означаемым и означающим, в «отдельности подачи элементов информации в составе словоформы» [1], в структуре производного слова — в свободном «склеивании» морфем, отсутствии явлений морфологического взаимоприспособления морфем [2] при их соединении. Рост агглютинативности в семантике производного слова, т. е. рост отношений взаимооднозначности между означаемым и означающим, способствует расчлененности слов на морфемы, так как с каждой морфемой связывается определенная часть значения слова; таким образом, семантическая расчлененность поддерживает расчлененность структурную [3].

3. Рост агглютинативности в семантике производного слова проявляется в устранении многозначности словообразовательных морфем и тем самым в увеличении числа морфем, характеризуемых всегда одним и тем же значением. Наиболее ярко это выражается в префиксальном способе производства имен. Многие приставки как русские (*раз-*, *со-*, *сверх-*), так и заимствованные (*анти-*, *архи-*, *ультра-*) отличаются единством значения в сочетании с основами разной семантики и даже разных частей речи. В языке XX в. наблюдается значительный рост продуктивности этого способа производства в системе имен существительных и прилагательных.

Возрастает также число суффиксальных морфем, имеющих единое значение и сочетающихся со строго определенным кругом основ. Например, увеличивается специализация ряда суффиксов (см. III, § 82). Ср. имена жителей с суффиксом *-анин*, наименования лиц по профессии с суффиксом *-щик* и мн. др., см. III, § 82, 85—93. Многие молодые, активно развивающиеся словообразователь-

[1] См.: А. А. Реформатский. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова.— В кн.: «Морфологическая типология и проблема классификации языков». М.— Л., 1965, стр. 84.

[2] Ср. понимание агглютинативности, содержащееся в работах: В. В. Виноградов. Русский язык. М.— Л., 1947, стр. 595, 651; Дж. Гринберг. Квантитативный подход к морфологической типологии языков.— В кн.: «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963; И. Лекова. Отклонения от флективного строя в славянских языках.— ВЯ, 1956, № 2, стр. 18—26; М. Чолъкова. Към вопроса за наличието на аглутинативни елементи в славянските езици. «Известия на Института за български език», кн. XI. София, 1964, стр. 95—99.

[3] Термин «структурный» здесь и дальше понимается как ‘относящийся к структуре языковых единиц, т. е. к их морфонологическому строению’. В той или иной степени грамматикализованные чередования, свойственные разным типам морфем, количество фонем в соотносительных морфемах, отношения морфонологически усеченных морфем к соответствующим полным морфемам, признаки членимости слов — все это структурные особенности языковых единиц.

ные типы [4] формируются заимствованными аффиксами, которые приобретают в русском языке советской эпохи единое четкое значение (например, существительные на *-дром*, *-трон*, *-рама* и некот. др., см. III, § 151—154).

В образовании глагола рост агглютинативности проявляется преимущественно в активизации префиксального способа [5], играющего в системе глагола несравненно более значительную роль, чем в словообразовании имен. Напротив, суффиксы в системе глагола отличаются флективностью, спаянностью с морфемами словоизменения [6].

В изучаемый период возрастает продуктивность ряда префиксальных типов внутриглагольного словопроизводства, интенсивно развиваются префиксально-суффиксальные типы глаголов (с различными приставками и аффиксом *-ся*). Однако самое характерное явление — это увеличение роли приставок не только во внутриглагольном словопроизводстве (что было широко свойственно русскому языку и ранее), но и в образовании глаголов от других частей речи, в первую очередь от существительных и прилагательных. Производство глаголов от имен только суффиксальным способом охватывает немногие словообразовательные типы; наиболее активно развиваются префиксально-суффиксальные типы отыменных глаголов. Приставки нередко выступают при этом как эле-

---

[4] В настоящей работе принято следующее определение словообразовательного типа. Словообразовательный тип — это схема (формула) образования производных слов, характеризуемых общностью трех элементов: 1) лексико-грамматических свойств производящей основы; 2) семантического соотношения между производными и производящими и 3) словообразовательного строения, включая общность способа производства и словообразующей (деривационной) морфемы. (Здесь и далее употребляются как синонимы термины: 1) словообразующий и деривационный, 2) словоизменительный и реляционный.) Модель обозначает иное понятие. Она характеризует конкретные морфонологические особенности образования слов того или иного словообразовательного типа. Слова одного и того же словообразовательного типа могут производиться по разным моделям: 1) с чередованием на стыке морфем и без чередования; 2) с «вставными» гласными на стыке морфем и без них; 3) с помощью интерфиксов (см. III, § 25) и без них; 4) с усечением основы и без него; 5) с наложением морфем (интерференцией) и без него (см. III, § 41). Например: 1) *Волга — волж-ск-ий* и *Лейпциг — лейпциг-ск-ий*; *шпага — шпаж-ист* и *штанга — штанг-ист*; ср. в образованиях от одной основы *устюг-ск-ий* и *устюж-ск-ий*; 2) *монаш-еск-ий* и *муж-ск-ой*; 3) *горкоммунхоз-ов-ец* и *комсомол-ец*; *ленинград-ск-ий* и *орл-ов-ск-ий*, *руссо-изм* и «*мао-н-изм*»; 4) *зачет-к-а* (зачетная книжка), *вечер-к-а* (вечерняя газета) и *овсян-к-а* (овсяная крупа), *плавуч-к-а* (плавучий маяк); 5) *лиловый—лиловатый* и *черн-ый — черн-оват-ый*; *сердитый — сердить* и *злой — зл-ить*. См. подробнее: Е. А. Земская. Понятия производности, оформленности и членимости основ.—В кн.: «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966, стр. 10—11.

Далее суффикс, как правило, указывается вместе с флексией.

[5] См.: Н. В. Крушевский. Очерк науки о языке. Казань, 1883, стр. 83.

[6] См.: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 440—442.

менты, лишенные деривационного значения; они лишь поддерживают суффиксы, слишком слабые для того, чтобы играть роль единственного оформителя слова. Фузионное средство словообразования оказывается недостаточным и требует поддержки со стороны агглютинативных префиксов.

4. Рост агглютинативности в структуре производного слова обнаруживается в явлениях, ведущих разными путями к устарению взаимоприспособляемости морфем при их объединении:

1) ослабляются чередования на стыке морфем (уменьшается строгость реализации чередований в старых типах, возникают новые словообразовательные типы, лишенные чередований);

2) растет употребление интерфиксов, т. е. связочных элементов, играющих роль прокладки между морфемами и устраняющих необходимость чередований на стыках морфем;

3) шире, чем ранее, используется наложение морфем («интерференция морфем»), явление, совмещающее в себе черты агглютинации и фузии: при наложении морфемы сохраняют неизменным свой фонемный состав и линейную выделяемость, хотя определенная их часть является двуфункциональной, а это уже не типично для агглютинативных морфем [7].

Изменения в структуре производного слова, благоприятствующие росту агглютинативности русского словообразования, стимулированы социальными факторами, прежде всего расширением состава носителей литературного языка. Русский язык становится языком межнационального общения, вторым родным языком для лиц различных национальностей Советского Союза. Литературным языком овладевают многие русские люди, ранее говорившие на просторечии или территориальных диалектах. При этом, естественно, меняются пути усвоения литературного языка. Он узнается не от родителей, не дома. Усвоение литературного языка из внесемейных источников ослабляет стабильность некоторых языковых элементов (например, традиционных чередований), не связанных непосредственно с передачей лексико-грамматических значений, и способствует обостренному протеканию процессов увеличения продуктивности одних словообразовательных типов и уменьшения продуктивности других. Происходит как бы упрощение системы, ведущее к «выталкиванию исключений» (т. е. типы и модели, бывшие ранее мало- или непродуктивными, еще более ослабляют продуктивность, а типы и модели продуктивные — ее усиливают).

Этот социально обусловленный процесс «выталкивания исключений» протекает в разных ярусах языка (морфологическом, фонетическом), давая общую направленность их развитию [8].

Росту агглютинативности словообразовательной системы спо-

---

[7] См. подробнее: Е. А. Земская. Об одной особенности соединения словообразовательных морфем в русском языке.— ВЯ, 1964, № 2, стр. 84—88.

[8] Ср.: Е. Д. Поливанов. За марксистское языкознание. М., 1931, стр. 46.

собствует также значительное влияние на литературный язык советской эпохи словообразовательных подсистем терминологии, профессиональной и разговорной речи, которым по разным причинам свойственна бóльшая агглютинативность, чем литературному словообразованию. Такими причинами были: сознательное «строительство» терминов, стремление к единообразию их структуры, с одной стороны; свобода разговорных и профессиональных образований от воздействия норм литературного языка, ограничивающих словопроизводство тем или иным способом,— с другой.

Называя рост агглютинативности наиболее общей тенденцией развития системы современного словообразования, мы не имеем в виду при этом, что русский язык утрачивает свой флективный характер. Мы отмечаем ведущую линию развития, которая обнаруживается в разнообразных изменениях, каждое из которых не столь значительно, но которые сильны своей единонаправленностью и многочисленностью.

5. Агглютинация ведет к сокращению кода (по крайней мере, потенциальному): уменьшается набор единиц, в данном случае морфем и вариантов морфем.

Стремление уменьшить роль морфонологических чередований — это путь к сокращению числа вариантов морфемы. Специализация морфем способствует уменьшению их многозначности, вытеснению некоторых из них — т. е. тоже сокращает число кодовых единиц. Но влечет ли это за собой увеличение отрезков текста, на протяжении которого выражаются (и узнаются) деривационные, словообразовательные значения?

Прежде всего следует подчеркнуть, что морфонологические чередования в русском языке всегда вызываются последующей морфемой; они — ее принадлежность и опознавательный признак. Например, в форме *о лéсе* (ср. *без лéса*, *в лесý*) падеж выражен: флексией -⟨э⟩, меной твердых согласных на мягкие перед флексией (см. VI, § 66) и безударностью флексии. Основной показатель — флексия, так как только она может быть единственным показателем падежа (ср. *о еже*, *о мече*); мена согласных и тип ударения — ее сопроводители.

При морфонологических чередованиях легко различаются слова: *твердение* (от *твердеть*) и *твержение* (от *твердить*), *правение* (от *праветь*) и *правление* (от *править*), *поглупение* (от *поглупеть*) и *оглупление* (от *оглупить*); в огромном большинстве случаев мена морфем *-ить*/*- ение* сопровождается чередованием в корне; мена же морфем *-еть* /*-ение*, как правило, не сопровождается им. Уничтожение чередований привело бы к тому, что стало бы невозможно в пределах слова различить *-ение*, соотносительное с *-ить* (т.е. соотносительное со значением непереходного глагола), от *-ение*, соотносительного с *-еть* (т. е. со значением непереходного глагола). Ср., например, *чернить*, *чернеть* — *чернение* (здесь наличие ⟨н'⟩ в основе исключает возможность чередований). Опознать *-ение*$_1$ (//*-ить*) *и -ение*$_2$ (//*-еть*) можно уже не на протяжении

слова, а на протяжении большого отрезка текста: *чернение от времени* и *чернение материи сажей*.

Однако такие случаи в словообразовании редкостны: в современной словообразовательной системе избыточная информация настолько велика, что уменьшение кода пока лишь в редких случаях ведет к удлинению текстов, на протяжении которых опознается данное деривационное значение.

6. Важную роль в развитии словообразовательной системы русского языка советской эпохи играют процессы увеличения регулярности словообразовательных типов. Регулярными называются такие типы, «по которым от основ определенного типа всегда можно образовать морфологическую единицу, имеющую данный аффикс со стандартным значением» [9].

Производные слова, относящиеся к таким типам, стоят на пути превращения в формы слова, а соответствующие деривационные морфемы — в реляционные (подробнее см. III, § 94—102).

Что же способствует превращению словообразовательных типов в регулярные? Рост их продуктивности. Увеличение подуктивности словообразовательных типов «превращает совершенно несловоизменительные аффиксы в почти словоизменительные» [10]. При этом особо важную роль играют два обстоятельства:

1) стандартность значения аффиксов в сочетании с определенным типом основ,

2) строгая закономерность сочетания аффикса с определенным типом основ (т. е. ограничения в сочетаемости аффикса — если они существуют — должны подчиняться строгим законам).

Как пример регулярных словообразовательных типов можно привести существительные жен. р. — наименования лиц женского пола, коррелятивные существительным муж. р. Ср., например, ряды существительных с суффиксами: *-щик/-щица*, *-ник/-ница*, *-ист/-истка*, *-ец/ка* [11].

Между однокоренными существительными муж. и жен. р. названных типов существует строгая зависимость. От каждого существительного муж. р. свободно производится существительное жен. р. со стандартным значением [12].

В русском языке советской эпохи многие словообразовательные типы увеличивают свою регулярность. Таковы отглагольные существительные на *-ка*, отадъективные прилагательные на *-ость*, прилагательные с суффиксом *-ск-*, производимые от фамилий, име-

[9] «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 31.

[10] Там же, стр. 33.

[11] См.: Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию.— В кн.: «Избранные работы по русскому языку». М., 1959, стр. 439.

[12] Это находит яркое отражение в толковании таких слов в словарях. Коррелятивные существительные жен. р., как правило, не получают собственного определения значения, а толкуются путем отсылки к соответствующему существительному муж. р. Например: *регулировщица* — женск. к *регулировщик*; *колхозница* — женск. к *колхозник*, *баскетболистка* — женск. к *баскетболист*, *вузовка* — женск. к *вузовец*.

на существительные и прилагательные с приставками *анти-*, *архи-*, *ультра-*, *сверх-*, *не-* и некот. др., прилагательные с приставкой *без-*, образуемые на основе сочетаний существительных с предлогом *без*, некоторые типы приставочных глаголов. Аффиксы, формирующие словообразовательные типы высокой регулярности, стоят на пути их превращения в реляционные морфемы (*-ка*, *-ость*, см. III, § 96—102) или препозитивные частицы, свободно соединяющиеся со словами разных классов (*анти-*, *сверх-*, *архи-* и некот. др., см. III, § 108—116).

Увеличение регулярности названных и ряда других словообразовательных типов, вызванное ростом их продуктивности, объясняется в основном теми же двумя причинами, внешними по отношению к системе словообразования литературного языка, о которых говорилось выше. Это влияние на общелитературное словообразование профессионально-терминологической лексики, а также влияние на литературный язык разговорной речи, которой свойственна свобода от многих ограничений, действующих в строго нормированном литературном языке.

Естественно, что при высказанном здесь понимании регулярности в парадигму одной лексемы [13] объединяются слова разных частей речи (при таком понимании они из отдельных слов становятся словоформами внутри парадигмы одной лексемы). Однако это не должно казаться чем-то еретическим, разрушающим все основы грамматики. В русской языковедческой науке давно уже произведено такое объединение: в парадигму глагола включены причастия и деепричастия. Ведь по своей сущности причастие — это регулярный тип отглагольных прилагательных, а деепричастие — регулярный тип отглагольных наречий. Мысль о принадлежности притяжательных прилагательных на *-ов*, *ин* в старославянском и древнерусском языках парадигме имени существительного неоднократно высказывалась учеными [14]. И она вполне справедлива, потому что образования эти функционально близки форме род. п. и в регулярности производства не уступают падежным формам.

Таким образом, «надо подчеркнуть принципиальную возможность сочетания в одной лексеме морфологических единиц (словоформ), принадлежащих к разным частям речи. Так, в немецком языке das Lesen и lesen или das Laufen и laufen и т. д. принадлежат к одной парадигме (говорят, что в этих случаях глагол «субстантивируется», как будто здесь налицо какой-то исторический процесс, а не синхронное сосуществование единиц, входящих в одну лексему).

---

[13] Термин «лексема» используется для обозначения слова как совокупности всех его парадигматических форм.

[14] См., например: Н. С. Трубецкой. О притяжательных прилагательных (possesiva) староцерковнославянского языка. — В кн.: «Зборник у част А. Белића». Београд, 1937, стр. 16; ср. также: А. Вайян. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 158.

Возможность сосуществования в пределах одной лексемы словоформ, принадлежащих к разным частям речи, обосновывается тем, что распределение морфологических единств по частям речи и распределение морфологических единств по лексемам основано на совершенно разных, не пересекающихся друг с другом принципах» [15].

7. Рост регулярности целого ряда словообразовательных типов приводит к изменению состава и характера парадигм разных частей речи. Увеличивается число парадигм, в которых объединяются тесной принудительной связью разные части речи. Так, в парадигму глагола входят (точнее, готовы войти) существительные на *-ка* с процессуальным значением (*посадить — посажу... посадка*, см. III, § 100—102), в парадигму прилагательного — существительные на *-ость* со значением отвлеченного признака (*бронзовый, бронзового ... бронзовость*; *сборный, сборного... сборность*, см. III, § 96—99), в парадигму существительного — прилагательные с приставкой *без-*, обозначающие отсутствие того, что названо производящей основой (*аэродром, аэродрома, без аэродрома, безаэродромный...*; *кондуктор, кондуктора, без кондуктора, бескондукторный*, см. III, § 103—107).

Эта особенность современного словообразования глубоко внутренне связана с другой его характерной чертой, облегчает ее проявление и развитие. В современном языке рождаются новые словообразовательные связи между частями речи. Их рождению способствует явление, которое можно назвать использованием при словообразовании готовых структур, семантически не связанных с производным словом [16].

Традиционно признаваемый единственным тип соотношений между производящими и производными разрушается: производное может семантически соотноситься с одним элементом, а структурно с другим. Этот новый тип соотношений не противоречит основной тенденции развития современного словообразования — росту агглютинативности: словообразующий аффикс свободно «приклеивается» к готовой, существующей в языке структуре. В результате этого части речи, ранее не связанные между собой словообразовательно, т. е. не выступающие по отношению друг к другу как производящие и производные, вступают в такие отношения. Вопреки традициям и законам русского словообразования XIX в. начинают производиться от основ имен прилагательных наречия на *-о* (типа *водопадно, острожно*, см. III, § 174—175), семантически непосредственно связанные с существительными, имена с процессуальным значением (типа *химизация, тракторизация, векторизация* и под., см. III, § 73—74, *дождевание, гнездование, шлакование* и под.) от основ имен существительных и прилагательных;

[15] «Русский язык и советское общество. Проспект», стр. 30.

[16] В настоящей работе это явление специально не рассматривается. См. подробнее: Е. А. Земская. Заметки по современному русскому словообразованию.— ВЯ, 1965, № 3.

образования на *-ствующий*, относимые разными исследователями к причастиям или прилагательным с процессуальным значением (типа *хулиганствующий*, *радикальствующий*) от основ имен существительных; существительные со значением отвлеченного признака, свойства (типа *этажность*, *ходимость*, см. III, § 29) от основ имен существительных и глаголов.

Эти новые словообразовательные связи рождаются на наших глазах и резко отличают современное словообразование от словообразования XIX в., когда наречия на *-о* производились только от основ качественных прилагательных, существительные и прилагательные с процессуальным значением — только от основ глаголов и т. д. Образования, нарушающие эти законы, были единичны и воспринимались как «словообразовательные монстры». В современном же языке они составляют многочисленные группы слов и формируют новые словообразовательные типы.

В результате этого происходит перестройка всей системы словообразования. Точки системы, ранее изолированные, не соприкасающиеся между собой, оказываются соединенными глубокой внутренней связью. Резко возрастает роль имен существительных как производящих основ современного словообразования. В связи с этим меняется семантика производных слов разных частей речи. Новые отсубстантивные производные наречия на *-о*, имена качества на *-ость*, имена действия на *-изация*, *-фикация* отличаются от традиционных слов тех же категорий подчеркнутой предметностью, «вещностью» своего значения.

Связь двух изменений: перестройки парадигм, превращения деривационных аффиксов в реляционные (при увеличении регулярности), с одной стороны, и рождения новых словообразовательных связей, с другой, заключается в том, что и в первом и во втором случае увеличивается свобода производства языковых единиц; в случае превращения деривационных морфем в реляционные это очевидно, при рождении новых словообразовательных связей между производящими и производными также снимаются ограничения, накладываемые системой языка, в результате чего свобода образования новых единиц возрастает.

8. При изучении грамматической системы языка существенную роль играет понятие маркированности — немаркированности.

Если две языковые единицы, имеющие нечто общее в семантике, противопоставлены друг другу так, что значение одной является более узким, чем значение другой, то первая является маркированной, а вторая немаркированной. Такие отношения связывают, например, единицы *фрезеровщик* — *фрезеровщица*, *артист* — *артистка*, *учитель* — *учительница*. Существительные *фрезеровщица*, *артистка*, *учительница* указывают на то, что они обозначают лиц только женского пола, тогда как слова *фрезеровщик*, *артист*, *учитель* не содержат такого ограничения, они применимы к лицам и мужского и женского пола. Например: Зина Петрова стала лучшим фрезеровщиком цеха; Артист должен обладать хо-

67137
www.ruslang.ru
Библиотека Института русского языка им. В. В. Виноградова

рошей дикцией (т. е. и мужчина и женщина); Учителя нашей школы — Иванова и Семенова — поедут летом в Крым; Мария Ивановна — хороший учитель.

Таким образом, маркированными членами оппозиции являются единицы *фрезеровщица*, *артистка*, *учительница*, так как они содержат ограничивающее значение: ‘лицо женского пола’, а слова *фрезеровщик*, *артист*, *учитель* являются немаркированными, так как они не содержат такого ограничения (т. е. обозначают лицо любого пола). Маркированные члены оппозиции имеют более у з к о е и вместе с тем более детализованное значение, чем члены немаркированные.

Именно поэтому в определенных типических контекстах можно заменить любой маркированный член немаркированным [17]. Так, фраза «Семенова — хорошая учительница (спортсменка, чертежница)» может быть изменена во фразу «Семенова — хороший учитель (спортсмен, чертежник)». Обратная замена — членов немаркированных маркированными — в этих же контекстах далеко не всегда возможна. Мы не можем во фразе «Иван Петрович — хороший учитель» заменить последнее слово существительным жен. р. (*учительница*), потому что оно имеет более узкое значение, чем слово *учитель* (не может обозначать лиц любого, в данном случае мужского пола и вносит детализирующее значение ‘лицо женского пола’, которое противоречит контексту).

Данная самим характером оппозиций возможность (или невозможность) таких замен служит диагностической проверкой установления маркированных и немаркированных членов оппозиции.

Примером оппозиции, оба члена которой маркированы, могут служить слова *красавица* и *красавец*: *красавица* обозначает лицо женского пола, *красавец* — лицо мужского пола. Сказать «Маша у нас красавец» или «Красавец Наташа стояла перед зеркалом» невозможно.

Оппозиции, один член которых немаркирован, называют привативными, т. е. неравносторонними; оппозиции, оба члена которых маркированы, называют эквиполентными, т. е. равнозначными.

В привативных оппозициях члены противопоставлены по признаку более абстрактному, чем в оппозициях эквиполентных. В наших примерах имеем два рода противопоставлений:

---

[17] Замена в определенных констекстах маркированных членов оппозиции немаркированными, обычно характерная для нейтрализации, затрагивает и словообразовательные, и морфологические оппозиции. См., например: R. J a k o b s o n. Zur Struktur der russischen Verbums.— В кн.: «Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario». Pragae, 1932; «Travaux de l'institut de linguistique, II, 1957». Paris, 1958; M. D o k u l i l. K otázce morfologických protikladů. — SaS, 1958, № 2; B. T r n k a. Morfologické protiklady.— В кн.: «O vědeckém poznaní soudobých jazyků», Praha, 1958; H. K ř í ž k o v á. K pojeti neutralizace v morfologii.— SaS, 1965, № 1; О н а ж е. Первичные и вторичные функции и так называемая транспозиция форм. «Travaux du cercle linguistique de Prague», t. 2. Prague, 1966; Vl. B a r n e t. О морфологических противопоставлениях в структурной диахронии.— Там же.

1) лицо женского пола — лицо любого пола;

2) лицо женского пола — лицо мужского пола.

Совершенно очевидно, что в оппозициях первого рода степень абстракции выше: в них одна из языковых единиц имеет обобщенное значение, общее для обоих членов, тогда как в оппозициях второго рода каждая языковая единица имеет узкое значение, а член, который выражал бы общее значение ('лицо любого пола'), отсутствует.

9. В современном языке наблюдается тенденция к изменению характера некоторых словообразовательных оппозиций: оппозиции, оба члена которых являются маркированными, преобразуются в оппозиции, один из членов которых не маркирован. Изменения такого рода наблюдаются в коррелятивных существительных муж. и жен. р., обозначающих лиц мужского и женского пола (см. III, § 128—144). Подобные изменения свидетельствуют о тенденции к увеличению абстрактности словообразовательных аффиксов и в конечном счете внутренне связаны с ростом регулярности ряда словообразовательных типов, потому что морфемы, формирующие регулярные типы, как правило, характеризуются более абстрактными значениями, чем морфемы нерегулярные.

10. Отмеченная выше тенденция к росту регулярности, естественно, ослабляет выразительные возможности языка и рождает противодействие: рост экспрессивности словообразовательных средств языка [18]. В этом проявляется одна из основных языковых антиномий между чисто информационной и экспрессивной функциями языка (см. I, § 5). Эта антиномия ярко обнаруживается в борьбе синонимических типов. В целом ряде случаев исход такой борьбы не кончается вытеснением одного из типов или их семантической специализацией, а приводит к их сосуществованию, при котором один из конкурирующих типов является нейтрально-литературным средством выражения, а другой — его экспрессивным синонимом. Такую картину представляет словообразовательная синонимия качественных наречий, где сложная переинтеграция значений и стилистической окраски различных словообразовательных типов приводит к образованию экспрессивных параллелей почти к каждому нейтральному типу (см. III, § 168—178). Источниками таких экспрессивных инноваций и лабораториями по их выработке являются разговорная речь и просторечие, с одной стороны, и язык художественной литературы, с другой.

Стилистические изменения, происходящие в современном словообразовании, вызываются не только тенденцией к усилению экспрессивности языка, но и причинами социальными: обостренным взаимодействием книжного литературного языка с городским просторечием и разговорной речью.

---

[18] См.: Д. Н. Шмелев. О некоторых тенденциях развития современной русской лексики.— В кн.: «Развитие лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 6—8.

В результате расширения круга лиц, говорящих на литературном языке, он пополняется чуждыми ему ранее способами словообразования, в том числе просторечными и разговорными словообразовательными типами, вступающими в отношения конкурентной борьбы с синонимичными им типами литературного языка. При этом у многих словообразовательных типов происходит нивелировка стилистической окраски под влиянием их расширяющегося употребления как терминологических и общественно-нейтральных номинаций (таковы наименования профессий с суффиксом *-щик*, имена действия с суффиксом *-ка* и некот. др., см. III, §90—93, 100—102).

Другой важный процесс, связанный с обостренным взаимодействием разговорной и книжной литературной речи,— более широкая сочетаемость элементов разных стилей в пределах одного слова. Аналогичный процесс — как результат общей демократизации литературного языка — обнаруживается и в других языковых единицах (словосочетании, предложении, высказывании).

11. Изменения, происходящие в современном литературном словообразовании, не колеблют общую устойчивость литературного языка, его традиционно сложившиеся нормы. Это объясняется тем, что сами по себе изменения, происходящие в языке на протяжении полувека, не являются «революционными». Они вносят лишь некоторые изменения (так сказать, микроизменения) в действующие нормы литературного языка [19].

Словообразовательные инновации могут соотноситься с действующими литературными нормами по-разному. Наиболее типичны следующие случаи:

1) Появление инноваций, не приходящих на смену каким-либо старым языковым единицам, а заполняющих, так сказать, пустые клетки словообразовательной системы, обычно не затрагивает действующих норм. Таковы складывающиеся на наших глазах словообразовательные типы имен существительных с морфемами *-дром*, *-трон*, *-рама* и др. (см. III, § 151, 153—154), существительные на *-овец* со значением лица, производимые от аббревиатурных основ (типа *исполкомовец*, *ооновец*, см. III, § 27—28).

2) Старые, активизирующиеся словообразовательные типы и типы новые, взаимодействующие с синонимичными им словообразовательными типами и вытесняющие их, обычно воспринимаются как нарушители норм, колеблющие «устои» литературного языка.

---

[19] Под нормой понимается принятая каким-либо обществом в определенный период времени система обязательных реализаций языковых единиц. Ср. определение нормы, данное в «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо: «Совокупность особенностей, которыми определяется язык данного лингвистического коллектива, рассматриваемый или как образец, которому надо следовать, или как реальность, достаточно однородная для того, чтобы говорящие субъекты чувствовали ее единство» (Пер. с франц. М., 1960, стр. 179).

При этом, как правило, наблюдается конфликт между словообразовательными и лексическими нормами.

Приведем два примера, иллюстрирующих это явление.

а) Старый тип существительных на *-чанин*, обозначающих имена жителей, активизировался в современном языке. Слова на *-чанин* вытесняют закрепленные традициями литературного словоупотребления синонимичные им слова с другими суффиксами[20]. Ср.: *гдовлянин* и *гдовчанин*, *туляк* и *тульчанин*, *саратовец* и *саратовчанин* и мн. др. (см. III, § 82).

Возникает конфликт между активной словообразовательной тенденцией к специализации словообразовательных средств и ее лексической реализацией. Само по себе действие этой тенденции не противоречит нормам литературного словообразования. Существительные на *-чанин* однозначны, понятны и производятся без всяких морфонологических затруднений. Однако в тех случаях, когда они вытесняют старые лексемы, укрепившиеся в словарном составе литературного языка, они вступают в конфликт с лексическими нормами, нормами словоупотребления.

Таким образом, факты, отвечающие нормам словообразовательным, могут не отвечать нормам лексическим.

б) Близкое, но несколько иное положение наблюдается в случаях активного наступления новых словообразовательных типов на старые. Здесь тоже возникает конфликт между нормами словоупотребления и словообразования потому, что некоторые из инноваций оцениваются общественным языковым сознанием как непригодные, оказываются индивидуально, лексически «скомпрометированными». Так обстоит дело с новым типом качественных наречий, имеющих структуру «*по-* + основа качественного прилагательного + *-ому*». В целом, как тип, эти наречия приняты литературным языком (см. III, § 171—173), отдельные же слова в силу, по-видимому, первоначальных условий их употребления вызывают негодование и гонения как не соответствующие нормам литературного словоупотребления. Вспомните пресловутое, всеми гонимое *по-быстрому* (вместо *быстро*; ср. *Проходите по-быстрому*), в то время как его структурные братья допущены в «хорошее общество» (*по-хорошему*, *по-особенному*, *по-традиционному*, *по-казенному* и под.). Наречия этого типа начинают широко употребляться в языке художественной прозы и поэзии, в разных газетных и журнальных жанрах, в некоторых научных работах.

3) В тех случаях, когда старые словообразовательные типы получают новые возможности морфонологической реализации, т. е. производятся по моделям (о соотношении понятий тип и модель см. выше), не соответствующим традиционным нормам, они являются нарушителями норм словообразования (по сущест-

[20] Экспансия элемента *-чанин* (*-чане*) нередко вызывает справедливое негодование как лингвистов, так и представителей широкой общественности. См., например: Ф. Гладков. О культуре речи. «Новый мир», 1953, № 6, стр. 233—234.

ву они свидетельствуют о создании новых норм), но могут не восприниматься в качестве таковых, будучи приняты нормами лексическими. Явления такого рода наблюдаются в словопроизводстве прилагательных от топонимов. Отсутствие чередований заднеязычных с шипящими в словообразовании прилагательных на *-ский* не отвечает старым нормам словообразования, но не ощущается обычно как нарушение норм (ср. *таганрогский*, *владивостокский* и под., см. III, § 15—16).

Конечно, мы не исчерпали здесь всех возможных соотношений между словообразовательными инновациями и нормами литературного языка. Они сложны, многообразны и противоречивы.

Наиболее типичны случаи, когда новые развивающиеся явления словообразования, отвечающие активно действующим словообразовательным тенденциям, воспринимаются как нарушение лексических норм. Несомненно, что это явление временное. Оно отражает борьбу старого с новым. Однако исход этой борьбы не всегда легко предвидеть, так как и старое и новое имеют своих защитников. Первому покровительствует устойчивость литературного языка как основного средства, обеспечивающего преемственность истории и культуры народа, его сознательно охраняемая традиционность; развитие и укрепление нового (словообразовательных изменений) поддерживается ходом исторического развития системы языка, которое в свою очередь определяется сложной игрой влияющих на язык внутренних и внешних факторов.

Указанные обстоятельства определили характер изучаемого материала. Исследовались данные устной и письменной речи разных жанров, зачастую еще не ставшие фактами языка, так как в них и обнаруживаются наиболее отчетливо словообразовательные инновации, характеризующие потенции развития языковой системы. Очевидно, что не все исследованные новшества будут приняты системой языка, некоторые из них так и останутся на уровне речи как не реализованные возможности развития.

После этой вступительной главы следующие две посвящены структурным изменениям в словообразовании (новым тенденциям в области морфонологического строения слова) и новому словообразовательному способу, получившему гражданство в советскую эпоху, так называемой аббревиации, когда в составе сложного слова представлены укороченные основы, имеющие меньшее число фонем, чем они же имеют в обычных, не аббревиатурных словах. Рождение нового словообразовательного способа — большая редкость в истории языка; в данном же случае этот процесс был несомненно социально стимулирован. И социальные и внутриязыковые причины сделали его очень продуктивным в русском языке советской эпохи.

Главы четвертая, пятая и шестая посвящены продуктивности других, более традиционных словообразовательных средств. В четвертой главе говорится о продуктивности, так сказать, в чистом виде; в пятой — тема сужается: говорится только о продуктив-

ности, связанной со специализацией словообразовательных типов; в шестой — тема еще более сужается: в ней описана только такая специализация продуктивнх типов, которая превращает нерегулярные (словообразовательные) аффиксы в регулярные (словоизменительные) — или подводит аффиксы к порогу регулярности.

Изменение словообразовательных значений, увеличение абстрактности некоторых из них — тема седьмой главы.

В главе восьмой описываются изменения в морфемной членимости слов, характерные для русского языка последних десятилетий. В отличие от предыдущих эта глава описывает синтагматические закономерности, т. е. закономерности сочетания единиц (предшествующие описывали главным образом парадигматические закономерности, т. е. закономерности чередования единиц).

Предпоследняя (девятая) глава (как и в других разделах исследования «Русский язык и советское общество»)—стилистическая.

Десятая глава посвящена влиянию лексики на словообразование.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Изменения в морфонологической структуре производного слова. ***Ослабление чередований на морфемных швах.*** *Уменьшение продуктивности многих словообразовательных типов с обязательным чередованием. Активизация словообразовательных типов, лишенных чередований на границе морфем. Ослабление строгости реализации чередований. Активное устранение чередований в производных от географических названий: у существительных — наименований жителей и прилагательных — наименований признаков. Социальные причины этих явлений. Ослабление чередований в производных некоторых других типов.*

Рост интерфиксации. *Активизация интерфиксальных моделей по сравнению с безынтерфиксными. Вовлечение в именное словопроизводство новых групп производящих основ (аббревиатур, несклоняемых иноязычных существительных, топонимов).*

Явления, противоречащие росту интерфиксации в современном словообразовании. *Производство прилагательных от основ иноязычных существительных по безынтерфиксной модели.*

Активизация наложения (интерференции) морфем.

Рост агглютинативности в структуре производного слова и его связь с социальными и экстралингвистическими факторами.

12. Изменения в морфонологической структуре производного слова — один из самых медленных процессов в языке. «Подтачивание» действующих морфонологических норм происходит исподволь, незаметно, потому что они охраняются как бессознательными привычками говорения, так и сознательной борьбой за устойчивость литературного языка. Морфонологические изменения обнаруживаются наиболее ощутимо в словах, производных от основ особого рода, это:

1) производные от заимствований, имеющих основы с исходом на гласные;

2) производные от аббревиатур разных типов [1];

3) производные от топонимов;

4) производные от названий (в том числе несколькословных) всякого рода — учреждений, обществ, механизмов, изданий и т. п.

Слова этих типов составляют небольшую часть общего лексического состава языка. Некоторые из них малочастотны. Они находятся на периферии языковой системы. Однако особенности строения таких слов, чуждые исконным словам русского языка, со временем могут оказывать влияние и на общие закономерности строения и сочетания морфем в русском языке. Изменения, происходящие в области редких слов, можно уподобить передовой линии фронта в развитии языка [2].

Перечисленные группы слов не являются однородными в структурно-семантическом отношении. Однако их объединяет одна важная особенность: строение многих из таких слов не типично для русского литературного языка, они малознакомы говорящим, поэтому их включение в структуру производного слова особенно настоятельно требует сохранения их основы в неизменном виде. К тому же многие из подобных слов не имеют традиционно устойчивых способов использования в словообразовании.

В языке советской эпохи эти типы слов стали встречаться чаще, чем раньше, поэтому влияние их возросло. Резко увеличился состав лиц, употребляющих такие слова. Однако новые носители литературного языка очень часто усваивали литературный язык из внесемейных источников, благодаря чему в их речи отсутствовали некоторые языковые «частности» — большей частью особенности, не связанные непосредственно со смыслоразличением (например, некоторые виды морфонологических чередований).

Все эти обстоятельства определили специфический характер изучаемого материала, а также методику его собирания. Широко использовались данные текстов разных жанров, начиная с 1900-х годов до наших дней, а также записи современной устной речи [3]. Ввиду того, однако, что интересующие нас факты встречаются в речевом потоке крайне редко, принадлежат к области речевых раритетов, такой метод собирания материала не мог быть достаточно эффективным. Необходимо было прибегнуть к дополнительному

[1] Об особенностях строения аббревиатур в русском языке и соотношении их структуры со структурой «обычных» слов см.: Д. И. Алексеев. Сокращения благозвучные и неблагозвучные. «Вопросы культуры речи», вып. VI. М., 1965.

[2] См.: М. Я. Гловинская. Фонологическая подсистема редких слов (на материале заимствований) современного русского языка. Канд. дисс. (машинопись). М., 1965. Ср.: B. Trnka. General Laws of Phonemic Combinations.— В кн.: «A Prague School Reader in Linguistics», compiled by J. Vachek. Bloomington, 1964, стр. 297—298; J. Vachek. On the Integration of the Peripheral Elements into the System of Language.—В кн.: «Travaux linguistique de Prague», t. 2. Prague, 1966.

[3] В работе исследовались и факты, зачастую не ставшие еще языковой нормой, но отражающие изменения, которые затем постепенно становятся обычными в морфонологической структуре слова.

способу собирания материала: языковому эксперименту, когда говорящий поставлен в такие условия, что он вынужден произвести то или иное образование от интересующей нас основы, используя различные сосуществующие в языке модели. Материал такого рода добывался с помощью изданных большим тиражом вопросников [4], а также при помощи опроса некоторых групп населения. Полученные таким образом данные дают возможность судить о преимущественной прикрепленности разных моделей словопроизводства к речи различных групп населения (социальных, возрастных, различающихся по характеру образования). Этот материал, служащий дополнением к фактам, собранным из естественного потока устной и письменной речи, позволяет осуществить количественный анализ изучаемых явлений. При этом изучается употребление разных языковых моделей разными группами носителей языка.

Какие же изменения в структуре производного слова происходят в русском языке советской эпохи?.

1. Ослабление на морфемных швах чередований фонем, не обусловленных позиционно с точки зрения фонологической системы современного языка.

2. Рост интерфиксации.

3. Активизация наложения морфем.

Все эти изменения по-разному репрезентируют одну общую тенденцию — рост агглютинативных черт в современном словообразовании.

Ослабление чередований на морфемных швах. 13. Ослабление чередований на стыке основы и суффикса обнаруживается в ряде явлений. Уменьшается продуктивность многих словообразовательных типов, характеризуемых обязательным чередованием, и, с другой стороны, активизируются словообразовательные типы, лишенные чередований на границе морфем. Кроме того, в ряде словообразовательных типов, сохраняющих большую продуктивность, ослабляется строгость реализации самих чередований. Устранение чередований особенно активно идет в образованиях от географических названий, так как здесь сохранение производящей основы в неизменном виде особенно важно (см. подробнее III, § 15—17).

Процесс ослабления чередований, традиционно свойственных русскому словообразованию, происходит избирательно и неравномерно. Он охватывает не все виды чередований (распространяется только на чередование согласных фонем) и не все словообразовательные типы. Не включает этот процесс чередования фонем, коррелятивных по твердости / мягкости. Чередования такого рода были и остаются продуктивными в русском словоизменении и словообразовании [5] и нередко заменяют чередования иного рода.

[4] «Вопросник по современному русскому словообразованию». М., 1963.

[5] Это наблюдение подтверждается анализом морфонологических условий образования у ряда типов словопроизводства. См.: Н.А. Е с ь к о в а. О некоторых морфонологических явлениях современного русского языка.—

Такие чередования «не мешают» агглютинативности слова, так как фонемы, коррелятивные по твердости / мягкости, образуют пары; связь между ними является прозрачной и прочной не только на уровне морфологии, но и на уровне фонологии [6]. Поэтому в дальнейшем и устранение чередований, и замена чередований фонем, не коррелятивных по твердости/мягкости, чередованием фонем, коррелятивных по твердости/мягкости, рассматриваются нами как явления одного порядка.

Вот некоторые виды чередований, реализация которых в современном словообразовании не является обязательной: *губной/ /губной + л'*, *г/ж*, *к/ч*, *х/ш*, *к/ ц*, *ц/ч*, *д/ж*, *т/ч*, *с/ш*.

14. Каковы же словообразовательные типы, в которых чередования ослабевают и реализуются нерегулярно в современном языке?

1. Имена существительные с суфф. *-ец*, обозначающие жителей, производимые от географических названий с основой на заднеязычные согласные. Ср.: *таганрожцы* и *устюгцы*, *владивостокцы*.

2. Имена существительные с суфф. *-анин* (*-ане*), обозначающие жителей, производимые от географических названий с основами на заднеязычные и губные. Ср.: *Рига — рижанин* и *Пыщуг — пыщуганин*, *Киев — киевлянин* и *Ростов — ростовчанин* (см. подробнее III, § 16—18).

3. Имена прилагательные с суфф. *-ск-*, производимые от топонимов с основами на заднеязычные согласные. Ср.: *таганрожский* и *таганрогский*, *кондопожский* и *кондопогский*.

4. Имена существительные с суфф.-*'онок* (-*'ата*),обозначающие детеныша, невзрослое существо, производимые от основ на заднеязычные. Ср.: *волк — волчонок* и *макака — макакенок*, *пасюк — пасюкенок*.

5. Имена лиц с суфф. *-ист*, производимые от существительных с основами на заднеязычные. Ср.: *шпага — шпажист* (в устной речи встречается и *шпагист*) и *штанга — штангист*.

6. Отыменные глаголы на *-Ø-/-ить*. Ср.: *коса — косить — кошу* и *пылесос — пылесосить — пылесосю* (и *пылесошу*).

Названными словообразовательными типами не исчерпывается действие процесса ослабления чередований.

Образования без чередований нередко возникают в речи при производстве потенциальных слов многих других типов, т. е. слов, не закрепленных традицией словоупотребления, а являющихся чистой реализацией словообразовательной модели. Так, например, существительные с суфф. *-енция*, имеющие уменьшительно-уничижительное значение и производимые от существительных с основами на заднеязычные, по нормам литературного

В кн.: «Топономастика и транскрипция». М., 1964; Р. В. Бахтурина. Морфонологические условия образования отыменных глаголов с суффиксом *-Ø/и-(ть)*.—В кн.: «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966.

[6] Ср.: S. Karcevski. Remarkes sur la phonologie du russe. «Cahiers Ferdinand de Saussure», Génève, 1943, № 3, стр. 7—8.

языка образуются с чередованием: *бумага— бумаженция*, *старуха — старушенция*. В устной речи встречаем: *собакенция*, *чепухенция*, *штукенция* — т. е. образования, сохраняющие заднеязычные в основе. Например:

Вон какая *собакенця* смешная бежит!;— Ну, это — чепуха. *Чепухенция!;* Тут такая *мухенция* противная летает. Писать не дает.

Красочно характеризуют ослабление традиционных чередований в современном словообразовании случаи столкновения в диалоге вариативных образований, относящихся к продуктивным словообразовательным типам [7]. Вот ряд примеров из устной речи 60-х годов:

— Я комнату *пылесосю* каждый день. — Нет, я так не могу. Я *пылесошу* реже.

Диалог лингвистов:

Не нужно нам *олитературоведения* (как это сказать?). — *Олитературовеживания* скорее.

15. Рассмотрим подробнее некоторые явления, характеризующие ослабление чередований на морфемных швах.

Процесс ослабления чередований на стыке производящей основы и словообразовательного аффикса отчетливо обнаруживается при анализе специфической группы лексики: существительных — наименований жителей и прилагательных — наименований признаков, производимых от названий населенных пунктов (городов, поселков и. т. п.). Эта группа лексики представляет для нас особый интерес по ряду причин.

Для производства имен жителей в русском языке издавна применялись словообразовательные модели, различающиеся рядом признаков: наличием или отсутствием чередования и наложения морфем на морфемном шве, использованием или неиспользованием интерфиксов. Важно и то, что класс слов, поставляющий производящие основы для вышеназванных производных, интенсивно пополняется новыми словами в русском языке советской эпохи. Этот рост непосредственно обусловлен переменами, происходящими в социальной действительности[8]: строительство новых городов требует новых наименований, многие старые города получают новые названия: *Мирный*, *Советск*, *Октябрьск*, *Красноармейск*, *Дивногорск*, *Дзержинск*, *Урицк*, *Киров*, *Калинин*, *Горький*, *Ленинград*, *Целиноград*, *Волгоград*.

---

[7] Интересно обыгрывает непонимание ребенком мертвых чередований В. Каверин: Все цари были румяные, красивые, с добрыми лицами, и все ездили умирать в какую-то «Бозу»; почти под каждым портретом было написано: «Почил в *Бозе*» тогда-то («Неизвестный друг»).

[8] См.: К. С. Горбачевич. Русские географические названия. М.— Л. 1965, стр. 55. Ср. также: *Снежногорск*, *Железногорск*, *Кедроград*. За этими именами — новые километры освоенных земных недр. За ними — растущая с каждым годом «строительная площадка» нашей страны (Е. Гай, С новым городом! «Лит. газ.», 6 янв. 1966).

Бурный рост таких наименований дает возможность проявиться новым закономерностям в словообразовательной системе [9].

16. В пределах одного и того же типа словопроизводства модели с чередованием на стыке морфем вытесняются моделями без чередования. Это отчетливо видно в производных от основ на заднеязычные с суфф *-ец*, *-анин* (*-ане*), *-ск-*, включавших ранее чередования заднеязычных с шипящими и чередование *к/ц*. На место старых образований типа *Таганрог — таганрожец* (СЖ, 238), *Волга — волжский, волжанин, Рига — рижский, рижанин, Устюг — устюжане* (СЖ, 55), *Пыщуг — пыщужанин* (СЖ, 129), *Кондопога — кондопожский, Великие Луки — великолуцкий, Яик — яицкий* приходят образования типа: *Пыщуг — пыщуганин* (СЖ, 129), *Устюг — устюгцы* (СЖ, 55), *Кондопога — кондопогский, Качуг — качугский* (СЖ, 84), *Владивосток — владивостокский, владивостокцы, Камызяк — камызякский, камызякцы* (СЖ, 32), *Ессентуки — ессентукцы*, (СЖ, 262), *Мари-Турек — мари-турекский, мари-турекцы* (СЖ, 167), *Усть-Тарка — усть-таркский, устьтаркцы* (СЖ, 196), *Таганрог — таганрогский, таганрогцы* и под [10]. Ср. замену производных с чередованиями новыми производными без чередований в образованиях от этнонимов: *казашский — казахский, калмыцкий — калмыкский, каракалпацкий — каракалпакский* и под.

Отсутствие чередований наблюдаем в производных и от старых и от новых названий. Это свидетельствует об активности процесса устранения чередований. Его нельзя объяснить лишь неосвоенностью литературным словообразованием многочисленных новых топонимов. Несомненно, однако, что появление большого числа новых названий, обусловленное социально, благоприятствовало изучаемому процессу и стимулировало его.

---

[9] Для исследования в основном использовались данные «Словаря названий жителей РСФСР» (под ред. А. М. Бабкина. М., 1964), содержащего около 6000 названий жителей для 2000 населенных пунктов РСФСР. Далее при ссылках на этот источник принято сокращение СЖ; цифра указывает страницу. Показательно, что в рецензии на этот словарь, помещенной в «Литературной газете» от 5 октября 1965 г., писалось: «... Может быть, самое яркое в этом словаре — активное наступление новых наименований, рожденное нашей эпохой.

Пожалуй, особенно характерно в этом отношении все, что связано в словаре с Сибирью. Лет сто назад в подобном издании было бы, конечно, *тоболяки* (*тобольцы, тобольчане*), *иркутяне* (*иркутчане*), *красноярцы*, но еще не было бы *новосибирцев*. Пятнадцать—двадцать лет назад не было бы, к примеру, *ангарчан* (*ангарцев*), жителей Ангарска, *братчане*, видимо, были бы и двадцать и сто лет назад, потому что Братск — старинное сибирское село, но совсем иные люди виделись бы за этим словом, и меньше было бы их, и не высился бы за их плечами мощный гребень плотины, перегородившей Ангару. «Старожилы» Красноярского края — *туруханцы, минусинцы* — заметно потеснены «новичками». Об руку шествуют *игарчане* и *норильчане*, еще не решившие, судя по приводимым примерам из местной прессы, как же им лучше все-таки называться: может быть, *игарцами* и *норильцами*? Прямо со стройки, в рабочих комбинезонах и касках монтажников явились на страницы словаря *дивногорцы...*» (Л. Кин, Рассыпанная повесть).

[10] См. также: Н. А. Еськова. Указ. соч.

Процесс устранения чередований заднеязычных с шипящими не отличается регулярностью. Во многих случаях отмечается сосуществование форм типа *выборгцы — выборжцы*, *таганрожцы — таганрогцы* (СЖ, 238), *оренбуржцы — оренбургцы* (СЖ, 200), *пыщужане — пыщугане*, *кондопожский — кондопогский*. По-видимому, здесь играет роль устойчивость традиции литературного говорения: сочетания заднеязычных с суффиксом *-ец* не вполне еще привились в литературном языке. Показательно, что формы мн. ч. (с беглым *е*) типа *нью-йоркцы*, *иракцы*, *чикагцы* воспринимаются как более обычные, чем формы *нью-йоркец*, *иракец*, *чикагец*. Показательно также, что для устранения этой необычности создаются дублетные формы: с суфф. *-ец*, непосредственно присоединенным к основе, и с интерфиксом *-ов-* перед суффиксом. Ср.: *карабулакцы* и *карабулаковцы*, *черлакцы* и *черлаковцы* (СЖ, 199), *владивостокцы* и *владивостоковцы* (СЖ, 221), *безенчукцы* и *безенчуковцы* (СЖ, 144), *стерлитамакцы* и *стерлитамаковцы* (СЖ, 36).

17. В ряде случаев тенденция к устранению чередований поддерживает те из конкурирующих словообразовательных типов, которые чередований не содержат. Так, решительное устранение чередований губных с сочетанием «губной + л'» перед суфф. *-анин* (*-ане*) благоприятствует вытеснению слов с этим суффиксом словами на *-ец*: *гдовлянин — гдовец* (СЖ, 227), *кромляне — кромцы* (СЖ, 208), *шатровлянин — шатровец* (СЖ, 151). В этих и многих других случаях формы на *-анин* являются устарелыми. Однако старые высокочастотные лексемы с сочетанием «губной + л'» (типа *киевлянин*, *римлянин*) сохраняются.

18. Тенденция к устранению чередований способствовала укреплению интерфикса *-ч-*, который помогает объединению основ разного строения с суфф. *-анин* (*-ане*) [11]. Слова с интерфиксом *-ч-* и суфф. *-анин* (*-ане*) во многих случаях вытесняют безынтерфиксные наименования жителей с суфф. *-анин*, требующим чередования перед ним, и с суфф. *-ец*, который «плох» своей многозначностью: обозначает не только жителей, но и последователей какого-либо учения, членов организации и т. п. Комплекс *-чанин* универсален, он присоединяется к основам с различными исходными со-

---

[11] В языковедческой литературе последних лет много пишут об этом явлении, нередко называя элемент *-чанин* (*-чане*) новым производным суффиксом. Такую квалификацию этого элемента нельзя считать целесообразной. Комплекс *-чанин* не отличается особым значением от суфф. *-анин* и поэтому при синхронном анализе, т. е. при анализе с функциональной точки зрения, он является объединением простого суффикса и интерфикса, а не новым суффиксом (см. подробнее: Е. А. Земская. Интерфиксация в современном русском словообразовании. — В кн.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 47—50, 60—61). Но даже и при таком подходе к элементу *-чанин* нарисованная здесь картина не меняется: слова с интерфиксом *-ч-* и суфф. *-анин* (что с исторической точки зрения обозначает: слова с производным суфф. *-чанин*) вытесняют слова с суфф. *-анин*, требующим чередования на границе морфем.

гласными фонемами [12]. Так возникают слова типа *кромчанин*, *гороховчанин* (ср. *кромлянин*, *гороховлянин*, помещенные в СЖ с пометой *устар.*), *климовчане*, *кировчане*, *быковчане*, *майкопчане*, *анапчане*, *талдомчане* и под..

В производных от основ на *-к* и *-ц* форматив *-чанин* появляется и как результат чередования *к/ч*, *ц/ч* (*Вишняки — вишнячане*, *Торопец — торопчане*), и как компонент, присоединяющийся непосредственно к основе на заднеязычный. В таких случаях получаем образования типа *Певек — певекчане* (СЖ, 166), *Бузулук — бузулукчане*, *Илек — илекчане* (СЖ, 200), *Хилок — хилокчане* (СЖ, 300), *Тупик — тупикчане* (СЖ, 300), *Гремиха — гремихчане* (СЖ, 183), *Катанга — катангчане* (СЖ, 84).

Интерфикс *-ч-* помогает избавлению от чередований на морфемном шве также и в производных других типов. Например, у И. Эренбурга («Необычайные приключения Хулио Хуренито и его учеников», 1921) встречается существительное *лошадчество* (при соответствующем литературным нормам *лошажество*, ср. *медведь — медвежество*), в котором к концу основы присоединяются не фонема ⟨ж⟩ (член чередования *д/ж*, соответствующий литературным нормам), а ⟨ч⟩, перенесенная сюда, по-видимому, из другого чередования (*к/ч*), более частотного.

Образования такого рода не всегда соответствуют нормам литературного языка, но в речи они возникают не так редко [13].

19. Благоприятствует рассматриваемая тенденция также образованию прилагательных на *-(ов)ский* от основ на заднеязычные и *ц*, обозначающих лиц (ср. старые *дьячковский*, *стариковский*, *предковский*, *отцовский*, *жениховский*). Ранее такие образования были немногочисленны [14].

Создаются слова типа *мужиковский* [15], *летчиковский*, *десятниковский*, *битниковский*, вступающие в один ряд с образованиями на *-цкий*, *-еский*, *-ий* (ср.: *плотницкий*, *плотнический*, *плотничий*, *плотниковский*). Вот ряд примеров:

лыжниковское * сердце (Из устной речи, 1965); *мужиковские* сердца (Л. Леонов, Вор); *десятниковская* конторка (А. Гайдар,

---

[12] Защитники *-чанин*'а обычно обращают внимание лишь на его семантическую монолитность, забывая о его структурной универсальности. Однако последнее свойство помогает ему едва ли не более, чем первое.

[13] В романе И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка» встречаем уменьшительное *Нью-Йоркчик*: «Один *Нью-Йоркчик* нам попался даже на девятьсот жителей». Ср. в названиях детенышей: *пасюк — пасюкчик — пасюкчонок*; *вилорог—вилорогчонок*. Можно думать, что в ряде случаев такие написания являются искусственной орфографической формой, не соответствующей произношению этих слов в речи. Однако даже если это и так, такое написание свидетельствует о сознательном стремлении к устранению чередований, хотя бы при передаче слова на письме.

[14] См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., 1964, стр. 229.

[15] Впервые отмечено в БАС. Встречается у А. Лейкина, Л. Леонова, Ф. Гладкова.

Военная тайна); *моряковская* библиотека («Изв.», 7 янв. 1964); *битниковские* клубы («Мол. гвардия», 1964 № 8); *частниковская* бацилла («Лит. газ.», 20 янв. 1962) [16].

Образования на *-овский* являются единственно возможным типом прилагательных, производимых от довольно многочисленных имен лиц—сложносокращенных слов со второй частью *-орг*: *парторговский*, *профорговский*, *комсорговский*, *женорговский*, *книжорговский* и др., что несомненно связано с общей продуктивностью интерфикса *-ов-* в производных от сложносокращенных слов (см. III, § 27).

Расширяется круг прилагательных на *-овский*, производимых от основ существительных на *-ц*: *бойцовский*, *борцовский*, *купцовский* [17] (при обычном *купеческий*, ср. старое *купецкий*): ... Все эти иллюзии разлетелись в прах при первом же соприкосновении с деловой, деляческой, *купцовской* политикой капитала (В. И. Ленин, Доклад на II конгрессе Коммунистического интернационала, 1920); В мозг вбирай *купцовский* опыт (В. Маяковский, Спросили раз меня...); У поэта Вл. Кострова — неподдельный *бойцовский* талант («Лит. газ.»,4 авг. 1962); Чужиков последним из наших чемпионов оставил свой автограф на *гребцовском* весле («Комс. пр.», 23 окт. 1964).

Таким образованиям, кроме выше названной тенденции, несомненно благоприятствует общая продуктивность прилагательных с интерфиксом *-ов-* и суфф. *-ск-*, а также их стилистическая нейтральность. Ср. положение их конкурентов: 1) прилагательные на *-цкий*, хотя они по сравнению с языком XIX в. и приблизились к литературному языку, не достигли еще нейтральной литературной нормы; 2) у прилагательных на *-еский* от основ на *-ник*, *-щик* в XX в. продуктивность угасает; 3) прилагательные на *-ий* от основ существительных — имен лиц утрачивают продуктивность уже в XIX в. [18]

Производство прилагательных на *-овский* от существительных—имен лиц с основами на заднеязычные поддержано прилагательными на *-овский* от основ другой семантики — наименований разного рода: *огоньковский* («*Огонек*»), *гудковский* («Гудок»), *треугольниковский* («Треугольник»); от топонимов: *Клинцы — клинцовский*, *Вязники — вязниковский*, *Озерки — озерковский*, *Низинки — низинковский*, *Волчки — волчковский*, *Артек — артековский* и мн. др. [19]

Примечательно, что если при производстве прилагательных от существительных — имен лиц модель с чередованием *к/ц* является еще вполне живой (ср. образования нашего времени *летчик — лет-*

---

[16] В БАС дано только *частнический*. Здесь и далее знаком * снабжены слова, не отмеченные в БАС.

[17] Впервые отмечено в СУ.

[18] См.: «Очерки...», там же, стр. 326—327.

[19] От топонимов с основами на заднеязычные производятся прилагательные и по модели без интерфикса: *Глубокое — глубокский*, *Торжок — торжокский*, *Выселки — выселкский*.

чицкий, болельщик — болельщицкий), то в производных от топонимов она уже утратила активность. Ср. с приведенными выше старые соотношения: *Соловки — соловецкий* (по современным нормам должно было быть «соловковский»).

20. Ослабление чередований на морфемных швах ярко обнаруживается в словообразовательном типе имен существительных с суфф. *-онок* (*-ата*), обозначающих невзрослые существа, детенышей. Данные «Вопросника по современному словообразованию» позволяют увидеть, как протекает этот процесс в современном языке. При необходимости образовать название детеныша от названий неизвестных или малоизвестных животных отвечающий не имеет возможности использовать готовое слово. Он вынужден творить сам, используя существующие языковые модели. В таких случаях обнаруживается сильная тенденция к сохранению производящей основы в неизменном виде, вследствие чего создаются формы без чередования (с непосредственным присоединением суффикса к основе: *кабарга — кабаргенок, кабаргеныш, вилорог — вилорогенок, вилорогеныш, пасюк — пасюкенок* или формы иного типа — с различными интерфиксами, устраняющими необходимость чередования: *кабарганенок, кабаргачонок*; *пасюкчонок, пасюкчик*; *вилорогчонок*).

Интересно выяснить, существует ли зависимость между характером ответа и различными группами отвечающих, т. е. связана ли тенденция к сохранению / несохранению производящей основы без чередования с возрастом отвечающих (свойственны ли формы без чередования более молодому поколению), их образованием (свойственны ли формы без чередования филологам в меньшей степени, чем нефилологам, а среди последних — людям с высшим образованием в меньшей степени, чем людям со средним образованием) и, наконец, со «стажем» владения литературным языком и путями его усвоения (свойственны ли формы без чередования в большей мере носителям литературного языка в первом поколении, усваивающим литературный язык из внесемейных источников, чем людям, родители которых являются носителями литературного языка).

Оказывается, что наиболее отчетливо обнаруживается зависимость между тем или иным видом ответа и «стажем» и путями усвоения литературного языка. Формы без чередований более свойственны лицам, усваивающим литературный язык из внесемейных источников (мать или отец отвечающего не являются носителями литературного языка) [20].

[20] Лицами, владеющими литературным языком, нами в соответствии с общепринятым мнением признаются представители интеллигенции и служащие; лицами, не владеющими литературным языком,— крестьяне (носители диалектной речи) и рабочие старшего поколения (носители городского просторечия). Рабочие молодого поколения имеют, как правило, среднее или незаконченное среднее образование и владеют литературным языком. Для нас, однако, их речь в данном случае не представляет специального интереса, так как они по возрасту не могут быть родителями наших информантов.

Приведем цифры, полученные при анализе ответов на вопрос: «Как вы образуете названия детенышей таких редкостных животных, как *кабарга* и *пасюк*?» (табл. 1). Ответы именно на эти вопросы представляют для нас наибольший интерес, так как в производных от основ на заднеязычные реализация чередований в этом словообразовательном типе была ранее строгой.

Таблица 1

Отвечающие	Производные от слова *пасюк*			Производные от слова *кабарга*		
	Общее число ответов	С чередованием *в/ж*, %	Без чередования *в/ж*, %	Общее число ответов	С чередованием *к/ч*, %	Без чередования *к/ч*, %
Филологи	252	65,0	35	272	73,5	26,5
Нефилологи	1301	61,4	38,6	1316	70,2	29,8
Мать — крестьянка, рабочая . .	386	57,5	42,5	399	65,4	34,6
Мать — интеллигент, служащая	653	67,5	32,5	685	75,4	24,6
Отец — крестьянин, рабочий . .	481	58,6	41,4	499	65,5	34,5
Отец — интеллигент, служащий	800	68,5	31,5	841	75,0	25,0

Ответы были разбиты на две группы: 1) образования без традиционных чередований в основе, 2) образования с традиционными чередованиями в основе. При этом по признаку наличия / отсутствия чередования в основе объединялись производные разных типов. Производные от слова *кабарга* составили такие группы (цифры в скобках указывают число полученных ответов): 1) *кабаргенок* (276), *кабарганенок* (165), *кабаргачонок* (109), *кабарганчик* (40), *кабаргеныш* (2); 2) *кабаржонок* (999), *кабаржоныш* (1).

Производные от слова *пасюк* разделились на такие группы: 1) *пасюкенок* (233), *пасюненок* (52), *пасюкчонок* (186), *пасюкчик* (18), *пасюкеныш* (1); 2) *пасючонок* (1127), *пасючоныш* (0), *пасючок* (54)

Из табл. 1 следуют такие выводы:

1. У отвечающих всех групп наблюдается значительный количественный перевес форм с традиционными чередованиями в основе над формами без чередований. Это вполне естественно, так как формы с чередованиями в основе соответствуют нормам литературного языка, а последние обладают устойчивостью на протяжении длительного периода времени. Однако число ответов, содержащих формы без чередования, не столь уж мало.

2. Фактором, способствующим освобождению от некоторых традиционных норм, является путь усвоения литературного языка. Лица, усваивающие литературный язык из внесемейных источни-

ков, легче, свободнее отказываются от таких его особенностей, которые не связаны с передачей семантико-стилистической информации, а имеют чисто традиционное, условное значение [21].

3. Количественная разница в соотношении форм с чередованиями и форм без чередований у производных от слов *кабарга* и *пасюк*, а именно большее число ответов, содержащих чередования в производных от слов *пасюк*, может объясняться: а) большей частотностью чередования *к/ч* по сравнению с чередованием *г/ж* и, следовательно, большей легкостью, механичностью этого чередования; б) ударное *а* во флексии им. п. ед. ч. слова *кабарга* способствует стремлению включать в производное эту форму целиком, как производящую основу (например, *кабарганенок*, *кабаргачонок*) и, следовательно, более широкому использованию интерфиксации. Вследствие этого число ответов, не содержащих чередование *г/ж*, возрастает.

21. В отыменных глаголах с основой на *-Ø/-ить* «грамматически актуальным является лишь чередование парных твердых и мягких фонем. В отличие от него чередование губных с сочетанием согласных, зубных с шипящими устойчиво сохраняется лишь в исконных глаголах. Но даже среди них есть глаголы, в которых такое чередование не реализуется. Отмечено, что стремление к выравниванию основы характерно для глаголов с конечной зубной согласной. То же самое можно утверждать, хотя бы в пределах отыменных глаголов, относительно основ с конечной губной согласной. Особенно наглядно противодействие указанному чередованию обнаруживается в глаголах нового образования или небольшой употребительности, в которых такое чередование не могло стать лексически закрепленной нормой»[22]. Эту тенденцию отмечают и другие исследователи [23].

Для изучения этого явления [24] был произведен следующий эксперимент. От глаголов класса *-Ø/-ить* с основами на *-д-*, *-т-*, *-с-*,

---

[21] Ср. следующее замечание П. С. Кузнецова: «Изменяемость чередований, возможно, облегчается тем, что на протяжении всей истории русского языка они почти всегда играют лишь дополнительную роль при каких-нибудь других грамматических средствах» (П. С. Кузнецов. О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1952, вып. 1, стр. 75).

[22] Р. В. Бахтурина. Указ. соч., стр. 114. — См. там же описание эксперимента, давшего интересные материалы о наличии или отсутствии чередований при спряжении подобных глаголов.

[23] См., например: J. Frček. Osudy jazyka v revoluci. Přitomný vývoj spisovného jazyka. Praha, 1937; А. Ф. Дружинина. Глаголы с неполной парадигмой в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дисс. М., 1964, стр. 4, 14.

[24] Существует мнение, что явления, связанные с наличием или отсутствием чередований в спрягаемых формах глагола, не относятся к области словообразования. На наш взгляд, это неверно:

1) Объектом словообразования является слово во всей совокупности его форм, а не только так называемые исходные формы — инфинитив для глагола, именительный падеж для существительного и т. д.

	Число отвечающих	(*про*)*пылесосить*			*колобродить*		
		(*про*)*пылесосю* (в %)	(*про*)*пылесошу* (в %)	Другие ответы и нет ответа (в %)	*колобродю* (в %)	*колоброжу* (в %)	Другие ответы и нет ответа (в %)
Череповец . .	202	23,8	66,8	9,4	1,5	92,0	6,5
Саратов . . .	192	52,6	20,3	27,1	3,9	87,5	8,0
Казань	50	32,0	50,0	18,0	0	98,0	2,0
Всего . .	444	37,1	44,8	18,1	2,4	90,7	6,7

-зд-, помещенных в контекст непринужденной разговорной речи [25], предлагалось образовать формы 1-го лица ед. ч., вставив пропущенные буквы. Информантами были студенты-филологи.

Текст содержал пять глаголов. Из них четыре—отыменные новообразования, не имеющие длительной традиции употребления, а один глагол старый (*колобродить*) был взят для сравнения.

Опыт проводился в 1964/65 и 1965/66 учебных годах среди студентов Череповецкого педагогического института, Саратовского и Казанского университетов. Полученные данные содержатся в табл. 2.

Из табл. 2 следуют такие выводы:

1. Формы, не содержащие традиционных чередований, не являются единичными у глаголов-новообразований. У глагола *колобродить* формы без чередований единичны.

2. В отдельных случаях число форм без чередований намного превышает число форм с чередованиями. Так, например, обстоит дело с формами наиболее старого из наиболее новых глаголов —

---

2) Как показано в названной выше работе Р. В. Бахтуриной, продуктивность субстантивных основ с исходом на различные согласные в производстве глаголов на - *Ø/-ить* различна. Отсутствие или наличие традиционных чередований влияет на использование в качестве производящих основ с различными согласными в исходе, увеличивая продуктивность одних основ и тормозя продуктивность других. Таким образом, характер парадигмы является важным словообразовательным фактором, влияющим на продуктивность той или иной группы производящих основ.

[25] Вот этот текст: 1) — Мы решили пропылесосить всю квартиру. Но пылесос неожиданно сломался. И теперь я не знаю, *пропылесо...* ли я ее до отъезда. 2) — Всё кругом возмущается, колобродит. И мне неспокойно, тоже мечусь из стороны в сторону, *колобро...* 3) — Шорты входят в моду. Мы ошортили всех своих знакомых. Только себя я никак не *ошор...* 4) — Посмотри, как он роккен-роллит! — Это же фокстрот! — Ну, тогда и я немного *пофокстро...* 5) В одном загсе решили ввести в принудительном порядке новый обряд — звездины. Но вот беда: не хотят люди звездить детей. «Ни за что,— говорят,— не *озвез...* своего малыша».

Таблица 2

(о)шортить			(по)фокстротить			(о)звездить		
ошорчу (в %)	ошорчу (в %)	Другие ответы и нет ответа (в %)	(по)фокстротю (в %)	(по)фокстрочу (в %)	Другие ответы и нет ответа (в %)	(о)звездю (в %)	(о)звезжу (в %)	Другие ответы и нет ответа (в %)
13,2	66,0	20,8	3,5	85,1	11,4	8,4	60,6	21,0
1,9	13,6	84,5	9,1	73,0	17,9	8,9	3,0	88,1
4,0	55,0	38,0	4,0	92,0	4,0	—	—	—
9,2	41,9	48,9	3,8	80,6	15,6	—	—	—

(про)пылесосить. В ответах студентов-саратовцев форм *пропылесосю* — 52%, *пропылесошу* — 20,3%.

Можно думать, что соотношение не случайно. Рост употребительности новообразований, превращение их из фактов речи в факты языка делает более устойчивыми формы их словоизменения и при этом упрочивается в языке положение наиболее перспективных вариантов, не содержащих чередований.

22. Своеобразным свидетельством разрушения и ослабления чередований являются факты «неправильных» чередований, встречающиеся в устной и письменной речи людей, владеющих литературным языком. Говорящий чувствует, что та или иная модель «требует» чередования, но не знает, какого именно, и чередует не в соответствии с нормами литературного языка, а используя «соседние» фонемы.

В стихотворении «Разговор с горой Карадаг» Р. Рождественский пишет: «Будь здоров, Карадаг, *Карадачина*!» В слове *Карадачина г* закономерно должно было бы чередоваться с *ж*, но поэт берет компонент другого чередования (*к/ч*), так сказать, «соседа по чередованию» (ср. *урюк — урючина*). В пародии Л. Пожарицкой на это стихотворение элемент *-ачина* был воспринят как некий суффикс и приставлен к основе существительного *звезда*. «Все мы рано или поздно | — Привыкаем к чепухе! Неосознанно...| Привыкаем — вот беда! — Рифмовать неудачно. | Будь здорова, звезда, *Звездачина*...» («Лит. газ.», 21 сент. 1963).

«Неправильные» чередования встречаются и в ответах на «Вопросник». Так, детеныша *пасюка* называют *пасюжонок* (вместо *пасючонок*), детеныша *кабарги — кабарчонок* (вместо *кабаржонок*), детеныша *харзы — харзленок*, жителей *Зимовахи — зимоважцы*.

По данным эксперимента Р. В. Бахтуриной [26], «неправильные»

[26] Р. В. Бахтурина. Указ. соч., стр. 115.

чередования (например, ⟨з⟩/⟨зл'⟩, ⟨с⟩/⟨сл'⟩) встречаются и в спряжении отыменных глаголов: *каверзить — кавержу*, *каверзю*, *каверзлю*, *паровозить — паровожу*, *паровозю*, *паровозлю*, ср. также формы *ошоршу*, *освездшу* в нашем эксперименте.

23. Итак, ослабление чередований на морфемном шве идет несколькими путями, в результате чего формы с чередованием перестают быть единственно возможными в целом ряде словообразовательных типов. У них появляются конкуренты — 1) формы без чередования, 2) формы с интерфиксами, устраняющими необходимость чередования, и 3) формы с «неправильными» чередованиями.

Особенно наглядно этот процесс отображают ответы на «Вопросник». Хотя каждое из образований, содержащих производящую основу без чередования, не является особенно многочисленным и далеко отстает в количественном отношении от форм с чередованием в основе, разнообразие производных без чередований делает их явлением в достаточной степени массовым и свидетельствует об их активном наступлении на традиционные формы с чередованием.

Проанализированный материал показывает, что отсутствие чередований в словах разных словообразовательных типов поразному оценивается общественным языковым сознанием. В существительных и прилагательных, производных от топонимов, оно обычно не воспринимается как нарушение литературной нормы (конечно, если это не касается старых, очень устойчивых и общеупотребительных лексем, таких, как *волжский*, *рижский* — при невозможности «волгский», «ригский», *киевлянин*, *римлянин* — при невозможности «киевянин», «киевчанин», «римянин», «римец», «римчанин» и под. Ср. с вполне литературными *таганрогский* — при наличии и *таганрожский*, *кондопогский* при наличии и *кондопожский*). Иначе оценивается отсутствие чередований в глагольном словопроизводстве. Здесь оно нередко воспринимается как невладение литературной нормой, неумение говорить по-русски. Характерно стремление лиц, участвующих в эксперименте, избежать формы без чередования, употребив образование такого типа, в котором чередование не требуется.

По всей вероятности, это различие в общественной оценке производных различных частей речи, не содержащих традиционных чередований, объясняется двумя взаимосвязанными причинами, одна из которых имеет языковой, а другая социальный характер:

1) Глагол и в формо-, и в словообразовании более фузионен, чем имя [27]. Ср. хотя бы историческое устранение традиционных чередований из именной парадигмы (*рука — руке...*, *нога — ноге...* и под.) и сохранение их в спряжении глаголов (*бегу — бежишь...*, *ношу — носишь...* и под.).

---

[27] См.: В. В. Виноградов. Русский язык. М.— Л., 1947, стр. 440—441.

2) Именно поэтому отсутствие чередований в формах глагола воспринимается как более резкое нарушение нормы, чем отсутствие чередований в такой специфической сфере отыменного словообразования, как производные от топонимов, еще более агглютинативных, чем производные от «обычных» существительных. Контраст «имя/глагол» усиливается контрастом «производное от имени нарицательного/производное от топонима».

24. Если рассмотреть всю систему русского словообразования, то нетрудно убедиться в том, что многие очень продуктивные словообразовательные типы разных частей речи не содержат традиционных чередований [28]. Таковы, например, отглагольные существительные с суфф. *-ка* со значением отвлеченного действия, отадъективные существительные с суфф. *-ость* со значением отвлеченного признака, имена деятелей с суфф. *-тель*, *-щик*, *ник*, отсубстантивные прилагательные с суфф. *-ов* и мн. др.

С другой стороны, новые, рождающиеся на наших глазах словообразовательные типы также, как правило, не содержат чередований. Таковы имена существительные с иноязычными морфемами *-дром*, *-трон*, *-навт*, *-план*, *-лог*, *-рама* и др. (см. о них подробнее III, § 151—154, 199), продуктивные типы глаголов на *-ировать*, *-изировать*, *-фицировать* и соотносительные с ними имена существительные.

Показательны изменения, происходящие в освоении русским словопроизводством среднеазиатских заимствований. В этой группе лексики также наблюдается замена производных с чередованиями на границе морфем производными без чередований (ср. старое *урючный* и новое *урюковый*) [29].

Процесс ослабления чередований идет бок о бок с развитием интерфиксации, так как во многих словообразовательных типах безынтерфиксная модель словопроизводства, связанная с наличием чередований на морфемном шве, сменяется интерфиксальной, не имеющей чередования (см. подробнее III, § 18 — 20.) Таким образом, чередование фонем и интерфиксация являются эквивалентными морфонологическими средствами, находящимися в отношении дополнительной дистрибуции.

---

[28] Ср. следующее замечание Н.С. Трубецкого по поводу русской системы склонения и спряжения, высказанное в начале 30-х годов XX в., которое вполне можно применить и к явлениям словообразования: «... нет сомнения, что чередования особенно сильны в мертвых, непродуктивных типах формообразования» (N. S. Trubetzkoy. Das morphonologische System der russischen Sprache.— TCLP, V, 2. Prague, 1934, стр. 90). Ср.: также «... агглютинируемые аффиксы могут легко участвовать в новообразованиях и обладают, следовательно, продуктивностью и регулярностью» (А. А. Реформатский. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова.— В кн.: «Морфологическая типология и проблема классификации языков». М.— Л., 1965, стр. 70).

[29] См.: Э. Н. Кушлина. Русское словопроизводство от среднеазиатских лексических заимствований.— В кн.: «Вопросы русского и общего языкознания».— «Уч. зап. Душанбинского гос. пед. ин-та им. Т. Г. Шевченко», т. 33, серия филол., вып. 18, 1965.

Рост интерфиксации. 25. Интерфиксы — строевые элементы языка, служащие для соединения морфем в составе слова [30]. Интерфиксы не являются морфемами, поскольку они лишены самостоятельного значения в составе слова, а морфемы, как известно, это наименьшие значимые единицы, на которые делятся слова.

Интерфиксы могут состоять из одной или нескольких фонем. Например, *-⟨j⟩-*: *кофе-й-ник*, *шоссе-й-ный*; *-ш-*: *кино-ш-ник*, *домино-ш-ный*; *-ч-*: *татар-ч-онок*; *-о-*: *пар-о-воз*, *сам-о-строй*; *-ов-*: *исполком-ов-ский*, *жакт-ов-ец*; *-ин-*: *ялт-ин-ский*, *ялт-ин-ец*.

Чаще всего интерфиксы используются для соединения морфем основы и суффикса или морфем основ, объединяемых в сложном слове.

Интерфиксация является средством морфонологическим, а не словообразовательным. Поэтому она не сопоставима с суффиксацией и префиксацией (как способами словообразования), а противополагается таким морфонологическим средствам, как чередование фонем на границах морфем и ударение [31]. В частности, с чередованием фонем интерфиксация находится в отношении дополнительной дистрибуции (см. III, § 24). Именно поэтому рост интерфиксации знаменует ослабление традиционных чередований.

Интерфиксы отличаются от суффиксов функционально. Они не привносят в слово никакого дополнительного значения, а служат лишь для соединения морфем в составе слова.

Ср. слова одних и тех же словообразовательных типов в правом и левом столбцах:

дорога	— *дорож-н-ый*	*шоссе*	— *шоссе-й-н-ый*
экскаватор	— *экскаватор-щик*	*реле*	— *реле-й-щик*
Ленинград	— *ленинград-ск-ий*	*Ялта*	— *ялт-ин-ск-ий*
	ленинград-ец		— *ялт-ин-ец*
		Чита	— *чит-ин-ск-ий*
			— *чит-ин-ец*
комсомол	— *комсомоль-ск-ий*	*райком*	— *райком-ов-ск-ий*
	комсомол-ец		*райком-ов-ец*
сахар	— *сахар-ниц-а*	*фрукты*	— *фрукт-ов-ниц-а*
олень	— *олен-енок*	*каракал*	— *каракаль-ч-онок*
цыган	— *цыган-енок*	*татарин*	— *татар-ч-онок*
школа	— *школь-ник*	*кино*	— *кино-ш-ник*

Очевидно, что элементы *-⟨j⟩-*, *-ин-*, *-ов-*, *-ч-* не привносят в производное слово никакого нового значения или оттенка значения по сравнению со словообразовательным значением суффикса. Поэтому с точки зрения функциональной при синхронном анализе языка целесообразно различать суффиксы и интерфиксы по их роли в составе слова и, следовательно, в словообразовании.

Неразграничение при синхронном анализе суффиксов и интерфиксов привело бы к искусственному выделению таких суффиксов, как *-шн-* (*киношный*), *-нит* (названия минералов *бештау-нит*, *куба-нит*), *-йщик* (*реле-йщик*), *-йник* (*кофе-йник*), *-йн-ый* (*шоссе-йн-ый*, *реле-йн-ый*, *желе-йн-ый*), *-чонок* (*китай-чонок*), *-чак* (*весель-чак*) и др. [32]

---

[30] Явление интерфиксации впервые описано в кн.: N. S. Trubetzkoy. Указ. соч.

[31] Соотношение ударения и интерфиксации рассмотрено в работе В. А. Редькина «Построение раздела «Морфонология» («Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М., 1966).

[32] Очевидно, что в тех случаях, когда производный суффикс отличается по значению от простого, он является самостоятельным новым суффиксом и нет никаких оснований расчленять его на простой суффикс и интерфикс. См. подробнее: Е. А. Земская. Интерфиксация в современном русском словообразовании, стр. 47—50.

Изучение всей системы современного словообразования показывает, что роль элементов-⟨*j*⟩-,-*ов*-,-*ин*-,-*ч*- и ряда других в разных словообразовательных типах одна и та же. Это роль соединительная, связочная. Особенно наглядно это видно на примере самого продуктивного в современном языке интерфикса -*ов*-,который действует в очень многих словообразовательных типах. Например: -*ов*-*ец* (*оон-ов-ец*, *жакт-ов-ец*, *горкоммунхоз-ов-ец*), -*ов-ск-ий* (*оон-ов-ск-ий*, *жакт-ов-ск-ий*, *горкоммунхоз-ов-ск-ий*), -*ов-ств-о* (*шут-ов-ств-о*), -*ов-ниц-а* (*фрукт-ов-ниц-а*), -*ов-ник* (*клоп-ов-ник*), -*ов-щик* (*гроб-ов-щик*), -*ов-к-а* (*жангабек-ов-к-а*) и др.

26. Тенденции развития современного словообразования обнаруживают большую и все возрастающую роль интерфиксации.

В русском литературном словообразовании XX в. рост интерфиксации нагляднее всего можно продемонстрировать фактами именного словообразования, в котором на протяжении последнего полувека наблюдаются явления двух родов.

1. В пределах одного и того же словообразовательного типа резко возрастает активность интерфиксальной модели по сравнению с моделью безынтерфиксной. Это касается прежде всего словопроизводства отсубстантивных имен лиц с суфф. -*ец* и отсубстантивных прилагательных с суфф. -*ск*-. И в тех и в других типах словопроизводство идет преимущественно с помощью интерфикса -*ов*-.

2. В именное словопроизводство вовлекаются новые группы производящих основ (аббревиатуры различного строения, несклоняемые иноязычные существительные, топонимы, существительные прилагательного склонения), соединение которых со словообразовательными аффиксами осуществляется лишь при помощи интерфиксов: -*ов*-, -⟨*j*⟩-, -*ин*- — в нейтральной и книжной речи, -*ш*- — в просторечии и разговорной речи.

27. Назовем для примера несколько словообразовательных типов, сформировавшихся или активизировавшихся в русском языке советской эпохи и характеризуемых наличием интерфикса, соединяющего основу и суффикс.

В современном языке создался и очень активизировался новый тип слов — а б б р е в и а т у р ы и с л о ж н о с о к р а щ е н н ы е с л о в а [33]. Производство имен лиц и прилагательных от сложносокращенных слов и аббревиатур разного типа протекает очень интенсивно в современном словообразовании. Наиболее продуктивны здесь суфф. -*ец* и -*ск*-, присоединяемые к основам на твердую согласную фонему с помощью интерфикса -*ов*-.

Активнее всего образования этого типа создаются от существительных неодушевленных с основами на твердые согласные, обозначающих разного рода учреждения, организации, общественные предприятия и т. п.: *ТАСС — тассовец*, *тассовский*, *ЖЭК — жэковец*, *жэковский*. *ООН — ооновец*, *ооновский*, *ВИР — вировец*, *вировский*, *МХАТ — мхатовец*, *мхатовский*, *леспромхоз — леспромхозовец*, *леспромхозовский*, *Ленфильм — ленфильмовец*, *ленфильмовский* и др.

[33] См.: Д. И. А л е к с е е в. Аббревиатуры как новый тип слов.— В кн.: «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966.

Основы на мягкую согласную фонему не представляют затруднения для словопроизводства, однако они немногочисленны, поэтому немногочисленны и производные от них.

От основ на *-о* производные образуются столь же легко, как от основ на согласные, что облегчается явлением наложения (объединением конца основы и интерфикса *-ов-*): *сельпо — сельповец — сельповский*, *райзо — райзовец — райзовский*, *гороно — гороновский*, *АМО — амовец — амовский*, *НАТО — натовский* и под. Вот несколько примеров употребления рассматриваемых производных:

Где этот Бухвостов? — *В петеэровской* землянке сидит (В. Некрасов, В окопах Сталинграда); На опытной станции в Краснодаре работали два бывших *ВИРовских* аспиранта (Из газет, 1964); *Досаафовское* оружие бьет без промаха (Из газет, 1963); Короче, устроились мы втроем очень замечательно, прямо получился *итеэровский* костер (В. Аксенов, Апельсины из Марокко); Но Денисов поднял на ноги *райисполкомовское* начальство и прокуратуру (Н. Мельников, Строится мост).

Класс производящих основ — аббревиатур и сложносокращенных слов — настолько един, целостен, что в тех случаях, когда от существительного, совпадающего со второй частью основы, имеется прилагательное иного типа, от сложносокращенного слова имеем образование на *-овский*. Ср.: *детсад — детсадовский* и *сад — садовый*, *роддом — роддомовский* и *дом — домовый*, *госфонд — госфондовский* и *фонд — фондовый*, *мосгорсправка — мосгорсправковский* и *справка — справочный*.

От аббревиатур и сложносокращенных слов, обозначающих имена лиц, тоже свободно производятся прилагательные на *-овский*: *рабселькоровский*, *эсеровский*, *военведовский*, *парторговский*, *юннатовский*. Например:

А как у вас с пищей, с *наркомовским* пайком? (К. Симонов, Солдатами не рождаются); Когда всякие вольности допускались, даже поощрялись,— осуждал. Своею, *завгаровской* властью добавлял и взыскивал (Н. Почивалин, Летят наши годы); Сел за свой *управдомовский* стол (А. Чаковский, Свет далекой звезды); Редакционная коллегия стенгазеты вырастила многочисленный *сельскоровский* актив (Из газет, 1963); Но мне повезло — встретился на пути серый *парторговский* «Москвич» (Из газет, 1963).

Имена лиц на *-овец* и прилагательные на *-овский*, производимые от аббревиатур и сложносокращенных слов, узаконены нормой современного литературного языка.

28. Однако торжество интерфиксальных моделей в производных от аббревиатур и сложносокращенных слов утвердилось не сразу. В первые десятилетия после Октябрьской революции производные от названных основ создавались менее активно, и при этом использовались и интерфиксальные и безынтерфиксные модели. Вот несколько примеров интерфиксальных образований из периодической печати 20-х годов: *шкрабовские* обязанности,

комбедовские перегибы, *укомовское* постановление, *моссельпроловские* рекламы, *губнаробразовский* склад, *эсеровская* затея, *мефовский* характер, *вхутемасовский* реализм, *нотовская* [НОТ — научная организация труда] мастерская, *РКСМовское* движение, *КИМовский* значок; ропшинские *учхозовцы*, музыкальные *трамовцы* [ТРАМ — театр рабочей молодежи], *наркомпросовец*, *нотовец*, *рабфаковец*, *втузовец*, *вузовец*.

В тот же период отмечаются и безынтерфиксные производные: *культпросветский* штаб, центральная *домпросветская* площадка, *коммунхозская* овца, *КИМские* значки, *исполкомский* двор, *эрэсфэсэровская* конституция, *шкидский* обиход; *военкомская* канцелярия, *завкомская* организация, *агитпропская* работа, *рабкорское* движение, *юнкорское* движение. Например:

... *Нарсвязцы* в один из праздничных дней отправились на экскурсию («Смехач», 1924, № 11); Надо бы нашему управлению, а заодно и *фабкомцам*,позаботиться о переводе столовой в более подходящее помещение («Гигиена и здоровье рабочей семьи», 1924, № 14); прибывшие из Москвы *наркомфинцы* («Комс. пр. », 31 июля 1925); славные *комсофлотцы* («Комс.пр.», 26 мая 1925); Усмотрели, должно быть, *губсовнархозцы* в кудряшинском уставе какой-нибудь партийный уклон («Комс. пр.», 26 июня 1925); *Осназцев* [Осназ — лагерь особого назначения] посетили их шефы—рабочие («Комс. пр.», 2 авг. 1925).

Ср. также такие широкоизвестные слова, образованные в то время, как *комсомолец* (не «комсомоловец»), *комсомолка* (не «комсомоловка»), *комсомольский* (не «комсомоловский») [34], *шкидец*, *шкидский*, *шкрабский* и под.

Показательный материал дает сравнение двух редакций романа Ф. Гладкова «Цемент». В тексте, опубликованном в журнале «Красная новь» за 1925 г., находим: *нарпитский*, *завкомский*, *совпрофский*; в 1-м томе собрания сочинений (М.,1950) этим прилагательным соответствуют образования с интерфиксом *-ов-*.

---

[34] От слова *комсомол* употреблялись и другие производные: прилагательные *комсомольный* (пример см. ниже) и имя лица *комсомолист*: *Комсомолист* Митяй мастак насчет газет (А. Безыменский, Лысов Петр); К открытию силами самих *комсомолистов* была проделана колоссальная работа («Спорт. журнал», Ростов н/Д, 1923, № 4); С трудом разыскал я возле здания заводоуправления домик, где, как сказал мне встречный рабочий (выделено нами.— *Авт.*), «орудуют *комсомолисты*» (В. Беляев, Старая крепость). Ср. с иной оценкой «употребителей» слова *комсомолист*: Семинаристы сделали университет, воспитывают молодежь. Они нашего комсомольца называют *комсомолистом* (М. Шагинян, Гидроцентраль).

В качестве имени лица в просторечии употреблялось и бессуффиксное образование. Например: Только Марфе было не смешно.— Чертовы *комсомолы*. Объегорили старуху («Комс. пр.», 30 июля 1925). Ср. употребление других бессуффиксных сложносокращенных существительных со значением лица, преимущественно в формах мн. ч.— *политпросветы*, *агитпропы*, функционировавших в 20—30-х годах наряду с суффиксальными образованиями (*политпросветчик*, *агитпропщик*).

Другой факт. В качестве производных от широкоупотребительных сложносокращенных слов *колхоз* и *совхоз* утвердились безынтерфиксные образования на *-ный*, *-ник*: *колхозный*, *колхозник*; *совхозный*, *совхозник*. В 20-е годы функционировали и другие образования от этих основ: *колхозец*, *колхозовец* ('член колхоза'), *совхозец*, *совхозовец* ('член совхоза'), *колхозский*, *колхозовский*, *совхозский*, *совхозовский*. Вот несколько примеров:

Лобастый рассказывал мне о *колхозцах*-чинушах, как... пахали они с пенсне на носу («Резец», 1928, № 34); *Колхозца* | серого | и сирого | не надо | идеализировать (В. Маяковский, Работникам ... прозы, едущим в колхозы); ...Прочесть, | что написал пока он, | так все *колхозцы* | пьют какао (Там же); По широкой сельской улице навстречу *совхозовцам* идет под знаменем деревня (Из газет, 1931, ЛК) [35]. Когда тулуп нашелся, оказалось, что у него нет рукава и крысы выгрызли в нем большие дыры. Мы подивились на тулуп.— Так ведь он *колхозовский*! — успокоил нас конюх («Изв.», 2 марта 1933); На восстановление капитала *совхозского* нужно всего-навсего 5—7 тысяч рублей («Комс. пр.», 5 сент. 1925); На *совхозских* машинах очищено было почти полтора миллиона пудов крестьянского зерна («Комс. пр.», 26 июля 1925); нормы рабочего *совхозского* законодательства («Комс. пр.», 14 июля 1925); число *совхозских* ячеек («Изв.», 1 мая 1929); танцы в *совхозском* клубе («Изв.», 14 июня 1929); *совхозские* рабочие («Изв.», 21 июня 1929); залихватские песни *совхозовских* парней и девчат («Комс. пр.», 14 июля 1925); Вот он, пшеничный тихий Каспий, | На сотни тысяч *совхозовских* га (М. Зенкевич, Машинная страда).

Однако, как мы видим, такие образования не закрепились в языке. Это свидетельствует о том, что господствующие в наше время модели на *-овский*, *-овец* в 20—30-е годы еще не занимали такого положения. Несомненно, что если бы образования от основ *колхоз-*, *совхоз-* производились в наши дни, мы бы имели «*колхозовский*», «*колхозовец*», «*совхозовский*», «*совхозовец*», аналогичные современным *совнархозовский*, *совнархозовец*.

Производство же безынтерфиксных образований на *-ный* и *-ник* от сложносокращенных слов рассматриваемой семантики большей частью не утвердилось в языке, хотя в 20—30-е годы отмечаются нередкие образования этого типа:

Наркоматная история (заглавие, «Смехач», 1924, № 19); О *наркомздравных* няньках (заглавие, «Смехач», 1924, № 15); Наша здравъячейка и *санпросветную* работу не забыла («За новый быт», 1925, № 7); *Фабзавучный* вопрос (заглавие, «Комс. пр.», 26 мая 1925); ... *Фабзавучникам* должна даваться сдельная работа в исключительных случаях («Комс. пр.», 14 июля 1925).

Ср. в рифмах к прилагательным на *-ный*: Зряще такую потеху, | За плетнем помирали со смеху, | Своей работой довольные |

---

[35] Сокращением ЛК отмечены примеры, взятые из картотеки Словарного сектора Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР.

Дьяволята... *комсомольные* (Д. Бедный, Дьяволята); Во дни периода полуголодного | Не было ничего более важного и модного | Ведомства *Наркомпродного* («Смехач», 1924, № 2).

От сложносокращенных слов производились имена лиц и с помощью суфф. *-щик*, также не закрепившиеся в языке: их вытеснили образования на *-овец*, взявшие монополию на этот тип основ (см. подробнее III, § 87—88).

Преступно терять Баку из-за идиотизма или упрямства *компродчиков* (В. И. Ленин, Поручение секретарю, 2 июня 1920); профессиональный кругозор *агитпропщика*, *орготдельщика* или работника среди женщин («Комс. пр.», 24 мая 1925); *Губкомщик* сюда приехал («Комс. пр.», 2 июля 1925); Ждали-ждали *волокомщика*—напрасно (В. Удалец, Клеймо, 1925, ЛК); В нашем Выборгском райкоме заседание *политпросветчиков* («Комс. пр.», 26 июня 1925); Ответственная работа *комсодчиков* по мобилизации денежных ресурсов требует лучших качественных пополнений в ячейки комсода (комиссия содействия) («Кр. треугольник», 29 мая 1932).

Ср.: Ксения Гавриловна вместе с активными колхозниками-*комсодовцами*... отвоевала одну девочку Гущину для школы («Горьковская коммуна», 11 сент. 1935).

29. Аббревиатуры иного строения, т. е. оканчивающиеся не на согласную фонему и не на *-о*, по-видимому, позднее вовлекаются в словообразование в качестве производящих основ. От аббревиатур на *-и* образуются производные с интерфиксом *-⟨j⟩-* и суфф. *-ец*, *-ск-*: *ИФЛИ* — *ифли-й-ский*, *ифлиец*, *ИМЛИ* — *имли-й-ский*, *имлиец* и т. п.

Исследованные материалы свидетельствуют о появлении образований от таких основ не ранее второй трети XX в. По всей вероятности, они создаются первоначально в устной речи, поэтому особенно трудно установить более или менее точно время их возникновения. Такие образования немногочисленны и так же, как образования на *-овец*, *-овский*, приняты современной литературной нормой.

30. В современном просторечии и разговорной речи от аббревиатур на гласные создаются производные иного типа — с интерфиксом *-ш-* и суфф. *-ный*, *-ник* (*эмгеу* — *эмгеушный*, *эмгеушник*, *ГАИ* [Государственная автоинспекция] — *гаишник*). Вот несколько примеров:

Воронов тренировал ребят на маленьком «*гетеошном*» трамплине («Сов. спорт», 6 февр. 1964);... Из всех наших *фезеошников* я был самый приблатненный (В. Аксенов, Апельсины из Марокко); Я крутил баранку в пыли и грохоте, в черепашьем движении Рязанского шоссе; унижался перед «*гаишниками*» (В. Аксенов, Пора, мой друг, пора); Ребята переговаривались: — Кто такая? С ремеслухи? — Ну.— *Фэзэушница*, что ль? — Ну да (В. Чивилихин, Про Клаву Иванову); Это же *эмведэшная* команда. У нее дисциплина (Г. Горышин, Снег в сентябре).

Интерфикс *-ш-* очень активен в живом современном словообразовании. В устной речи с его помощью создаются прилагательные с суфф. *-н* и имена лиц с суфф. *-ник* и *-ка* (многие из которых имеют окказиональный характер) почти от любого элемента речи (наречий, целых выражений, субстантивированных слов), которые иным способом не могут использоваться в качестве производящих в русском словообразовании. Ср. употребление таких производных в устной речи 60-х годов:

— Это сахар *ссобошный*, на работу с с о б о й б е р у [36]; — Какой огонь *еле-слешный*, сейчас потухнет; А *нюшкам* дороже платят, чем одетым (разговор о натурщицах; ср. фр. nu,-e ('голый, голая'); В этом дворе все *ашки* [из класса «А»] гуляют; — Да, Наташа — *бешка*.Она в «бе» учится.

Ср. другие производные с тем же значением: Вокруг робота ходили «*ашники*» и «*бешники*» всех классов («Комс. пр.», 27 мая 1964).

31. Борьба интерфиксальных и безынтерфиксных моделей происходила и при образовании имен лиц с суфф. *-ец* и прилагательных с суфф. *-ск-* от основ «о б ы ч н ы х» с у щ е с т в и т е л ь н ы х (не сложносокращенных и не аббревиатурных), являющихся названиями обществ, учреждений и т. п., а также от названий, возникающих в результате субстантивации слов других частей речи. Ср. в 20—30-е годы сосуществование образований с интерфиксом *-ов-* и без него: *сменовеховец*, *скорпионовец*, *искровец*, *накануновец*, *постепеновец*, *независимовец* и *бубновалетец*, *нашеделец* («Наше дело»), *краснооктябрец* («Красный Октябрь»), *скороходец* («Скороход»), *краснофлотец*; *искровский* («Искра»), *бедноговский* («Беднота»), *смехачевский* («Смехач»), *сменовеховский* («Смена вех»), *новобытовский* («За новый быт»), *нашенивовский* («Наша нива)», *антантовский* и *нашенивский*, *бубновалетский*, *антантский*, *форвертский* (газ. «Форвертс»).

В современном языке имена лиц и прилагательные от любых названий учреждений, обществ и т. п. образуются, как правило, с помощью интерфикса *-ов-* и суфф. *-ец* и *-ск-*:

Свыше трех тысяч *подшипниковцев* уже удостоены почетного звания ударников коммунистического труда («Веч. Москва», 14 июня 1965); Из поездки в Чехословакию возвратилась группа специалистов-*электросиловцев* («Пр.», 29 янв. 1965); Желаем вам, дорогие *огоньковцы*, больших творческих успехов в вашей дальнейшей работе («Лит. газ.», 11 мая 1963); *пентагоновские* стратеги («Комс. пр.», 1 марта 1964); *куклукскла*новские молодчики («Веч. Москва», 16 июня 1964); Раз! — врезалась бита белая, | Как *авроровский* фугас, | так что вдребезги империи, | церкви, будущие берии — | раз! (А. Вознесенский, Лонжюмо, 1962—1963).

[36] Ср. передачу устной речи в языке художественной литературы:— И, кроме того, как вы беретесь о человеке судить, если *всебяшное* его настроение вам вообще неизвестно... — Какое? — *Всебяшное*. Когда именно думаю, в себя ухожу (В. Померанцев, Дом сюжетов, 1965).

Ср. в устной речи, с усечением производящей основы: Это типа *литнаследовского* книга (от *литнаследство*).

Лишь в единичных случаях, обычно в образованиях от основ на *-и-*, *-и⟨j⟩-*, используется — с наложением на стыке морфем — интерфикс *-ин-*: «*Известия*» — *известинский*, *известинцы*.

Безынтерфиксная модель словопроизводства от неаббревиатурных названий в современном языке малопродуктивна. Вот некоторые наиболее распространенные безынтерфиксные образования: *локомотивцы* (спортивное общество «Локомотив»), *арсенальцы* (спортивное общество «Арсенал»), *североникельцы* (комбинат «Североникель»), *трехгорцы* (фабрика «Трехгорка»), *автозаводцы*, *тракторозаводцы*.

32. Активизируется в современной речи также производство образований разного рода от заимствованных несклоняемых существительных с основами на гласные. Если в языке XIX в. слова типа *пальто* давали производные очень ограниченно, обычно с усечением конечной гласной основы (ср. в так называемых формах субъективной оценки — *пальтецо*, *пальтушка* и т. п.), то в современной речи мы встречаем и образования иного рода, с неусеченной основой: *пальтовые* [37] ткани, *какаовый* напиток, *триковые* изделия, *купейный* вагон, *желейный* мармелад, *безейные* пирожные и под.

Слова такого рода в языке советской эпохи создаются по преимуществу в двух контрастных сферах речи — профессионально-терминологической и непринужденно-разговорной: в этих сферах более сильно, чем в скованной традицией книжной литературной речи, действует тенденция к регулярности словопроизводства. В терминологии действие этой тенденции объясняется острой общественной потребностью в создании разветвленной сети номинаций. С этим обстоятельством связано сознательное стремление к построению системы соотносимых названий [38] (ср. бельевые, костюмные, платьевые и *пальтовые* ткани; *манговые*, *какаовые* и банановые деревья; басовые, контральтовые и *сопрановые* партии; плацкартные, *купейные* и мягкие вагоны и т. п.). В разговорной речи этой тенденции благоприятствует свобода от действия узуса, препятствующего употреблению образований, произведенных по продуктивным моделям, но не освященных традицией словоупотребления и отличающихся от укрепившихся в языке слов.

Необычность структуры заимствованных существительных с основами на гласные устраняется разными путями: 1) усечением конечной гласной основы (*пальто — пальтецо*, *либретто — либреттный*, *кенгуру — кенгуренок*); 2) прибавлением интерфикса (*интервью — интервьюшик*, *Гоа — гоанский*, *куду — кудуненок*, *метро — метрошный*, *реле — релейный*), 3) прибавлением суффикса

[37] Прилагательное *пальтовый* впервые отмечено в СО (1952).

[38] См.: Д. Н. Шмелев. О некоторых тенденциях развития современной русской лексики — В кн.: «Развитие лексики современного русского языка». М., 1965.

или интерфикса, сопровождаемого наложением морфем (*пальто — пальтовый, сопрано — сопрановый, метро — метровый, метровский*). Многие из подобных производных не имеют длительной традиции употребления и часто бывают вариативны (ср.: *каноэ — каноист, каноэист, каноэтист; дзюдо — дзюдоист, дзюдист; метро — метровский, метрошный; эскимо* (сорт мороженого) — *эскимовый, эскимошный; куду — куденок, кудуненок, кудучонок; такси — таксийный, таксовый*).

Однако вовлечение основ несклоняемых существительных в словопроизводство происходит преимущественно с помощью интерфиксов. При наличии вариантных образований безынтерфиксные производные с усечением основы нередко воспринимаются как не отвечающие нормам литературного языка (ср. литературные образования *жалюзийный, таксийный, купейный* и просторечные *жалюзный, таксовый, куповый*) [39].

33. В современном языке функционируют модели с разными интерфиксами от основ несклоняемых существительных.

1) Ближе всего к традиционному нормированному литературному языку находятся производные с самым продуктивным интерфиксом *-ов-* и суфф. *-ск-* и *-ец*, типа *деповский* [40], *торпедовский, деповец* [41], *торпедовец*.

Вот примеры употребления некоторых более редких производных этого типа из устной речи

Где *машбюровский* ключ?; Он *профбюровский* работник; Фишки *доминовские* стучат.

2) Продуктивны в современном литературном языке также производные от основ несклоняемых существительных с интерфиксом *-⟨j⟩-* (типа *релейный, релейщик*).

Вот несколько примеров из газет 50—60-х годов: *жалюзийные* золоуловители; *жалюзийные* решетки; *релейные* устройства; пирожные — песочно-фруктовые, *безейные*, с зефиром; заказы на билеты... в плацкартных, *купейных* и мягких вагонах; *релейщики* работают четко.

3) Производные с интерфиксом *-ш-* находятся за пределами строго нормированного языка. Они употребительны в просторечии и устной разговорной речи: *киношка, киношный, киношник; метрошка, метрошный* (билет); *доминошный, доминошник*.

Слова типа *кино-ш-ник, домино-ш-ник* и под. произведены от именных основ с помощью суфф. *-ник* и интерфикса *-ш-*; ср. производные от аббревиатур: *эмгеу-ш-ник, гаи-ш-ник, энкаведе-ш-ник*. Тот же интерфикс находим и в производных прилагательных с суфф. *-н-*: *кино-ш-ный, домино-ш-ный, экскимо-ш-ный, эмгеу-ш-ный,*

[39] Показательно, что в образованиях от аббревиатур усечение производящей основы вообще невозможно, а интерфиксация, сопровождаемая наложением морфем,— явление нередкое.

[40] Впервые отмечено в БАС. По нашим материалам, встречается с 20-х годов XX в.

[41] Впервые отмечено в СУ. Встречается ранее, например, у А. Серафимовича: Петя... видит другое лицо этого *деповца* (Город в степи).

гетео-ш-ный и под., а также в уменьшительно-уничижительных образованиях: *кино-ш-ка*, *домино-ш-ка*, *кафе-ш-ка*, *эскимо-ш-ка* и под. Это свидетельствует о продуктивности интерфикса *-ш-* в современном живом словообразовании просторечия, о том, что он широко используется для включения основ на гласные неизменяемых существительных в разные типы словообразования [42].

Такие слова проникают в язык газет из устной речи и художественной литературы. Их экспрессивность ярко обнаруживается в характере их употребления. Вот, например, ряд производных от слова *кино*:

Кино и «*киношка*» (заглавие, «Сов. культура», 2 июля 1964); Здесь любят не «*киношку*», а большое кино («Комс. пр.», 2 июня 1965); Киноискусство давно перестало быть «*киношкой*» («Изв», 9 окт. 1963); Она всегда знала, что там, на экране, — игра, что та, *киношная* жизнь — сама по себе, а ее, Люсина, — сама по себе (Н. Евдокимов, Ни кола ни двора, 1965); Когда мы ищем путей повышения идейно-художественного качества наших фильмов, повышения их действенности, неизменно сталкиваемся с таким аспектом этой проблемы, как культура творческой работы, выдавливание из нашего обихода «*киношничества*». «*Киношники*» — это не только жаргонная кличка кинематографистов, не знаю, кем и когда пущенная в оборот. Это и своеобразная «философия» творчества, это раньше всего ловко упрятанная халтура, верхоглядство, делячество, дилетантизм, пренебрежение к жизненным наблюдениям, к «мучительности» процесса творчества («Сов. культ.» 18 июня 1964) [43]. Ср. также:

Пойдем в *кафешку* стеклянную обедать! (Из устной речи, 1966) [44].

---

[42] Представляется неубедительным мнение Л. И. Ройзензона о том, что «слово *киношник*, по всей вероятности, образовано от слова *киношка* так же, как слово *мальчишник* от *мальчишка*» (см.: Л. И. Ройзензон. Заметки по русской лексикографии. — В кн.: «Этимологические исследования по русскому языку», вып. 5. М., 1966, стр. 117). Структурно-семантические отношения между этими парами слов совершенно различны: 1) имя лица (*мальчишка*) → имя собирательное (*мальчишник*, ср. *девица* → *девичник*); 2) уменьшительно-уничижительное существительное (*киношка*) → имя лица (*киношник*). Невозможность производства слова *киношник* от *киношка* доказывается еще и тем, что в русском языке нет живых словообразовательных типов, в которых имя лица производилось бы от уменьшительных образований.

[43] См. также примеры в названной выше работе Л. И. Ройзензона.

[44] Производные этого рода изредка отмечаются и в языке дореволюционного времени: — Как-нибудь устрою вам *интервьюшку* (А. Куприн, Штабс-капитан Рыбников); Неутомимые интервьюеры, или *интервьюшники*, отыскали в Москве родную дочь П. С. Мочалова («Театр и искусство», 1898, № 12); ... коли около рулетки меня нет и не поехал в Ниццу, — в *кафешку* — «Café de Paris» — загляните ... (П. Боборыкин, На ущербе); И этот ... новый нареченный Coco казался ей таким «*комишкой*» [от *комми* 'коммивояжер'] (П. Боборыкин, Из новых); ... разводя свои «*рококошные*» узоры, декораторы думали о Китае (И. Грабарь, История русского искусства).

Ср. образование с интерфиксом, обозначаемым на письме буквой *ч*. В соединении с последующим суффиксальным *-н-* это *ч* могло передавать *-шн-*: Замечательный оратор тоже счел нужным «*какадучничать*» с той же трибуны по экономическим вопросам («Новое время», 1906, № 110).

34. В современном языке расширяются возможности образования относительных прилагательных от основ субстантивированных прилагательных. Это явление объясняется потребностями общественной номинации и распространяется преимущественно в словопроизводстве от топонимов. Многочисленные новые географические названия, являющиеся субстантивированными прилагательными, требуют создания производных прилагательных с относительными значениями и существительных — наименований жителей. Первые образуются с помощью суфф. *-ск-*, давнего средства формирования прилагательных от географических названий, вторые — с помощью суфф. *-ец*. В обоих случаях суффикс присоединяется к основе с помощью интерфикса *-⟨ин⟩-*, который изображается на письме поразному: *-ен-* и *-ин-* [45].

Создаются ряды соотносительных однокоренных образований:

Мирный — мирнинский, мирнинец
Ягодное — ягоднинский, ягоднинец
Полярный — полярнинский, полярнинец
Свободный — свободнинский, свободнинец
Изобильное — изобильнинский, изобильнинец
Касторное — касторнинский, касторнинец
Ремонтный — ремонтнинский, ремонтнинец
Белый — белинский, белинец и т. п.

Например:

Трудно давался хлеб *ремонтнинским* механизаторам! («Лит. газ.», 21 авг. 1962); И как было не радоваться *ремонтнинцам* (Там же).

В редких случаях соотносительное имя жителя образуется с помощью иного суффикса: *Рудный — рудненский, рудчане*. В таких случаях нарушается ясность структурных отношений между однокоренными основами относительного прилагательного и наименования жителя, что нехарактерно для тенденций живого современного словообразования.

Реже от названий населенных пунктов этого типа образуются прилагательные и имена жителей с интерфиксом *-ов* : *Высокое — высоковский, высоковцы* (СЖ, 90), *Бологое — бологовский, бологовцы* (СЖ, 90), *Небылое—небыловский, небыловцы* (СЖ, 47), *Доброе—добровский, добровцы* (СЖ, 163), *Веселое — веселовский, веселовцы* (СЖ, 235), *Рыбное — рыбновский, рыбновцы* (СЖ, 242), *Богатое — богатовский, богатовцы* (СЖ, 144), *Промышленное — промышленновский, промышленновцы* (СЖ, 109), *Заозерный — заозерновцы* (СЖ, 138), *Лебяжье — лебяжьевский, лебяжьевцы* (СЖ, 149).

Существование двух моделей производства названий жителей и прилагательных от топонимов, имеющих «прилагательные» основы,—с интерфиксами *-ин-* и *-ов-* —затрудняет речевую прак-

[45] Это различие в написании является чисто условным, никак не связанным с фонемным составом изображаемого интерфикса. В ударном положении встречается только *-ин-*, следовательно, фонемный состав интерфикса *-⟨ин⟩-*.

тику, часто создает неудобства при необходимости образования однотипных официальных номинаций и при необходимости восстановить топоним по производному слову. Встречая производные типа *богатовский*, *богатовец*, мы не знаем, соотносятся ли они с названием *Богатое* или *Богатово*. Почему от названия *Ягодное* — производные *ягоднинский*, *ягоднинцы*, а от *Рыбное* — *рыбновский*, *рыбновцы*? Несомненно, что традиции литературного словопроизводства поддерживают формы с *-ин-* (ср. старые соотношения: *Верный* (современное Алма-Ата) — *вернинский*, *вернинцы*), формы же с *-ов-* появляются в результате общей большой продуктивности этого интерфикса. Ср. колебания в современной устной речи: — Там теперь *Петушкинский* или *Петушковский*, как лучше сказать, район?; — Вам билеты на *воркутовский* поезд? — Да, мне на *воркутинский* [46].

От основ субстантивированных прилагательных иной семантики прилагательные в современном языке почти не образуются [47]. «Прилагательный» характер основы по-прежнему вызывает затруднения. Таким образом, в самом факте широкого образования прилагательных от географических названий, имеющих структуру прилагательного, ярко сказалось воздействие на язык социальных факторов. Общественная потребность в создании номинаций для многочисленных новых учреждений того или иного города, поселка, любого населенного пункта столь велика, что она победила противодействие структуры производящей основы. Как, например, назвать школу, больницу, клуб и т. п. поселка *Ягодное*? Существует модель для производства таких наименований: «прилагательное + + определяемое существительное, называющее учреждение». Она требует создания прилагательного от адъективной основы, и такое прилагательное образуется.

Другая возможность «оприлагачивания» основ рассматриваемого типа — употребление их в функции согласованных определений — используется иногда в речи. Однако этот способ расценивается как «нестрогий», не вполне соответствующий нормам литературного языка [48], поэтому для создания официальных общественных номи-

---

[46] Думается, что при рекомендациях нормализаторского характера надо учитывать эти обстоятельства и оценивать производные на *-инский* от «прилагательных» основ как более соответствующие нормам литературного словообразования.

[47] Встречаются лишь единичные образования типа *столовский* (от *столовая*), *вожатский* (от *вожатый*), ср. старое *портновский* (от *портной*). Например:

... Из *столовской* кухни уже тянет щами, жареным мясом, луком («Лит. газ.», 15 ноября 1962); Они кое-как перебиваются на жиденькой *вожатской* зарплате... Они отдали свою жизнь мальчишкам («Комс. пр.», 30 авг. 1963); На эту тему у меня был разговор... в *вожатском* кафе городского «Дома харцерства» («Комс. пр.», 23 февр. 1966).

[48] Вот ряд примеров: Детская, садовая, *прихожая* и кухонная мебель (объявление из «Изв.», 1 мая 1929); все *шампанские* запасы были уже выпиты (В. Маяковский, Мое открытие Америки); Как отчетливо звучит здесь высокая блоковская традиция... и какое это все-таки свое, *вознесенское* («Лит.

наций он не используется (ср. номинации *Отрадненская больница*, *Ягодненский сельсовет* и под. и отсутствие номинаций типа «*Отрадная больница*», «*Ягодный сельсовет*».

35. На протяжении изучаемого полувека истории русского литературного языка завершается борьба между образованиями на *-(ен)ский/-(ен)ческий*, *-(ен)ство/-(ен)чество*, начавшаяся еще во второй половине XIX в. [49] Во второй трети XX в. интерфиксальные образования на *-енческий* окончательно вытесняют своих конкурентов и становятся единственно возможными производными от основ на *-ение*. Возможности их образования расширяются. Они производятся преимущественно в тех же двух контрастных сферах речи — профессионально-терминологической и разговорной, о которых выше упоминалось как о наиболее чутких к различным словообразовательным новшествам, как о своеобразных лабораториях по созданию инноваций. Образования на *-енский*, *-енство* уходят из употребления в первой трети XX в. Вот несколько примеров их функционирования в 10—30-е годы:

товарищи по *правленской* работе (Е. Вахтангов, Записки, письма, статьи, 1918); в глазах *домпросвещенского* конструктивизма («Вестн. иск.», 1922, № 5); все прочие вопросы —административный, налоговый, *просвещенский* и т. д. («Жизнь национальностей», 1923, кн. III—IV); приводит... к тому глупому *приключенскому* хламу, которым засорен наш рынок («Комс. пр.», 11 авг., 1925); Каково *непротивленство*! («Нов. мир», 1926, № 5); вред *упрощенства* («Изв.», 11 янв. 1929); два телефона: один *учрежденский*, другой — городской («Женск. журн.», 1929, № 8); *учрежденская* машинистка («Изв.», 30 июля 1929).

Однако в 20—30-е годы употреблялись и прилагательные на *-енский*: Поставлено это пароцийное представление как повод для о б о з р е н и я. Моменты *обозренческого* порядка вырастают на общем фоне острой пародии и только оттеняют основной иронический замысел постановщика («Печать и революция», 1926, № 3); Вот наконец подошли мы к последнему слагаемому нашей «*водопониженческой* аппаратуры — насосу («Как мы строили метро»,

---

газ.», 12 ноября 1963); Стрелки секундомера продолжали двигаться своими *насекомыми* скачками (С. Лем, Непобедимый,пер. Д. Брускина, 1964); *Столовая* комиссия (объявление, Москва, 1963). В шутливой устной речи: У Вас есть *Молошная* и *Волоцкая* грамматика? [т. е. грамматика Молошной и Волоцкой] (1965).

В единичных случаях от фамилий на *-ский* образуются прилагательные такого же типа, как от фамилий, не имеющих формы прилагательного, т. е. с интерфиксом *-ов-* и суффиксом *-ск-*. При этом может происходить изменение производящей основы: *Вознесенский — вознесенковский*, *Рождественский — рождественовский* и *рождественковский*. Например: ... Возникают опасения, как бы этот обещающий молодой поэт не поддался «*вознесенковской*» эквилибристике словом («Лит. газ.», 2 апр. 1963).

[49] См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., 1964, стр. 379—382.

1935); Приглядываюсь. Здесь — человеческое ядро огромного газетного, рекламного, *объявленческого* и издательского предприятия (Е. Лундберг, Записки писателя, 1930). И даже: Требуются опытные *распространенческие* работники (объявление из «Изв.», 7 апр. 1930).

По направлению к современности употребительность безынтерфиксных производных все уменьшается. В 60-е годы такие образования отмечаются лишь в речи представителей старшего поколения или с установкой на шутку:

— Это здание *учрежденское*, сразу видно; Надоели мне эти *отделенские* устремления. Надо объединяться, а не отделяться!

Ср. в стихотворении Б. Пастернака «Бобыль» (1941) в рифме: А повадится в сад | И на пункт *ополченский*, | Так глядит на закат | В направленьи к С м о л е н с к у (выделено нами. — *Авт.*).

В современном языке преимущественная область образования прилагательных на *-енческий* — терминологическое и профессиональное словообразование (ср.: *сужденческий*, *предложенческий*, *поведенческий*, *стихосложенческий* и др. под.). Там производство таких прилагательных диктуется требованиями системности терминологии: иметь наименования признаков, соотносительные с терминами на *-ние*. Примеры:

Нейрофизиология целостных *поведенческих* реакций (Из выступления акад. Черниговского на Общем собрании АН СССР, 4 февр. 1964); Изложенная теория преодолевает односторонние «*поведенческие*» теории происхождения языка (О. С. Ахманова, Проспект работы «Основные проблемы общего языкознания», 1959); Говоря научным языком, существуют два вида приспособляемости — морфологическая... и чисто «*поведенческая*», которая характерна для человека («Техн. — мол.», 1965, № 2); Если мы не будем учитывать социальных и *поколенческих* факторов, получатся неверные выводы (Из устного научного доклада, 1965); Между романами «Города и годы» и «Костер» лежит длинный путь, отмеченный и ростом *мировоззренческой* зоркости, и художественными находками и открытиями («Лит. газ.», 28 мая 1963); в противовес подобным «*разоруженческим*» мероприятиям («Лит. газ.,» 8 июня 1957);... В спектакль... врываются элементы *представленческого*, иллюстративного искусства («Веч. Москва», 19 июня 1954); Эти предложения лишены стандартной *предложенческой* формы; *предложенческий* уровень синтаксиса (Из устной речи лингвистов, 1964—1965); Если кому из наших *отделенческих* руководителей нужно поехать на центральную усадьбу, меня или помощника из милости берут («Молодой целинник», 18 окт. 1963); Липецкий опыт — это колоссальный труд учителей, но это и колоссальный труд *просвещенческого* руководства («Лит. газ.», 17 марта 1964); Скоро будет какая-то *просвещенческая* дата (Из устной речи, 1965). Ср. название работы: Г. Н. Поваров. Событийный и *сужденческий* аспекты логики в связи с логическими задачами техники (в кн. «Применение логики в науке и технике», 1960).

Прилагательные на *-енский, -енческий* не вполне еще утверждены нормами литературного языка. Показательно, что нередко на письме такие прилагательные заключаются в кавычки (см. примеры выше), а в устной речи выделяются интонационно [50]. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что нередко образования такого рода высмеиваются сатириками.

В фельетоне И. Ильфа и Е. Петрова «Когда уходят капитаны»: Кто отобразит сахароварение в художественной литературе? — задумчиво говорит сахарный командующий. Пора, пора включить писателей в *сахароваренческие* проблемы. В «Записных книжках» И. Ильфа: «*Изобретенческие* вопросы». Ср. диалог из комедии Д. Аля и Л. Ракова «Опаснее врага»: — Как думаешь, у него виды настоящие или просто так, *наслажденческие* настроения? — Факт — *наслажденческие*!

Ср. обыгрывание выражения *населенческие группы* в рассказе И. Грековой «Первый налет» (1965). Первый раз это выражение дано как элемент профессиональной речи военного: «Его принял немолодой невыспавшийся майор...— Мы хотим попросить Вас возглавить *населенческие группы* противовоздушной обороны». Далее, уже в кавычках, в составе несобственно прямой речи профессора математики, в которой дается и «штатская расшифровка» этого профессионального выражения: «А пока надо спуститься в подвал, посмотреть, как там чувствуют себя «*населенческие группы*». Б е д н ы е ж е н щ и н ы. О д н и с р е б я т а м и. Может быть, надо помочь. Возглавить» (выделено нами. — *Авт.*).

Само производство прилагательных на *-енческий*, по-видимому, не вызывает затруднений, о чем свидетельствует их постоянное возникновение в живой устной нетерминологической речи. Вот несколько примеров из устной речи 60-х годов:

— Сейчас не поощряется *восхваленческое* искусство; — Этот Сектор *утвержденческий*? (о заседании сектора); — Там были такие *исступленческие* крики.

Ср. в центральных газетах 60-х годов: — Как совместить все это? Это даже мне самому непонятно. Я не оправдываюсь... Я скатился в пропасть и стал негодяем в силу разных причин... Причины эти *перерожденческого* порядка («Изв.», 8 мая 1963); отправился к мастеру на все руки — *домоуправленческому* слесарю дяде Мите («Изв.», 4 марта 1966); ...В кафе пришли бойцы и командиры московских *ополченческих* дивизий военной поры («Веч. Москва», 10 мая 1964); Он в пух и прах разносит пацифистскую *непротивленческую* идею («Лит. газ», 10 июня 1965).

Прилагательные на *-енческий* образуются и от существительных со значением процесса и от существительных с конкретными зна-

[50] Ср., впрочем, такие, вполне приобретшие права гражданства образования, как: *управленческий, учрежденческий, иждивенческий, примиренческий, приспособленческий, приключенческий, снабженческий* и мн. др., употребление которых нет необходимости иллюстрировать примерами.

чениями (ср.: *восхваленческий*, *разоруженческий*, *поведенческий* и *предложенческий*, *учрежденческий*, *домоуправленческий*, *отделенческий*) [51].

36. Свидетельством общего роста интерфиксальных образований по сравнению с безынтерфиксными может служить также вытеснение ряда распространенных производных от топонимов, не содержащих интерфиксов, однокоренными интерфиксальными образованиями. Уходят из употребления такие бытовавшие в первые десятилетия XX в. слова, как *мароккский* (ср. *марокканский*), *явский* (ср. *яванский*), *соррентский* (ср. *соррентийский*), *самофракский* (ср. *самофракийский*), в составе сложного слова: *америко-европейский* (ср. *американо-европейский*), в производных от названий национальностей: *негрский* (ср. *негритянский*).

То же явление наблюдается в современной речи. Так, из двух конкурирующих прилагательных *филевский* и *фильский* (от *Фили*) второе воспринимается как неправильное, редкое [52]. Старое безынтерфиксное производное от названия острова *Кижи* — *кижский* (*кижский* погост, *Кижский* музей-заповедник, *кижский* архитектурный ансамбль) в современной устной речи нередко заменяется производным с интерфиксом *-ов-* (Это ваш *кижевский* знакомый?; Он специально приехал писать *кижевские* закаты).

Наконец, для общего роста интерфиксации показательно то, что интерфиксальные модели широко используются в тех случаях, когда морфологическая структура слова не требует этого — по закону аналогии. Об этом свидетельствуют и данные Вопросника по словообразованию. Так, например, название детеныша *каракала* в 624 случаях образуют по интерфиксальной модели (*каракальчонок*) и в 1451 случае по безынтерфиксной (*каракаленок*), т. е. число образований с интерфиксами составляет 42% образований без интерфиксов, хотя применение интерфикса в этом случае морфонологически не обусловлено.

Явления, противоречащие росту интерфиксации в современном словообразовании. 37. Нельзя думать, однако, что рост интерфиксации в словообразовании приводит к тому, что безынтерфиксные модели словопроизводства в современном языке перестают действовать. Аналогический характер явления интерфиксации обусловливает особый вид взаимодействия интерфиксальных и безынтер-

---

[51] Вряд ли можно согласиться с В. П. Даниленко, что именно процессуальность значения существительных на *-ение* препятствует их функционированию в качестве производящих основ (см.: В. П. Даниленко. Имена существительные (нарицательные) как производящие основы современного словообразования.— В кн.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 68—69). Ведь многочисленные отглагольные существительные на *-ка* и *-Ø*, обозначающие процесс действия, легко образуют имена прилагательные.

[52] См., например, фельетон «Адресная головоломка» («Веч. Москва», 17 янв. 1962).

фиксных моделей словопроизводства, наличие отношений свободного варьирования между ними.

Специфическим фактором, препятствующим распространению интерфиксации, является наличие широкоупотребительных лексем, образованных ранее по безынтерфиксным моделям и служащих образцом для производства новых слов. Именно поэтому нередко в кругу основ, семантически и структурно однородных, действуют различные модели словопроизводства.

Так, от несклоняемых названий городов с основами на гласные, прилагательные образуются по трем продуктивным моделям:

1) прибавлением суфф. *-ск-* к неусеченной основе: *Тарту — тартуский*, *Бордо — бордоский*;

2) прибавлением суфф. *-ск-* к основе, не включающей последнюю гласную фонему: *Сухуми — сухумский*, *Тбилиси — тбилисский*;

3) прибавлением к неусеченной основе интерфикса и суффикса: *Сомали — сомалийский*, *Мали — малийский*, *Гоа — гоанский*.

Очевидно, что третья группа образований наиболее соответствует законам действующего в современном языке словообразования. Это подтверждается речевой практикой наших современников. Как правило, образования от незнакомых говорящему топонимов (а в таких случаях действие словообразовательной модели очищено от традиционной лексической обусловленности) производятся по интерфиксальным моделям.

Таким образом, рост интерфиксации в современном словообразовании не является универсальным процессом, охватывающим все типы словопроизводства.

38. Остановимся подробнее на одном случае, когда интерфиксальные модели словопроизводства уступают безынтерфиксным. В кругу прилагательных, производимых от иноязычных основ, наблюдается интересное явление, сущность которого заключается в устранении из структуры производного слова асемантических прокладок — интерфиксов (по происхождению являющихся иноязычными суффиксами или конечными частями иноязычной основы), заключенных между основой и русским словообразовательным суффиксом. Этот процесс, обусловленный социально (см. ниже), несомненно способствует большей семантической расчлененности слова: закреплению за каждым элементом сло́ва определенного значения.

Если для русского языка XVIII—XIX вв. было характерно производство новых прилагательных от основ заимствованных прилагательных, в результате чего в русском языке создавались элементы, представляющие собой сплав русского и иноязычного суфф. *-альн-*, *-ональн-*, *-уальн-*, *-абельн-*, *-озн-*, *-арн-*, *-ивн-*, *-(и)онн-* [53], то в современном языке производство многих прилагательных идет как бы вновь: от основ существительных

[53] См.: «Очерки...», там же, стр. 364 и след.

н ы х с помощью простых русских суффиксов. При этом оказывается несущественным, что многие из прилагательных с простыми суффиксами в русской речи известны давно, в ряде случаев ранее, чем прилагательные с производными суффиксами [54]. В нормированном литературном языке середины — конца XIX в. они были вытеснены своими конкурентами, ближе стоящими к иноязычному образцу. В современном же языке действует сильная тенденция производить прилагательные непосредственно от основ заимствованных существительных.

Рассматриваемая «антиинтерфиксная» тенденция обнаруживается не во всех сферах литературного языка.

Основная сфера действия изучаемой тенденции — терминологическая лексика. Здесь действие рассматриваемой тенденции объясняется требованием системности, создания отчетливой, ничем не затемненной соотносительности между термином производным и производящим, а в ряде случаев — стремлением отграничить термин от существующего в литературном языке старого слова с интерфиксом.

Для терминологии характерен процесс сознательной замены прилагательных с интерфиксами, входящих в состав терминов, прилагательными без интерфиксов. Такие рекомендации производит Комитет технической терминологии АН СССР.

Вот несколько примеров рекомендуемых замен из различных терминологий:

Азимутные звезды. Нерекомендуемый термин: *Азимутальные* звезды (Терминология службы времени, 1940); *Октоидное* зацепление. Нерекомендуемый термин: *Октоидальное* зацепление (Терминология зубчатых механизмов, 1951); *Секторная* скорость. Нерекомендуемый термин: *Секториальная* скорость (Терминология общей механики, 1952).

В физике термины *векториальный анализ*, *векториальная величина* и др. со словом *векториальный* заменены терминами *векторный анализ*, *векторная величина* и др. со словом *векторный* [55].

Нередко вновь создаваемый термин производится с помощью простого суффикса, тогда как однокоренное общелитературное прилагательное включает интерфикс: ср. *комфортный* и *комфортабельный*, *моментный* и *моментальный*, *суммовой* и *суммарный*. Примеры употребления этих слов:

Для обеспечения *комфортных* условий в скафандре («Авиация и косм.», 1964, № 1); Глубже залегающие магистрали, например,

---

[54] Так, *планетный* впервые отмечено в словаре: Э. В е й с м а н. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при имп. АН печатию издан. СПб., 1731; *планетарный* — см.: «Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля», т. 3. Изд. 3. СПб.— М., 1903.

[55] См., например: О. Д. Х в о л ь с о н. Курс физики, т. 5. Изд. 2. Берлин, 1923; Н. В. К о ч и н. Векторное исчисление и начала тензорного исчисления. Изд. 5. М.— Л., 1937.

кольцевая, наиболее благоприятны для поддержания *комфортного* [56] микроклимата («Мед. газ.», 5 мая 1964); Массовая *моментная* неуравновешенность винта (Терминология воздушных винтов и вертолетов, 1954); Цилиндр *моментный* (Трубопроводы. Общие элементы трубопроводов. Система конструкторской документации, 1964); *Суммовая* [57] книга лавки (Из газет, 1932, ЛК); План выполнен не только в *суммовом* выражении («Ленингр. пр.», 1 янв. 1932); Мы принимаем заказ в *суммовом* выражении («Сов. культ.», 19 янв. 1956).

Ср. в составе сложного слова: *верхнесуммовое* подмножество данного аффикса (Н. Д. Андреев, Алгоритмы статистико-комбинаторного моделирования морфологии, синтаксиса, 1963).

Ср. высказывание известного советского химика А. П. Терентьева, который, вспоминая о методах химии XIX в., пишет: С тех пор утекло немало воды и элементарный (или, как теперь принято говорить [выделено нами — *Авт.*], «*элементный*») анализ органических соединений превратился в область науки, где, казалось бы, ничего нового не придумаешь («Барьер перед открытием», 1965).

В спортивной терминологии: *зонная* защита, *зонный* прессинг, *зонное* блокирование, *зонный* заслон (ср. *зональный*); *танцевые* упражнения (ср. *танцевальный*); *цикловые* [58] тренировки (ср. *циклический*); *центровая* тройка, *центровой* игрок (ср. *центральный*). Ср. употребление прилагательного *центровой* в технической терминологии: *Центровая* точка колеса. Точка пересечения плоскости симметрии шины (установленной на колесе) с геометрической осью колеса (Автомобильная терминология, 1939) [59].

Нередки случаи, когда в терминологии сосуществуют оба тождественные по значению образования, но одно (в данных примерах — первое) выступает как более употребительное: *металлоидный* и *металлоидальный*, *циклоидный* и *циклоидальный*, *коррозийный* и *коррозионный*, *тембровый* и *тембральный*.

Показательно, что даже в лингвистике, где знание других языков является необходимым профессиональным навыком, отчетливо видна тенденция, особенно у представителей молодого и среднего поколения, употреблять термины, не осложненные иноязычными элементами, а содержащие первообразные русские суффиксы. Ср. *структурный* и *структуральный*, *диалектный* и *диалектальный*, *текстовый* и *текстуальный*, *контекстный*, *контекстовый* и *контекстуальный*, *сегментный* и *сегментарный*, *синхронный* и *синхронический*, *диахронный* и *диахронический*, *панхронный* и *пан-*

[56] Любопытно, что в БАС слово *комфортный* дается только с пометой *устар.*

[57] Это слово впервые отмечено в СУ.

[58] Впервые помещено в СУ.

[59] В прилагательных, произведенных префиксально-суффиксальным способом от предложного сочетания со словом *центр*, также используется русский суффикс, не осложненный иноязычным элементом: при *внецентренном* сжатии («Веч. Москва», 2 июня 1965).

хронический, *ямбовый* и *ямбический*, *фонемный* и *фонематический*, *морфемный* и *морфематический*, *лексемный* и *лексематический*, *эмблемный* и *эмблематический*.

Не во всех случаях однокоренные терминологические прилагательные тождественны по значению и могут вытеснять друг друга. В ряде случаев различие в их структуре используется для выражения семантических различий между терминами: *коллоидный* и *коллоидальный*, *атомный* и *атомарный*, *дисперсный* и *дисперсионный*, *витаминный*, *витаминовый* и *витаминозный* (содержащий витамины), *циклонный* и *циклонический* ('подобный циклону'), *стилевой* и *стилистический*, *фонемный* состав языка и *фонематический* подход к языку, *субъектно-предикатные* отношения и *предикативные* функции глагола.

Различие в моделях образования может использоваться для отграничения слова терминологического от общелитературного. Ср., например: *абсолютный* и *абсолютивный* (лингв.), *субъектный* (лингв.) и *субъективный*, *объектный* (лингв.) и *объективный*, *импульсный* (спец.) и *импульсивный*, *океанский* и *океанический* (спец.) *ромбовый* и *ромбический* (спец.). Однако приведенные факты не свидетельствуют о превращении сочетаний «суффикс + интерфикс» в производный суффикс, так как за такими сочетаниями не закреплено единое новое значение, повторяющееся в ряде слов. Мы встречаемся здесь с противодействием лексического материала продуктивным словообразовательным тенденциям (антиномия нормы и употребления, см. I, § 5).

39. Другая сфера распространения изучаемой тенденции — живая разговорная речь. Здесь действие этой тенденции объясняется экстралингвистическим фактором — расширением состава носителей литературного языка и общей демократизацией языка.

Новые носители литературного языка создают прилагательные от основ заимствованных существительных с помощью продуктивных русских суффиксов *-н-*, *-ов-*, реже *-ск-*, не опираясь при этом на традицию словоупотребления и опыт иноязычного словопроизводства. Так производятся прилагательные *орбитный* (ср. *орбитальный*), *процессный* (ср. *процессуальный*), *секторный* и *секторский* (ср. *секторальный*), *планетный* (ср. *планетарный*), *экваторный* (ср. *экваториальный*), *спектровый* (ср. *спектральный*), *цикловой* (ср. *циклический*), *диетный* (ср. *диетический*), *скарлатинный* (ср. *скарлатинозный*), *комфортный* (ср. *комфортабельный*) и др.

Несомненно, что действие указанной тенденции охватывает не только устную речь молодого поколения или людей, усвоивших литературный язык из внесемейных источников. Зарождающиеся в их речи явления (инновации)[60], распространяясь в литературном

---

[60] Ср. разграничение явлений инновации и принятия инноваций в работе: Э. К о с е р и у. Синхрония, диахрония и история. — В кн.: «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 191—197.

языке, усваиваются речью людей разного возраста и образования.

Вот несколько примеров из устной речи 60-х годов XX в. [61]

Давайте проведем *секторное* заседание; Он такую *комфортную* жизнь себе устроил!; Хоть в *каникульное* время отоспаться!; Ты все в *планетном* масштабе советуешь; Всюду пишут: На мировой орбите. На театральной орбите. На спортивной орбите. Надоели эти *орбитные* заголовки; Эта пища более *диетная*, потому я и ем.

40. Рассмотрим данные Вопросника по словообразованию. Они с несомненностью свидетельствуют о том, что прилагательные, производные от основ существительных, содержащие чисто русские суффиксы, характерны для речи людей разных поколений, но особенно показательны для молодежи (см. табл. 3).

Рост образований с чисто русскими суффиксами наблюдается в производных от всех основ, включенных в таблицу.

Образованию прилагательных непосредственно от иноязычных основ способствует еще одно обстоятельство: когда прилагательное с интерфиксом приобрело качественное значение или специализированное относительное значение и не способно выражать р а з н ы е в и д ы о т н о ш е н и я [62], для выражения чисто относительного значения образуется прилагательное без интерфикса. Ср.: *фундаментный* и *фундаментальный* ('основательный'); *документный*, *документовый* и *документальный*; *баритонный*, *баритоновый* и *баритональный* ('близкий к баритону'); *фигурный* (*фигурные* коньки, *фигурный* шоколад) и *фигуральный* ('иносказательный'); *форменный* ('относящийся к форме') и *формальный*; *результатный* и *результативный* ('дающий хороший результат'); *эффектный* и *эффективный*, *элементный* и *элементарный*.

В тех случаях, когда рассматриваемые прилагательные функционируют с относительными значениями как равнозначные, если необходимо выразить качественное значение, обычно используется слово с интерфиксом. Ср.: *планетная* и *планетарная* система но с качественным значением только *планетарный*.

Таким образом, изучаемая тенденция — производить прилагательные непосредственно от основ заимствованных существительных — не всегда приводит к вытеснению прилагательных иной модели. В целом ряде случаев однокоренные образования сосуществуют, разграничиваясь семантически или сферами употребления (терминологическая речь — общелитературная речь).

Тенденция к единообразию и агглютинативности в словопроизводстве встречает противотечение, поддерживаемое капризами

---

[61] Речь москвичей разного возраста с высшим и средним образованием; записывалась в 1962—1966 гг.

[62] См. подробнее: Е. А. З е м с к а я. О некоторых факторах развития словообразовательной системы современного русского языка.— В кн.: «Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова». М., 1965.

Таблица 3

	Возрастная группа															
	1880—1899				1900—1919				1920—1939				1940 и позднее			
	Общее число ответов	Суфф. без интерф., %	Суфф. без интерф. и суфф. с интерф., %	Суфф. с интерф., %	Общее число ответов	Суфф. без интерф., %	Суфф. без интерф. и суфф. с интерф., %	Суфф. с интерф., %	Общее число ответов	Суфф. без интерф., %	Суфф. без интерф. и суфф. с интерф., %	Суфф. с интерф., %	Общее число ответов	Суфф. без интерф., %	Суфф. без интерф. и суфф. с интерф., %	Суфф. с интерф., %
1. *импульс* . .	162	40,6	28,6	30,8	335	50,4	25,1	24,5	1149	54,5	29,4	16,1	1156	64,0	19,7	16,3
2. *процесс* . .	160	6,3	11,2	82,5	317	4,7	16,1	79,2	918	17,8	12,2	70,0	899	44,0	9,2	46,8
3. *орбита* . .	153	15,7	17,6	66,7	325	12,0	17,8	70,2	1086	45,0	14,4	40,6	2595	29,9	15,6	54,5
4. *планета* . .	163	47,8	30,6	21,6	332	42,8	32,5	24,7	1039	44,4	35,4	20,2	1131	59,0	21,2	19,8
5. *вектор* . .	134	59,8	17,2	23,0	308	65,8	19,3	14,9	1046	81,3	13,8	4,9	1168	88,0	7,0	5,0
6. *структура*	164	97,5	2,5	—	348	94,5	3,5	2,0	1111	92,0	7,4	0,6	1213	94,4	3,7	1,9
7 *экватор* . .	169	11,2	22,4	66,4	345	14,1	23,4	62,5	1095	20,3	29,7	59,0	1176	42,9	17,1	40,0
8. *спектор* . .	166	4,8	12,2	83,0	348	2,5	17,3	80,2	1105	6,7	19,3	74,0	1199	16,5	15,0	68,5

лексического материала [63]. Однако основной и сильнейшей тенденцией в современном русском словообразовании несомненно остается усиление агглютинативности. Следует подчеркнуть, что в безынтерфиксных прилагательных рассматриваемого типа отсутствуют чередования на морфемном шве и соединение морфем не связано ни с какими дополнительными изменениями в структуре производного слова. Именно поэтому отступление интерфиксальных моделей здесь не вызывает отступления агглютинативности. С точки зрения основной тенденции к агглютинативности наличие интерфиксов в подобных образованиях было избыточно, поэтому оно легко устраняется.

Активизация наложения морфем. 41. В современном словообразовании активизируется явление наложения (или интерференции) морфем, т. е. объединения на морфемном шве конца одной и начала другой морфемы.

Наложение морфем может происходить на стыке: 1) основы и суффикса. Так, от названия города *Свердловск* имеем производное прилагательное *свердловск-ий*, в котором отрезок *-ск-* репрезентирует конец производящей основы *свердловск-* и суффикс прилагательного *-ск-*; ср. также: *Новосибирск—новосибирск-ий*, *Челябинск — челябинск-ий*. Наложение морфем налицо и в таких производных: *такси — таксист*, *регби—регбист*; *пальто—пальтов-ый*, *сопрано — сопранов-ый*; *колибри — колибрист-ый*; 2) двух основ: *некрасовед*, *лермонтовед*; 3) основы и интерфикса: *райфо — райфов-ск-ий*, «*Торпедо*» — *торпедов-ец*, «*Динамо*» — *динамов-ец*, *динамов-ск-ий*.

На стыке приставки и основы в живом русском словообразовании наложения морфем не происходит: *при-искать*, *архи-интересный*, *анти-исторический*, *При-иссыккулье*, *При-иртышье*, *за-арканить*, *ультра-акустика*, *со-опекун*, *со-обозреватели*, *под-дакнуть*, *от-толкнуть*, *с-сыпать*, *в-вести*[64].

42. В русском языке советской эпохи наложение морфем активизируется. Это несомненно связано с расширением лексического состава литературного языка, пополнением его словами, струк-

---

[63] Ср.: «... русский язык не знает той прямолинейности словообразовательных приемов, которая характерна для славянских литературных языков, возникших в условиях национального возрождения, в условиях борьбы за национальную самобытность, против германизации и мадьяризации, в условиях ускоренного обогащения словарного запаса новыми словами отвлеченной и специальной лексики» (А. В. Исаченко. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков. «Slavia», roč. XXVII, seš. 3, 1958, стр. 347—348).

[64] Нерегулярные единичные случаи слияния морфем приставки и основы, происходящие в разные периоды истории русского языка, к явлению наложения морфем как синхронной закономерности отношения не имеют. Например: *разевать* (*раззевать*) и *зевать* синхронно не однокоренные слова. В случаях типа *вскочить* наложения морфем нет, так как по законам современной фонетики долгий [с̄] (как и любой долгий согласный) невозможен в положении рядом с согласными. Поэтому сочетание приставки *вз-* и основы, начинающейся с группы «[с] + согласный», могло дать только: *вскочить*, *встать* и под. (Написание *вс-* передает здесь сочетание фонем ‹вз + с›).

тура которых отличается от типического строения русского слова. Включение таких слов в производную основу требует сохранения их фонемного состава неизменным. Показательно, что новый структурный класс слов — аббревиатуры — очень значительный в количественном отношении, не подвергается при словопроизводстве усечению. Естественно, что наложение морфем при включении таких основ в производное происходит часто. Многочисленные аббревиатуры на *-о* образуют имена лиц и прилагательные с наложением конца основы и интерфикса *-ов-*: *райзо — райзовский, райзовец, сельпо — сельповский, сельповец, НАТО — натовский, натовец, СЕАТО — сеатовский, сеатовец.*

Показателен еще один факт. Иноязычные существительные с основами на гласные при включении в производную основу в прошлом нередко подвергались усечению: *пальто — пальтишко, пальтецо, либретто — либреттный, либреттист.*

Современные новообразования обычно не содержат усеченных основ, а включаются в производные целиком — с помощью интерфиксов (примеры см. свыше, III, § 33) и наложения [65]. Это с очевидностью свидетельствует о том, что при наложении линейная выделимость морфем сохраняется и, следовательно, агглютинативный характер производного слова не разрушается. Вот некоторые примеры новообразований (особенно продуктивны производные от имен собственных):

наци — нацизм, нацист, Маккарти — маккартизм, маккартист, Чан Кай-ши — чанкайшист, Саади — саадист, рэгби — рэгбист, дерби — дербист, такси — таксист;

пальто — пальтовый, трико — триковый, сопрано — сопрановый, контральто — контральтовый, манго — манговый, какао —какаовый;

«Торпедо» — торпедовский, торпедовец; «Динамо» — динамовский, динамовец;

Некрасов — некрасовед, Лермонтов — лермонтовед.

43. Рост агглютинативности в структуре производного слова в русском языке советской эпохи обусловлен целым рядом социальных факторов, оказывающих влияние на словообразование непосредственно или опосредствованно — через лексическую систему русского языка. Вот те факторы, влияние которых было особенно существенным:

развитие словарного состава русского языка (пополнение его иноязычными заимствованиями, которые вовлекаются в активное сло-

---

[65] Многие производные с усеченными основами вытесняются производными с неусеченными основами: ср. *кинишка* и более частое *киношка, метруха* (от *метро*) и *метрошка, колибренок* (от *колибри*) и *колибри-н-енок.*

вообразование, образование новых разрядов слов — аббревиатур и сложносокращенных);

взаимодействие общелитературной системы словообразования с терминологической подсистемой;

изменение состава носителей литературного языка и путей его усвоения [66].

Знаменательно, что в языке советской эпохи наиболее значительные изменения происходят в двух контрастных сферах речи — профессионально-терминологической и живой разговорной. Возможно, что некоторые из рассмотренных выше образований существовали в профессионально-терминологической речи и в дооктябрьский период. Новым в советскую эпоху является их проникновение в общелитературный язык, большая свобода и широта их использования.

Устранение чередований на стыках морфем, обеспечивающее единство облика основ и при словообразовании и при словоизменении, отвечает активно действующей тенденции развития русского языка — росту элементов агглютинативности в структуре слова.

Ср. соотношение между однокоренными словами в правом и левом столбцах:

калмык — калмыцкий	*калмык — калмыкский*
казах — казашский	*казах — казахский*
Великие Луки — великолуцкий	*Владивосток — владивостокский*
Соловки — соловецкий	*Петушки — петушковский*
Рига — рижский — рижанин	*Пыщуг — пыщугский — пыщуганин*
коса — косить — кошу	*пылесос — пылесосить — пылесосю*
волк — волчонок	*макака — макакенок*
чиновник — чиновницкий — чиновничий	*десятник — десятниковский*
	битник — битниковский

Сохранение фонемного состава производящей основы в неизменном виде — характерная особенность новообразований советской эпохи: *коммунхоз — коммунхозовский, коммунхозовец, жэк — жэковский, жэковец, эмтээс — эмтээсовский, эмтээсовец, эмгэу — эмгэушный, эмгэушник, Гоа — гоанский, гоанец* и мн. др.

Это упорядочение словообразовательной (и шире — морфологической) системы языка вносит изменения и в фонетическую систему, укрепляя положение мягких ⟨г'⟩, ⟨к'⟩, ⟨х'⟩ как особых фонем [67].

Изменения в структуре производного слова, происходящие в

---

[66] Ср.: «Путей или способов, какими могут экономические (и политические) или вообще культурно-исторические явления воздействовать на языковую эволюцию, много, но в качестве основного момента здесь нужно указать на следующее: экономическо-политические сдвиги видоизменяют контингент носителей (или так называемый «социальный субстрат») данного языка или диалекта, а отсюда вытекает и видоизменение отправных точек его эволюции» (Е. Д. Поливанов. За марксистское языкознание. М., 1931, стр. 50).

[67] См. подробнее: Н. А. Еськова. Указ. соч., стр. 73.

русском языке советской эпохи, могут характеризоваться в общем виде следующим образом: синтагматические связи морфем ослабевают, парадигматические — крепнут. Это значит, что возможности объединения морфем в пределах слова расширяются, так как устраняются некоторые ограничения, препятствовавшие ранее объединению морфем определенных типов в составе слова; с другой стороны, растет число словообразовательных типов, в которых участвуют морфемы, не подвергающиеся качественному преобразованию под влиянием соседних морфем и вследствие этого имеющие один и тот же фонемный состав в стуктуре разных словообразовательных типов.

Укрепление парадигматических связей морфем обнаруживается в изменении характера многих словообразовательных цепей. Увеличивается число однокоренных слов, принадлежащих различным словообразовательным типам и включающих морфему основы в одном и том же фонемном составе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Создание новых словообразовательных способов (аббревиация). *Истоки аббревиации. Борьба вокруг первых «советских сокращений». Отражение «языковой смуты» 20-х годов в творчестве аббревиатур. Стихийная регламентация и сознательное языковое строительство в 20-е годы; их влияние на аббревиацию. Аббревиатуры в трудах В. И. Ленина. Упорядочение аббревиации в 30-е и последующие годы. Распространение инициальных сокращений и затухание продуктивности слоговых; причины этого процесса. Сближение аббревиации с традиционным словосложением.*

44. Создание нового словообразовательного способа — явление в истории любого языка исключительно редкое. Но именно это редчайшее нововведение связано с развитием русского литературного языка революционных лет. Аббревиация из технического приема, скромно и безвестно существовавшего на окраинах литературной речи, превратилась в активнейший словообразовательный способ. Путь немалый: от малоупотребительного средства укоротить текст, чтобы меньше платить за телеграмму, до мощного способа образовывать слова нового революционного мира. Необычно также и бурное протекание этого процесса.

Становление аббревиации как способа словообразования — один из ярких примеров непосредственной (и опосредствованной) зависимости языка от истории общества. Однако с развитием «грамматичности» аббревиатур стремительно возрастает также и сила воздействия на них со стороны внутренних, лингвистических факторов.

45. Наиболее древними и стихийно возникшими можно считать инициальные сокращения «буквенного» типа, поскольку питательной средой для них служила сама письменность как таковая. Именно на письме в том или ином языке неизбежно возникают графические сокращения, и лексикализация отдельных из них тоже неизбежна, так как неизбежно действие опро́щения на сложные единицы любого типа. Чтение графических сокращений по названиям букв, постепенное формирование этих прочтений в стабильное слово — таков один из путей к первым лексическим аббревиатурам во многих языках [1].

[1] В русском языке лексикализация существовала прежде всего в области антропонимики. Передача на письме личных имен с помощью инициалов известна с глубокой древности. Помимо использования в качестве внеконтекстных символов (на монетах, гербах, знаменах, на воинских знаках отличия,

В русском языке значительное число графических сокращений возникает в конце XIX — начале XX в. в области собственных названий политических партий (преимущественно оппозиционных царскому правительству) и партийных органов [2]. Причины: стремление избежать частого повторения многословных названий; в отдельных случаях — соображения конспирации; стремление к рациональному и оперативному использованию бумажной площади, особенно в публикациях с ограниченным форматом (листовки, прокламации, подпольные газеты и т. д. Ср.: *РСДРП* на подпольной почтовой марке 1912 г.). Характерно, что из многих вариантов графических сокращений, применявшихся в печати, приобрели стабильность именно инициальные — как самые рациональные и «экономичные».

Графические инициальные сокращения для собственных названий возникали, разумеется, не только в революционной, демократической, но и в официальной печати, несмотря на ее консерватизм и на сдерживающую роль вековых традиций; однако случаи лексикализации здесь совершенно единичны, например *ПТА* (Петроградское телеграфное агентство, 1915).

Более перспективными оказались аббревиатурные названия промышленных объединений, возникавших в XIX в. в связи с развитием капиталистических монополий, например: *РОПИТ* — Российское общество пароходства и торговли, *ЮРОТАТ* — Южнорусское общество торговли аптекарскими товарами, *ДЮМО* — Донецко-Юрьевское металлургическое общество, *АМО* — Автомобильное московское общество, *Лензото* — Ленское золотопромышленное товарищество и проч. Однословные названия функционировали наряду с многословными полными, а возникли и у нас и на Западе, по общему признанию, из потребностей оперативного делового общения. Сфера их применения: телеграфная связь, деловая переписка, рекламные объявления и под. Некоторые названия, ближе к нашему времени, оказались более употребительными, чем их полные эквиваленты, например: *Продамет*, *Продвагон*, *Продуголь*, *АМО* (последнее сохранялось до 30-х годов как название завода и как марка автомобиля).

в виде меток на личных вещах), инициалы получают широкое хождение в переписке, в художественных произведениях и газетных сообщениях. В условиях контекстного употребления сокращения спорадически лексикализуются, например: И все ее мысли были прикованы к тому неведомому человеку, которого она никогда не видела и вряд ли когда-нибудь увидит, к этому смешному *Пе Пе Же* (А. Куприн, Гранатовый браслет).

Среди антропонимов появляются и первые сознательно создаваемые аббревиатуры-псевдонимы: *К. П. Га* (князь *П.* С. *Га*гарин, 1794), Девица *Эсбе* (*С.* П. *Б*урнашева, 1839), *Демин* (*Д. Е. Мин*, 1840) и др. В течение XIX и в начале XX в. такие псевдонимы создавались систематически, их структура свидетельствует об изобретательности и лингвистической виртуозности авторов. Вот некоторые примеры из словаря псевдонимов И. Ф. Масанова: *Анче* (*Ан*тон Павлович *Че*хов), *Аэль* (*А.* И. *Эль*ман, 1891), *Энков* (*Н.* Ф. Бу*нков*, 1863), *Бопре* (*Бо*рис *Пре*гель, 1911), *Л. И. Бровин* (С. Ф. *Либровин*, 1907), *Ваго* (Г. Н. *Ва*сильев и М. Б. *Го*воров), *Веэмин* (*В.* А. *Мазуркевин*, 1890), *д'Эвека* (*Д. В. Ка*ррик, 1890) и т. д. и т. п. После революции аббревиатурные псевдонимы не становятся более массовыми, но и не исчезают, ср.: *Кукрыниксы* (*Ку*приянов, *Кры*лов, *Ни*колай *Со*колов), *Гем* (*Гл*адкова *Е. М.*, 1930), *Г. Гринат* (*Гр. И. Нат*ансон, 1929), *Дэвэ* (*Д.* Т. *Вэ*лков, 1928), *Бекир-Ра* (*Бо*рис *Ки*рович *Ры*нда-*Ал*ексеев, 1924) и проч. К настоящему времени выступление в печати под псевдонимом вообще стало большой редкостью, поэтому и аббревиатурные антропонимы почти не возникают.

[2] Некоторые лингвисты придают большое значение этим сокращениям в последующем развитии аббревиации, ср. у С. И. Ожегова: «Практика аббревиатур была широко распространена в партийной среде и воздействовала в этом отношении на послереволюционную речь, хотя сам репертуар аббревиатур типа *эсдэ* (откуда *эсдек*), *эсер*, *кадэ* (откуда *кадет*), *ЦК* и т. п. был незначителен» («Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 12).

Не без влияния со стороны «фирменных» аббревиатур появляются единичные сокращенные названия и за пределами капиталистического производства: *ОСФРУМ* — Общество содействия физическому развитию учащейся молодежи, *Земгор* — Всероссийский земский и городской союз.

Иногда говорят об особой роли европейских языков и их письменных систем в развитии русской аббревиации. Но роль эта незначительна. Можно назвать лишь небольшое количество лексикализованных аббревиатурных терминов интернационального характера, возникших до революции не на русской почве, а именно: число *эн*, *икс*, *пи* (от греч. περι-φέρεια 'окружность') и некоторые другие, ср. также переносное употребление названных слов и производных от них: город *ЭН* (*Энск*), *энное* количество, *энская* часть и т. п. Еще более редки транслитерации в других тематических сферах, ср. *ППС* — с польского PPS (Polska Partia Socialistyczna). В целом же графические сокращения возникали в разных письменных системах по разнообразным причинам, исключающим единство происхождения аббревиации — ср. такие причины, как экономия бумажной площади, тенденция к краткости в записи формул, стремление скрыть за инициалами подлинное имя и под. [3]

46. Назовем признаки лексикализации графических сокращений:

1) образование производных слов, например:

Дворянин М. пришел в редакцию местной *кадетской* газеты (В. В. Воровский, Между прочим, 1912); Убежденным *эсдеком* из нас был один лишь В. Я. (Д. Фурманов, Дневники, март 1917); ср. с первоначальным *эс-дэ*; Меньшевики — «*окисты*» (в работах В. И. Ленина 1916—1917 годов; Полн. собр. соч., т. 30—31); Польские *пэпээсовцы* (Я. М. Свердлов, Туруханский край, 1915); Яростно критиковали отдельных *ППСовцев* (Ф. Э. Дзержинский, Заметки о партийной работе в Варшаве в 1899 году, 1902). Ср. также: «*мек*», «*меки*» (из *м-к* — 'меньшевик');

2) стабилизованное произношение по названиям букв, получающее иногда отражение на письме, например:

Ночью был налет на *Пека* (М. Лацис, 1917, дневниковая запись). Ср. также: *ка-дэ*, *эс-дэ*, *эс-эр*;

3) пропуск точек на письме: *ЦК*, *МК*, вместо *Ц. К.*, *М. К.* В старых рукописях встречаются случаи записи сокращений в один прием без отрыва руки от бумаги, но с последующей подстановкой точек;

4) условное раскодирование, например:

Раньше, в подполье, Московский комитет имел кличку: «*Михаил Константинович*». Так ребята и говорили: «по указанию *Михаила Константиновича*», «сходим к *Михаилу Константиновичу*» (П. Подлящук, Мастеровой из Дорогомилова, 1958). Ср. позднейшие: *Б. П.* (бронепоезд) — «*Борис Петрович*», *РС* (реактивный снаряд) — «*Раиса Семеновна*» и др.

---

[3] Нельзя не упомянуть о переоценке влияния некоторых локальных явлений на развитие русской аббревиации. Так, еще Е. Д. Поливанов писал, что «в технической терминологии коннозаводства имена жеребят образуются с полной точностью и обязательностью из сочетания одного слога — из имени отца-жеребца и другого слога — из имени матери-кобылы» (см.: Е. Д. Поливанов. О литературном (стандартном) языке современности.— «Родной язык в школе», 1927, № 2, стр. 234). Некоторые современные лингвисты увидели здесь один из истоков русской аббревиации На самом деле попытка применить описанный прием именования жеребят (собственно, жеребцов) была предпринята когда-то лишь на одном, далеко не ведущем конном заводе Ф. В. Ростопчина и каких-либо последствий даже для коннозаводских традиций не имела. Всего дано было несколько кличек: *Блак*, 1809 (Каймак + *Блоха*), *Гушан*, 1810 (Ришан + *Гуди*), *Жемак*, 1824 (Тиктак + *Жем*анка). Одновременно давались клички, не вполне соответствовавшие указанному принципу, особенно если жеребята появлялись у тех же «родителей», ср. *Гулан*, 1812 (Ришан + Гуди), *Кулак*, 1808 (Каймак + Колдунья), *Колпак*, 1810 (Каймак + Колибри), *Гулак*, 1814 (Каймак + Гуди) и т. д.

47. Война, начавшаяся для России в 1914 г., отличалась от всех предыдущих не только большим количеством войск, втянутых в конфликт, но и небывалой протяженностью фронтов («от моря до моря»), разнообразием родов войск, сложностью связей между ними. Как никогда оказались необходимыми меры по совершенствованию управления войсками, модернизации связи, усилению оперативности на линиях коммуникаций. Особый вес приобретала, в частности, лаконичность часто употребляемых военных наименований. Уже в 1915 г. подписан приказ главного командования, вводивший (а в некоторых случаях — узаконивший) сокращенные названия армий, должностей, высших воинских званий «для телеграфного использования»: *Кавармия* (Кавказская армия), *главкоюз* (главнокомандующий Юго-Западным фронтом), *наштасев* (начальник штаба Северного фронта) и др. Следовательно, были введены в обращение, помимо собственных, и н а р и ц а т е л ь н ы е сокращенные названия: *наштаюз*, *главкосев*, *дегенверх* (дежурный генерал при штабе верховного главнокомандующего) и т. д. Впервые в аббревиации начиналось сознательное формирование рядов аналогично образованных слов, включающих повторяющиеся элементы.

К периоду войны [4] восходят сложносокращенные слова *комарм* (командарм), *комкор*, *комполк*; *наштаверх*, *наштадив*, *наштакор*, *наштарм*, *наштасев*, *наштаюз*, *штадив*, *штаюз*, *главковерх*, *главкофронт*, *главкокав*, *главкосев*, *главкоюз*, *главкосоз*; *дегенверх*, *дегенрум* и проч. По уже созданным образцам на местах конструировались в свои сокращения: *поглавкорум* (помощник главнокомандующего Румынским фронтом), *начресидун* (начальник речных сил Дуна).

Как отмечал С. И. Ожегов, сокращения времен войны не могли не стать известными многомиллионным массам солдат, т. е. проникали в разговорную речь, и это сказалось в дальнейшем на повсеместном распространении аббревиации. Так, еще в период войны сокращенные названия были использованы для именования «неуставных» организаций: *Искосол* (Исполнительный комитет солдатских депутатов), *Искосев* (Исполнительный комитет Северного фронта) и т. д. Однако до революции в официальную периодическую печать военные сокращения почти не проникали [5]. Известны лишь единичные случаи их употребления в «гражданской» печати. И только после революции военно-телеграфные сокращения получили доступ в печать массового пользования, что, безусловно, способствовало распространению приемов «военной» аббревиации и в невоенном словообразовании.

48. Таким образом, для дореволюционной русской аббревиации в целом характерны некоторые общие генетические и функциональные особенности, а именно: господство инициально-звуковых образований, а также слоговых, которые обычно не образовывали словесных рядов, объединенных одинаковой структурой; почти полное отсутствие сознательно созданных инициально-буквенных аббревиатур (их возникновение в этот период связано с постепенной лексикализацией графических сокращений); локальность аббревиации в тематическом отношении; ограниченность ее узкими сферами употребления; относительная независимость от развития зарубежной аббревиации: так, сокращения слогового типа, зародившиеся у нас до революции, а затем став-

---

[4] См.: A. M a z o n. Lexique de la guerre et de la revolution en Russie (1914—1918). Paris, 1920; R. J a k o b s o n. Vlív revoluce na ruský jazyk. Praha, 1921; А. М. С е л и щ е в. Язык революционной эпохи. М., 1928; О н ж е. Революция и язык.— В кн.: «На путях к педагогическому самообразованию». М., 1925.

[5] «В просмотренных газетах «Русское слово», «Русский инвалид», «Утро России», «Русские ведомости» и других за 1916 г. сложносокращенные слова в сводках и телеграммах с фронта не употреблялись» (В. Ф. А л т а й с к а я. Сложносокращенные слова в русском языке. «Науч. зап. Ужгородского ун-та», т. XIII. Львов, 1955, стр. 140).

шие господствующими[6], в европейских языках даже теперь малоупотребительны и малопродуктивны.

Дальнейшее распространение и окончательное становление аббревиации связано с подъемом революционной активности масс и развитием революционных событий. До завоевания государственной власти пролетариатом, т. е. при Временном правительстве, не создано почти ни одного перспективного «правительственного» сокращения[7]; большинство аббревиатур, восходящих к 1917 г.,— результат местной словотворческой инициативы. Таковы собственные наименования местных революционных и общественных объединений: *Центробалт* (центральный комитет Балтийского флота), *Центрофлот* (морская секция Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов). *Румчерод* (Центральный исполнительный комитет Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области), *Центросоюз* (Всероссийский Центральный союз потребительских обществ), *Викжель* (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профессионального союза) и др.; нарицательные названия местных революционных органов: *главком*, или *главстач* (главный стачечный комитет), *местком*, или *местач* (местный стачечный комитет), *райком*, или *райстач* (районный стачечный комитет), *исполком* и т. д. Видимо, на местах возникли также сокращенные названия некоторых продовольственных органов Временного правительства: *продком*, *губпродком*, *упродком*, ср. еще *губкомиссар*. В феврале — октябре 1917 г. нарицательные сокращения создавались для телеграфного использования, при публикации телеграмм в газетах (см., например, пензенскую газету 1917 г. «Народное продовольствие»); они тоже сохраняются и даже изредка проникают в нетелеграфные тексты. Многие из этих сокращений носят местный, а отнюдь не общеязыковой характер.

49. С Октября 1917 г. начался новый этап в развитии аббревиации, началась подлинная история этого способа словообразования. Не случайно послереволюционные аббревиатуры получили название «советских сокращений». Как заметил Л. А. Булаховский, «фактически только с Великой социалистической революцией во всеобщее употребление вошли сокращения групп слов, явившись новыми типами словообразования. Область этого словообразования — главным образом названия учреждений, должностей, административных понятий»[8]. Общеязыковое и массовое распространение аббревиации в русском языке (далеко не только в области административных наименований) было обусловлено — прямо или косвенно — теми переменами в жизни общества, которые произошли в результате революции. Это прежде всего перестройка и демократизация государственного аппарата в центре и на

---

[6] «В революционные годы проявилась в крайней форме страсть к образованию слов по произношению начальных слогов или начальных букв нескольких слов» (А. М. Селищев. Революция и язык, стр. 214). См. также: Р. И. Могилевский. Некоторые замечания о происхождении и развитии слоговых аббревиатур в славянских языках. «Труды Самаркандского гос. ун-та». Новая серия, вып. 130, 1963.

[7] Следует отметить, однако, что некоторые центральные органы Временного правительства обзаводятся «телеграфными» названиями: *Заготсель*, *Органопрод*, *Центромасло*, *Центросахар*, *Центрорафинад*, *Центротранспорт*. Последние сделаны явно по аналогии с *Центробалтом* и *Центрофлотом*, возникшими ранее.

[8] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. 1. Киев, 1952, стр. 195.

местах; возникновение и функционирование многочисленных демократических организаций трудящихся как следствие резкого повышения общественной активности и самодеятельности народных масс; усиление общественной роли периодической печати; обострение классовой борьбы, принявшей форму гражданской войны, осложненной борьбой с иностранной интервенцией.

В ходе революции был сломан и разрушен старый, буржуазно-помещичий государственный аппарат и на его месте создан аппарат Советского государства. Сложился новый, социалистический тип государства. Все это исключало, разумеется, преемственность и в области названий органов государственного аппарата. Изгоняются те слова, которые напоминали о старом эксплуататорском строе или за которыми стояли учреждения и институты, скомпрометировавшие себя в недавнем прошлом: *министерство*, *сенат*, *парламент*, *дума*, *управа*, *полиция*, *указ; офицер*, *генерал*, *фельдфебель*, *жандарм*, *городовой*, *полицмейстер* и т. п. (характерно, что позднее, в иных исторических условиях, некоторые из этих названий оказались восстановленными). При конструировании новых названий сохранявшиеся в них «нейтральные» существительные неизменно сопровождаются эпитетами: *комитет* — революционный, *комиссия* — чрезвычайная, *ассоциация* — пролетарская, *общество* — новое, *армия* — рабоче-крестьянская, *комиссар* — красный, *банк* — народный (вместо «государственный»), *академия* — государственная (вместо «императорская») и т. д.

В первые же послеоктябрьские месяцы вводится в обращение значительное количество наименований, как правило описательных и многословных: ведь в самом названии требовалось отразить новую сущность учреждения, организации, должности. За 1917—1918 гг. не возникло, пожалуй, ни одного важного государственного учреждения, ни одной новой должности с однословным официальным названием, ср.: *Совет Народных Комиссаров*, *Народный комиссариат по делам национальностей*, *Революционный военный совет*, *Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем*, *Председатель Совета Народных Комиссаров*, *военный комиссар*, *Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика* и др. Определениями обрастают даже, казалось бы, самые обычные названия лиц. В учреждениях отныне работал не просто служащий, а *советский служащий* (*совслужащий*, разг. *совслуж*, ср. *совторгслужащий*), на дипломатической работе — не посол или посланник, а *полномочный представитель* (*полпред*, ср. *торгпред*, *военпред*), в армии — *красный командир* (*краском*), *военный специалист* (*военспец*, или, в более широком применении, *спец*), в школе — не учитель, а *школьный работник* (разг.-прост. *шкраб*, ср. *штраб* — штабной работник) и т. д. и т. п. Многословные описательные названия, в изобилии появившиеся после революции (и продолжающие возникать по сей день), сделались неиссякаемым источником для аббревиации, привели к ее неизбежности и обязательности — «по нормам языковой экономии, не допускающей,

чтобы частое в коллективном обиходе и отчетливое понятие выражалось словосочетанием, а не единым словом»[9].

Если проследить историю составных названий за пятьдесят послереволюционных лет, то легко заметить, что создание их происходило наиболее рациональным способом: для новых учреждений, организаций, должностей и т. п. не придумывалось каждый раз новое слово[10], а использовались немногие стандартизованные существительные, сопровождаемые определениями (согласованными и несогласованными). Последние и выполняли разграничительную, дистинктивную функцию, ср. *комитет — революционный, организационный, районный, городской, местный, заводской, бедноты* и т. д. Подавляющее большинство (исчисляемое десятками тысяч) сокращенных названий, собственных и нарицательных, возникших за полстолетия на базе составных наименований, имеют в своей основе лишь несколько десятков подобных стержневых существительных, как-то: *совет, комиссариат, министерство, комитет, комиссия, инспекция, управление, отделение отдел, объединение, трест, контора; партия, бюро, секретариат, интернационал; общество, федерация, ассоциация, товарищество, правление; комбинат, завод, фабрика, предприятие, станция, мастерская, склад; республика, край, область, округ; армия, флот, фронт, штаб, дивизия, полк, батальон, рота, взвод, пост, пункт; академия, университет, институт, техникум, училище, школа, лаборатория, курсы, факультет, филиал; издательство, библиотека, архив, больница, госпиталь; комиссар, командир, начальник, управляющий, уполномоченный, заведующий, председатель, заместитель, помощник* и ряд других. При многословности составных названий, которые, как сказано, нуждались в кратком синониме для повседневного использования, аббревиация была и остается единственным и наиболее рациональным средством стяжения. Не следует думать, что при этом не были испробованы и другие способы стяжения, например:

а) сохранение двух слов из всего многословного сочетания: *Красная Армия, Чрезвычайная комиссия, Комиссариат продовольствия* и проч.;

б) сохранение одного существительного или прилагательного: *Совет* (рабочих и крестьянских депутатов), *союз* (профессиональный), *Художественный* (театр);

в) создание однословного синонима путем семантического стяжения (конденсация) словосочетания в суффиксальное слово, производное от одного из членов словосочетания: *военка* (военное бюро), *учредилка, чрезвычайка, Каширка*[11];

---

[9] Е. Д. Поливанов. Указ. соч., стр. 229.

[10] «Самостоятельное творчество новых слов проявлялось не особенно сильно» (А. Баранников. Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы. «Уч. зап. Самарского ун-та», вып. 2, 1919, стр. 77).

[11] Ср.: «Этот прием семантической конденсации, наиболее распространенный в чешском и словацком языках, широко применяется и в русском языке.

г) способ словосложения: *Петросовет*, *Красноармия*, *Льнобюро*, *Медикосовет*, *Паровозосоюз*, *Центрокомитет*, *Лесокомитет;*

д) условные названия: тресты «*Руда*», «*Сталь*», «*Кокс*».

Однако каждый из этих способов обнаружил свои неудобства а все вместе явно уступали аббревиации в отношении оперативности использования и почти абсолютной неограниченности применения. Таким образом, «в честном бою» аббревиация завоевала ключевые позиции среди способов стяжения многословных названий и сохраняет их до настоящего времени, несмотря на неоднократные попытки и призывы полностью избавиться от аббревиатур по пуристическим соображениям [12], т. е. решить дело «волюнтаристским» методом.

Не последнюю роль играл, видимо, и тот факт, что при сокращении даже старое составное название как бы обновлялось — в соответствии с обновленным послереволюционным семантическим содержанием, ср.: *сберкасса*, *главбух*, *пединститут*, *педсовет*, *госбанк*, *Донбасс* и т. д. В этой особенности аббревиатур заключается одна из причин «романтизации» самого приема сокращения [13]; это привело к увлечению массовым сочинением аббревиатурных окказиональных названий — главным образом у молодежи.

50. Аббревиация была воспринята как подлинно революционный, народный способ словотворчества [14]. Среди однословных советизмов, возникших в первые послереволюционные годы, сокращения-неологизмы господствуют количественно. Предпочтение, оказанное аббревиации, связано и с новизной, и с относительной простотой этого способа, общедоступностью его, особенно из-за от-

---

Однако как продуктивный прием он мало использован в литературном языке» (А. В. Исаченко. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. «Slavia», ročn. XXVII, sěs. 3, 1958, стр. 342). Еще раньше о процессе «синтетического сжатия» писал В. В. Виноградов («Современный русский язык. Морфология». Изд-во МГУ, 1952, стр. 55). Ср. также: Н. А. Янко-Триницкая. Процессы включения в лексике и словообразовании. — В кн.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964. — Кстати сказать, в 40—60-е годы наименования типа *самоходка*, *бетонка*, *дивизионка*, *гражданка*, *похоронка*, *зенитка*, *термитка*, *подсобка* стали особенно массовыми, потеснив аббревиатурные стяжения и как бы приняв у слоговых аббревиатур эстафету компрессии.

[12] Ср.: «Нужно немедленно открыть фронт борьбы с сокращениями, борьбы за язык. Надо учиться говорить «по-человечески»» (Ю. Яснопольский. Борьба за язык. «Изв.», 1923, № 290). Или: «Среди специалистов-языковедов и ученых-техников растет отрицательное отношение к нелепым и уродливым аббревиатурным научно-техническим терминам, и многие придерживаются точки зрения, что от метода аббревиатуры следует полностью отказаться» (Д. С. Лотте. Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов. М.— Л., 1941, стр. 19).

[13] Ср.: «Так называемые побочные ассоциации и чувствования в языковом развитии играют чрезвычайно важную роль» (А. Баранников. Указ. соч., стр. 75).

[14] «Сокращенные слова стали чуть ли не символами революционного языка» (Л. В. Щерба. Культура языка. «Журналист», 1925, № 2, стр. 5).

сутствия на первом этапе каких-либо сложившихся нормативов [15]. Невозможно отрицать качественный скачок в развитии аббревиации, происшедший после 1917 г.; не подлежит сомнению связь этого скачка с революцией. «В немногие годы или даже месяцы революции совершаются более значительные, более коренные изменения в общественной жизни, чем за многие десятилетия эволюционного развития» [16]. Массовое обновление состава носителей литературного языка способствовало широкому распространению нетрадиционного способа словообразования.

Важно подчеркнуть, что распространение аббревиации в русском языке за короткий срок было бы немыслимо без принятия ее большинством населения [17]. Укреплению аббревиации способствовала поддержка, оказанная ей рабоче-крестьянским правительством. Если самые первые «централизованные» аббревиатуры складывались «безавторно», в процессе словоупотребления (*Совнарком*, *нарком*, *совнархоз* и др.), то в дальнейшем все чаще и чаще сокращенные названия декретируются, вводятся официально и одновременно с полными названиями в правительственных постановлениях, подписанных В. И. Лениным, Я. М. Свердловым, М. И. Калининым, руководителями наркоматов, а также местных органов власти. Ср.:

Учреждается... орган: Управление Каспийско-Волжско-Мариинской системы — «*Кавомар*» (Декрет СНК, 1918); Учрежденный при Высшем совете народного хозяйства Отдел водных сообщений переименовывается в Главное управление водного транспорта (*Главвод*) (Постановление СНК, 1918); На основании выработанного положения при Высшем совете народного хозяйства организуется Главный комитет кожевенной промышленности (*Главкож*) (Вестник НКТиП, 1919) и др. В большинстве, впрочем, сокращения появлялись как самоназвания [18]. Однословный синоним был жизненно необходим, его коммуникативные и нормативные преимущества даже при «эстетической неказистости» отдельных аббревиатур были, да и теперь остаются совершенно очевидными.

И дело вовсе не в том, разумеется, что критики аббревиатур будто бы имели более тонкий языковой вкус по сравнению с их составителями, просто «эстетическая функция» в суровое революционное время не могла быть определяющей в развитии языка.

---

[15] Ср.: «Построение буквенных сокращений чрезвычайно просто по сравнению с образованием терминов посредством обычных способов, применяемых в русском языке. Это — одна из причин их широкого распространения» (Н. К. Сухов. О применении буквенных сокращений в качестве научно-технических терминов. «Изв. АН СССР, Отд. техн. наук», 1953, № 7, стр. 1062).

[16] «Основы марксистской философии». М., 1962, стр. 459—460.

[17] См.: А. Н. Кожин. Из истории изучения развития словарного состава русского языка в советском обществе. «Уч. зап. МОПИ», т. 138, вып. 8, 1963, стр. 46.

[18] Ср.: «Ни одно учреждение не может успокоиться, пока не найдет себе сокращенного наименования» (Е. Д. Поливанов. Указ. соч., стр. 233).

www.ruslang.ru

51. Напряжение послереволюционных лет, особая роль телеграфа и радио на линиях коммуникаций потребовали повседневного использования сокращений в приказах, распоряжениях, донесениях и иной служебной переписке (см., например, телеграммы В. И. Ленина, опубликованные в томах 50—53 Полн. собр. соч.). Известны ведомственные публикации (наркоматов продовольствия, внутренних дел, Смоленского облисполкома и др.) списков сокращенных собственных названий специально для телеграфных адресов. Сокращения, несомненно, производились и самими составителями телеграмм, ср.: *советвойска*, *советчасти*, *советпоезд*, *германвласти*, *центрдержавы*, *народсобрание*, *Соештаты* и проч. Очевидно, сокращение нарицательных сочетаний использовалось в данном случае не столько для создания постоянных терминов, сколько в качестве технического приема для повышения оперативности связи, а заодно удешевления телеграфной переписки (что, впрочем, не мешало удачным «телеграфсокращениям» приобретать общеязыковое распространение и укрепляться в языке). Отсюда — вольный отбор нарицательных словосочетаний, подпадавших под сокращение, и вольный, субъективный характер усечений [19], большая вариативность аббревиатур в телеграммах и других публикациях: *советвласть* и *совласть*, *профсоюз* и *профессоюз*, *облкомитет*, *облком*, *областком*, *обком* и т. д. Все это вносило свою дань в «языковую смуту», поскольку телеграфные документы, как и обычные заметки корреспондентов, попадали в печать без особых исправлений и редактирования.

52. В области инициальной аббревиации, в отличие от слоговой, значительных и быстрых перемен после революции не произошло, вернее, они оказались отодвинутыми во времени. Причина, видимо, в том, что слоговая аббревиация в какой-то мере была приемлема в качестве своеобразного продолжения русского словосложения, а инициальная входила в язык без заметных словообразовательных прецедентов, без опоры на какие-либо словообразовательные типы [20]. Так, значительная часть сокращенно-слоговых образований типа *Центрофлот*, *Органопрод*, *Советреспублика* структурно продолжает известные русскому языку модели сложных слов *Святополк*, *Златоуст*, *пустослов*; *Новгород*, *Белгород* и т. д. [21] После революции, наряду с собственно сокращенными, создавались и просто сложные слова одной из упомянутых моделей (*Центрокомитет*, *Красноармия*; ср. у В. И. Ленина: *углерабочие* (телеграмма Л. Д. Троцкому, 7 марта 1920), *водотранспорт* (телеграмма

---

[19] См. также: А. И. Мельникова. Об одной новой контаминированной модели сложения слов (типа *пионерлагерь* и *натуроплата*). «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», вып. 184, 1962, стр. 52—53.

[20] Нет оснований принимать в расчет объяснения русской аббревиации иноязычным влиянием (немецким, еврейским, польским): слишком единичны и случайны были в тот период транслитерации иностранных аббревиатур. См.: А. М. Селищев. Язык революционной эпохи, стр. 36 и далее.

[21] См. об этом: А. И. Мельникова. Указ. соч.

Губисполкомам Поволжья, 31 авг. 1920), в последующие годы, не без влияния слоговой аббревиации, словосложение на базе сочетаний «прилагательное + существительное» вообще заметно активизировалось, ср.: *стеклотара*, *стекловолокно*, *свеклокомбайн*, *горнолыжники* и т. п.

На первых порах инициальные аббревиатуры по-прежнему возникают как слова «индивидуального строения» и лишь на базе графических сокращений.

Последовательно инициальные аббревиатуры буквенного типа на письме выступают в обличье графических сокращений (*Ц.И.К.*, *В.Ц.И.К.*, *Г.И.К.*— губернский исполнительный комитет) и поэтому воспринимаются двояко: то как лексемы, то как условные графические обозначения. Об этом говорят колебания в прочтении, в склонении и в самом правописании их, ср.:

Требуйте денег срочно от *ЦИКа* (В. И. Ленин, Телеграмма А. Е. Минкину, 14 авг. 1918). Ср. также: по соглашению с *ТурЦИКом* и *ТурСНК*. См. там же: срабатываться с *ТурСНК и ТурЦИК* (В. И. Ленин, Замечания о задачах РКП(б) в Туркестане, 1920); *Вциком* принят декрет о повышении заработной платы («Звезда», 19 сент. 1918); *Ц.И.К.* отметил (из газ. «Западная Коммуна», 3 дек. 1918); Решения комиссии подлежат утверждению Цеика (Там же); *Ц‖И.К.*, *В.Ц.И.‖К* (с разрывом на месте переноса) [22].

Из инициальных сокращений буквенного типа к 1918 г. лексикализовались сравнительно немногие: *ЦК*, *ЧК*, *ОК* (областной комитет), *эсер* и др. Они записываются нередко как обычные слова (сложенные из названий букв): *Цека*, *чека* (или *че-ка*), *Ока*; от них образуются производные существительные и прилагательные, иногда с элементами контаминации: питерские *цекисты* или *пекисты* (В. И. Ленин, Письмо Г. Е. Зиновьеву, 26 июня 1918); наши товарищи *окисты* («Звезда», 1918); спор о том, были «*Ока*» или «*Губка*» («Звезда», 1918); соединенное заседание *Ока и Смолка* (Там же, 1918); отрядами *губчека* и гарнизона восстание скоро было ликвидировано (Отчет губчека, 1918, Пенза). Несколько позднее появляются *чекисты* (вытесняя «чрезвычайников»). Ср. также: *эсерский*, *левоэсерский* и др.

Прочие популярные сокращения — *ВРК*, *РСДРП*, *РКП*, *СНК*, *ВСНХ*, *РСФСР*, *ФЗК*, *ВЦСПС* и мн. др.— лексикализовались постепенно, что сопровождалось, в частности, постепенным и полным вытеснением в течение 20-х годов всех неинициальных графических вариантов этих аббревиатур (*Сов.Н.К.*, *С.Н.К-т*, *С.Н.Ком.* и т. п.) [23].

---

[22] См. подробнее: Д. И. Алексеев. Графические сокращения и слова-аббревиатуры.— В кн.: «Развитие современного русского языка». М., 1963, стр. 157 и далее.

[23] Графические сокращения (как правило, нестабильные) в печати были весьма многочисленными (до 400 случаев на один номер газеты). Причинами этого были и бумажный голод, испытываемый молодой республикой, и общая речевая небрежность («писать хорошо — некогда», как заметил Л. В. Щерба). В современных газетах — не более 50 случаев употребления

Естественный отбор сопровождался также устранением точечного написания, которое началось в 1918—1919 гг., а закончилось к началу 30-х годов.

Движение к написанию без точек — один из показателей лексикализации соответствующей аббревиатуры (в устной речи таким показателем можно считать унификацию побуквенного, без расшифровки, произнесения сокращения) [24].

Таким образом, в первые два-три года после революции наблюдается заметный разрыв между слоговой и инициальной аббревиацией. Однако уже в 20-е годы инициальная аббревиация — под влиянием слоговой и инициально-слоговой — начинает все более и более активно использоваться как средство собственно словообразовательное. Показатели этого:

1. Стихийно-лексикализованные инициальные аббревиатуры получают общеязыковое признание уже в качестве полноценных слов. Они, в частности, свободно начинают употребляться в устной речи (см. стенограммы выступлений 20-х годов) [25]; от них образуются производные инициально-слоговые сокращения — *КазЦИК*, *КирЦИК*, *ТурЦИК*, *ПредСНК* и др.: они активно втягиваются в категорию склоняемых слов: [26]

Гришку долго вспоминали в *чеке* (Л. Сейфуллина, Правонарушители, 1929); Не в *Че-Ку*? (Д. Бедный, 1922); Товарищам из стенной *Росты* («Пр.», 31 дек. 1919); артельщик из *ЦОС*'а («Пр.», 8 дек. 1921); опыт, произведенный *НКПС'ом* («Пр.», 17 янв. 1922); поручить *НКПСу* (В. И. Ленин, О льготах для рабочих по ремонту паровозов, 1920), поручить *ВЦСПС-у* (В. И. Ленин, Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) о мерах осуществления концентрации производства, 1921).

2. Если лексикализация единичных аббревиатур приводила к закреплению этого процесса в правописании (ср.: *с.-р.*→*эс-эр*→*эсер*, *ЧК* → *чека*, *ВЧК* → *Вечека*, *ЦК* → *Цека*), то при массовости процесса узаконивается консонантная орфография: *РСФСР*, *ВСНХ*, *РКП*, *СНК*, *ЦК* и т. д. Написания с передачей произношения букв появляются лишь в случае особой (окказиальной) необходимости: ср. у В. Маяковского для отражения склонения — Слегка

графических сокращений (стабильных!) на номер, т. е. в 8 раз меньше. Зато лексикализованные инициальные аббревиатуры употребляются интенсивнее: до 200 словоупотреблений в одном номере «Правды».

[24] См.: Д. И. Алексеев. Указ. соч., стр. 148—152.

[25] Показателем признания аббревиатурных инициальных лексем может служить введение их в текст со специальной расшифровкой, ср.: Фактически все руководящие учреждения громадного большинства союзов и в первую голову, конечно, общепрофессионального всероссийского центра или бюро (*ВЦСПС* — Всероссийский центральный совет профессиональных союзов) состоят из коммунистов... (В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, 1920).

[26] См. подробно: Д. И. Алексеев. Склонение буквенных аббревиатур.— В кн.: «Вопросы теории и методики изучения русского языка». Куйбышев, 1961.

нахальные стихи товарищам из *Эмкахи*; для передачи производных слов — *Эрэсэфэсэрия*, *по-эсэсэсэрьи* и проч.

3. На подступах к инициальному словообразованию появляются также случаи сознательного использования графических инициальных сокращений в качестве удобных эквивалентов полного названия. Например:

Американская Администрация Помощи (именуемая в дальнейшем «*А.А.П.*») готова оказать помощь Российской Социалистическо Федеративной Советской Республике (Соглашение НКИД, 1921).

Как известно, ныне такое введение аббревиатуры в текст обязательно означает акт словообразовательный, а не графический.

4. Учащаются случаи создания инициальных (а не только слоговых) синонимов для вновь учреждаемых организаций. Примеры:

Учреждается при Совете Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик Объединенное Государственное Политическое Управление (*ОГПУ*) (Конституция СССР, 1924); Реорганизовать Главную палату мер и весов во Всесоюзный научно-исследовательский институт метрологии и стандартизации (*ВИМС*) (Постановление СНК СССР, 1931); При Народном комиссариате путей сообщения организуется Центральное совещание по перевозкам (*ЦСП*) (Постановление СТО, 1931) и т. п.

53. В 20-е годы сложносокращенные слова не только выявили свои положительные особенности, но и показали свои теневые стороны.

Неограниченное применение слоговой аббревиации к любым составным названиям (что имело место на первом этапе) затрудняло возможность упорядочения этого вида словообразования. Постоянно возникали единичные, нестандартные и бесперспективные отсечения от случайных и малочастотных слов, лишь единожды попадавших в составное название, ср.: *сат* — сатира (*Теревсат* — Театр революционной сатиры), *хран* — хранение (*Госхран* — Государственное управление по хранению ценностей), *жел* — желатин (*Артжел* — трудовая артель по производству желатина) и т. д. и т. п. Все это противоречило принципам русского словообразования с его структурной упорядоченностью и было чуждо тенденциям его развития — от многообразия типов к немногим продуктивным типам, от фузии к агглютинации. Также и при инициальном словообразовании появлялись уникальные «отсечения»: *Ш* — Штернберг (*ГАИШ* — Государственный астрономический ин-т им. П. К. Штернберга) или *П* — племенной (*КИПС* — Комиссия по изучению племенного (sic!) состава населения СССР). Инициальные аббревиатуры, в отличие от слоговых, и не были рассчитаны на вычленяемость компонентов, что, конечно, не делало их особенно легко доступными для широких масс.

При становлении слоговой аббревиации, когда главной задачей было сконструировать удобопроизносимое цельное слово без ориентации на ряд слов, аналогичных по строению (ведь этого ря-

да еще и не существовало), наблюдалась большая вариативность отсечений. (Наиболее вариативными, понятно, были наименее частотные отсечения, ср.: *чрезвычай — чрезвыч — чрезв — чрез — чре; област — обла — обл — об*, но — *гос — го, Мос — Мо, Турк — Тур*, а также *губ*, *воен*, *зав*, *прод* — без варьирования. Играла роль, конечно, и структура усекаемого слова.) Первые свободно сконструированные аббревиатуры с нестабильными и невычленяемыми компонентами имели совершенно неясную внутреннюю форму и нуждались, так сказать, в персональном запоминании, ср.: *ГОЭЛРО*, *Можедез* (Московский железоделательный завод), *артекон* (артель пекарей-кондитеров), *Цетеконт* (Центральная телеграфная контора), *Окартувост* (Дальневосточное окружное артиллерийское управление) и сотни подобных. В словарях 1924 г. к таким словам относятся не менее 20% всех зафиксированных аббревиатур. Эти слова (Kunstwörter, по немецкой терминологии) при интенсивном введении в обращение делали речь непонятной и вызывали законное противодействие общественности. Совершенно очевидна бесперспективность для русского словообразования массового производства таких искусственных слов.

Искусственные корни, возникающие от сложения инициалов, при их использовании требовали постоянной расшифровки: сама же по себе их внутренняя форма является совершенно условной и немотивированной.

В русском языке удержались только те негромоздкие слоговые сокращения нечленимой структуры, которые отличались большой частотностью по причине их общественной значимости (и эстетической приемлемостью), например *комсомол*, *ГОЭЛРО*, *линкор*, *метизы*, а продуктивными стали лишь отсечения, достигшие морфемной (структурной и семантической) стабильности.

Не всегда удобной была резкая стилистическая окрашенность аббревиатур. Инициальным сокращениям свойствен книжный (а иногда и канцелярский) стилистический ореол, в то время как слоговые (и частичносокращенные) в большинстве принадлежат или тяготеют к разговорному стилю. Они неизменно занимают самое нижнее место в синонимическом ряду «полное название — инициальная аббревиатура — слоговое сокращение», ср. *чрезвычайная комиссия — ЧК — чрезвычайком*, *Башкирский государственный университет — БГУ — Башгосуниверситет*.

54. Очень скоро (уже в 1918 г.) начался процесс стихийной регламентации слоговых и близких к ним сокращений, возникших за первый послереволюционный год. Эта регламентация проявилась в частотном превалировании именно тех вариантов сокращенных слов, которые в дальнейшем укрепились в русском языке, многие из которых и теперь сохраняются либо в качестве активных лексем, либо в качестве общепризнанных историзмов. Вот некоторые числовые данные, полученные при сплошной выборке из месячных подшивок пензенских и смоленских газет («Молот», «Звезда» и «Известия») конца 1918 г.:

Сокращения	Количество словоупотреблений	Сокращения	Количество словоупотреблений
1. *нарком*	37	6. *военком*	18
народком	1	*военкомиссар*	4
наркомиссар	1	7. *губвоенком*	18
2. *наркомпрод*	50	*военгубком*	1
компрод	31	*губвоенкомиссар*	1
3. *наркомвнудел*	20	*губкомиссар*	1
наркомвнутрдела	1	8. *чрезвычайком*	25
наркомвнутдел	1	*чрезвычком*	5
комвнудел	1	*чрезвыком*	1
4. *наркомвоен*	15	*чрезвком*	1
наркомвоендел	3	*чрезком*	4
5. *губком*	7	*чрезвычайкомиссия*	1
губерком	1	*чрезвыкомиссия*	3
губкомитет	1	*чрезкомиссия*	8

Эти данные показывают с несомненностью, что процесс отбора активно шел уже и в то время.

Заметно также предпочтение, оказываемое не всяким, а лишь определенным слоговым отсечениям, приобретшим постепенно общеязыковую стабильность:

арт, *балт*, *бум*, *вол*, *губ*, *загран*, *зам*, *культ*, *мех*, *мин*, *мор*, *нац*, *обуч*, *опер*, *полит*, *пред*, *прод*, *рай*, *сан*, *сбыт*, *снаб*, *строй*, *тех*, *топ*, *транс*, *упр*, *фин* и т. п.

Процесс пополнения и естественного отбора аббревиатурных морфем был непрерывным, он не прекращался во все годы «языковой смуты». В результате за несколько послереволюционных лет в язык вошла весьма многочисленная группа сокращений: *авиабаза*, *авиазавод*, *авиаприбор*, *агитпункт*, *агротехника*, *Азнефть*, *артсклад*, *ветврач*, *военкомат*, *всеобуч*, *Главлит*, *горсовет*, *Госиздат*, *Госплан*, *Госстрах*, *Госстрой*, *госторг*, *детдом*, *домком*, *драмкружок*, *жилплощадь*, *завхоз*, *зав*, *зам*, *зарплата*, *истмат*, *колхоз*, *комбат*, *комбриг*, *комсомол*, *комсостав*, *медпункт*, *медфак*, *нарсуд*, *обком*, *оргбюро*, *партсъезд*, *профдвижение*, *райисполком*, *райсовет*, *сберкасса*, *сельсовет*, *сельхозмашина*, *собкор*, *совхоз*, *соцстрах*, *спец*, *спецодежда*, *спецкор*, *стенгазета* (и *стенгаз*), *универмаг*, *управдом*, *физкультура*, *физмат*; *Волховстрой*, *Шатурстрой*, *генсек*, *главком*, *Главполитпросвет*, *ГОЭЛРО*, *комбед*, *Коминтерн*, *комячейка*, *Конармия*, *ликбез*, *наркомат*, *начдив*, *продармия*, *продотряд* и др.

В процессе естественного отбора отсеивались наспех сделанные речевые, окказиональные, «телеграфные» и иные локализованные и неудачные варианты сокращений, например: *губкомболь* (губернский комитет большевиков) (Тамбов), *кредеп* (Совет крестьянских депутатов) (Смоленск), *облиском* (облисполком), *Реввоенсов* (Реввоенсовет), *Наркомпросв* и проч.

55. Процесс общего стилистического упорядочения речи, вытеснения из ряда газетных стилей разговорной и просторечной лексики привел к известным функциональным ограничениям и в области аббревиатур — прежде всего слоговых аббревиатур. Одни из них были постепенно вытеснены из строгих книжных стилей (*зам*, *соцсоревнование*) или ограничены в употреблении узкими ведомственными рамками, другие — устранены и из всякого активного употребления (*совдеп*, *совслуж*, *рабсила*). Разумеется, при этом действовали и более частные причины, особые для каждого структурного типа или даже каждой отдельной аббревиатуры. Слоговые сокращения, подвергшиеся стилистической нейтрализации, употребляются без особых ограничений до настоящего времени (*исполком*, *колхоз*, *совхоз*, *госплан*, *совпартшкола* и проч.).

К. И. Чуковский писал (имея в виду естественный отбор): «Беспокоиться нечего: все эти словесные агрегаты не могут нанести языку никакого ущерба, потому что народ строжайшим образом контролирует их, сохраняет лишь те, которые вполне соответствуют духу языка, его природе, и без жалости отметает от себя всякую словесную нечисть» [27]. Это безусловно верно.

Напротив, несправедливы и субъективны выводы некоторых фельетонистов, будто бы порядок в аббревиации был достигнут исключительно благодаря вмешательству отдельных личностей и редакций газет [28]. В этих выводах недооценивается сила объективных закономерностей в развитии словообразования. Кстати сказать, весьма символично, что в языке удержались многие из тех аббревиатур, которые были в разные годы осуждены по пуристическим соображениям: *крайсовет*, *совнархоз*, *горисполком*, *всеобуч* (1919), *Моссельпром*, *ГУМ* (1922), *губоно*, *рабкрин*, *РКИ*, *госбанк* (1923), *Ленгиз*, *санпросвет*, *детдом* (1925), *МЮД* (1934) и т. д. [29]

56. С другой стороны, было бы несправедливо недооценивать в истории аббревиатурного способа образования слов значение сознательной нормализации в этой области, роль авторитетного примера, которому следуют как образцу.

Нормализаторская деятельность общества после гражданской войны коснулась многих вопросов аббревиации, в том числе и слоговой аббревиации. При этом имели успех те рекомендации и требования, которые опирались на объективные закономерности аббревиатурного словообразования, а именно: требование ограничить сферы применения аббревиации как словообразовательного

---

[27] К. И. Чуковский. Живой как жизнь. М., 1963, стр. 96.

[28] Ср.: В. Ф. Алтайская. Указ. соч., стр. 146.

[29] Показателен факт продолжающегося употребления ряда современных аббревиатур, неоднократно и настойчиво осуждавшихся в печати с чисто эстетических позиций: *ТТТ* (название волейбольной команды), *СК* (самоходный комбайн), *ЦПКиО*, *прораб* и др. Ср. также невольное напоминание о безуспешности пуристического подхода — при решении вопросов словообразования — в самом названии одного из антиаббревиатурных фельетонов: «С о т ы й (выделено нами.— *Авт.*) фельетон о порче великого русского языка» («Изв.», 7 июня 1964).

приема (особенно в области окказиального словотворчества); отказ от аббревиатур, эстетически неудовлетворительных (типа *шкраб* или *замдир*); повышение редакционных требований к публикациям, уменьшение насыщенности речевых отрезков аббревиатурами во избежание затемнения общего смысла речи [30]. В связи с этим постепенно укрепилось и узаконилось, например, обязательное использование расшифровки при первом употреблении малознакомых инициальных сокращений — наиболее «безызбыточных» по своим информационным возможностям.

57. Как уже упоминалось, некоторые филологи не считают распространение аббревиации в русском языке объективной закономерностью, поэтому они ищут, естественно, не столько причины, сколько виновников появления новых сокращений и приписывают их создание обычно неким канцеляристам, не обладающим элементарным языковым вкусом. При этом нередко ссылаются на В. И. Ленина, якобы дававшего указания насчет «беспощадной» борьбы с сокращениями. Действительно, В. И. Ленин высказывался отрицательно об отдельных сокращениях, однако, по известным словам А. В. Луначарского, «из своих эстетических симпатий и антипатий Владимир Ильич никогда не делал руководящих идей».

В. И. Ленин никогда не проявлял непримиримо-пуристического отношения к сокращениям. Он отмечал их непонятность, указывал на нежелательные звуковые ассоциации, говорил об ограничениях в употреблении, но не призывал к немедленному или полному искоренению сокращений, как поступали некоторые пуристы тех лет. Характерно, что в собрании сочинений В. И. Ленина не зафиксировано ни одного случая устранения В. И. Лениным аббревиатур в документах, написанных другими и представленных ему на подпись. Дело в том, что утверждения о «советских сокращениях» как самых непонятных словах для народа не соответствовали действительности [31].

---

[30] «Очевидно, существует естественный внутренний языковой количественный порог употребления аббревиатур на речевую цепь определенной длины» (Р. И. Могилевский. Аббревиация как лингвистическое явление. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1966, стр. 10). Ср. там же: «Вероятно, нарушение этих соотношений привело бы к тому, что аббревиатуры начали бы перегружать язык... и тем самым затруднили бы акт речевого общения. Таким образом, создается как бы динамическое равновесие между единицами аббревиатурного и неаббревиатурного порядка в речевой деятельности» (стр. 9).

[31] Ср. замечание Г. О. Винокура: «Примеров достаточно; все они громогласно свидетельствуют не в пользу тех, кто вопит об испорченном русском языке. Когда крестьянин не понимает слова «льгота», то смешно жаловаться на сокращения, якобы мешающие, препятствующие деревне приобщиться к общей культурной жизни государства. Сокращения наши, поскольку они только не плодятся наспех, без разбору, ко всякому удобному и неудобному случаю, будучи замкнуты в кругу понятий из сферы государственной, политической и экономической жизни,— есть составная часть современного русского языка и выполняют в составе этого языка свою культурную функцию» (Г. О. Винокур. Язык нашей газеты. «Леф», 1924, № 2, стр. 138—139).

О терпимом отношении к сокращениям можно судить по высказываниям В. И. Ленина в беседе со студентами-вхутемасовцами 21 февраля 1921 г.: «Ленину попалась книжка группы «Уновис». Ему объяснили, что «Уновис» — это утвердители нового искусства. Он смеется: «Ну, подумайте, товарищи, на что же это похоже — У-но-вис? Кто это поймет?» — «Владимир Ильич, а Совнарком — разве это понятно? Сов-нар-ком?»— «Вы правы, товарищи, Совнар-ком — непонятно. И не надо вводить в литературу сокращенных названий: они понадобились нам под влиянием чрезвычайных обстоятельств. Только поэтому мы их должны терпеть». И далее: «Владимир Ильич обратил внимание на сокращенное по-новому название нашей школы «Вхутемас» и сразу же начал безошибочно расшифровывать сокращение. Мы были приятно удивлены и спросили Владимира Ильича, как ему нравятся советские сокращения. Владимир Ильич начал очень комично каяться в своих грехах, что и он повинен в том, что испортил великий, могучий русский язык тем, что сам допустил наименования «Совнарком», «ВЦИК». Мы, наоборот, взяли под свою защиту сокращения, доказывая их удобство» [32].

Самые произведения В. И. Ленина наглядно отражают именно процесс становления и распространения аббревиации в русском языке. Так, если за весь 1918 г. В. И. Ленин употребил в своих работах (Полн. собр. соч., т. 35—37 и 50) немногим более 100 различных аббревиатурных слов, то в следующем году (т. 37—40 и 50) их число почти удвоилось, а через год (т. 40—42, 51 и 52) утроилось. В 1921 г. в одной лишь небольшой брошюре «Наказ от СТО (Совета Труда и Обороны) местным советским учреждениям» использовано более 40 аббревиатур (108 словоупотреблений):

Приводим результаты опроса красноармейцев в г. Чите (1923) о понимании ими значений слов (в %):

Типы слов	Правильные ответы	Неправильные ответы
1. Иностранные слова	3,3	23
2. Сокращения	60	10
3. Названия городов мира	36	18
4. Фамилии международных деятелей	40	20

(подсчеты произведены на основе данных из кн.: И. Н. Шпильрейн, Д. И. Рейтынбарг, Г. О. Нецкий. Язык красноармейца. М.— Л., 1928, стр. 10). Из той же книги следует, что среди опрошенных красноармейцев Московского гарнизона (1924—1925) более 90% правильно понимают слова: *зарплата, исполком, комбат, Коминтерн, компартия, комячейка, Моссовет, Наркомзем, Наркомпочтель, партработа, Политпросвет, политработа, политчас, политрук, РКЛСМ, РКП, СССР, физкультура, ЦК РКП*; более 80% — *Внешторг, Мопр, орнач* (орудийный начальник), *профсоюз, санчас, Сельмаштрест, УССР*; от 60 до 80% — *военкор, ВЦСПС, ВЧК, ГПУ, заготконтора, краском, РВСР, Реввоенсовет, селькор, Совнарком, спец, торгпредство, фабзавуч, ЦИК, ЦКК, чекист*; более 50% — *ВСНХ, комфракция, НЭП, Роста, эсер* и менее 50% — *Доброхим, Донбасс, НКТ, Профинтерн, РКИ, РСФСР, СТО* (стр. 168—176).

[32] «Ленин и искусство». М.— Л., 1929, стр. 113—114, 115—116.

Совнарком, *исполком*, *наркомат*, *всеобуч*, «*Бинт*», *совнархоз*, *Совдеп*, *сельсовдеп*, *сельком*, *спец*, *эконсовет* (*экономсовет*), *совхоз*, *колхоз* (в значении 'отдел исполкома по коллективным хозяйствам') [33], *профсоюз*, *леском*, *Рабкрин*, *Компрод* и др. Год спустя, в политическом отчете на XI съезде партии и заключительном слове (март 1922) — 50 аббревиатур (225 словоупотреблений): *Внешторг*, *Наркомпуть*, *управделами*, *нэп*, *по-нэповски*, *комбед*, *Центропроверком*, *ЦКК*, *экосо*, *гострест* и проч.). Кстати сказать, после иронического замечания о «гострестах» В. И. Ленин продолжает там же (и в последующих работах) употреблять это сокращение уже без иронии, в номинативной функции (Полн. собр. соч., т. 45, стр. 99, 154 и др.). В небольшом (8 стр.) постановлении о работе замов (апрель 1922), написанным рукой В. И. Ленина,— 46 аббревиатур (130 словоупотреблений): *СНК*, *ВСНХ*, *НКВТ*, *НКПС*, *НКВД*, *губэкосо*, *совласть*, *соваппарат*, *совслужащие*, *совбюрократия*, *хозработа*, *хозучреждение* и т. д. Наконец, в одной из последних работ В. И. Ленина — «Как нам реорганизовать Рабкрин» — 11 сокращений на пяти страницах употреблены не менее 70 раз: *нарком*, *Наркоминдел*, *НКИД*, *нэпман*, *Оргбюро*, *Политбюро*, *госаппарат* и т. д.

Совершенно очевидно, что в начале 20-х годов, в связи с общим усилением употребительности сокращений в русском языке, растет их число и в работах Ленина. Все это вполне понятно: находясь в центре революционных событий, руководя огромной страной, активно участвуя в создании нового государства, в том числе и в административных преобразованиях,— Ленин пользовался — и не мог не пользоваться при общении с народом, с окружающими — языком своей эпохи, а не языком времен Тургенева.

Важно подчеркнуть, что В. И. Ленин не просто принимал и употреблял сокращения, созданные другими, но и сам использовал аббревиацию, оказавшуюся на вооружении у революции, активно, творчески, умело. Помимо сокращенных названий новых учреждений, впервые упомянутых в ленинских черновых набросках декретов и постановлений (см. *Центроткань*, *Центроуголь*, *Центробанк* и др.), Ленину, видимо, принадлежат многие из слов, производных от аббревиатур. Например:

Ясно и то, что в общем мера ареста кадетской (и *околокадетской*) публики была необходима и правильна (Письмо А. М. Горькому, 5 сент. 1919); Кто же виноват, что многие профессионалисты развивают дух неприязни к новым работникам? Конечно, буферщик или *цектранщик* скажет — профессионалисты (Доклад на II Всероссийском съезде горнорабочих, 1921); ...любой из них, который должен был бы иметь практический материал, как *совнархозники*, так и профессионалисты, они ничего не дали, потому что ничего не имели (Речь на IX съезде РКП(б), 1920).

---

[33] Ср. в «Правде» от 6 января 1921 г. «обычный аппарат, обслуживающий *колхозы*: 1 делопроизводитель и 1 писец»; там же: *уколхозы*, *губколхозы*.

В годы массовой вариативности сокращений Ленин отдает предпочтение наиболее удачным, употребительным, многие из которых в дальнейшем прочно входят в язык. Так, из всех сокращенных названий *чрезвычайной комиссии* Ленин пользуется чаще всего двумя — *чрезвычайком* (1918) и *ЧК* (*Чека*). Ленин умело использует варианты сокращений для преодоления тавтологии, ср.: II конгресс *Коммунистического Интернационала* постановляет: условия принадлежности к *Коминтерну* следующие... (Условия приема в Коммунистический Интернационал, 1920); До сих пор сколько-нибудь путные книжки о *госкапитализме* писались при таких условиях и при том положении, что *государственный капитализм* есть капитализм (Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП(б), 28 марта 1922).

В целом В. И. Ленин использует всю массу употребительных аббревиатур своего времени (более 1000 аббревиатурных лексем), однако отбирает их дифференцированно, в зависимости от состава читателей или слушателей, от характера жанра и иных особенностей речи (в этом отношении язык местной и даже центральной периодики отличался куда меньшей упорядоченностью!). Так, например, в теоретических статьях Ленина сокращений сравнительно мало. Значительно больше — в статьях и устных выступлениях с практической направленностью, а также в официальных документах. Без особых ограничений аббревиатуры применяются в телеграммах, записках, черновых набросках и т. п. Инициальные аббревиатуры, которые могут быть не поняты читателями, Ленин, как правило, поясняет (даже в записках!) — как и слова иностранного происхождения.

Наконец, Ленин неоднократно прибегает к аббревиации (начиная с 1922 г.) как средству сатирическому и создает собственные авторские неологизмы для высмеивания или бичевания недостатков и пороков (а не самих аббревиатур, как иногда толкуют). Ср.: Что «хозяйственное крестьянство» «*увлекается*» (выделено В. И. Лениным.— *Авт.*) «задачей улучшения сельскохозяйственной культуры» — это выражено неловко и, к сожалению, тоже «*комхвастовство*» (Письмо в политбюро о тезисах Е. А. Преображенского, 16 марта 1922); Весь § не годится. Общие места. Фразы. Пожелания, всем надоевшие. Это и есть *современный* (выделено В. И. Лениным.— *Авт.*) «*комбюрократизм*» (Там же);... Лучшие коммунисты... не умеют хозяйничать и в этом смысле они хуже рядового капиталистического приказчика, прошедшего школу крупной фабрики и крупной фирмы. Этого мы не сознаем, тут осталось коммунистическое чванство — *комчванство*, выражаясь великим русским языком (Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) 27 марта 1922); «*комвранье*» (Там же).

Важно отметить, что отрицательные замечания В. И. Ленина об отдельных аббревиатурах, носившие обычно попутный характер, обусловлены были отнюдь не одними только эстетическими или лингвистическими соображениями, а всякий раз имели под собой

политическое обоснование. Так, ленинская ироническая реплика по поводу слова *совнархоз*, сделанная именно в 1919 г. (В. И. Ленин свободно пользуется этим сокращением и в 1918 и в 1920 гг.)[34], связана с «левыми» предложениями о создании «всемирного *совнархоза*» и направлена против этих предложений (см. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 175 и 177). Резкие выступления против слова *шкраб* связаны с борьбой за авторитет учителя, с задачей «воспитать новую армию педагогического учительского персонала, который должен быть тесно связан с партией» (Полн. собр. соч., т. 41, стр. 403), с задачей поставить народного учителя «на такую высоту, на которой он никогда на стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе» (т. 45, стр. 365). Сам Ленин словом *шкраб* никогда не пользовался [35]. Характерно, что Ленин не осудил другого неблагозвучного сокращения — *Скнемвар*, созданного в 1920 г., проявив тем самым тактичность по отношению к его неприхотливым сочинителям-коммунарам, хотя очевидно, что слово ему не могло понравиться [36].

---

[34] Ср.:... Строительство социалистического общества... создало ряд главнейших органов этого строительства (например, *совнархозы*) (О задачах профсоюзов, 1918). См. также: Полн. собр. соч., т. 37, стр. 365, 397 и др.; т. 50, стр. 84, 209, 225; т. 51, стр. 164, 344; т. 42, стр. 151 и т. д.

[35] Непочтительное слово *шкраб*, полагаем, возникло в тот период, когда старое учительство в значительной массе еще занимало антиреволюционную позицию («надо сказать, что главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником Советской власти».— В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 420), когда «учительская организация боролась с социалистическим переворотом» (т. 41, стр. 403), когда с организациями, подобными Учительскому союзу, «мы боролись во всех областях жизни» (т. 37, стр. 431). Как писала «Правда» в 1925 г. о старом учителе, это «нечто загнанное, обиженное, стоящее в стороне от бурного революционного потока, ущедшее в свою профессию. И это слово (*шкраб*) было воспринято работниками просвещения в тот период как нормальное, в котором нет обидного смысла...». В последние годы «слово „*шкраб*“ кажется обидным учителю-общественнику» (А. М. Селищев. Язык революционной эпохи, стр. 196). Ср. также об этом в художественном произведении — в записи, отнесенной к 1925 г.: «А из наших *шкрабов* в китайских событиях не разбирался никто. В политграмоте тоже были как в потемках... Вот почему нельзя доверять воспитание и образование смены таким людям. И вот поэтому я решил быть учителем (я думаю, что к тому времени, как я окончу вуз, названия «*шкрабы*» уже больше не будет)» (Н. Огнев, Исход Никпетожа, 1932). О слове *шкраб* см. также: К. И. Чуковский. Живой как жизнь, стр. 91—92.

[36] См. описание В. А. Карпинским диалога В. И. Ленина с наркомом земледелия С. П. Середой: — Сегодня, Владимир Ильич, получен один очень интересный документ.— Какой же? — Устав «Скнемвара».— Как? Как? Повторите! — Устав «Скнемвара».— Это что же такое? — Название сельскохозяйственной коммуны... Где-то на Урале... — А, это действительно очень интересно! Дайте-ка мне устав! — Извольте, Владимир Ильич! Название коммуны составлено из первых букв фамилий ее организаторов. Замысел-то был хороший, а вот исполнение получилось...— Ничего. Это их дело...— ... Итак, утверждаем? — Безусловно («Пр.», 16 янв. 1965). После утверждения Лениным, судя по рассказу, коммуна под названием «Скнемвар» просуществовала не менее 10 лет. Это один из случаев, «когда народные массы сами, со всей своей девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью начинают творить историю, воплощать в жизнь прямо и немедленно «принципы и теории» (В. И. Ленин, К истории вопроса о диктатуре, 1920).

И последнее. При всей терпимости в отношении к аббревиатурам Ленину всегда были чужды те ненужные излишества, которые нередко допускались в тот период в аббревиации. Разумеется, в годы революции и гражданской войны, годы борьбы с разрухой и голодом вопрос о литературных нормах не был и не мог быть «вопросом № 1». (Общественную весомость он приобретает несколько позднее.) Тем не менее и в этих условиях Ленин показывает образцы умелого, дифференцированного употребления словарных богатств русского языка.

Словарь Ленина необыкновенно широк по стилистическому диапазону: от сугубо научных терминов (включая иноязычные, употребляемые без перевода) до просторечия и собственных новообразований. И В. И. Ленин мастерски подбирает или создает нужные слова в зависимости от того, предназначено или не предназначено написанное, подписанное и сказанное им для публикации. Так, в личной переписке, в записках, даже служебных телеграммах Ленин со всей непосредственностью пользуется выразительными окказионализмами, меткими разговорными, просторечными и иными языковыми средствами, ср.: Бухарин лоялен, но зарвался в «левоглупизм» до чертиков. Сокольников свихнулся опять. Ларин — мечущийся интеллигент, ляпала первосортный (Письмо А. А. Иоффе, 2 июня 1918); На сибирском фронте поставили какую-то сволочь Ольдерогге и бабу Позерна и «успокоились»... Надо лучших, *энергичнейших* (выделено В. И. Лениным.— *Авт.*) комиссаров послать на юг, а не сонных тетерь (Письмо С. И. Гусеву, 16 сент. 1919; см. также: Полн. собр. соч., т. 50, стр. 171, 219; т. 51, стр. 48 и др.).

Тем строже и тщательнее все, что предназначалось для печати, Ленин отрабатывает, редактирует, требует редактирования от других, хотя и сознает, что в тогдашних условиях трудно избежать ошибок, «потому что у нас нет месяцев для того, чтобы за эту работу засесть со спокойствием, необходимым для редакторской работы» (Полн. собр. соч., т. 36, стр. 56).

Точно так же Ленин не всякие аббревиатуры, свободно употребляемые в записках, ведомственной телеграфной переписке, в набросках и проч., допускает в печатные работы и официальные выступления. Таковы, например, разговорно-просторечные сокращения *ме-ки* (меньшевики) (Письмо в ЦК РСДРП(б), дек. 1917) и *беки* (т. е. большевики) (Письмо Г. Е. Зиновьеву, 20 июля 1918), необщепринятые, но максимально краткие варианты аббревиатур — *НКомат* (Проект постановления ЦК, 1920), телеграфные сращения сокращений — *Реввоенсоветтрударм* (Телеграмма Реввоенсовету, 10 февр. 1920), *Эваккомсовобороны* (Телеграмма Д. Н. Аврову, 28 окт. 1920) и проч. В статьях же, докладах, декретах и постановлениях встречаем только общепринятые сокращения, вошедшие и входящие в повседневный обиход. Процесс отбора Лениным сокращений в печать (и типы употребляемых аббревиатур) виден из табл. 4, учитывающей все работы сравниваемых лет.

Таблица 4

Годы	Употреблено всего аббревиатурных слов	В том числе в работах для печати	Типы сокращений			
			Инициальный	Слоговый и смешанный	Слог + + слово	Производные от аббревиатур
1917 (ноябрь—декабрь)	30	20	11	8	5	6
1918	112	33	18	47	38	9
1919	210	62	30	94	74	12
1920	337	81	43	144	134	16

В ленинских работах для печати употребительны в эти годы: *Викжель*, *военспец*, *волисполком*, *ВСНХ*, *ВЦИК*, *ВЦСПС*, *ВЧК*, *Главк*, *Главкожа*, *главком*, *Главод*, *Главполитпросвет*, *ГОЭЛРО*, *губземотдел*, *губисполком*, *губком*, *губпродком*, *губсовдеп*, *губсовнархоз*, *губчека*, *Донбасс*, *Запфронт*, *земотдел*, *исполком*, *кадет*, *кадетский*, *комбед*, *Коминтерн*, *Компрод* (и *Наркомпрод*), *комячейка*, *левоэсеровский*, *МК*, *нарком*, *наркомат*, *Наркомзем*, *Наркомпрос*, *Наркомпуть* и *НКПС* и др., *Оргбюро*, *партсъезд*, *Политбюро*, *продармия*, *профсоюз*, *Реввоенсовет*, *РВС*, *ревком*, *РКП*, *РСДРП*, *РСФСР*, *СНК*, *Совдеп*, *Совнарком*, *совнархоз*, *Совтрудобороны*, *совхоз*, *спец*, *СТО*, *уисполком*, *уземотдел*, *Центросоюз*, *Центротекстиль*, *ЦИК*, *ЦК* (*Цека*), *цекист*, *ЧК* (*чека*), *чекист*, *чекистский*, *эсер*, *эсеровский* и ряд других.

58. Неупорядоченность в образовании аббревиатур после гражданской войны вызвала горячую полемику, развернувшуюся в 1923—1925 гг. Она продолжалась и в 30-е годы. Многие выступившие занимали откровенно антиаббревиатурные позиции, что было естественной реакцией на излишества в творчестве аббревиатур, но раздавались и более трезвые голоса. Несмотря на субъективный характер ряда пуристических рекомендаций, дискуссия не прошла совершенно бесследно и в целом способствовала стабилизации аббревиатурного словообразования и упорядочению употребления аббревиатур в речи. Особо остро обсуждалась полноценность аббревиации в целом как способа словообразования; оценивались и отдельные аббревиатуры, их коммуникативные возможности и эстетическая приемлемость. Здесь мнения выступавших значительно расходились, ср.: «Русский язык жестоко пострадал за время революции. Ничто не подвергалось у нас такому безжалостному изуродованию, такому беспощадному исковерканию, как язык» [37]. С другой стороны: «Если в старое время хватало времени и терпения сказать: «Командующий Пятой армией», то теперь едва поспевают бросать: Командарм 5. И все. Кратко. И, несомнен-

[37] Ю. Яснопольский. Указ. соч. См. также: А. Г. Горнфельд. Новые словечки и старые слова. Пг., 1922, стр. 17.

но, красиво. Как бы то ни было, но революции, во всяком случае, некогда было считаться с музыкальностью новых словообразований» [38].

Характерно, что огульное отрицание советских сокращений расценивалось как проявление реакционности и контрреволюционности [39]. Нередко так оно и было в действительности [40]. Господствующим оказалось мнение о приемлемости сокращений в русском языке, что и соответствовало объективному положению вещей.

В ходе оценки разрабатывалась и уточнялась и самая классификация сокращений по структурным типам.

59. Остро встал вопрос о нормах использования сокращений в речи. Было признано, что налицо злоупотребление аббревиатурами, что необходимы ограничения [41]. Собственно, каких-либо точных критериев в эту эпоху не было установлено.

Практика использования аббревиатур основывалась на языковом чутье, и во многих случаях этого было достаточно. Так, например, в ряде устных и печатных выступлений В. И. Ленина 1921—1923 гг. относительно велико число слоговых и иных разговорно окрашенных сокращений, но это не воспринимается как излишество или разностильность, как отступление от характерного и отточенного ленинского стиля. В любом официальном докладе Ленина, как правило, слоговые и частичносокращенные аббревиатуры представлены заметно слабее, чем в произносимом экспромтом и обычно полемическом заключительном слове по этому же докладу. Небезынтересно отметить, что, например, в выступлениях тех же лет М. И. Калинина, иных по стилю, разговорно окрашенных сокращений гораздо меньше, чем у Ленина.

60. Борьба вокруг аббревиации имела серьезные «глубинные» причины, далеко не всегда ясные самим носителям языка.

Сложносокращенные слова несли в себе глубокое противоречие. Массовое их создание — едва ли не единственный случай, когда

---

[38] «Словарь вошедших в обиход сокращенных названий», изд. Н. Н. Серокузов. Владивосток, 1924, стр. 2. Ср.: «Мне самым решительным образом приходится протестовать против заявлений, что сокращения эти «коверкают» якобы русский язык, являются совершенно ненужными и бесполезными» (Г. О. Винокур. Язык нашей газеты, стр. 137). См. еще: А. М. Селищев. Революция и язык, стр. 216; П. Я. Черных. О новых словах. «Этнографический бюллетень». Иркутск, 1923, № 3, стр. 13.

[39] Ср.: «Наиболее реакционные академические круги ведут неустанную работу против проникновения в литературный язык зародившихся в устной речи сокращений и против превращения графических сокращений в слова произносимой речи» (А. М. Сухотин. Проблема «сокращенных слов» в языках СССР.— В кн.: «Письменность и революция», сб. 1. М.— Л., 1933, стр. 154).

[40] См. подробнее: А. Н. Кожин. Указ. соч., стр. 46 и далее.

[41] Интересно мнение Л. В. Щербы, который не отрицал аббревиатурного способа словообразования в целом, но выступал за ограничения в употреблении аббревиатур: «Ничего особенного в них, конечно, нет, так как на подобных же принципах создавались слова и раньше... разительным является лишь их изобилие. Рассуждая трезво, нельзя не признать, что неумеренное пользование подобными словами портит язык (Указ. соч., стр. 5).

в русском языке революционнной эпохи приобретает широкий размах процесс увеличения языкового кода; естественно, этот процесс, как обычно, связан с сокращением текста (см. I, § 5). Действительно, аббревиация удваивала и даже утраивала инвентарь корней и основ, инвентарь названий. Наряду с *советский* получило права синонимическое *сов-*, наряду с *Совет народных комиссаров* было узаконено *Совнарком* и *СНК* (эсэнка́). Уже говорилось, что решение антиномии «код — текст» в пользу кода не характерно для эпох демократизации языка. Таким эпохам, напротив, свойственно стимулировать сокращение кода при увеличении размеров текста.

Приходится предположить, что аббревиатуры были вызваны к жизни (при «попустительстве», а затем и поддержке внутриязыковых законов) изменениями в объектах называемой, отражаемой в языке действительности, а отнюдь не влиянием демократизации языка, не тем, что изменился состав говорящих. Эти два ряда социальных причин — изменение объекта языка (отраженной в языке действительности) и субъекта языка (расширение круга носителей литературных норм) не всегда совпадают в своих воздействиях на языковое развитие.

В данном же случае они выступают даже антагонистично. Огромное количество новых реалий потребовало новых названий; были использованы для обозначения этих реалий сложные наименования и, как их удобный заменитель, аббревиатуры [42]. Но, при массовом производстве сокращений, они затрудняли понимание речи; их необычные грамматические и фонетические свойства мешали новым носителям литературного языка правильно их использовать.

Поэтому и оказался таким напряженным вопрос об этих нововведениях: широкое их распространение было порождено революцией и в то же время требовалось строгое ограничение их использования в речи, чтобы они не стали серьезной помехой в культурном строительстве революционной эпохи. Это диалектическое противоречие снималось только мастерством, языковым вкусом каждого пишущего и говорящего (блестящий пример — язык В. И. Ленина).

Дискуссия вокруг аббревиатур отражала описанное противоречие и до известной степени помогала его преодолеть.

Тогдашние рекомендации, если они имели ограничительный, а не уничтожительный характер [43], при всей их вынужденной

[42] В данном случае проявилась внутренняя антиномия между структурой и употреблением (см. I, § 5).

[43] Уничтожительные рекомендации были, однако, нередки. «В те годы еще господствовала, преимущественно у старой интеллигенции, точка зрения пуризма: новое в словоупотреблении и литературном словотворчестве охотно признавалось загрязняющим, искажающим литературный язык» (С. И. О ж е г о в. Очередные вопросы культуры речи. «Вопросы культуры речи», вып. 1. М., 1955, стр. 12). Вот примеры таких оценок: «Сокращения остаются в языке инородными телами,— и, равнодушный к их бытию, он извергает их по мере

поспешности, а иногда и поверхностности, способствовали усовершенствованию вкуса, мастерства пишущих, критического отношения к аббревиатурам, сознательности в отборе аббревиатурных вариантов и т. п.

61. Усовершенствования, достигнутые за последующие тридцать — сорок лет, шли, впрочем, лишь отчасти по тем линиям и в том направлении, которые намечало общественное мнение. Назовем эти усовершенствования.

а) Преодоление беспорядочности, известной бездумности и коммуникативной бесцельности в распределении полных и сокращенных синонимов на протяжении написанного текста. Постепенно сложились и укрепились определенные нормы (точнее — традиции), которые в 20-е годы только еще нащупывались.

Вот небольшой пример полного текста из современных газет: «Японии следовало бы иметь свои собственные атомные *подводные лодки*, и я надеюсь, она построит их в будущем,— заявил на пресс-конференции в Нагоя вице-адмирал Итидзо Сугиэ. Вице-адмирал прибыл в Нагоя инспектировать базу японских военно-воздушных сил. Сейчас, по словам Сугиэ, Япония имеет пять *подводных лодок*. В будущем она будет строить по одной *подлодке* ежегодно» (Из газет 60-х годов).

б) Сознательное ограничение доступа в строгие книжные стили некоторых сокращений, слишком разговорных и просторечных, оттеснение их на периферию, в «сниженные» жанры.

в) Вытеснение из употребления дублетов и вариантов «индивидуального строения», наличие которых в 20-е годы особенно наглядно свидетельствовало о неблагополучии в словоупотреблении. Так, уже в предвоенные 30-е годы вытеснены варианты *Компрод*, *Комздрав* и пр., имевшие широкое хождение наряду с *Наркомпрод*, *Наркомздрав* и т. п.

Сформирование рядов аналогично построенных слов в слоговой аббревиации в 30-е годы сказалось в вытеснении менее удобных препозитивно-слоговых вариантов (*го-*, *гла-*, *профес-*, *Мо-*, *Ро-*), а также в том, что сокращению стали подвергаться не любые, а только наиболее «перспективные», частотные прилагательные и существительные из состава словосочетаний. С помощью таких компонентов слоговые сокращения создаются легко и свободно. Кроме того, вытеснены из аббревиатурного словообразования (утратили продуктивность, заменены полными словами, ограничены препозитивным употреблением) многие малочастотные постпозитивные компоненты, число которых, относительно небольшое и в прошлом, ныне упало до жесткого минимума. Примеры утраченных постпозитивов: *-деп* (*совдеп*, *губсовдеп*), *-образ* (*наробраз*), *-газ*

возможности» (А. Г. Горнфельд. Указ. соч., стр. 17). Или: «Мазоновский словарик сокращений к нашим дням уже наполовину полон мертвыми душами; Дложевский предсказывает даже их окончательное вымирание» (Л. Успенский. Русский язык после революции.— «Slavia», roč. X, seš. 1, 1931, стр. 265).

стенгаз, ср. *стенгазета*), *-парт* (*райкомпарт*, ср. *райком партии*), *-кон* (*Госкон*, ср. *госконтроль*), *-воен* (*наркомвоен*), *-юж* (*начснабюж*), *-укр* (*Совнаркомукр*) и проч. Многие малочастотные, а потому малопонятные сокращения уходят из употребления. Были и остаются продуктивными препозитивные слоговые отсечения от самых частотных прилагательных и существительных: *гос*, *спец*, *снаб*, *пром*, *сельхоз*, ср. также: *Рос*, *Укр*, *Мос*, *Лен* и т. п. (всего несколько сотен). Единичные и малочастотные отсечения сохранились в сложносокращенных и частичносокращенных словах лишь в силу лексической закрепленности: *прораб*, *зарплата*, *подлодка*, *стенгазета* и т. п. Как правило, они совершенно непродуктивны.

г) Сужение жанровых рамок и функционального назначения окказионального словотворчества. На первом этапе окказиональные сокращения по нормам того времени вводились в речь (в ходе изложения вопроса) с простым номинативным назначением. Примеры из газет 1918 г.: *Англопосольство* они превратили в конспиративную квартиру заговорщиков; *Англоправительство* арестовало Литвинова; Как это думают товарищи-*военносовненавистники*, имеющие наклонности к сепаратизму; Приказ по Красной Армии и *Красфлоту* и т. д.

К концу 20-х годов такое словоупотребление затухает, а к концу 30-х и вовсе прекращается.

Итак, «функциональные успехи» в использовании аббревиации достигнуты вовсе не за счет отказа от аббревиатур. Успехи явились результатом роста языковой культуры, развития бережного отношения к литературному языку [44].

62. Однако несомненное ограничение в создании и использовании слоговых аббревиатур в 30-е и последующие годы наступило [45]. Подавляющее большинство современных продуктивных слоговых компонентов появилось именно в период 1918—1920 гг., и последующие неологизмы создавались за счет новых комбинаций этих компонентов, ср. современные *госхоз*, *Запсиб*, *Севсиб* и др. Громадный список слоговых компонентов, освоенных в первое по-

---

[44] См.: Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко. О некоторых вопросах развития языковой культуры народов СССР. — ВЯ, 1966, № 2, стр. 3. — Кстати сказать, естественная интенсификация аббревиатурного словотворчества и словоупотребления, проявившаяся в период Великой Отечественной войны, уже не могла в силу тех же причин привести к излишествам, наблюдавшимся в гражданскую войну.

[45] Любопытно свидетельство критика Л. Теракопяна о распространенности слов такого рода в первые десятилетия после революции: «Помнится, в одной из статей известного в 30-х годах критика А. Селивановского меня поразила такая фраза: «...у него глаз *изоработника*». Не живописца, не художника, как сказали бы сейчас, а именно — *изоработника*. Это слово тогда вовсе не вызывало улыбки. Оно дошло до нас как штемпель времени.

В повести А. Рекемчука «Товарищ Ганс» юный Санька Рымарев рассматривает проступившие сквозь побелку на фасаде старинного здания литеры «Пащенко и К°, галантерейная и колониальн...» «Черт-те что, не разберипоймешь,— удивляется Санька. То ли дело висящая внизу всем понятная вывеска „Церабкооп"» («Комс. пр.», 26 авг. 1965).

слереволюционное десятилетие, за следующие довоенные годы пополнился очень немногими новыми отсечениями.

В период Великой Отечественной войны этот процесс несколько активизируется (*мин* — минометный, *маск* — маскировочный, *мото* — моторизованный, *информ* — информационный и некот. др.).

63. Послевоенный период характеризуется очень умеренным «урожаем» новых компонентов, используемых в основном для конструирования частичносокращенных слов: *армоцемент*, *кибермашина*, *Атомиздат* и некот. др. Как видно, бурное созидание слоговых аббревиатур ушло в прошлое [46].

В 30-е и последующие годы класс слоговых сокращений (входящих в частичносокращенные слова) понес большую потерю: многие из слоговых заместителей слов — как раз те, которые приобрели наиболее широкое распространение в речи, — получив возможность свободной сочетаемости с существительными, превратились в аналитические прилагательные (см. IV, § 73—88). Внешне единицы типа *профсобрание*, *партбюро*, *совслужащий* не изменились, но внутренняя их перестройка, ввиду иных связей с другими единицами языка, была очень глубокой: из сложносокращенных слов они стали словосочетаниями, где *проф-*, *парт-*, *сов-* и под. являются аналитическими прилагательными.

64. Особо следует назвать большую группу слоговых сокращений, которые постепенно выпали из активного употребления естественным путем — при закрытии и реорганизации учреждений или их переименовании. Такие слоговые аббревиатуры уже не возобновлялись, так как новые названия в большинстве оказывались неслоговыми и неаббревиатурными. Ушедшие в пассив сохраняются ныне лишь в качестве историзмов, например: *Вхутемас*, *Истпарт*, *комбед*, *Коминтерн*, *Литбел*, *ликбез*, *продком*, *Пролеткульт*, *Рабкрин*, *рабфак*, *совнархоз*, *Торгсин*, *Центробалт*, *лекпом*, *нарком*, *наркомат*, *начдив*, *полпред*, *Совнарком* [47].

---

[46] Определенная часть инициально-слоговых и даже слоговых сокращений находится под воздействием инициальных аббревиатур и усвоила в качестве предпочтительной их прописную орфографию, а иногда и побуквенное (вместо слогового) произношение: *ГОЭЛРО* (первоначально — *ГОэлро*), современное *АН-10* («*а-эн-десять*»), ср. также *РОСТ* (прежний вариант написания — *Роста*), *ВХУТЕМАС* (ср. *Вхутемас*), *ГИТИС*, *ИНБИ* (Ин-т биохимии), *ВОХР* (внутренняя охрана), *ИМЛИ* (Ин-т мировой литературы), *ТУ-104*, *МИ-6* и проч. При зрительном восприятии такие нечленимые сокращения нередко квалифицируются читающими как инициальные. См. подробнее: Д. И. Алексеев. Буквенные аббревиатуры и их классификация. «Уч. зап. Мелекесского гос. пед. ин-та», вып. 1, 1958, стр. 58—62. Ср. также: Р. И. Могилевский. Указ. соч., стр. 20.

[47] Следует отграничивать историзмы послереволюционные от историзмов дореволюционных. Последние имеют узкую и ограниченную сферу употребления, в то время как первые активно и систематически используются на страницах современной периодической печати, и лишь условно могут быть отнесены к пассивному словарю, ср. газетные заголовки: План *ГОЭЛРО*, *Полпреды* нашего искусства, Современные *чекисты* и т. д. и т. п.

65. Именно неслоговые инициальные сокращения в последние десятилетия оказались исключительно продуктивными.

Уже в 40-е годы среди аббревиатурных неологизмов господствуют не слоговые (их, как уже говорилось, сравнительно немного), а инициальные [48].

Одновременно происходит разграничение сфер действия инициальной и слоговой аббревиации. Первая используется преимущественно для создания имен собственных, не требующих мотивированности,— названий стран, партий, учреждений и т. п., т. е. единичных объектов разного рода. Вторая, становясь способом создания расчлененных мотивированных обозначений, используется для создания и нарицательных и собственных имен.

За последние 20—25 лет во многих тематических сферах инициальных неологизмов возникает значительно больше, чем слоговых. Например, ныне инициальные сокращения в письменной речи почти безраздельно господствуют над слоговыми при именовании:

государств и союзных республик — *ПНР*, *ОАР*, *КНДР*, ср. сокращения 20-х годов: *Литбел* — Литовско-Белорусская республика, *Башреспублика*, *Кирреспублика*;

коммунистических, рабочих и других политических партий и объединений всех стран — *ИКП*, *ФКП*, *ПОРП*, *ВПТ*, транслитерации: *АКЭЛ*, *ЭЛА*;

международных организаций, возникших после 1945 г.,— *ООН*, *ВСМ*, *СЭВ*, *МОК*, транслитерации: *ЮНЕСКО*, *ФАО*, *НАТО*, *ФАИ*, *ФИДЭ*, ср.: *Коминтерн*, *Профинтерн*;

научно-исследовательских учреждений и обществ Советского Союза — академий, обсерваторий, библиотек, музеев, архивов: *АН СССР*, *ГАО*, *ГБЛ*, *ЦГАОР*, различные *НИИ*, *ВНИИ*, *ЦНИЛ*, *НТО*, ср. в начале XX в.: *Вомедак*, *Морак*, *Хозакарф*;

высших и средних учебных заведений — *МГУ*, *ЛГПИ*, *МВТУ*, *ВПШ*, *ГПТУ*, ср.: *Вхутемас*, *Вхутеин*, *Перполин*, *Перпетун*;

промышленных предприятий и промышленной продукции (особенно орудий производства — *ЗИЛ*, *МАЗ*, *АТЭ*, *УЗТМ*, *МЗМА*; *ДТ* (трактор), *СК* (комбайн), *ЭШ* (экскаватор);

военных, научных и технических понятий — *ПАЗ* (противоатомная защита), *АМС* (автоматическая межпланетная станция), *ТРД* (турбореактивный двигатель).

Большинство современных инициальных аббревиатур принадлежит к так называемой номенклатурной, ведомственной и терминологической лексике, что ограничивает область их функционирования. Однако аббревиатуры, как и иная профессионально-терминологическая лексика, проникают и в язык массовой коммуникации, в том числе в газеты и радиопередачи. Естественно, что и здесь господствуют инициальные сокращения. Ср. (табл. 5) наши подсчеты в «Правде» за 1964 г., № 34—38 (в скобках для срав-

[48] Ср.: А. Н. К о ж и н. Из наблюдений над сложносокращенными словами в русском языке (На материале лексики эпохи Великой Отечественной войны). «Уч. зап. МОПИ», т. XXXII, вып. 2, 1955, стр. 81.

нения приведены подсчеты Л. А. Шеляховской, сделанные на значительно большем газетном материале — 500 тыс. словоупотреблений против наших 70 тыс.) [49]:

Таблица 5

Типы сокращений	Количество лексем	Частотность (количество словоупотреблений)	Средняя повторяемость
Инициальные	76 (136)	876 (6506)	12 (48)
Слоговые	46 (59)	332 (2171)	6,8 (37)
Слог + слово	71 (111)	185 (739)	2,6 (6,6)
Производные аббревиатурных основ	19 (16)	100 (491)	5,2 (31)
Графические обозначения	42 (33)	230 (1706)	5,5 (52)
Итого:	254 (355)	1723 (11613)	6,4 (33)

66. В чем же причина такого торжества инициальных сокращений? Ведь неудобство их в речи очевидно: они не имеют внутренней формы (вернее, имеют мнимую внутреннюю форму) — по составу инициальной аббревиатуры нельзя узнать, что она обозначает. Сторонники инициальных сокращений рекомендуют любую необщественную аббревиатуру при первом упоминании в тексте для ясности расшифровывать; но это уже само по себе достаточно обременительное условие их употребления. Надежда, что постепенно нужда в таких расшифровках отпадет, так как люди привыкнут к данному сокращению, вряд ли оправдается: из нескольких тысяч инициальных аббревиатур лишь очень немногие настолько часто употребляются, что их можно запомнить. Большинство таких сокращений всегда будет нуждаться в пояснениях, следовательно, они, как правило, неудобны в обращении. Более того: обладая скрытой, затрудненной внутренней формой, они неизбежно будут вызывать ложные осмысления и неверные расшифровки [50].

---

[49] См.: Л. А. Шеляховская. Опыт статистического анализа употребления аббревиатур в современном русском языке.— В кн.: «Синхроническое изучение различных ярусов структуры языка». Алма-Ата, 1963, стр. 55.— Хотя данные Л. А. Шеляховской и расходятся в некоторых случаях с нашими, но они тоже свидетельствуют о превалировании инициальных сокращений над всеми другими.

[50] Вот характерный пример: Приятель, газетный художник, сказал при встрече: — Меняю место работы. Ухожу из редакции в *СХКБ*...— За многие годы все мы накопили известный навык в разгадывании труднопроизносимых буквосочетаний подобного рода, и потому я почти не смутился: — *СХКБ?* Что-то *сельскохозяйственное?* И что же ты собираешься там делать? — А вот и не угадал,— с торжеством сказал художник.— *СХКБ* — это значит: *специальное художественное конструкторское бюро.* Приходи в гости!.. («Лит. газ»., 18 июня 1966).

В общественной оценке инициальных аббревиатур значительную роль играет и эстетический критерий. Семантически невыразительные, они и в звуковом отношении нередко уродливы,— конечно, не все, но многие. Вокалически они крайне однообразны (назойливо повторяется [э]: *у-зэ-тэ-эм*, *гэ-бэ-эл*, *гэ-пэ-тэ-у*); по размещению согласных они зачастую уродливо-хаотичны: консонантные сочетания в них слишком часто бывают нетипичны для русского языка [51].

Поэтому понятны общественные протесты против злоупотребления инициальными сокращениями в речи. Протесты повторяются с конца 30-х годов до наших дней: «Прямым издевательством над читателями являются бессмысленные сокращения, которыми все еще пестрят многие газеты. Вот заголовки из газеты «Батумский рабочий» — «Практика студентов на *БНЗ* прошла неудовлетворительно». Какой *БНЗ?* Что это значит? Только в одном номере газеты «Кусдинский льновод» (Свердловская область) мы обнаружили следующие сокращения: *РКШ*, пожохрана, лесозаг, *СПО*. Люди пишут об интересных, важных, волнующих событиях, о героизме труда. И вот живые яркие факты нашей жизни незадачливые газетчики обволакивают унылыми непонятными словами вроде *УКС*, *КПЦ*, *ДПД*, *ЛПТ*, замдир (это означает заместитель директора)» (Обзор печати в «Правде» от 2 февр. 1938).

Эстетический критерий с ростом общей языковой культуры становится весьма значимым для судьбы языковых новаций [52]. В 30-е и тем более последующие годы вряд ли возможно считать его второстепенным.

67. Несмотря на свои объективные недостатки, несмотря на многочисленные протесты в печати, инициальные аббревиатуры оказываются очень продуктивными; более того: по мере приближения к 60-м годам их продуктивность возрастает [53].

Объясняется это несколькими причинами.

Многие из этих обозначений — результат канцелярского словотворчества. А канцелярит в последние два-три десятилетия оказывает заметное влияние на речь; сопротивляться этому влиянию особенно трудно, когда слова, созданные в духе канцелярита, являются самоназваниями учреждений, контор, отделов и т. д. Употребление их становится обязательным, если надо упомянуть

---

[51] Однако сочетания, прямо противоречащие фонетическим законам, не допускаются. Ср.: *ФЗУ* = *фэ-зэ-у́*, а не *эф-зэ-у*.

[52] Конечно, и слоговые аббревиатуры, и частичносокращенные слова могут быть эстетически неприемлемы (ср. *шкраб*, *замдир*), но это не общее их качество.

[53] Некоторые инициальные сокращения по праву вошли в литературный язык. Они — максимально экономное средство обозначения для государств, учреждений и т. д., имеющих словесно-расчлененное название; поэтому для особенно частотных наименований такой экономный способ оправдывает себя — именно они-то и укрепляются в литературном языке как полноправные его члены (*СССР*, *РСФСР*, *ЦК*, *КПСС* и некот. др.).

эти, обобщенно говоря, «инстанции»: на инициальных сокращениях лежит в этом случае печать официально утвержденного названия.

С другой стороны, многие инициальные сокращения в письменных текстах являются не реальными языковыми единицами, а условно-графическими иероглифами, которые в живой речи совершенно не употребительны. Даже при чтении, например, газеты вслух (какому-либо кругу слушателей) такие иероглифы обычно заменяются полными названиями. В газете могут быть заглавия: «Выставка достижений *ПНР*», «Спортивные соревнования в *КНДР*». Но очень маловероятны такие реплики в живой речи: «Ты был на выставке достижений *пэ-эн-эр*?» — «Читал о спорте в *ка-эн-дэ-эр*?» Говорится: «в Корейской Демократической Республике», «достижения Польши или Польской Республики». Поэтому наплыв сокращений типа *ПНР*, *КНДР* говорит в значительной мере о росте условности нашего письма, а не о фактах языка.

Наконец, те инициальные аббревиатуры, которые действительно созданы как слова и приняты в язык, возможно, свидетельствуют о том, что имена собственные остаются верны своей давней и устойчивой особенности: немотивированности. Действительно, большинство собственных имен не имеет внутренней формы. Это относится и к именам людей, и к названиям улиц, городов и т. д. В первые годы революции людям при рождении часто давали и мотивированные собственные имена (Витамин, Мир, Свобода и т. д.). Это оказалось неудобным, и последовал возврат к именам без живой внутренней формы. Нарицательные названия не-лиц. конечно, в большей степени могут мириться с мотивированностью, но и здесь начинает действовать та же старая языковая тенденция.

С помощью инициальных аббревиатур, как говорилось, большей частью создаются имена собственные. Следовательно, реализуется стремление называть отдельный единичный объект условным именем — ведь инициальные сокращения имеют скрытую, неявную внутреннюю форму. Это переходная ступень к полностью немотивированному названию единичных объектов. Переход в некоторых случаях уже совершился; ср. названия магазинов: «Светлана», «Березка», «Изумруд» (60-е годы).

68. При создании современных инициальных аббревиатурных неологизмов часто преследуются цели: а) сделать новое слово достаточно благозвучным, «многосонорным», не вызывающим нежелательных ассоциаций, ср.: *альфоль* — алюминиевая фольга, *мэлан* — малоэластичный лавсан, *релин* — резиновый линолеум; б) создать «неаббревиатурную» аббревиатуру, которая бы маскировалась под обычное слово, вплоть до полной омонимии, ср.: *бионика* — биология + электроника, *ситалл* — стекло и кристалл (ср. *металл*), «*Марс*» — машина автоматической регистрации и сигнализации, *АМУР* — автоматическая машина управления и регулирования.

Происходит, по существу, п р и д у м ы в а н и е новых корней, новых названий, в ходе которого, на «лабораторной» стадии, подгоняются друг под друга аббревиатура и ее расшифровка. В этом — одно из проявлений сознательного и целенаправленного вмешательства общества в стихийные процессы словообразования.

69. Наконец, надо указать еще один процесс: сближение аббревиатурных моделей с моделями словосложения. На стыке аббревиации и словосложения возникли конструкции, в которых первая, усеченная часть соединяется со второй с помощью соединительных гласных, например: *бензоколонка*, *вибробур*, *гермокабина*, *сейсмостойкость*, *эвакогоспиталь*, *энергосистема* и т. п.

Сближение со словосложением сопровождается борьбой против информационной недостаточности усечений, за максимальное сохранение «матчасти» усекаемой основы, ср. неологизмы *керамзавод*, *эмальцех*, *якорцепь*, а также *Саратовгэсстрой* (ср. более раннее — *Сардизель*), *Смоленскоблгаз* (ср. *Смолтэц*), *Главленинградстрой* (ср. *Ленметрострой*) и т. д. Сказывается стремление избежать омонимии отсечений-различителей в собственных названиях. Такая предусмотрительность при бурном росте новых промышленных центров и при стандартизации именований для однотипных организаций представляется отнюдь не лишней.

В результате взаимодействия аббревиации и словосложения возникла и получила в послевоенное время продуктивность новая конструкция сложных имен собственных, в которых семантически представлена формула $A + S$ (атрибут + субстантив), а структурное оформление основано на формуле $S + S$, например: *Воркутауголь*, *Бугульманефть*, *Бухаранефтегаз*, *Грузияфильм*, *Минусазолото*, *Востокруда*, *Фрунзеуголь* и проч. (ср. предшествовавшие им *Азнефть*, *Мосфильм*, *Симсукно* — Симбирское, *Яргубторг* — Ярославский и др.).

Следует отметить, что тенденция к минимальному сокращению основ прилагательных при сложении проявляется преимущественно в именах собственных — условных названиях трестов, главков, комбинатов, управлений, контор и других организаций: употребляясь без расшифровки (в большинстве случаев ее нет и не было), условное название должно быть само по себе достаточно насыщенным информацией, ср.: *Куйбышевнефть*, *Чувашлес*, *Артемсоль* и проч. Эти названия конструируются, в отличие от аналогичных наименований 20-х годов, не на основе полного описательного имени, а без него, по аналогии с другими распространенными образованиями. Здесь независимость от синтаксической базы максимальная, в том числе и в названиях с сокращенным первым компонентом (*Дальрыба*, *Башнефть*). Это говорит об укреплении в языке соответствующих рядов слов, а кроме того, о прочной закрепленности вещественных значений за морфемами *Баш-*, *Даль-*, *Мос-*, *Лен-* и под.

70. Жизнь аббревиатур за полвека была напряженной и полной перемен. Вот основные события этой жизни:

20-е годы: господство слоговой аббревиации; массовая вариативность сложносокращенных слов; борьба за их упорядочение.

30-е и 40-е годы: стабилизация аббревиатурного словообразования; прекращение активного производства индивидуальных слоговых сокращений; становление и укрепление морфонологических норм; усиление инициального образования.

Послевоенные годы: усиленная регламентация и «грамматикализация» аббревиатур всех разновидностей.

Социальные факторы превратили аббревиацию из малоупотребительного технического средства сокращенной номинации в общеупотребительное языковое средство [54]. Высказывавшееся не раз мнение, что революция создала новый способ словообразования в литературном общеупотребительном языке, можно упрекнуть в некоторой неточности (предпосылки этого способа существовали и раньше) — но не в принципиальной неправильности. При этом надо подчеркнуть, что распространение сложносокращенных новообразований, в большинстве своем крайне агглютинативных, резко расчлененных на значимые части, было санкционировано и внутриязыковыми тенденциями (см. III, § 2—5). Более того: в ходе своего развития в литературном языке аббревиация становилась все агглютинативнее — об этом говорит устранение образований индивидуального строения, редких сокращенных элементов, употреблявшихся в единичных аббревиатурах и т. д.

Развитие инициальной аббревиации, напротив, усиливает фузионное начало в языке, т. е. идет наперекор общей словообразовательной тенденции. Некоторые из инициальных аббревиатур войдут (или уже вошли) в литературный язык, но опасность злоупотребления ими будет уменьшаться по мере наступления на канцелярит, которое ведет сейчас советская общественность.

---

[54] Факты свидетельствуют о самобытных путях развития русской послереволюционной аббревиации. Любопытно, что даже в наше время слоговые сокращения с относительно регулярными компонентами (типа *педфак*, *рабфак*) не получили заметного развития в европейских языках и считаются эстетически неприемлемыми. См., например: W. S c h m i d t. Deutsche Sprachkunde. Berlin, 1964, § 91, стр. 137.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Рост продуктивности словообразовательных типов. ***Усиление продуктивности существительных с суффиксами -фикация и -изация.*** *Социальные причины этого явления.*

Активизация существительных женского рода с окончаниями прилагательных, обозначающих помещения по их назначению. *Влияние этого процесса на морфологию.*

Расширение круга основ, производящих относительные прилагательные с суффиксами -ов-, -н, -ск-. *Обусловленность этого явления социальными и внутриязыковыми факторами.*

Социальные причины разрушения ограничений в словопроизводстве.

Словообразовательная продуктивность и употребительность. *Влияние употребительности слов определенного типа на рост продуктивности этого типа: производство новообразований по образцу более употребительных слов ослабляет продуктивность конкурентных словообразовательных типов.*

71. В русском языке советской эпохи наблюдается рост продуктивности[1] многих словообразовательных типов разных частей речи. Назовем основные из них:

отглагольные существительные с процессуальным значением с суфф. *-ние*, *-ка*, *-Ø-*;

отадъективные существительные, обозначающие отвлеченные признаки, с суфф. *-ость*;

отглагольные и отсубстантивные существительные, обозначающие лиц по профессии и по непрофессиональному действию, с суфф. *-щик*, *-ник*;

отглагольные и отсубстантивные существительные с суфф. *-щик* и *-тель*, обозначающие предмет — производитель действия;

[1] В настоящей работе принято определение продуктивности, данное в книге «Русский язык и советское общество. Проспект» (Алма-Ата, 1962, стр. 35).

имена существительные, обозначающие лиц женского пола, соотносительные с названиями лиц мужского пола, образуемые с помощью различных суффиксов;

префиксальные существительные с приставками *анти-*, *контр-*, *архи-*, *сверх-*, *супер-*, *де-*, *а-*, *не-*, *со-* и др.;

отсубстантивные прилагательные с суфф. *-н-*, *-ов-*, обозначающие отношение к тому, что названо производящей основой;

отглагольные прилагательные с суфф. *-н-*, обозначающие активные и пассивные процессуальные признаки;

отсубстантивные прилагательные с суфф. *-ист-*, со значением 'наделенный в большей степени тем, что названо производящей основой';

прилагательные с суфф. *-ск-*, производимые от существительных одушевленных, в первую очередь фамилий, обозначающие отношение к тому, что названо производящей основой;

префиксальные прилагательные с приставками *сверх-*, *не-*, *анти-*, *архи-*, *ультра-* и некот. др.;

прилагательные, образуемые на основе сочетаний существительных с предлогами *без*, *вне*, *внутри*, *меж*, *за*, *на*, *по*, *при* и др.;

глаголы на *-ить* и *-ничать*, производимые от существительных — имен лиц;

различные типы префиксальных глаголов, в первую очередь с приставками *за-* (со значением начала действия), *от-* (со значением окончания действия), *пере-* (со значениями: 1) повторного действия, 2) чрезмерности действия, 3) распространения действия на ряд объектов или субъектов), *до-* (со значением завершения действия) и некот. др.;

наречия, образуемые суффиксальным и префиксально-суффиксальным способом от основ качественных и относительных (отсубстантивных) прилагательных, семантически соотносимые непосредственно с существительными.

Таков далеко не полный перечень словообразовательных типов, обнаруживающих в русском языке советской эпохи рост продуктивности. Это явление в той или иной связи рассматривается в других разделах при освещении различных тенденций и процессов развития современного словообразования. Рост продуктивности внутренне связан с такими процессами, как рост регулярности и специализации словообразовательных типов. Можно утверждать, что нет случаев, когда превращение тех или иных словообразовательных типов в регулярные не основывалось бы на увеличении их продуктивности (см. III, § 94—116).

Синонимические взаимодействия между словообразовательными типами, стилистические изменения в системе словообразования также не остаются безразличными для продуктивности тех или иных словообразовательных единиц, они усиливают продуктивность одних и ослабляют продуктивность других (см. III, § 161—180).

Поэтому в настоящем разделе будет показан рост продуктивности лишь немногих словообразовательных типов разных частей речи, представляющих интерес для русского языка советской эпохи с точки зрения тех социальных факторов, которые были причинами усиления их продуктивности.

Усиление продуктивности существительных с суффиксами *-фикация и -изация*. 72. В советскую эпоху увеличилась продуктивность отглагольных существительных почти всех словообразовательных типов. Очевидно, можно говорить о тенденциях к усилению продуктивности всей категории отглагольных существительных в целом. Синонимическая конкуренция лишь в немногих случаях (только по отношению к некоторым аффиксальным типам) несколько снижает эту общую продуктивность. Значительно растет продуктивность словообразовательных типов с суфф. *-фикация* и *-изация*, пополняющих как общелитературную, так и специально-терминологическую лексику.

В современном русском языке, в его книжных стилях, бытует довольно много слов на *-фикация*.

Многие из них заимствования, например: *версификация*, *кодификация*, *модификация*, *персонификация*. Особую группу представляют новообразования советской эпохи.

Новообразования отличаются более четкой словообразовательной членимостью, чем заимствования; у них выделяется словообразовательный аффикс *-фикация* и именная производящая основа: *кинофикация*, *радиофикация*, *телефикация*, *звукофикация*, *теплофикация*, *часофикация* и некот. др. В число производящих основ активно включаются наряду с интернациональными и русские. Стандартизуется значение производных.

Как видно из новообразований, суфф. *-фикация* тяготеет к основам, обозначающим средства массового обслуживания. Значение производных: 'широкое внедрение того, оборудование тем, что обозначено именной частью производящей основы'. Социальная актуализированность этого значения не подлежит сомнению. Этот новый словообразовательный тип оформился и получает распространение в специальных стилях современного общелитературного языка. Лексическая малочисленность данного типа не может служить опровержением его продуктивности: новообразования появляются по мере необходимости наименования соответствующего понятия.

Образованиям с суфф. *-фикация*, как правило, сопутствуют глаголы с суфф. *-фицировать*. При этом заметно, что слов с суфф. *-фикация* больше, чем соответствующих однокоренных глаголов.

Каково направление процесса при образовании этих слов в современном языке, с определенностью установить трудно. Являются отвлеченные имена диахронически производными от соответствующих глаголов (подобно тому, как этот процесс представлен в именах действия на *-ние*, *-ка* и *-Ø*) или и те и другие образуются параллельно от общей именной основы? Мало помогает

в этом отношении определение значений имен действия, данное в толковых словарях. В одних случаях слова с суфф. *-фикация* определяются как «действие по глаголу» (*звукофикация*, *кинофикация*), в других — определение дается по имени (*теплофикация* — ‘устройство отопительной системы, основанной на использовании тепла’).

Естественнее предположить, что оба слова — и имя действия и глагол — параллельно создаются от общей основы. Ведь иногда подобный глагол (потенциально всегда возможный) фактически и не встречается. В ряде текстов появилось новое слово *часофикация*, а глагол в тех же текстах не встречался ни разу.

73. Словообразовательный тип с суфф. *-изация*, получивший «право гражданства» в русском языке в изучаемый период (когда с этим суффиксом стали активно соединяться русские основы: *советизация*, *большевизация*, *совхозизация*, *предметизация* и т. п.), образует в настоящее время две группы производных: а) слова с общим значением (тоже социально актуальным) ‘массовое снабжение, оборудование тем, что названо именной частью производящей основы’: *тракторизация*, *машинизация*, *витаминизация*, *бассейнизация*, *контейнеризация* и др.; б) слова со значением ‘процесс наделения определенным свойством, названным в именной (адъективной или субстантивной) части производящей основы’: *профессионализация*, *интеллектуализация*, *миниатюризация*, *гуманизация*, *лиризация*, *поэтизация*, *социализация*, *индустриализация*, *музыкализация*, *векторизация* и т. п.

Эти группы различаются не только семантически, но и структурно, а также сферами употребления.

Слова первой группы содержат основу существительного с предметно-конкретным значением. Эта же основа потенциально дает глаголы на *-изировать* и имена производителя действия на *-изатор*. Однако реальная распространенность указанных образований очень различна. Наиболее употребительными являются отвлеченные имена на *-изация*, глаголы же и имена производителя действия часто при этих отвлеченных существительных отсутствуют. Характерно, что образования на *-изация* в словарях определяются в подавляющем большинстве случаев через производящее имя (*тракторизация* ‘внедрение тракторов в какую-либо отрасль народного хозяйства’). Все это дает основания и данную группу считать параллельными образованиями с общей основой конкретно-предметного существительного:

основа конкретно-предметного существительного —
- отвлеченное существительное на *-изация*
- глагол на *-изировать*
- имя производителя действия на *-изатор*

Образования этой группы относятся в основном к производственно-техническим сферам употребления.

Машинизация и *тракторизация* свеклосеяния потребуют расхода в 24 млн. рублей («Торг.-пром. газ.», 20 февр. 1929); *Картофелизация* России (заголовок статьи из «Изв.», 9 июня 1929); К получению мирабилита путем *бассейнизации* в широком масштабе было приступлено в 1933 г. близ промысла Сарташ («Наука и жизнь», 1935, № 2); Министерство путей сообщения разделяет... мнение о важности *контейнеризации* перевозок некоторых видов грузов по железным дорогам («Изв.», 12 февр. 1963).

Вторая группа слов с суфф. *-изация* содержит в своем составе производящую основу прилагательного: ср. *музыкализация* и *музыкальный*, *театрализация* и *театральный*, *озимизация* и *озимый* и т. п.

В этой группе возможность возникновения глаголов от тех же основ реализуется еще реже, чем в образованиях от основ конкретных существительных. При большой распространенности существительных типа *интеллектуализация*, *гуманизация*, *социализация* и под. соответствующих глаголов встретить не удалось. По всей вероятности, эти существительные образуются параллельно с глаголами от общей основы имени прилагательного.

Основная сфера распространения образований этого типа — газетно-публицистические жанры, общественно-гуманитарные науки. Например:

Сложные задачи логической *музыкализации* того или иного причудливого замысла (А. В. Луначарский, В мире музыки, 1923); Но нам интересно добиться *эмоционализации*, возбуждения людей материалом реальной действительности («Новый Леф», 1927, № 1); Процесс *интеллектуализации* нашего народа идет такими темпами, что каждый год приносит качественные изменения («Лит. газ.», 26 февр. 1963).

74. По количеству слов группы существительных с суфф. *-фикация* и *-изация* немногочисленны. Но те черты, которые характеризуют новообразования с этими суффиксами, заставляют обратить особое внимание на эти типы. Они принципиально важны для современной русской словообразовательной системы.

Несомненно, новые существительные с суфф. *-фикация* и *-изация* обозначают процесс (представленный предметно, т. е. субстантивированный). Как правило, существительные, обозначающие процесс,— это отглагольные существительные (в синхронном понимании этого термина); следовательно, и новые слова с указанным суффиксами надо считать отглагольными. Но их своеобразие в том, что они п р о и з в о д я т с я не от глаголов; более того — многие из них вообще не соотносительны с глаголом. Благодаря появлению указанных новообразований, под влиянием «социального заказа» на них впервые в русском языке появилась целая г р у п п а, особый класс процессуальных существительных, не соотносительных с глаголами.

Эта черта в русском словообразовании обладает резкой и неожиданной новизной.

Активизация существительных женского рода с окончаниями прилагательных, обозначающих помещения по их назначению. 75. Среди существительных женского рода с окончаниями прилагательных в современном русском языке немало слов, образованных путем субстантивации и семантической конденсации (сжатия), например: *прямая* (линия), *ломаная* (линия), *передовая* (статья), *передовая* (позиция), *посевная*, *уборочная* (кампания), *буровая* (вышка), *похоронная* (повестка), *отбивная* (котлета), *Первая конная* (армия) и т. п.

Девяносто тонн урана понадобится для непрерывной работы Белоярской *атомной* [атомной электростанции] в течение двух лет («Работница», 1960, № 12); Внутри завода идет соревнование между мастерскими. *Автоматная* вызвала *штамповочную* и *инструментальную* («Работница», 1929, № 37).

Однако многочисленные новообразованные существительные жен. р. с окончаниями прилагательных, обозначающие помещения по их назначению, обычно не представляют собой результата субстантивации, а производятся по определенной модели, возникшей в наше время на основе многочисленных старых слов жен. р. с окончаниями прилагательных типа *детская*, *столовая*, *кондитерская*, *булочная*, *операционная* и под. Такие существительные представляют собой результат семантического изменения прилагательных, которое сопровождалось грамматическим изменением форм прилагательного, так как некогда за этими прилагательными стояли словосочетания со словами: *комната*, *лавка*, *палата*, *мастерская*.

Создались четкие и очень продуктивные модели. В образованиях от основ существительных неодушевленных используется система флексий прилагательных жен. р. и суфф. *-н-*, значительно реже — *-ов-*: *агрегатная*, *аппаратная*, *балычная*, *бойлерная*, *бутербродная*, *гардеробная*, *генераторная*, *икорная*, *закусочная*, *колерная*, *кофейная*, *набоечная*, *насосная*, *ожидальная*, *отбельная*, *пельменная*, *прокатная*, *пышечная*, *пыточная*, *складовальная*, *сосисочная*, *стереотипная*, *стирочная*, *сушуарная*, *табельная*, *упаковочная*, *чертежная*, *шашлычная*, *шербетная* и т. п.; *игровая*, *кубовая*, *душевая*, *пирожковая*, *продуктовая* и др.

При образовании от основ существительных одушевленных используется суфф. *-ск-*: *ассистентская*, *диспетчерская*, *кондукторская*, *конструкторская*, *корректорская*, *комендантская*, *пилотская*, *учительская* и др. Круг слов этого типа все расширяется.

Этим летом в местах отдыха трудящихся столицы, а также в скверах будет работать более ста *пельменных*, *пирожковых*, *молочных*, *шашлычных*, *блинных* и *котлетных* («Веч. Москва», 11 мая 1962); Колхозники проводили массовые уборки ферм, белили, ремонтировали, строили ледники, *моечные*, *молокосливные*, озеленяли территории скотных дворов («Здоровье», 1961, № 6); В Ленинграде теперь открыты *«рюмочные»*, где подают с закуской («Лит. газ.», 11 янв. 1966); *Самоварная* открыта каждый вечер с

16 до 23 часов («Веч. Москва», 31 июля 1965). Ср.: — Я видел его в сорок втором году в Освенциме,— уверенно проговорил Иванов,— собственными глазами видел. Меня выводили из *пыточной*, а его вели туда (Г. Володин, Синий луч, 1957).

В том, что в этих образованиях нет субстантивации, убеждает сопоставление с синонимическими словосочетаниями или толкованиями этих слов: На следующий день нагрянула комиссия, осмотрела *упаковочную*, *варочную* и нашла оба о т д е л е н и я в страшно запущенном состоянии («Работница», 1926, № 15); Для сбора каныги имеется специальное водонепроницаемое п о м е щ е н и е (*каныжная*) (И. Я. Морейнис, Гигиена питания, 1955); *Прорабская* — деревянный д о м и к из двух комнат (М. Златогоров, Перекресток ветров, 1964); Такие лица у текстильщиц, долго работавших в отбельном ц е х е. И в самом деле наша Мария Григорьевна проработала в *отбельной* «Большевички» с самой революции (Б. Полевой, Доктор Вера, 1966). Ср. также: на дверях кабинета в поликлинике написано: «П р о ц е д у р н ы й к а б и н е т», но весь обслуживающий персонал и пациенты говорят: *процедурная*.

Все новообразования этого типа появились в ответ на определенную социальную потребность, связанную с ростом промышленного производства (потребовались названия цехов, лабораторий и др.) и с обслуживанием растущего городского населения.

Такие новообразования увеличивают в современном русском языке группу слов, принадлежность которых к той или иной части речи определяется контекстом и грамматическими средствами всего предложения. Рост продуктивности в словообразовании оказался существенным для морфологии.

Расширение круга основ, производящих относительные прилагательные с суффиксами *-ов-*, *-н-*, *-ск-*. 76. В словообразовании прилагательных нашей эпохи наблюдается расширение круга производящих основ у трех самых продуктивных типов относительных прилагательных: образований с суфф. *-ов-*, *-н-* и *-ск-* от основ существительных. В словопроизводство вовлекаются те типы основ, которые ранее не могли использоваться в качестве производящих, снимаются ограничения, наложенные ранее на словообразовательную систему общелитературного языка. Это обусловлено причинами, внешними по отношению к самой системе словообразования: требованиями терминологии и профессиональной речи, а именно — необходимостью создать структурную и семантическую соотнесенность существительных и отсубстантивных прилагательных. Таким образом, это изменение в словообразовании связано с усилением влияния на общелитературный язык научной и профессиональной речи.

77. В современном языке резко возрастает продуктивность отсубстантивных прилагательных с суфф. *-ов-*, имеющих относительное значение. Это явление объясняется рядом причин. Одна из них — активное развитие качественных значений у прилагательных с суфф. *-н-*, в связи с чем расширяется производство прилага-

тельных с суфф. *-ов-*, берущих на себя выражение чисто относительных значений [2]. Отсубстантивные прилагательные с суфф. *-н-* на всем протяжении истории русского языка активно развивали качественные значения (ср. такие прилагательные, как *умный*, *вкусный*, *грязный*, *пыльный*).

В результате этого разрушаются первоначальные семантические отношения между прилагательными и производящим существительным (ср., например, *срочный* 'быстрый' и *срок*). Прилагательное утрачивает способность обозначать разного рода отношения к тому, что называет основа существительного. Необходимость выразить утраченное относительное значение создает напряжение в системе.

В современном языке это напряжение стало особенно острым, что объясняется интенсивным развитием науки и техники, ростом производства. Резко возрастает потребность в обозначении разного рода отношений к предметам, в создании сложных номинаций, являющихся разновидностями каких-то более общих номинаций. Эту потребность удовлетворяют прилагательные с суфф. *-ов-*. Они приходят на смену прилагательным с суфф. *-н-*, приобретшим качественное значение и потерявшим способность выражать разного рода относительные значения. Ср. такие пары однокоренных слов, как *шумный* и *шумовой* (оформление, помехи), *грязный* и *грязевой* (лечение, поток, ванна), *вкусный* и *вкусовой* (ощущение, качество пищи), *пыльный* ('запыленный, покрытый пылью') и *пылевой*, ('состоящий из пыли', 'относящийся к пыли' — *пылевые частицы*, *пылевые очки*) и под.

Другая причина усиления продуктивности относительных прилагательных с суфф. *-ов-* — вовлечение в число производящих некоторых групп основ, ранее не игравших такой роли в словопроизводстве.

а) Прилагательные с суфф. *-ов-* начинают производиться от основ существительных уменьшительных с суфф. *-ик-*, *-чик-*, *-ок-*, *-ец* и др.[3], если такие существительные стали терминами различных наук и производств. Многие из этих существительных полностью разорвали связи с однокоренными неуменьшительными образованиями литературного языка (ср. *пыль* и *пыльца*). Но даже и те существительные, которые сохраняют связь с однокоренными неуменьшительными образованиями, будучи терминами, лишены эмоционально-экспрессивных оттенков, препятствующих уменьшительным существительным быть производящими основами в общелитературном словообразовании. Необходимость же построения

[2] См. подробнее: Е. А. Земская. О некоторых факторах развития словообразовательной системы современного русского языка.— В кн.: «Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова». М., 1965.

[3] См.: В. П. Даниленко. Имена существительные (нарицательные) как производящие основы современного словообразования.— В кн.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 67—68.

системной терминологии требует создания соотносительных с этими терминами прилагательных, обозначающих отношение к соответствующему явлению или предмету и входящих в состав терминов-словосочетаний.

Для производства таких прилагательных используется суфф. *-ов-*; он специализировался на выражении относительных значений и не вызывает чередований на морфемном шве. Так возникают многочисленные прилагательные типа *жгутиковый*, *носиковый*, *клубеньковый*, *пузырьковый*, *коготковый*, *корешковый*, *уголковый*, *желудочковый*, *гнойничковый*, *сосочковый*, *колпачковый*, *язычковый*, *семечковый*, *косточковый*, *бороздковый*, *змейковый*, *канальцевый*, *пыльцевой* и мн. др.

Ср. в «Сборниках рекомендуемых терминов», издаваемых Комитетом технической терминологии АН СССР: *носиковый* направляющий аппарат (Терминология гидротурбин, 1953); *колпачковые* пылеуловители (Терминология газовой техники, 1957) и т. д.

Рассматриваемые образования широко употребительны в специализированных газетах и журналах, научно-популярной литературе:

Между голенью и первым члеником лапки на задних ножках существуют *пыльцевые* щипчики, которые используются для формирования обножки (М. Халифман, Пчелы, 1950); Какие силы возбуждают движение по *канальцевой* сети? («Мед. газ.», 7 авг. 1964); Но тогда «*дробинковая* волна» во столько же раз короче электронной, когда дробинка и электрон летят с одинаковой скоростью (Д. Данин, Неизбежность странного мира, 1961); Большая отражающая поверхность может быть у пассивных спутников другой формы (*уголковые*, плоские, многогранные; спутники в форме блюдца с двойной кривизной) («Авиация и косм.», 1964, № 6); мобилизация *сосочковых* мышц («Мед. газ.», 3 апр. 1964); *корешковое* и *улитковое* поражение слухового нерва («Мед. газ.», 19 июня 1964); *коготковый* членик ноги [у краба] («Сельск. жизнь», 27 февр. 1963); 114,2 центнера *семечковых* и 96,2 центнера *косточковых* фруктов («Сельск. жизнь», 24 ноября 1964); *клубеньковые* бактерии («Наука и жизнь», 1964, № 5); Снижение *клубочковой* фильтрации («Мед. газ.», 26 мая 1964).

Рассматриваемые образования проникают и в неспециализированную периодическую печать и художественную литературу: *говорковые* частушки («Музыка и быт», 1927, № 2); с помощью своеобразного метода исследования, получившего название *пыльцевого* анализа («Веч. Москва», 30 июня 1955); *полосковое* железо («Молодой целинник», 28 ноября 1963); *пузырьковые* включения газов («Комс. пр.», 11 янв. 1964); *клубеньковые* бактерии горохового растения («Неделя», 1964, № 12); *гнойничковые* заболевания кожи («Комс. пр.», 10 апр. 1964); *змейковые* аэростаты (К. Федин, Необыкновенное лето, 1951). Ср. также широко распространенные бытовые наименования: *шариковые* ручки, редис *пучковый*, *жилковые* лески; ср. также *пирожковая* (а не «*пирожочная*»).

За пределами терминологии производство прилагательных подобного типа имеет более или менее яркий индивидуальный характер:

Инженер на миг встретился с острым блеском *огоньковых* глаз и вдруг получил щелчок в нос — белка уронила орех (А. Караваева, Лесозавод, 1928);... *Сарайчиковый* городок выстроили в другом месте («Как мы строили метро», 1935) [4].

б) Другая группа основ, вовлекаемая в производство относительных прилагательных с суфф. *-ов-*, — это основы имен существительных одушевленных узкого тематического круга — наименования возрастных групп детей: *грудничковый*, *ползунковый*, *малышовый*, *малютковый*, *подростковый*, *мальчиковый*. Эти образования свойственны преимущественно профессиональной речи, где они родились для выражения относительных значений, чаще всего отношения назначения (*мальчиковые ботинки*, *подростковые велосипеды*, *ползунковая мебель* — официальные названия предметов торговли). Однако эти прилагательные могут обозначать и другие виды отношений (ср: *подростковые коллективы*, *ползунковый возраст*) [5].

Таким образом, суфф. *-ов-*, ранее не производивший относительных прилагательных от основ существительных одушевленных[6], начинает распространяться и на эти основы, ограничиваясь при этом пока узкой семантической группой. Показательно, что прилагательные на *-овый* от существительных одушевленных иных семантических групп возникают лишь в тех случаях, когда последние меняют свое значение, утрачивают значение одушевленности. Ср. отдельные образования профессиональной речи на *-овый* типа *близнецовый* (от термина *близнец*): Рыбаки западного побережья Камчатки одними из первых освоили *близнецовый* лов наваги — новый прогрессивный способ. Два сейнера (они-то и есть «близнецы») выходят вместе в море, вместе ведут поиски, вместе и тралят рыбу («Изв.», 28 марта 1964).

78. В современном языке расширяется также круг основ, производящих отсубстантивные прилагательные с суфф. *-н-*.

Принципиально новым для современного языка является вовлечение в производство прилагательных основ отадъективных отвлеченных существительных с суфф. *-ость* и *-ота*. В языке XVIII—XIX вв. производство прилагательных с суфф. *-н-* от существительных на *-ость* было явлением распространенным. Ср.: *скудостный*, *дерзостный*, *бодростный*, *мерзостный*, *гордостный*,

---

[4] См. также: В. П. Даниленко. Указ. соч., стр. 67—68.

[5] По-видимому, рассматриваемые прилагательные еще не стали достоянием нормированного литературного языка. Во всяком случае, в печати неоднократно высказывалось осуждение словам типа *мальчиковый* (см., например, «Крокодил», 1963, № 23). Словари, однако, признают такие слова. *Мальчиковый* (с пометой *разг.*) помещено в СУ и БАС; в последнем с пометой *разг.* отмечены и слова *подростковый*, *ползунковый*.

[6] См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., 1964, стр. 345.

кротостный, *робостный*, *мудростный* и под. Прилагательные этого рода, как правило, были близки по значению однокоренным образованиям, не включающим элемента *-ость*, отличаясь от них стилистической окраской высокости, книжности [7].

Число таких прилагательных постепенно уменьшалось. Сохранялись те из них, наряду с которыми не было однокоренных близких им по значению прилагательных. Таковы: *радостный* (ср. *рад*, только в краткой форме); *тягостный*, *яростный*, *злостный* (ср. *злой*), *поверхностный* (ср. устар. *поверхний*) и некот. др.

В современном языке появляется новый разряд прилагательных, производимых от основ существительных на *-ость*. Такие прилагательные образуются в терминологии и профессинальной речи как от существительных, обозначающих признак в отвлечении от носителя (*усталость*, *мощность*, *скорость*, *вязкость*, *стоимость*, *прочность*, *вероятность* и под.), так и от существительных на *-ость*, обозначающих не отвлеченные признаки, а нечто наделенное соответствующим признаком (*жидкость*, *плоскость* и под.). Прилагательные на *-ный*, произведенные и от тех и от других существительных, обозначают разного рода отношения к тому, что названо производящей основой. Эти терминологические прилагательные на *-остный* резко отличаются от старых общелитературных образований типа *дерзостный*, *хитростный*. Вот ряд примеров функционирования рассматриваемых прилагательных:

Современный двигатель — машина сложная, она работает в строгих газодинамических, тепловых и *прочностных* режимах («Изв.», 1 авг. 1964); Все предсказания погоды суть категории сугубо *вероятностные*, а теория вероятностей, как известно, не в состоянии предсказать исход отдельного конкретного опыта (М. Галлай, Испытано в небе, 1963); Необходимость применения агрегатной расточки, многошпиндельных станков для *плоскостной* обработки («Пром.-экон. газ»., 1 июля 1956); *усталостные*, шлифовочные и закалочные трещины («Авиация и косм.», 1964, № 6); процессы *жидкостной* обработки («Пром.-экон. газ»., 6 янв. 1957); особые тепловой и *влажностный* режим («Веч. Москва», 21 сент. 1965); Для этого нужны специальные резонаторы-накопители «*разностных*» квантов. Эти «*разностные*» кванты, стремясь породить себе подобные, отнимут от лазерного кванта ровно столько энергии, сколько ее содержится в них самих («Наука и жизнь», 1965, № 3); *Емкостная* перестройка резонатора (Приборы СВЧ, 1963).

Показательны толкования таких прилагательных, в которых прилагательные соотносятся с термином — существительным на *-ость*. Вот несколько примеров из Бюллетеней Комиссии техни-

[7] В толковых словарях того времени такие прилагательные помещаются как равнозначные. Например, в Словаре церковнославянского и русского языка (СПб., 1847) дается: *борзостный... Стар.* То же, что борзый; *скудостный...* То же, что скудный; *хитростный...* То же, что хитрый; *мерзостный...* То же, что мерзкий...

ческой терминологии АН СССР: *Жидкостный* затвор — приспособление для разобщения отдельных частей вакуумной системы с помощью жидкости (Терминология вакуумной техники, 1936—1937); *Жидкостный* манометр — манометр, действие которого основано на использовании явления гидростатического равновесия жидкости (Там же); *Мощностная* характеристика. — Рабочая характеристика с мощностью в качестве независимой переменной (Терминология гидротурбин, 1953).

Как уже говорилось выше, такие прилагательные не равны по значению однокоренным прилагательным (ср. *жидкостная обработка* — 'обработка с помощью жидкости' — и *жидкий суп*, *жидкая каша* — 'не густая' и т. п.).

Под влиянием рассмотренных терминологических образований, характерных для языка техники, производятся прилагательные с суфф. *-н-* от существительных на *-ость* и в терминологиях искусства, естественных и гуманитарных наук, а также в профессиональной речи. Например:

Плоскостные гравюры его все вырезаны на дереве («Наш журнал», 1922, № 2); Современное кино — это зрелище *плоскостное* («Комс. пр.», 1 окт. 1925); В отношении театральнх сочинений Стравинского я старался поэтому... скорее рассматривать их в плане музыкально-*ценностном* (т. е. связанном с музыкальной ценностью.— *Авт.*), чем чисто театральном... (Б. Асафьев, Книга о Стравинском, 1929).

Не во всех случаях, однако, производство прилагательных на *-остный* оправдано требованиями семантики. Подобные образования возникают аналогически, по велению «моды» на профессиональные выражения. Вот два примера из устной речи лингвистов: Такой словарь не может быть *полностным* (1961; почему не полным?); Мы изучаем *системностный* характер языка (1963; почему не системный? Ведь язык — система, а не системность). За пределами профессионально-терминологической речи новообразования на *-остный* возникают редко. Как правило, они семантически близки однокоренным качественным прилагательным и носят ярко индивидуальный характер:

И из тучи — из *щедростной* горсти |Исторгается дождь золотой (П. Карпов, Триолеты, 1922); *Робостная* хилость моих рук, пастелевые тона овоща..., наконец, слизь готических декораций — все отдавало дилетантизмом (И. Эренбург, Лето 1925 года, 1926); Петр Евграфович молодел под это трепыканье, сахару в моче не оставалось и в помине, *юностный*, как озимь, пушок покрывал одряблевшие щеки (Л. Леонов, Скутаревский, 1939); [Катерина] (просматривая газеты) Тут еще новогодние пожелания. Летчики, артисты... И все. [Зиночка] Вы *мелкостное-то* прочитайте, Катерина Андреевна. Теперь самое важное-то мелким почерком печатают (Л. Леонов, Метель)[8].

[8] См. также примеры в указанной выше статье В. П. Даниленко, стр. 66—67.

Ср. вторичное существительное на *-ость*, произведенное от прилагательного на *-остный* в статье Е. Суркова «Бой на рубеже»: И. Фиников, при всей его *мелкостности*, тоже не просто прыщик, а олицетворение целого явления («Лит. газ.», 29 ноября 1962).

Производство прилагательных от существительных на *-ота*, обозначающих отвлеченный признак, менее активно, что объясняется непродуктивностью самих производящих основ. Прилагательные типа *частотный*, *высотный* немногочисленны. Так же, как и прилагательные на *-остный*, они имеют относительное значение. Например: Завод *пустотных* аппаратов (заглавие из «Изв.», 23 марта 1922). Ср. толкование термина: *Частотное* искажение — искажение, состоящее в нарушении соотношений составляющих частот (Бюллетень технической терминологии АН СССР, Терминология радиотехники). Ср. также образования от отадъективных слов на *-ота*, не имеющих значения отвлеченного признака: *кислотный*, *широтный*, *долготный*, *мерзлотный*, *мокротный*. Эти прилагательные, обозначая отношение к тому, что названо производящим существительным, далеки от соответствующих качественных прилагательных (ср. *мокротный* и *мокрый*, *мерзлотный* и *мерзлый*, *кислотный* и *кислый* и т. д.).

Прилагательные на *-отный* нетерминологического характера редки. Отдельные образования встречаются в языке публицистики и художественной литературы. Например:

На дворе сразу узнали, что у Пелагеи *ломотный* святой объявился («Смехач», 1924, № 23); Каяндин чертыхался, расслабленно со стоном кидал ноги в разные стороны, через голову стягивая с себя *духотную* фланельку — мочи не было от жары (А. Малышкин, Севастополь). Ср. там же: ласковым *хрипотным* полушепотом.

79. Интенсивное развитие терминологической и профессиональной речи, требующей системности и регулярности словопроизводства, пробивает брешь и в некоторых других ограничениях, стесняющих образование относительных прилагательных. Кроме названных выше, включаются в число производящих основы отглагольных существительных на *-ние* (см. об этом III, § 35), а также отглагольных существительных на *-ба* и *-⟨j⟩е* (ср. новообразования типа *резьба — резьбовый*, *борьба — борьбовый*, *литье — литьевый*), активизируется производство прилагательных от отглагольных существительных с нулевым суффиксом (ср.: *висовые* и *упоровые* снаряды, *обжиговый*, *проблесковый*, *пусковый*, *сдвиговый*, *ожоговый*, *пробеговый* и мн. др.)

Требования общественной номинации вовлекают в словообразование относительных прилагательных также основы «прилагательного» строения — производные и (реже) непроизводные. Наиболее ярко это явление обнаруживается в производстве от топонимов (ср. Мирный — *мирнинский* — *мирнинец*) (см. III, § 34).

Кроме того, в современном языке отмечаются единичные терминологические новообразования от основ качественных прилагательных [9], например *темновой* [10]:

Темновой ток фотоэлемента — электрический ток, наблюдаемый в цепи фотоэлемента при отсутствии воздействия излучения на его катод (Терминология электровакуумных приборов, 1938); *Темновое* сопротивление фотоэлемента — сопротивление фотоэлемента при отсутствии облучения (Терминология электрической передачи изображений, 1936); Эти отдельные фотохимические и *темновые* реакции должны происходить в разных фазах хлорофиллного зерна, липоидной и водной (А. Опарин, Возникновение жизни на земле, 1957); Острота ее глазного зрения оказалась равной единице. Уровень светочувствительности глаз в процессе *темновой* адаптации был несколько ниже нормы («Мед. газ.», 31 июля 1964).

Таким образом, в современном языке некоторые типы основ, являвшиеся ранее «предельными» моделями [11], т. е. не участвовавшие в словообразовании в качестве производящих, теряют это свойство. Благодаря этому повышается продуктивность многих словообразовательных типов. Эти, казалось бы, мелкие факты производят существенные изменения в системе словообразования. Ликвидируются полностью или начинают разрушаться ограничения в сочетаемости суффиксов относительных прилагательных с субстантивными основами, осложненными суффиксами уменьшительности, суффиксами имен качества *-ость* и *-ота* и суффиксами имен действия *-ние*, *-ба*, *-⟨j⟩е*, т. е. такими, сочетание которых с адъективными суффиксами считалось ранее принципиально невозможным. Этот факт свидетельствует о том, что существовавшие ранее ограничения в использовании некоторых видов основ в качестве производящих объяснялись не структурными затруднениями, а отсутствием социального «семантического заказа». Настоятельная общественная потребность в выражении соответствующих значений, идущая в первую очередь из терминологии и профессиональной речи, разрушила существующие ограничения, увеличивая тем самым продуктивность целого ряда словообразовательных типов и способствуя созданию новых соотносительных рядов: *пузырек — пузырьковый*; *резьба — резьбовый*, *литье — литьевый*, *подросток — подростковый*; *жидкость — жидкостный*, *широта — широтный*; *разоружение — разоруженец — разоруженческий*, *Полярный — полярнинский — полярнинец*.

Словообразовательная продуктивность и употребительность. 80. Социальное влияние на продуктивность словообразовательных типов заключается в актуализации некоторых деривационных

---

[9] Ср. старые: *легковой*, *чистовой*, *черновой*, *беловой*. Ср. в современном просторечии: — Ох,— думаю,— *хитровой* мужик (М. Зощенко, Рассказы г. Синебрюхова, Гиблое место).

[10] В БАС отсутствует.

[11] См.: В. П. Даниленко. Указ. соч.

значений. Например, языку дается большой «общественный заказ» на слова со значением 'наименование лица по профессии', или со значением 'наименование объектов бытового обслуживания типа столовой', или со значением 'наименование предмета как орудия действия' и т. д.

Но при наличии такого социального стимулирования словообразовательных типов могут действовать и некоторые другие, тоже социальные, стимулы.

Если актуализованное деривационное значение передается несколькими словообразовательными типами, то продуктивность каждого из них (для передачи актуализованного значения) определяется лексическим «наполнением» каждого типа. Чем больше слов образовано по данному типу (с актуализованным значением) и чем б о л е е у п о т р е б и т е л ь н ы э т и с л о в а, тем больше уверенность, что новые наименования будут образовываться по этому словообразовательному типу.

81. Употребительность слов того или иного типа, являясь следствием продуктивности этого типа, в определенных условиях может стать причиной, усиливающей или ослабляющей его продуктивность. Условия эти следующие: наличие двух или нескольких словообразовательных типов с равной возможностью сочетания определенных основ (одинаковых или разных) с определенными аффиксами, полная семантическая идентичность производных слов и одна и та же сфера употребления их. Иными словами, наличие конкурирующих типов. В современном русском языке имеется немало подобных типов. Это — синонимичные прилагательные с суфф. *-н-* и *-ов-*, глаголы на *-изовать* и *-изировать*, наречия типа *особенно — по-особенному*, существительные на *-щик* и *-ник* типа *атомщик — атомник*.

Всем этим требованиям отвечают и типы, производящие имена действия посредством суфф. *-ние* и *-ка* в профессионально-технических сферах речи. Сопоставление употребительности существительных на *-ние* и *-ка*[12] с определенностью говорит о бóльшей употребительности слов на *-ка*. Бóльшая же употребительность, как показывают наблюдения над новообразованиями, способствует и большей продуктивности существительных с суфф. *-ка*.

Как протекает этот процесс? Очевидно, что он начинается в звеньях параллельного образования имен действия от одних и тех же основ, а затем постепенно охватывает весь тип целиком.

В интересующих нас типах процесс усиления употребительности, а затем продуктивности был прослежен в образованиях от глагольных основ на *-ировать*, *-овать* (как правило, двувидовых). Выбор указанных групп производящих основ был обусловлен тем, что именно они обладают равными возможностями соединения и

---

[12] См. подробнее: В. П. Д а н и л е н к о. Влияет ли употребительность слов на продуктивность словообразовательной модели? — В кн.: «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966.

с суфф. *-ние*, и с суфф. *-ка*. Ср. *асфальтирование — асфальтировка*. Кроме того, рассматривались производные от соотносительных по виду глагольных основ на *-ить/-ивать*: *окрашивание — окраска*.

В табл. 6 по данным сплошной выборки представлено число встреченных словоформ и лексем (первое отражает употребительность, второе — продуктивность). В последней графе дано (в %) отношение употребительности слов на *-ка* к употребительности слов на *-ние*.

Сопоставление числовых данных и их процентного выражения, характеризующих употребительность слов на *-ка* по сравнению с употребительностью слов на *-ние*, с очевидностью показывает, что в большинстве случаев (в 11 из 14) употребительность слов на *-ка* превышает употребительность слов на *-ние*. Иначе говоря: большей продуктивности образований на *-ка* сопутствует и бóльшая употребительность слов с суфф. *-ка*.

Языковая практика, как показали наши подсчеты, отдает явное предпочтение словам на *-ка*, т. е. из двух возможных вариантов выбирается тот, который представлен в данной сфере бóльшим количеством словоформ. «Чем больше группа слов с данным морфологическим строением, чем частотнее отдельные слова в этой группе, чем стандартнее и неизменнее значение суффикса, тем сильнее синхроническая продуктивность этой группы, тем упорнее она и в диахроническом плане оттесняет синонимическую группу слов, строя по своему образцу новые слова» [13].

Как и всякое явление в языке, высокая употребительность образований на *-ка* имеет свое объяснение. В данном случае основанием для большей употребительности одного из словообразовательных вариантов можно считать его терминотворческие качества (напомним, что анализировались производственно-технические термины — наименования производственных процессов), т. е. способность слов на *-ка* создавать производственные термины: имена лиц, названия признаков.

Подобными качествами слова на *-ние*, как известно, обладают в меньшей степени, чем слова на *-ка*.

Бóльшая употребительность образований на *-ка*, т. е. предпочтение слов на *-ка* при использовании старых лексем, благоприятствует новообразованиям и при необходимости создания нового слова-термина со значением процесса действия.

Распространено мнение, что увеличение употребительности слов определенного типа (почти всегда социально стимулированное: возросла потребность в словах определенного содержания) не влияет на собственно словообразовательные процессы. Приведенные факты показывают, что это не так: продуктивность какого-либо словообразовательного типа сама по себе не может вызвать употребительности слов, которые по этому типу создаются.

---

[13] «Русский язык и советское общество. Проспект», стр. 36—37.

Таблица 6

Источники сплошных выборок	Имена действия с суфф. *-ка*			Имена действия с суфф. *-ние*			Употребительность слов на *-ка* по сравнению со словами на *-ние*, % (за 100% берется употребительность слов на *-ние*)
	Словоформы	Лексемы	Отношение числа словоформ к числу лексем	Словоформы	Лексемы	Отношение числа словоформ к числу лексем	
«Памятка арматурщику»	280	35	8 : 1	175	53	3 : 1	270
«Пособие по слесарному делу»	1367	80	17 : 1	917	131	7 : 1	240
«Памятка монтажника железобетонных конструкций»	302	57	5,3 : 1	182	61	3 : 1	170
«Производство музыкальных инструментов»	417	95	4 : 1	247	94	2,5 : 1	160
«Обогащение и агломерация»	165	46	3,5 : 1	128	55	2,3 : 1	150
«Механизация монтажных работ» . .	328	75	4 : 1	198	69	2,8 : 1	140
«Производство кож и изделий из кожи»	440	124	3,5 : 1	345	133	2,6 : 1	130
«Общие профессии для народного хозяйства»	250	92	2,7 : 1	172	79	2,2 : 1	120
«Производства культурного назначения»	565	157	3,6 : 1	403	142	2,9 : 1	120
«Производство чугуна, стали» . . .	253	79	3 : 1	226	79	2,8 : 1	110
«Пищевая промышленность»	832	181	4,5 : 1	1117	252	4 : 1	110
«Добыча угля, руды»	523	128	4 : 1	499	122	4 : 1	100
«Производство строительных материалов»	393	118	3,3 : 1	312	95	3,3 : 1	100
«Производство целлюлозы и бумаги»	315	108	2,9 : 1	262	89	2,9 : 1	100

Если все же употребительность и продуктивность сопутствуют друг другу (хотя бы такое сопутствие и проявлялось не для всех, а лишь для некоторых типов), то это следствие того, что употребительность слов, образованных по определенному типу, может способствовать росту продуктивности этого словообразовательного типа.

Итак, рост продуктивности многих словообразовательных типов в современном литературном языке стимулирован социальными причинами: актуализацией тех или иных деривационных значений, влиянием на общелитературное словообразование словообразования терминологического, в котором данные типы производных обладают высокой продуктивностью. Эти социальные факторы действуют не изолированно, а во взаимодействии с внутриязыковыми факторами, которые благоприятствуют образованиям определенной структуры и ограничивают развитие их конкурентов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Рост специализации словообразовательных средств
Специализация словообразовательных средств в категории имен лиц в общелитературном языке.

Влияние терминологического словообразования на повышение специализации общелитературного словообразования. Изменения в группе существительных — имен лиц, названных по профессии, роду занятий. Рост продуктивности существительных с суффиксом -щик. Уход из употребления некоторых потерявших общественную актуальность семантических групп слов на -щик. Конкурентная борьба образований на -щик, -льщик с наименованиями профессий других словообразовательных типов. Социальные причины, благоприятствующие развитию образований на -щик в 30—40-е годы. Явление вторичной суффиксации. Размежевание суффикса -щик с другими средствами образования лиц по профессии. Факторы, способствующие деспециализации существительных на -щик в 50—60-е годы.

82. Тенденция к специализации словообразовательных средств была характерна для общелитературного языка и в предшествующую эпоху его развития. Исследователи литературного языка XIX в. справедливо отмечают, что «центральным процессом, пронизывающим словопроизводство всех частей речи, был процесс устранения дублетности и специализации словообразовательных средств на выражении одного или нескольких внутренне объединенных значений» [1].

Не в меньшей степени этот процесс характеризует и словообразование современного общелитературного языка, находя при этом существенную поддержку со стороны специализированного терминологического словообразования. Процесс специализации заключается в следующем: 1) происходит строгое распределение связей производящих основ со словообразующими аффиксами; 2) стандартизуются значения словообразовательных типов; 3) усиливает-

[1] «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., 1964, стр. 8.

ся тенденция к устранению дублетных образований и к освобождению от полисемантичности типов.

Понятно, что специализация не касается всех словообразовательных типов. Наоборот, она дает возможность языку отобрать из ряда синонимических словообразовательных типов наиболее жизнестойкие, т. е. высоко продуктивные и семантически монолитные.

Нагляднее всего процесс специализации обнаруживается в словообразовательной категории имен лица.

Распределение суффиксов между производящими именными основами схематически можно представить следующим образом (имеются в виду продуктивные для современного языка словообразовательные типы):

Основы имен собственных —
- —*-(ов)ец*
- —*-(ч)анин*
- —*-ист* (с затухающей продуктивностью)

Основы имен нарицательных —
- —*-щик*
- —*-ник*
- —*-ист* (с возрастающей продуктивностью)

Не ставя задачи подробного описания судьбы каждого из этих типов, остановимся на некоторых, наиболее показательных для процесса специализации фактах [2].

Образование имен лиц с широким значением отношения к кому-то, чему-то осуществляется по словообразовательному типу: «основа имени собственного (фамилии, географического имени или наименования учреждения и т. п.) + суфф. *-(ов)ец*». С этими же семантическими видами основ ранее соединялся тот же суффикс с другими интерфиксами *-(ан)ец*, *-(иан)ец* и другие суффиксы (*-анин*, *-ист*). Однако наиболее активным оказывается суфф. *-ец* с интерфиксом *-ов-*. Вбирая постепенно в сферу своего влияния все больше и больше основ имен собственных, суфф. *-(ов)ец* монополизирует производство существительных лица от основ имен собственных и оттесняет образования с другими суффиксами.

Особенно сложными были взаимоотношения словообразовательных типов с суфф. *-(ов)ец* и *-анин*, формирующих группу имен существительных, обозначающих лиц по месту жительства или рождения.

Напомним, что в языке XVIII — начала XIX в. словообразовательный тип с суфф. *-анин* (*-ане*) был наиболее активным средством образования слов данной семантики [3].

Но уже на рубеже XVIII—XIX вв. начинается активное словообразование имен существительных с суфф. *-(ов)ец*, обозначаю-

[2] Более подробно эти вопросы освещены в статье В. П. Даниленко «Имена собственные как производящие основы современного словообразования» («Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964).

[3] «Очерки...», там же, стр. 67—68.

щих лиц по месту жительства или рождения, причем образуются и новые слова, и дублеты к уже существующим словам с суфф. *-анин* (*-ане*): *карфагеняне — карфагенцы*, *ионяне — ионийцы*, *сирияне — сирийцы* и др.

На протяжении XIX в. и особенно в языке нашего времени, когда появилась большая потребность в словах данного типа, суфф. *-(ов)ец* окончательно утверждается в этой семантической группе слов, образуя имена лиц от основ заимствованных и отечественных географических имен. Таковы многие современные образования: *мельбурнцы*, *джакартцы*, *гватемальцы*, *нигерийцы*, *ганцы*, *бхилайцы*, *суданцы*; *джамбулцы*, *днепродзержинцы*, *енисейцы*, *оленегорцы* (жители нового города Оленегорска), *салаватцы* и мн. др.

Что же происходит с суфф. *-анин* (*-ане*)? Язык современности часто обращается к этому суффиксу, приспосабливая его для обозначения жителей населенных пунктов нашей страны. При этом в современном языке суфф. *-анин* часто выступает с интерфиксом *-ч-*.

Трудно определить четко структурно-морфологический тип производящих основ, с которыми соединяется суфф. *-(ч)анин*. Но это может быть лишь доказательством широких возможностей сочетаемости данного суффикса.

Большинство новообразований является вторичным по отношению к уже существующим словам с другими суффиксами, и это также доказывает активность суфф. *-(ч)анин*. Примеров появления дублетов можно привести много. Вот некоторые из них:

тамбовцы — тамбовчане, *кемеровцы — кемеровчане*, *кисловодцы — кисловодчане*, *сормовичи — сормовчане*, *тернопольцы — тернопольчане*, *тираспольцы — тираспольчане*, *туляки — тульчане* и т. п.

Каковы же причины, вызвавшие необходимость выделить имена жителей из ряда других наименований, производимых от тех же основ? Усиливавшаяся продуктивность имен лиц на-*(ов)ец* со значением членов коллектива (типа *калибровцы* — ‘рабочие завода «Калибр»’, *мхатовцы* — ‘артисты МХАТ’, *горьковцы* — ‘рабочие завода им. Горького’ и т. п.) породила омонимичные ряды образований: *горьковцы* — рабочие завода, воспитанники колонии им. А. М. Горького, жители города Горького; *свердловцы* — рабочие завода, слушатели Академии, жители города. Поэтому стремление к выделению названий жителей населенных пунктов, преимущественно нашей страны, в самостоятельный словообразовательный тип является естественным. Этому, конечно, способствовал тот факт, что суфф. *-анин* однозначен и издавна служил для образования имен лиц по месту жительства или рождения.

Примечательно, что образования с этим суффиксом от других основ и с другим значением, в частности от имен нарицательных и не со значением жителей, в современном языке окончательно утрачивают свою продуктивность. Можно назвать лишь неко-

торые слова, к тому же малоупотребительные, образованные от имен нарицательных в наше время и не обозначающие жителей: *заводчанин*, *деповчанин* и некот. др.

Итак, суфф. *-анин* (обычно с интерфиксом *-ч*) полностью специализировался на выражении значения ‘житель’, притом обычно — какой-либо местности Советского Союза. Свидетельством этому служат многочисленные образования с этим значением: *кировчане*, *колымчане*, *дмитровчане*, *минчане*, *нарымчане*, *серпуховчане*, *кызылчане*, *мстерчане*, *ангарчане*, *ковровчане* и мн. др., отделившиеся даже от близких по семантике наименований лиц по названию государства и других географических названий. Для них остался продуктивным суфф. *-(ов)ец*: *вьетнамцы*, *южнокорейцы*, *латиноамериканцы*, *западноберлинцы* и т. п.

83. Еще один пример процесса специализации в общелитературном языке. Взаимоотношения словообразовательных типов с суфф. *-(ов)ец* и *-ист* в группе существительных, обозначающих лиц по принадлежности к общественному, идейному, художественному течению, названному по имени основателя или руководителя, сводились к тому, что на протяжении XIX в. они существовали с явным преимуществом образований на *-ист*.

С конца же XIX в. и особенно с начала XX в., когда увеличивается поток образований типа *народовольцы*, *бундовцы*, *искровцы*, *землевольцы* и т. п., идущих из разговорной речи и получивших сразу же большое распространение, продуктивность образований с суфф. *-ист* от основ имен собственных заметно падает. Этому, вероятно, в немалой степени способствовала возросшая продуктивность образований с суфф. *-ист* от основ существительных предметного и отвлеченного значения. Продуктивность же последних стала возможной благодаря расширившемуся кругу основ, с которыми мог сочетаться суфф. *-ист* (русские основы, аббревиатуры, сложные слова: *очеркист*, *значкист*, *велокроссист*, *генпланист*, разг. *хвостист* и т. п.).

Выражение значения ‘последователь кого-то, член коллектива’ все активнее берет на себя словообразовательный тип с суфф. *-(ов)ец*. Это один из тех типов, продуктивность которых непосредственно связана с языком советской эпохи.

Производящими основами для этого типа образований служат имена собственные. Внутриязыковым фактором, способствующим активному образованию слов с суфф. *-(ов)ец*, можно считать легкость соединения основ разной структуры с этим суффиксом благодаря интерфиксальному элементу *-ов-*, внешним — большую общественную потребность в словах со значением членов групп, коллективов. Уже первые годы революционного и послереволюционного времени приносят большое количество подобных слов. Это — отмеченные А. М. Селищевым: *романовцы*, *корниловцы*, *алексеевцы*, *дутовцы*, *махновцы*, *петлюровцы*, *капелевцы*, *григорьев-*

цы, *врангелевцы* и др.[4] Это — и многие другие известные образования: *лазовцы*, *чапаевцы*, *буденовцы*, *лефовцы*, *серапионовцы*, *динамовцы*, *торпедовцы*, *зенитовцы*, *баррикадовцы*, *уралмашевцы*, *автоприборовцы*, *электросиловцы* и мн. др.

Таковы некоторые иллюстрации к процессу специализации словообразовательных средств в общелитературном языке.

84. Являясь следствием внутриязыковых факторов — развития языка как системы — тенденция к специализации словообразующих средств усиливается, интенсифицируется под воздействием внешних факторов, одним из которых надо считать терминологическую подсистему словообразования.

В составе современной русской лексики есть целые разряды слов, стоящие на границе общелитературного языка и терминологии. Наиболее характерен в этом отношении разряд имен лиц, названных по профессии, по роду занятий.

Многочисленные образования: *аппаратчик*, *наладчик*, *автоматчик*, *арматурщик*, *шлифовальщик*, *проектировщик* и т. п. (*-чик* и *-щик* являются вариантами одного суффикса, см. III, § 125) активно используются в литературном языке и в то же время, являясь номенклатурой разных производственных профессий, близко соприкасаются с собственно терминологической лексикой и поэтому испытывают на себе ее влияние. Проявляется оно в том, что терминологическая лексика, для которой характерна строгая системность и специализация словообразовательных средств, распространяет эти качества на околотерминологическую лексику.

85. Остановимся подробнее на процессе специализации имен лиц с суфф. *-щик*, названных по профессии, по роду занятий. Специализация словообразовательного типа с данным значением и тем самым словообразующего аффикса протекала в борьбе с конкурентными типами, т. е. в устранении дублетных словообразовательных средств, с одной стороны, и в освобождении типа от полисемантичности (в пределах одной области употребления), с другой [5].

Уже в языке предшествующей эпохи вырисовываются четкие контуры тех процессов, которые находят свое дальнейшее развитие в современную нам эпоху. В качестве доминирующего типа имен, обозначающих лиц по профессии, по роду занятий, утверждаются образования на *-щик* и *-льщик* от основ глаголов конкретной семантики [6]. Сокращение числа новообразований имен на *-щик* от основ глаголов неконкретной семантики, ограничение образования и употребления имен на *-щик*, которые называют лиц по другим признакам: по чертам характера, поведения (типа *спорщик*, *затейщик*, *зачинщик*, *подговорщик*, *притворщик* и т. п.), с очевидностью говорят о сосредоточении словообра-

[4] А. М. Селищев. Язык революционной эпохи. М., 1928, стр. 17.

[5] Ср. в работе А. А. Дементьева: «... все или во всяком случае почти все полисемантические суффиксы теряют свою продуктивность и вытесняются моносемантическими, к числу которых относится в данном случае и суффикс *-щик*». («Очерки по словообразованию имен существительных в русском языке (имена существительные с суффиксами *-ок*, *-ка*, *-ко*, *-ец*, *-ца*, *-цо*, *-ица*, *-ице*)». — «Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та», вып. 27, 1959, стр. 18).

[6] См.: «Очерки...», там же, стр. 39.

зовательного типа с суфф. *-щик* на производстве имен лиц по профессии, по роду занятия. Этому способствовал тот факт, что «с середины XIX в. обозначение лиц по профессии, по сфере производственной деятельности или роду постоянных занятий стало актуальной семантической категорией» [7].

Единодушно мнение исследователей о том, что к концу XIX в. число этих существительных быстро растет. «Они образуются как от глагольных, так и от именных основ. Симптоматичным является все более свободное образование этих существительных от заимствованных лексем» [8].

86. Изучаемый период характеризуется новыми особенностями функционирования имен лиц с суфф. *-щик*. Специализация этого словообразовательного типа усиливается.

Наиболее интересные явления можно наблюдать начиная с 20-х годов нашего века.

Оставаясь ведущим, тип существительных на *-щик*, *-льщик* в этот период сосуществует с другими, синонимичными, более старыми, одного с ним возраста и более молодыми существительными с суфф. *-тель*, *-арь*, *-аль*, *-ач*, *-ак*, *-ло*, *-ла*, *-ец*, *-ник*, *-ист*.

Сравнение «Словарей занятий» [9] разных лет издания, отражающих практику образования и официального употребления данных наименований, дает интересный и показательный материал. Словарь 20-х годов (изданный в связи со всесоюзной переписью населения 1926 г.), наряду с многочисленными образованиями на *-щик*, *-льщик*, сохраняет многие традиционные образования с другими агентивными суффиксами:

-тель: *взрыватель*, *выключатель*, *выталкиватель*, *делитель*, *замыкатель*, *измеритель*, *исполнитель*, *испытатель*, *истребитель* (насекомых), *изготовитель*, *наблюдатель*, *наполнитель*, *обследователь*, *опрыскиватель*, *оспопрививатель*, *отражатель*, *подготовитель*, *помогатель*, *пробкодержатель*, *пробкотаскатель*, *разрыхлитель*, *сличитель*, *служитель*, *смеситель*, *смотритель*, *снаряжатель*, *составитель*, *сполоскатель*, *строгатель*, *указатель*, *устроитель*, *учитель*, *хранитель*;

-аль: *каталь*, *коваль*, *копаль*, *макаль*, *прыскаль*, *рушаль*, *скребаль*, *строгаль*, *стукаль*, *чесаль*, *чигаль*, *чищаль*;

-арь: *винтарь*, *гнутарь*, *грабарь*, *жигарь*, *звонарь*, *знахарь*, *золотарь*, *лекарь*, *лодарь*, *ложкарь*, *мазарь*, *плугарь*, *пухарь*, *секарь*, *сушкарь*, *сыпарь*, *тесарь*, *топтарь*, *чесарь*;

-ла: *вешала*, *выжигала*, *вязала*, *гладила*, *гоняла*, *допекала*, *калила*, *квасила*, *колотила*, *красила*, *крутила*, *меняла*, *мостила*, *обжигала*, *раздирала*, *сажала*, *тачала*, *топтала* [10];

---

[7] Там же, стр. 42.

[8] Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX в. М.— Л., 1965, стр. 244.

[9] «Алфавитный словарь занятий». М., Госстатиздат, изд. 1926, 1939 и 1959 гг.

[10] Ср. соотносительные женские наименования: *-лка*: *вешалка*, *веялка*, *вставлялка*, *вырезалка*, *вышивалка*, *вязалка*, *гладилка*, *каталка*, *крепилка*, *крутилка*, *мазилка*, *моталка*, *наметалка*, *нашивалка*, *обрезалка*, *оставлялка*, *поломойка*, *полоскалка*, *принималка*, *пришивалка*, *разбивалка*, *распошивалка*,

-ло: *водокачало*, *ворочило*, *вырезало*, *выставляло*, *гоняло* (вагонов), *замывало*, *защебняло*, *насекало*, *обрезало*, *обыскало*, *отсекало*, *погоняло*, *поддувало*, *подметало*, *правйло*, *распускало*, *спускало*, *спущало*, *счищало*, *таскало*, *чищало*;

-ач: *кармач*, *лихач*, *секач*, *силач*, *скребач*, *слухач*, *стригач*, *стругач*, *толкач*, *толмач*, *трепач*, *трубач*, *чесач*;

Ср. также и другие типы, представленные небольшим числом образований: *зубак*, *носак*, *резак*, *ходак*, *пчеляк*, *стержняк*, *серебряк*; *белодеревец*, *вязец*, *гребец*, *ловец*, *мнец*, *тяглец*, *чтец*, *швец*; *литух*, *чесун*, *проходок* и некот. др.

Таким образом, типу существительных на *-щик*, *-льщик* противостояла целая серия образований того же значения и от тех же производящих основ. С другой стороны, и сам словообразующий суфф. *-щик* имел связи с более широким кругом производящих основ, чем в языке последующих десятилетий.

87. В 20-е годы из разговорной речи проникает в литературный язык немало слов с суфф. *-щик* — очень актуальных для того времени имен лиц, названных по учреждению, организации: *агитпропщик*, *аппаратчик* (работник государственного аппарата), *завкомщик*, *орготдельщик*, *политпросветчик*, *сельсоветчик*, *синдикатчик*, *студкомщик*, *трибунальщик* и т. п. Новым для суфф. *-щик* является соединение его с основами — наименованиями организаций, учреждений. Кроме того, посредством суфф. *-щик* образуются оценочные слова типа *бюллетенщик*, *банкетчик*, *калымщик*, *алиментщик*, *валютчик*, *анекдотчик*, *конъюнктурщик*, *волокитчик* и др., экспрессивные наименования лиц, имеющие предшественников в виде единичных образований *литературщик*, *журнальщик*, отмеченных еще в языке XIX в.[11]

Таким образом, словообразующий суфф. *-щик*, при помощи которого производятся имена лиц 1) по профессии, 2) по принадлежности к организации, учреждению и 3) экспрессивно окрашенные, оказывается в первые два десятилетия XX в. семантически перегруженным. (О некоторых, более малочисленных группах слов этого типа, имеющих особое деривационное значение, см. дальше, III, § 89.) Это противоречило все усиливающейся тенденции к специализации словообразовательного типа с суфф. *-щик* на выражении значения лица по профессиональному признаку.

88. Полисемантизм преодолевается естественным ходом развития словообразовательной системы с ее тенденцией к специализации типов.

В языке предреволюционной и революционной эпох возрастает общественная потребность в именах лиц, названий по принадлежности к учреждению, организации, партии, группе. Эта потребность удовлетворяется стилистически нейтральным слово-

---

резалка, *сеялка*, *сиделка*, *ситомойка*, *составлялка*, *стиралка*, *сушилка*, *сшивалка*, *тачалка*, *топталка*, *убиралка*, *хожалка*, *чесалка*, *читалка*. Об их судьбе см. III, § 91.

[11] См.: Ю. С. Сорокин. Указ. соч., стр. 226.

образовательным типом с суфф. *-(ов)ец*: *учредиловцы*, *трудармейцы*, *продармейцы*, *рабочкомцы*, *комбедовцы*, *веховцы*, *опоязовцы*, *итээровцы*, *орсовцы* и мн. др.

Легкость образования и актуальность этих наименований помогают оформлению отдельного словообразовательного типа имен лиц, названных по принадлежности к учреждениям, организациям, коллективам. Традиционная связь словообразующего суфф. *-(ов)ец* с именными основами, в частности и с основами указанной семантики, поддерживает активность образований с этим суффиксом. Новые для суфф. *-щик* образования типа *исполкомщик*, *ячейщик* не выдерживают конкуренции, и данная группа основ переходит «в ведение» словообразовательного типа с суфф. *-(ов)ец*.

В упорядочении связи этих основ с суфф. *-(ов)ец*, вероятно, сыграло немалую роль и то, что образования с суфф. *-(ов)ец* стилистически нейтральны, а аналогичные образования с суфф. *-щик* имели, как правило, окраску разговорности, что препятствовало их употреблению в качестве официально принятых номинаций. Ср. многочисленные образования типа *ячейковцы*, *детдомовцы*, *рабфаковцы*, *женотдельцы*, *жилуправленцы*, *завкомовцы*, *фабкомцы*, *исполкомцы*, *фрезеровцы*, *динамовцы*, *калибровцы*, *уралмашевцы*, *автоприборовцы*, *электросиловцы* и мн. др.

Таким образом, образования имен лиц по профессиональному признаку и по принадлежности к коллективу, учреждению, организации распределяются между разными словообразовательными суффиксами — *-щик* и *-(ов)ец*.

Экспрессивно окрашенные образования имен лиц продолжают активно создаваться посредством суфф. *-щик* (см. III, § 164—166), так как они не пересекаются с именами лиц — названиями профессий ни в значении, ни в сферах употребления.

89. В языке послеоктябрьской эпохи по социальным причинам стали непродуктивны и постепенно утратились некоторые немногочисленные группы слов с суфф. *-щик*, который имел в этих группах определенные частные оттенки значения. Это прежде всего имена со значением ‘владелец торгового или промышленного заведения’. С таким значением отмечены в СУ и БАС: *амбарщик* ‘владелец амбаров’, ‘скупающий зерно или отдающий амбар внаем’; *трактирщик*, *кабатчик*, *духанщик*, *чайханщик*, *магазинщик*, *бакалейщик*, *галантерейщик*; *фруктовщик* ‘владелец фруктового магазина’, *заводчик*, *горнозаводчик*, *сахарозаводчик*, *коннозаводчик*.

Названия такого рода стали общественно неактуальными.

Внешние по отношению к языку причины повлияли и на вытеснение имен такой семантики, как ‘лицо, управляющее средством передвижения’ (ср. старые образования *паромщик*, *подводчик*, *аробщик*, *фаэтонщик*).

Вызванное техническим подъемом появление множества специфических профессий привело к их группировке по общности, сходству. На этом фоне профессии, связанные с транспортом, также, очевидно, стали восприниматься обобщенно, так как сам тип работы оказался противопоставленным профессиям другого типа в большей степени, чем противопоставлена работа, связанная с разными видами транспорта, т. е. внутри этого типа. В связи с этим отпала необходимость в множестве частных названий. При этом были обобщены совсем несхожие между собой названия — *водитель трамвая* (вместо *вагоново-*

жатый, слово, привычное для 20—30-х годов), *троллейбуса*, *автобуса*, *такси*, *автомашины*. Такое употребление слова *водитель* началось, очевидно, с конца 40 — начала 50-х годов. У С. Эйзенштейна иронически-осторожное *водитель машины*: В этом отношении я вполне разделяю любопытство с шофером моим Григорием Журкиным. Сей образцовый *водитель машины* по самому долгу своей службы был живым свидетелем и съемок и монтажа (С. Эйзенштейн, Заметки о Прокофьеве, 1947). А в 1950 г. слово *водитель* появилось в заглавии книги о шоферах — А. Рыбаков. «*Водители*». Расширение значения этого слова произошло настолько неожиданно, быстро и потому заметно, что дало повод Л. Утесову весело пошутить в одной из песенок: «Эй, извозчик! — Какой я извозчик, я *водитель кобылы*». Теперь же это слово настолько вошло в обиход, что стало официальным названием. Ср. объявления в трамваях и автобусах: «У *водителя* имеются в продаже абонементные книжечки», «Не загораживайте стекол кабины *водителя*». На транспорте распространилось слово *машинист* (*машинист* пассажирского поезда, экспресса, электропоезда, поезда метро). Но даже и сюда проникает слово *водитель*: «Оба они машинисты, *водители* электропоездов» (Телепередача, 13 февр. 1966, Москва).

В авиации сохраняется наименование *летчик* (самолета и вертолета), во флоте — *капитан* (парохода, катера, речного трамвая и парома, если это механизированное транспортное средство).

Позднее (в 50—60-е годы) процесс вытеснения частных профессиональных наименований с суфф. *-щик* более обобщенными (в связи с развитием техники) оказал широкое влияние на всю группу слов с этим суффиксом (см. дальше, III, § 93). В результате всех этих изменений полисемантичность суфф. *-щик* в советскую эпоху значительно убывает.

90. Оставаясь основным и самым продуктивным средством образования слов со значением специальных технических профессий [12], словообразовательный тип на *-щик*, сосуществовавший ранее с другими, начинает в 30—40-е годы активно противодействовать синонимичным типам, в одних случаях вытесняя их, в других — уподобляя себе синонимичные образования путем присоединения морфемы *-щик* в качестве второго суффикса.

На рубеже 30—40-х годов образования на *-щик*, *-льщик* получают новый толчок к усилению продуктивности. Непосредственной причиной «взлета» продуктивности слов на *-щик*, *-льщик* в это время был внеязыковый фактор. Взятый в первую же пятилетку курс на индустриализацию страны потребовал оснащения промышленности машинной техникой, механизации и автоматизации отдельных производственных процессов в таких важных отраслях, как угольная, металлургическая, горнорудная, создания новых отраслей промышленности — авиационной, автомобилестроительной, тракторостроительной, газовой, химической, радиотехнической и некот. др. Все это очень остро поставило вопрос подготовки новых кадров. В частности, механизация отдельных производственных процессов вызвала узкую специализацию рабочих [13].

---

[12] Г. О. Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. «Труды МИФЛИ», т. V, 1939, стр. 37.

[13] «Внедрение в производство специальных машин и инструментов и введение поточно-конвейерных систем порождает и узкую специализацию профессионального разделения труда. В этот период происходит дробление многих универсальных профессий, что видно из данных профессионального учета 1937 г. ... Только одна профессия слесаря насчитывала более 150 различ-

Прямым отражением этих изменений социальной действительности в языке является необычайно активный рост наименований новых профессий [14]. Узкая специализация рабочих порождает многочисленные дифференцированные наименования профессий, названные по отдельным производственным процессам. Это активизирует словообразовательный тип на *-льщик* от глагольных основ конкретной семантики: *спускальщик*, *пропускальщик*, *сметальщик*, *зачищальщик*, *отжигальщик*, *разжигальщик*, *спекальщик*, *навивальщик*, *хонинговальщик*, *шевинговальщик*, *выколачивальщик*, *выправлялщик*, *додувальщик*, *доливальщик*, *навешивальщик*, *надсекальщик*, *накатывальщик* и т. п.

Действующий в то время принцип наименования по производственному процессу нашел отражение и в широком создании образований на *-щик* от основ приставочных глаголов, обозначающих отдельные, конкретные производственные процессы: *выклейщик*, *закантовщик*, *заполировщик*, *зацентровщик*, *надрезчик*, *напайщик*, *обклейщик*, *обкладчик*, *обмеловщик*, *обмерщик*, *окрасчик*, *окантовщик*, *опиловщик*, *опрессовщик*, *отгонщик*, *откатчик*, *отломщик*, *отмывщик*, *перебивщик*, *перебойщик*, *переборщик*, *перегрузчик*, *перекладчик*, *переливщик*, *перемазчик*, *перефальцовщик*, *подбивщик*, *подборщик*, *подгонщик*, *подкатчик*, *подклейщик*, *подкрасчик*, *подпайщик*, *подпарщик*, *подпрессовщик*, *подрезчик*, *подрубщик*, *подсадчик*, *подшлифовщик*, *приварщик*, *приладчик*, *присыпщик*, *пробивщик*, *промазчик*, *пропиловщик*, *развальцовщик*, *разгипсовщик*, *раззенковщик*, *раскайловщик*, *раскомплектовщик*, *распалубщик*, *располировщик*, *рассверловщик*, *сбивщик*, *срывщик*, *уварщик*, *укомплектовщик* и т. п.

91. Другой заметной чертой функционирования типа на *-щик* в этот период было более активное, чем ранее, взаимодействие наименований лиц по профессиям с собственно терминологической лексикой — наименованиями машин, механизмов, производственных процессов, названных отглагольным именем. Это приблизило данную лексику к терминологической.

Появление большого числа таких наименований машин, механизмов, приборов, которые были заимствованными, интернациональными, учащает случаи совмещения в одном слове значений лица и предмета (*дозатор*, *аэратор*, *каустификатор*, *хлоратор*, *герметизатор*, *гранулятор*, *дегазатор*, *индикатор*, *кальцинатор*, *металлизатор* и т. п.). Естественно, что подобное столкновение значений вызвало необходимость размежевания их. Это потребовало сознательного упорядочения и регулярного разграничения значений лица и предмета.

ных специальностей» («Плановое хозяйство», 1939, № 5, стр. 15, цит. по кн.: А. Осипов, И. Коваленко, Е. Петров. Советский рабочий и автоматизация. М., 1960, стр. 28—29).

[14] По данным ЦСУ СССР, номенклатура профессий за период между двумя всесоюзными переписями населения (1939—1959 гг.) увеличилась почти на 10 000 наименований.

Терминология требует одно-однозначных отношений между означаемым и означающим. Это требование распространяется и на лексику, близкую к терминологии, в частности на наименования лиц по профессии, по роду занятий. В связи с этим усиливается тенденция к специализации словообразовательных средств, производящих подобные наименования. Естественное следствие этого — освобождение от тех наименований, которые мешали необходимой однозначности [15]. Целые словообразовательные типы подверглись влиянию этой тенденции.

Наиболее ярким процессом, характеризующим развитие словообразовательного типа имен лиц на *-щик* в этот период, является активно развивающаяся вторичная суффиксация [16], т. е. присоединение агентивного суффикса к именам лиц бессуффиксным или содержащим иные суффиксы. Явление вторичной суффиксации, все шире и шире захватывающее синонимичные словообразовательные типы, несомненно доказывает возросшую роль изучаемого типа. Началом и непосредственной причиной данного явления послужила активизация типов, совмещающих значение лица и предмета (с суфф. *-тель* и *-тор*). Именно эти типы и дают наибольшее число случаев вторичной суффиксации. Возникнув еще на рубеже XX в., это явление активизируется к середине века как следствие особой активности образований на *-тель* и *-тор* в предметном значении. К числу ранних образований, отмеченных словарем 1926 г., относятся дублетные формы имен лиц типа *регистратор* и *регистраторщик*, *перфоратор* и *перфораторщик*, *коллектор* и *коллекторщик*, *классификатор* и *классификаторщик*.

Характерно, что в этот период случаи вторичной суффиксации с суфф. *-тель* словарем не отмечены. Это дает основание предполагать, что их не было и в языковой практике. Позднее же можно отметить немало случаев вторичной суффиксации и в наименованиях на *-тель*. Ср.: *разрыхлитель* (1926) и *разрыхлительщик* (1959), *выделитель* (1926) и *выделительщик* (1959), *расщепитель* (1926) и *расщепительщик* (1959).

Со временем, когда усиливается приток наименований на *-тор*, совмещающих или могущих совместить значения предмета и лица, роль вторичной суффиксации заметно возрастает. Она

---

[15] Возросшая в 30—40-е годы продуктивность образований с суфф. *-лка* в значении предмета (помещения и главным образом механизма: *читалка*, *курилка*; *землечерпалка*, *картофелекопалка*, *мешалка*, *дробилка* и т. п.) несомненно одна из причин того, что стали непродуктивными и малоупотребительными старые образования на *-лка*, которые являются наименованиями лиц по профессии для женщин. Характерно, что Словарь занятий (1926) содержит еще десятки образований подобного рода. В словаре 1959 г. сохраняются лишь единичные наименования на *-лка*: *тачалка*, *сшивалка*, *сновалка*, *резалка*, *моталка*, *каталка*, *вязалка*.

[16] См. об этом: В. П. Даниленко. Имена существительные (нарицательные) как производящие основы.— В кн.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964.

становится активным средством семантической дифференциации образований на *-тор* и *-тель* и *-торщик*, *-тельщик* и некот. др.

Современные словари занятий, перечни профессий рабочих содержат многочисленные образования имен лица типа *стерилизатор — стерилизаторщик*, *нормализатор — нормализаторщик*, *мерсеризатор — мерсеризаторщик*, *металлизатор — металлизаторщик*, *мацератор — мацераторщик*, *карбонизатор — карбонизаторщик*, *дозатор — дозаторщик*, *питатель — питательщик*, *выщелачиватель — выщелачивательщик*, *расширитель — расширительщик*, *пухоотделитель — пухоотделительщик* и т. п.

Можно думать, что вторичной суффиксации способствовала также необходимость образовать по продуктивной модели женские соответствия к наименованиям лиц по профессии. Ср: *вулканизаторщик — вулканизаторщица*, *перфораторщик — перфораторщица*, *табуляторщик — табуляторщица* и т. п. Другие средства образования женских соответствий от имен на *-тор*, *-тель* (такие, как суфф. *-ка*, *-ша*) в данном случае неприемлемы из-за контрастности стилистической окраски этих словообразовательных морфем (книжных *-тор*, *-тель* и разговорно-просторечных *-ка* и *-ша*).

92. В это время все заметнее стали проявляться черты более узкой специализации словообразовательного суфф. *-щик*. С помощью суфф. *-щик* от глагольных и именных основ образуются наименования производственных, технических профессий в отличие от профессий иного профиля, формирующихся другими словообразующими суффиксами. Это особенно наглядно видно при сравнении образований от одной и той же основы с помощью разных суффиксов: *гармонист* (музыкант) и *гармонщик* (мастер, делающий гармоники), *баянист* и *баянщик*, *гитарист* и *гитарщик*, *гример* и *гримщик*, *акварелист* и *акварельщик* и др., в которых имена на *-щик* обозначают делателя того, что названо производящей основой.

Кроме того, узкая специализация образований на *-щик* в наименованиях профессий подтверждается активным функционированием других типов, с помощью которых создаются наименования профессий иного, нетехнического, непроизводственного профиля: на *-лог* (в кругу медицинских и некоторых других профессий научно-исследовательского характера: *вирусолог*, *гельминтолог*, *иммунолог*, *курортолог*, *агрометеоролог*, *агроэнтомолог*, *биоклиматолог*, *аэролог*, *геометролог*); на *-ист* (в наименованиях спортивных, а также музыкальных и некоторых других профессий, связанных с литературой, искусством, наукой: *акваланги́ст*, *гандболист*, *дзюдоист*, *самбист*, *штангист*; *аккордеонист*, *саксофонист*, *кантелист*, *дудукист*, *джазист*, *памфлетист*, *сценарист*, *плакатист*, *силуэтист*; *иранист*, *эсперантист* и мн. др.); с нулевым суффиксом — наименования некоторых профессий, связанных главным образом с транспортировкой: *дровокат*,

дрововоз, *торфовоз*, *рудовоз*, *углевоз*, *шихтовоз*, *опилконос*; *трубоклад*, *столбостав*, *сваебой*, *тростобой* (у слов на *-воз* в современном языке активно развивается и предметное значение).

Существенно, что из двух и даже трех теоретически возможных вариантов (с суфф. *-тель*, *-ник*, *-щик*) практически реализуется, как правило, образование имени лица посредством суфф. *-щик*, что можно считать безусловным свидетельством специализации данного типа на выражении одного социально-актуализированного значения. Этому способствовало такое важное качество слов на *-щик*, как участие их в регулярных словообразовательных рядах: отглагольное имя на *-ка* — относительное прилагательное на *-очный* — имена лиц на *-щик*/*-щица* (*шлифовка* — *шлифовочный* — *шлифовщик* — *шлифовщица* и т. п.).

Таким образом, в период 30—40-х годов в функционировании изучаемых словообразовательных типов происходит: 1) дальнейшее усиление продуктивности образований на *-щик*, *-льщик*; 2) заметная активизация глагольных производящих основ (как соответствие принципу наименования профессии по отдельному производственному процессу); 3) усиление влияния терминологического словообразования (с его требованиями однозначности и словообразовательной системности) на околотерминологические образования. Как отражение этого — усиление тенденции к специализации словообразовательных типов (даже внутри категории имен лиц по профессии) и появление средств семантической дифференциации образований лица и предмета (вторичная суффиксация).

93. Все эти процессы свидетельствовали о том, что словообразовательный тип на *-щик* всецело сосредоточивается на производстве слов данной семантики и очень активно реализует возрастающие потребности в подобных наименованиях. Однако современный нам период (50—60-е годы) вносит заметные изменения в функционирование изучаемых словообразовательных типов, которые были отражением в языке существенных сдвигов в профессиональной структуре рабочих вследствие начавшейся комплексной механизации и автоматизации производства [17]. Отмирают десятки профессий ручного и малоквалифицированного труда [18].

[17] «В 1950 году в нашей стране начал работать первый полностью автоматизированный завод по производству поршней автомобильных двигателей. Был осуществлен единый комплекс автоматизации сложных, разнохарактерных процессов, начиная от плавки металла и кончая упаковкой готовой продукции. Весь производственный процесс обслуживала бригада из 11 человек — 3-х наладчиков и 8 ремонтных рабочих. Так было положено начало новой профессии в нашем обществе — профессии наладчика, которая как бы вобрала в себя многие другие профессии, стала совокупностью многих специальностей, без знания которых невозможно обслуживать автоматическую линию» (З. С т р у к о в. Исчезнувшие и новые профессии. М., 1960, стр. 69—71).

[18] «Совершенствование техники производства вызывает изменения в профессиональном составе рабочих. В связи с механизацией и автоматизацией производства отмирают профессии тяжелого труда, на смену этим профессиям

Появляются профессии нового типа, которые требуют специалистов широкого профиля, знающих современную технику и хорошо владеющих ею, профессии *аппаратчика*, *автоматчика*, *наладчика* и под. Отдельные профессии вытесняются машинами [19].

Все эти внешние по отношению к языку факторы отразились в тех процессах, которые происходят в словообразовательных типах, формирующих наименования профессий.

Появление машин, заменяющих труд рабочих нескольких профессий, увеличивает случаи совмещения в одном слове значений лица и предмета, так как новые механизмы, автоматы, полностью повторяющие производственные процессы рабочих, сохраняют нередко то же наименование, которое имело соответствующее лицо. Ср.: рабочий *трубоукладчик* и машина *трубоукладчик*, то же в словах *сегментоукладчик*, *подборщик*, *перегруппировщик* и др.[20]

Именно поэтому понадобились дополнительные средства, выражающие предметные значения, например, употребление данных наименований в составе словосочетаний *механический укладчик*, *самолет-зондировщик*, *автомат-погрузчик*, *машина-уборщик* или сложных образований *авторегулировщик*, *самоукладчик* и т. п.

малоквалифицированного труда приходят новые профессии, которые необходимы для управления сложными машинами. Например, почти сошла на нет такая распространенная ранее в металлургии профессия, как каталь... В машиностроительном производстве не стало клепальщиков, которых заменили сварщики, на автоматизированном машиностроительном производстве главной фигурой становятся наладчики... В угольной промышленности только за последние два-три года количество подземных профессий ручного труда сократилось с 50 до 17» (О. В. Козлова, К. И. Мурзов. Что дает автоматизация социалистическому обществу. М., 1960, стр. 99—100).

[19] Характерен в этом отношении следующий отрывок из газетной статьи: «Расчетчики — это люди, без которых до сих пор не могло обойтись ни одно предприятие швейной промышленности, ибо они дают исходные данные для более экономного раскроя тканей, что очень важно в массовом производстве. Но даже большая группа людей не в состоянии быстро сделать сложные расчеты, чтобы при раскрое ткани отходы были минимальными. Но можно ли обойтись без расчетчиков? Оказывается, можно.

В Киеве на головном предприятии производственно-технического объединения швейной промышленности «Украина» людей такой профессии уже нет. Здесь их заменила специальная электронно-вычислительная машина» («Пр.», 5 июня 1965).

[20] Совмещение значения лица и предмета в образованиях с суфф. *-щик* отмечено еще акад. В. В. Виноградовым в книге «Русский язык» (М., 1947), где говорится, что суффиксы *-щик* и *-чик* «... начинают применяться все чаще для обозначения орудий действия, механизмов, приборов (в сочетании с глагольной основой), например: *бомбардировщик*, *пищик* (дудочка), *счетчик*, *передатчик*, *тральщик*, *разведчик* и т. п.» (стр. 108). Следовательно, и раньше можно было говорить о возможности с помощью словообразовательного типа с суфф. *-щик* создавать слова и личного и предметного значения. В 50—60-е же годы появляются наименования машин, которые сохраняют наименования лица, ранее выполняющего функции современных машин-автоматов, т. е. речь идет об участившихся случаях совмещения в одном слове значений лица и предмета.

Безусловно, появление большого числа наименований машин, механизмов, лексически совпадающих с наименованиями лица, усилит способность словообразовательного суфф. *-щик* передавать наряду со значением лица значение предмета. Но в таком случае это явление стимулирует процесс деспециализации суфф. *-щик*. Он перестает быть однозначным, т. е. уже не может в полной мере обеспечить стандартность значения производимых с его помощью слов.

Внеязыковой фактор изменяет и соотношение глагольных и именных основ в образованиях имен лиц с данным суффиксом.

Если в предшествующий период (30—40-е годы) профессии, как уже отмечалось, именовались по отдельному производственному процессу (что вызвало большое количество образований от основ глаголов конкретного действия, главным образом приставочных), то в настоящее время профессии именуются по машине, по автомату, который обслуживает рабочий.

Новообразования убедительно показывают, что отыменных слов на *-щик* стало значительно больше, чем ранее: *автоматчик*, *автокарщик*, *аппаратчик*, *газгольдерщик*, *конвейерщик*, *контейнерщик*, *конверторщик*, *генераторщик*, *пеленгаторщик*, *компрессорщик*, *карбюраторщик*, *огнеупорщик*, *гидромониторщик*, *пилорамщик*, *центрофугщик*, *экскаваторщик*, *транспортерщик* и мн. др.

Естественным следствием изменившегося соотношения именных и глагольных основ явилось изменение в степени продуктивности равнозначных образований на *-льщик* и *-овщик*; первые производятся от глагольных основ, а вторые — от собственно именных или глагольно-именных.

Большое количество новообразований на *-льщик*, появившихся в 30—40-е годы, было отражением дифференцированного наименования узких профессий, названных по конкретному производственному процессу. Идущая на убыль продуктивность образований на *-льщик* и увеличивающаяся продуктивность образований на *-овщик* в 50—60-е годы закономерна и соответствует новому принципу наименования профессий по механизму, машине.

И как результат воздействия всех этих внеязыковых факторов возникла тенденция к созданию обобщенных наименований, которую в настоящее время можно считать генеральной в развитии словообразовательных типов, формирующих наименования профессий.

Однако потребность в обобщенных наименованиях неизбежно вступает в противоречие с тенденцией к специализации словообразовательных средств, создающих данные наименования. Это, естественно, вызывает изменения в процессе специализации соответствующих словообразовательных типов. Отдельные проявления этих изменений уже можно наблюдать и сейчас. Наличие нескольких типов (с суфф. *-щик*, *-лог*, *-ист* и некот. др.) не удовлетворяет потребности в обобщенных наименованиях, тем более

что и наиболее специализированный словообразовательный тип — с суфф. *-щик* — оказался поколебленным начавшейся в 50—60-е годы его деспециализацией. Следовательно, потребовалось расширение словообразовательных средств. Оно действительно и происходит, но на сей раз путем, если можно так сказать, «лексической специализации», т. е. путем отбора численно небольшого количества наименований с широким профессиональным значением — *наладчик*, *аппаратчик*, *автоматчик*, *моторист*, *машинист*, *монтажник*, *оператор* и т. п.— и использования их в составе словосочетаний: *аппаратчик по брикетированию*, *аппаратчик на испарителях*, *аппаратчик-контролер*; *машинист электровоза*, *моторист нефтеперекачки* и мн. др.

Следует учитывать и еще одну сторону этого процесса обобщения профессий (в их наименованиях). Технический прогресс делает сходными, сближает профессии, которые ранее были совершенно различны. Труд извозчика, труд машиниста паровоза, кучера конки, шофера такси различался в значительно большей степени, чем различается теперь труд водителя трамвая, водителя автобуса, водителя троллейбуса, водителя поезда, водителя электровоза (см. выше, III, § 89). Также нет необходимости наделять особыми наименованиями профессии людей, работающих на разных автоматах: их всех можно называть *автоматчиками*. Это общее название (*водитель*, *автоматчик*) можно уточнять, создавая наименования-словосочетания (см. выше *водитель трамвая* и т. д.). Такая аналитическая форма наименований, как говорилось, отвечает современным аналитическим тенденциям в лексике (см. II, § 63—64).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Рост регулярности словообразовательных типов. *Словообразовательная регулярность в терминологии и ее влияние на общелитературное словообразование.*

Рост регулярности отвлеченных существительных с суффиксом -ость. *Явления, благоприятствующие росту их регулярности и тормозящие его.*

Увеличение регулярности отглагольных существительных. *Причины и особенности этого процесса.*

Повышение регулярности прилагательных с префиксом без-. *Социальные и внутриязыковые факторы, стимулирующие это явление.*

Превращение ряда именных префиксов в препозитивные частицы.

94. Рост регулярности словообразовательных типов — важнейшая черта системы современного общелитературного словообразования. Она широко представлена в соотносительных образованиях, связанных так называемой «принудительной» структурно-семантической связью. Обычная для словообразовательного аффикса независимость от других аффиксов в регулярных типах сменяется тем, что там «наличие одного из суффиксов с принудительностью свидетельствует, что в языке есть данная основа и с другим соответствующим суффиксом» [1]. Так, наиболее регулярной, напоминающей парадигматическую связь между формами слова, можно считать связь имен лиц мужского пола и соотносительных существительных, обозначающих имена лиц женского пола.

Таковы соотносительные пары на *-ник—> -ница*: *дипломник — дипломница, подсобник — подсобница, опытник — опытница, отделочник — отделочница, надомник — надомница, фабзаучник — фабзаучница, скоростник — скоростница, производственник — производственница, целинник — целинница, дружинник — дружинница* и др.;

---

[1] Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. — В кн.: «Избранные работы по русскому языку». М., 1959, стр. 439.

-щик → *-щица*: *наладчик — наладчица, аппаратчик — аппаратчица, силикатчик — силикатчица, автоматчик — автоматчица, обмотчик — обмотчица, тоннельщик — тоннельщица, кокильщик — кокильщица, крановщик — крановщица, регулировщик — регулировщица* и др.;

-ист → *-истка*: *приборист — прибористка, хронометражист — хронометражистка, линотипист — линотипистка, брассист — брассистка, рапирист — рапиристка, гандболист — гандболистка* и др.;

-ин → *-ка*: *англичанин — англичанка, армянин — армянка*;

-ец → *-ка*: *американец — американка, беженец — беженка, вузовец — вузовка, комсомолец — комсомолка* [2].

«Принудительность» связи между перечисленными парами слов заключается в том, что «всякое суффиксальное образование со значением мужского лица предполагает параллельное образование со значением женского лица» [3].

Целые группы слов в разных частях речи образуются регулярно. Непременным условием регулярных групповых образований является наличие стандартных семантических связей между производящими и производными. Подобную регулярность можно отметить у образований, соотношения между которыми выражаются так:

предмет — лицо
предмет — признак

Реализуется эта группа образований следующим образом: имена существительные, являющиеся наименованиями предприятий, учреждений, учебных заведений, комитетов, общественных союзов и т. п., регулярно образуют имена прилагательные с относительным значением и имена лиц со значением членов коллектива этих учреждений и т. п.: *вуз — вузовский — вузовец, комбед — комбедовский — комбедовец, оруд — орудовский — орудовец, коммунхоз — коммунхозовский — коммунхозовец, нефтестрой — нефтестроевский — нефтестроевец, райзо — райзовский — райзовец, райком — райкомовский — райкомовец, втэк — втэковский — втэковец* и мн. др.

«Родина» этих новых для современного языка образований — живая разговорная речь. Она продолжает оставаться и постоянным источником пополнения подобных групп слов. Из разговорной речи эти слова широко проникают в газетно-публицистические жанры, в язык художественной литературы.

Таковы некоторые типичные группы регулярных образований общелитературного языка.

Однако важнее отметить, что в современном словообразовании значительно усиливается регулярность ряда типов под влия-

[2] Особенностью образования имен существительных жен. р. в двух последних словообразовательных типах является устранение элементов *-ин* и *-ец*.

[3] Г. О. Винокур. Указ. соч., стр. 439.

нием некоторых внешних, социальных факторов. Один из таких факторов — широкое пополнение литературного языка советской эпохи терминологической и профессиональной лексикой.

95. Влияние терминологии на рост регулярности отдельных типов может идти такими путями:

1) В прошлом в словообразовании по данному типу участвовали основы определенного вида, основы другого, но близкого вида лишь в небольшом количестве подпадали под действие этого словообразовательного типа. Терминологическое словообразование может активизировать эту вторую группу основ, и поэтому капризность новообразований по этому типу теперь уменьшается: от основ и первой и второй групп (образующих теперь один общий вид основ) стали очень вероятны образования с данным аффиксом.

2) В языке часто конкурируют два синонимических типа, в которых выступает один и тот же вид производящих основ. Предсказать относительно каждой данной основы, какой именно тип победит, очень трудно, если они конкурентоспособны и продуктивны. Терминология протекционирует одному какому-либо типу, помогает ему вытеснять тип-соперник. Предсказуемость относительно каждого новообразования (или относительно каждой производящей основы, от которой образовано новое слово) тогда возрастает. В самой терминологии эта предсказуемость может быть и часто бывает очень значительной: можно почти без риска ошибиться сказать, какой морфемный облик имеет термин с таким-то значением. В этом случае регулярность достигла предела. Терминология в той мере, в какой она усваивается общим языком, может активизировать терминологическую модель и в общелитературном языке и, следовательно, усиливать ее регулярность.

3) Слова, образованные по данному типу, могут иметь несколько оттенков значения: *а*, *б*, *в*. Если нельзя предсказать, будет ли новообразование с таким аффиксом иметь значение *а*, то образование по этому типу нерегулярно. Терминология может способствовать тому, чтобы какое-то значение стало обязательным для всех образований данного типа, и тем самым терминология повысит регулярность этого типа.

Все эти процессы можно наблюдать в наиболее продуктивных словообразовательных типах, обслуживающих как общелитературное, так и терминологическое словотворчество. Таковы словообразовательные типы существительных со значением отвлеченного признака (с суфф. *-ость*), имена действия, образованные посредством суфф. *-ка*, *-ние*, *∅* и некот. др.

Рост регулярности отвлеченных существительных с суффиксом *-остъ*. 96. Словообразовательный тип отвлеченных существительных с суфф. *-остъ* в языке советской эпохи, как и в XIX в., является одним из самых продуктивных. Изменения наблюдаются в составе производящих основ этих имен. Истоки этих новшеств,

как показывает материал, связаны с терминологическим словообразованием. Наиболее интенсивно эти новации стали проявляться в советский период вследствие заметного роста научно-технической и производственной терминологии и активного проникновения ее в общелитературный язык.

Существительные на *-ость* всегда были «поставщиками» терминологической лексики. Но если ранее (начиная с середины XIX в.) по этому типу преимущественно создавались термины общественно-политических наук, то в наше время слова на *-ость* пополняют главным образом научную, техническую и технико-экономическую терминологию. Это обусловило особенности функционирования данного словообразовательного типа в настоящее время.

Устойчиво-традиционным является мнение о том, что имена отвлеченного качества на *-ость* еще в XIX в., когда фактически была уже сформирована современная система производящих основ для этого типа, образовались в подавляющем большинстве случаев от основ: а) исконно качественных прилагательных, б) прилагательных, относительных по природе, но развивших качественные оттенки значения, в) причастий с качественными значениями [4].

Первое, что обращает на себя внимание при сравнении новообразований на *-ость* с существительными, которые были образованы ранее,— это большое число слов (терминологических в подавляющем большинстве), для которых производящими оказались прилагательные с относительным значением. Характерно, что ограничения в образовании имен на *-ость* как структурного, так и лексико-семантического характера, которые отмечались исследователями словообразования XIX в., объединяются по существу одной общей чертой — все они касаются, как правило, прилагательных с устойчивым относительным значением. Это лишний раз доказывает, что использование основ относительных прилагательных как производящих для имен с суфф. *-ость* является новым фактом в русском языке.

Существительные на *-ость* от прилагательных на *-овый* до недавнего времени (еще в начале нашего века) были редкостью, вероятно, потому, что у таких прилагательных ярко выражена и устойчива относительность значения. Для терминологического словообразования это препятствие оказалось преодолимым, поэтому именно терминологическое словообразование выводит основы прилагательных на *-овый* из резервных в число продуктивных.

В настоящее время такие образования не единичны [5] и не

---

[4] См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., 1964, стр. 106.

[5] Активизация основ относительных прилагательных с суфф. *-ов-* в качестве производящих отмечена и в разделе, посвященном словообразованию наречий (см. III, § 170).

воспринимаются как необычные, особенно в специальном употреблении (*октановость*, *белковость*, *очаговость*, *участковость*, *знаковость*, *признаковость* и т. п.). Некоторые из них стали привычными и общеупотребительными — таковы *массовость*, *плановость*, *бесплановость*, *классовость*, *бесклассовость*, *поисковость* и др. И, наконец, слова на *-ость* свободно образуются для окказиональных авторских нужд: *неоновость*, *бронзовость*, *свинцовость*, *романсовость*, *итоговость* и т. п. Например:

потеря веса и *белковости* зерна («Мет. и гидр.», 1961, № 12); исследования по иммунитету *очаговости* трансмиссивных заболеваний («Сельск. хоз.», 26 янв. 1963); организация профилактической и лечебной работы по принципу цеховой *участковости* («Мед. газ.», 16 июня 1964); Отличительной приметой идола Свентовита является его *многоголовость* (В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Славянские языковые моделирующие семиотические системы, 1965); Советская промышленность будет развиваться на основе *плановости* и электрификации («Комс. пр.», 5 авг. 1925); ... Комплексная автоматизация производства деталей может дать серьезную выгоду, особенно при достаточной *массовости* их выпуска («Пром.-экон. газ.», 12 сент. 1956); Лондон сверкал вокруг в своей таинственной *неоновости* (Е. Евтушенко, 18 дней в Англии, 1962).

Таким образом, многочисленные терминологические и нетерминологические образования, относящиеся к современному периоду, от основ относительных прилагательных (на *-овый*: *белковый — белковость*, *очаговый — очаговость*; на *-ный*: *сборный — сборность*, *сезонный — сезонность*, *товарный — товарность*, *зольный — зольность* и т. п.) дают возможность утверждать, что качественность производящих основ не является в современном общелитературном языке непременным условием образования существительных посредством суфф. *-ость*. Для терминологического же словообразования производные на *-ость* от основ относительных прилагательных, не развивших качественных оттенков значения, являются особенно характерными. Качественность создается уже в самом отвлеченном имени на *-ость*.

Использование относительных прилагательных в качестве производящих основ не является новым для данного типа. И ранее суфф. *-ость* «сочетался с основами прилагательных с ярко выраженным относительным или процессуальным значениями» [6]. Но тогда данный словообразовательный тип не был семантически специализированным, и наряду с преобладающим значением отвлеченного качества имена на *-ость* «могли иметь значения предметные и процессуальные. Ср., например: *единственность* — «особь, тело, единица», *тяжественность* — «тяготение», *притяжательность* — «притяжение» [7].

---

[6] «Очерки...», там же, стр. 106.
[7] Там же.

Связь словообразовательного типа на *-ость* с основами относительных прилагательных в специальных сферах современного словообразования осуществляется на новой почве. Используя основы относительных прилагательных, данный словообразовательный тип является семантически монолитным, производит только имена отвлеченного качества. Существенно и то, что привлечение основ относительных прилагательных в настоящее время носит массовый характер. Таких образований много, и они уже органически влились в общую массу слов на *-ость*.

Включение в число производящих основ группы относительных прилагательных раздвигает словообразовательные возможности типа и усиливает его регулярность. Производство имен со значением отвлеченного качества приобретает черты автоматизма (любое прилагательное → имя качества). При этом качественность становится свойством образуемого типа, его единой характеристикой. Безусловно, это результат того, что основную массу производящих основ общелитературного словообразования по данному типу составляли и составляют основы прилагательных качественных, к которым добавляется субстантивное значение отвлеченности, выраженное словообразующим суфф. *-ость*. Немаловажную роль в этом процессе, конечно, играет и тот факт, что в относительных прилагательных потенциально «хранится оттенок качественности» [8].

Таким образом, в словообразовании используется потенциальная качественность относительных прилагательных, она реализуется в именах на *-ость*. Правда, степень отвлеченности признака, выражаемого существительными, образованными от основ относительных и качественных прилагательных, различна. Если имена на *-ость* от основ качественных прилагательных имеют право на абсолютивное употребление (что свидетельствует о более высокой степени отвлеченности признака), то имена на *-ость* от основ относительных прилагательных прикреплены, как правило, к тому существительному, качество и свойство которого они выражают, т. е. употребляются в составе более или менее стабильного терминологического словосочетания с существительным в родительном падеже. Ср., с одной стороны, *популярность*, *человечность*, *угловатость*, *забитость*, и *блочность конструкций*, *сборность сооружений*, *белковость зерна*, *очаговость заболеваний*, *октановость компонента* — с другой.

Однако и это последнее различие между двумя группами образований на *-ость* может преодолеваться еще в пределах самой терминологической лексики.

Ср.: Высокая степень *сборности сооружений* ... и комплексная механизация работ позволили резко снизить трудоемкость

---

[8] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 83.

строительства («Строит. газ.», 30 дек. 1956) и употребление описываемых образований без поясняющего существительного в род. п.: Повышение *сборности*, лучшее использование механизмов ... положительно сказались на производительности труда строителей («Моск. строит.», 11 янв. 1957); ... Одно из важнейших условий советского градостроительства — *комплексность* («Изв.», 13 янв. 1960); Черемховский уголь часто поставляется с большой *зольностью* («Водн. тр-т», 12 февр. 1957); Действительно небольшой скромный динамик на этот раз превзошел радиолу: он работал, как всегда, чисто, а кроме того, приобрел новое качество — *многопрограммность* («Изв.», 7 мая 1962).

В общелитературном языке эта черта словообразовательного типа на *-ость* (сочетаемость суффикса с основами и качественных и относительных прилагательных) проявляется в том, что и здесь активизируются образования от основ исконно относительных прилагательных. Полнее всего эта возможность реализуется в газетных и журнальных очерках, рецензиях, фельетонах.

Имена на *-ость* приобретают часто качественный оттенок значения независимо от того, употребляется в этом значении производящее прилагательное или нет. Можно думать, что качественность прилагательного в отдельных случаях может быть явлением вторичным по отношению к значению существительного на *-ость*.

Такие, например, имена, как *концертность*, *программность*, *балетность*, *вокальность*, *фабричность* и под. могли появиться и при отсутствии соответствующих прилагательных с качественными оттенками значения:

Я целиком за футбол ... Он одно из хороших средств физподготовки, развивает ловкость, быстроту, *командность* (А. Санаев, Центр нападения, 1932); Проделанная нами работа над стихом способствовала рождению *«вокальности»* чтения — этого, на наш взгляд, высшего рубежа в искусстве художественного чтения (В. Яхонтов, Театр одного актера, 1958); Что прежде всего привлекает в новом произведении Д. Шостаковича? *Концертность* в широком и полном смысле этого слова. Ощущение блестящей *концертности* создается с первых же тактов музыки («Пр.», 11 окт. 1959); Но, пожалуй, именно подчеркнутая *«балетность»* этого спектакля убивала национальное своеобразие сюжета и образцов («Сов. культ.», 26 мая 1960).

97. Активность в современном языке образований на *-ость* от основ относительных прилагательных поддерживается возросшей продуктивностью словообразовательного типа, производящими основами которого являются страдательные причастия прошедшего времени.

В отличие от многочисленных образований подобного рода в XIX в., где использовались причастия с «устойчивыми качественными значениями» (характеристика лица, его внутренних

свойств, поведения, положения в обществе и под.) [9], современный язык пополняет этот разряд имен на *-ость*, используя преимущественно основы страдательных причастий, не развивших качественных оттенков значения, а имеющих их только как некую потенцию.

Современные терминологические имена на *-ость* от основ страдательных причастий характеризуют, как правило, свойства, признаки предметов. Качественность здесь также реализуется уже (и часто только) в самих именах на *-ость*. При этом в современном языке заметны две линии образования отпричастных имен на *-ость*: а) общелитературных (они по-прежнему преимущественно образуются от окачествленных причастий и являются характеристикой лица) и б) профессионально-терминологических (они свободны от обязательной качественности производящих основ и характеризуют предметы).

Примеры:

а) Новая *освобожденность* сделала их [солдат и рабочих] жесты твердыми, прямыми, нужными (М. Кольцов, Февральский март, 1920); Сашка не мог избавиться от охватившего его ощущения *выброшенности* из общей колеи, из родной среды (И. Наумов, Первые комсомольцы, 1930); Жить сознанием долговечности, *обращенности* в будущее («Лит. газ.», 10 апр. 1965); Так, в па-де-де принцессы Флорины и Голубой птицы ... не хватало должной «*станцованности*» («Сов. культ.», 15 окт. 1955).

б) Волокна гладких мышц не имеют поперечной *исчерченности* («Здоровье, 1962, № 8); Прекрасная *облиственность*, способность образовывать мощные початки, высокое содержание белка, холодостойкость — таковы его достоинства («Сельская жизнь», 8 сент. 1962); Возьмите, скажем, нечерноземную полосу европейской части страны. Здесь не менее 35 миллионов гектаров пахотных угодий, почва которых отличается повышенной кислотностью и *засоленностью* («Наука и жизнь», 1964, № 3);

Ср. также многочисленные образования подобного типа: *оструктуренность*, *облученность*, *перетренированность*, *растренированность*, *обводненность*, *выброженность*, *намагниченность*, *наполненность*, *окультуренность*, *освещенность*, *раскормленность* [10] и т. п.

Социальная актуальность терминологических образований в нашу эпоху несомненна. Это повышает их лексическую активность и словообразовательную продуктивность. Они в значи-

---

[9] Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX в. М.— Л., 1965, стр. 193.

[10] Многие из этих образований, не ставших общепринятыми, могут показаться необычными, поскольку общелитературному словообразованию не известны слова на *-ость* от основ причастий некачественного значения. Источник появления и сфера употребления этих образований — профессионально-терминологическая речь, где тип образования от основ некачественных причастий закономерен.

тельной степени определяют «лицо» данного словообразовательного типа.

Таким образом, терминология, включившая в продуктивное производство слов на *-ость* основы относительных прилагательных и упрочившая семантическую цельность типа, расширяет круг сочетаемости словообразующего аффикса, повышает и без того большую продуктивность типа как в терминологическом, так и в общелитературном словообразовании. Все это вместе взятое усиливает черты регулярности данного словообразовательного типа.

Таков первый итог влияния терминологии на общелитературное словообразование отвлеченных имен с суфф. *-ость*.

98. С другой стороны, терминология вносит определенный «диссонанс» в обычное для данного типа в общелитературном словообразовании семантическое соотношение производящих и производных слов. Напомним, что словообразовательный тип с суфф. *-ость* может означать: «а) признак, который указан производящей основой, взятый в отвлечении, абстрактно; б) признак, который указан производящей основой и ее антонимом, взятый абстрактно» [11].

В первом случае (а этот подтип реализуется в подавляющем большинстве случаев в общелитературном словообразовании) суффикс существительного не вносит изменений в объем значения, выражаемого основой прилагательного.

В образованиях типа (б), которые нашли широкое применение в терминологии, суффикс существительного «преобразует значение прилагательной основы, расширяя ее объем» [12]. Поясним коротко, при каких условиях это происходит. Терминология при производстве имен на *-ость* широко использует основы прилагательных, которые А. В. Исаченко называет «качественно-оценочными». В отличие от прилагательных, обозначающих «абсолютный» признак (*белый*, *красный*, *черный*, *голый*, *слепой*, *босой* и т. п.), качественно-оценочные прилагательные указывают на относительное свойство, признак, выделенный в процессе оценки [13], т. е. определяемый на основе антонимического сопоставления слов, выражающих признаки (*высокий* в сравнении с *низкий*, *твердый — мягкий*, *обыкновенный — необыкновенный*, *приятный — неприятный*). Поэтому в именах на *-ость* от основ качественно-оценочных прилагательных и семантическое соотношение производящего и производного имен своеобразно. Если производящее прилагательное выражает положительную степень качества, то образованное на его основе отвлеченное существительное становится выразителем любой степени качества (от мак-

[11] «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 27.

[12] Там же.

[13] А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, I. Братислава, 1954, стр. 177—178.

симальной до минимальной), т. е. всей шкалы данного качества, что вполне соответствует семантической соотнесенности производного существительного с прилагательным и с антонимом этого прилагательного.

Так, прилагательные *скорый*, *марочный*, *доходный*, *крупный*, *надежный*, *пыльный*, *ритмичный*, *кровный*, *классный*, *быстроходный*, *жирномолочный*, *нефтеносный*, *водоносный*, *гидрофобный*, *влагопроводный*, *радиочувствительный*, *электропроизводительный*, *колчеданоносный* и т. п. указывают на положительное (значительное) проявление выражаемого ими признака. Образованные же от них существительные на *-ость* утрачивают положительную степень признака и становятся выразителем любой степени этого признака. Именно поэтому в контекстах эти имена сопровождаются словами «высокий», «низкий», «увеличить», «повысить», «снизить», «степень» и т. п.:

... Будет резко поднята *надежность* оборудования («Пром.-экон. газ.», 20 мая 1956); Повышение *сборности*, лучшее использование механизмов ... положительно сказались на производительности труда строителей («Моск. стр.», 11 янв. 1957); Сельские строители проявляют немало творческой инициативы, стремясь... повысить *капитальность* построек («Моск. стр.», 17 февр. 1957); ... Заметно осложнились условия эксплуатации угольных пластов, увеличилась *газообильность* («Пром.-экон. газ.», 20 марта 1957); ... Таковы основные причины снижения *марочности* продукции («Моск. стр.», 14 дек. 1958); Именно таким путем — изменением *магнитности* залегающих на глубине пород — впервые были обнаружены огромные залежи железных руд в Курской области («Зн.— сила», 1962, № 2); Из опыта повышения *жирномолочности* коров (заглавие, «Ухтомский рабочий», 14 марта 1958).

Описанный выше тип отношений прилагательных с соотносительными существительными, характерный для терминологических образований на *-ость*, постепенно распространяется, захватывая все новый лексический материал. Это связано с расширением терминологической лексики и ее усиливающимся влиянием на лексику нетерминологическую. Так как эта черта проявляется не в единичных образованиях, а является типичной при терминологическом словообразовании, она становится причиной развития продуктивного оттенка значения у словообразовательного типа в целом.

99. Развитию указанного оттенка значения в образованиях на *-ость* способствуют имена, образованные от основ отглагольных прилагательных и причастий на *-мый* или непосредственно от основ глаголов, для которых оттенок степени качества является их главной характеристикой. Таковы образования *осуществимость*, *обогатимость*, *ходимость*, *выводимость*, *переносимость*, *неуничтожимость*; *читаемость*, *посещаемость*, *выхождаемость*, *управляемость*, *силосуемость* и под.

Продуктивность и употребительность от причастных образований на *-мость* в наше время обусловлена большой актуальностью обозначаемых ими понятий. Все они, как правило, обозначают качественные характеристики новых материалов, сортов растений, определенных общественных показателей, для которых значение степени качества является обязательным, основным. Существуют, однако, стилистические ограничения в употреблении подобных образований в неспециальных текстах, в частности в газетно-публицистических жанрах, тем не менее и там они довольно широко распространены. Ср.:

Посещаемость театра в общем доходит до 85 процентов («Вест. иск.», 1922); Кривая *читаемости* по цифровым данным Румянцевской библиотеки и читальни ... поднимается («Изв.», 4 янв. 1923); В лесничестве почти полная *приживаемость* посадок («Веч. Москва», 20 авг. 1954); В настоящее время институтом ... проводятся испытания на *обогатимость* в тяжелых суспензиях руд полиметаллических месторождений Восточного Казахстана и Алтая («Пром.-экон. газ.», 10 окт. 1956); Перловая крупа ... обладает очень высокой *развариваемостью* (И. Хорошилов, Зерновое хозяйство в семилетке, 1959); Эксперименты на самолетах позволили ответить на вопросы о субъективной *переносимости* этого необычного состояния («Пр.», 8 сент. 1961).

Распространение особого оттенка значения в терминологических существительных с суфф. *-ость*, при одновременной продуктивности и обычного, «нетерминологического» оттенка, конечно, уменьшает регулярность типа. Напоминаем, что для регулярности аффиксального типа необходима стандартность, одинаковость деривационного значения, связанного с аффиксом.

Таков второй итог влияния терминологии на словообразование общелитературного языка.

Из сказанного можно сделать вывод, что терминологические образования, составляющие значительную часть общего числа новых слов на *-ость*, усиливают регулярность данного словообразовательного типа благодаря активному включению в производство имен отвлеченного признака основ прилагательных с относительным значением при условии сохранения семантического единства типа.

Вместе с тем развитие нового продуктивного оттенка значения в словах на *-ость* в терминологии уменьшает регулярность этого типа.

Увеличение регулярности отглагольных существительных. 100. Рост регулярности словообразовательных типов отмечается и в отвлеченных именах действия. Здесь тенденция к регулярности имеет свои особенности и причины активизации.

* Известно, что на выражении значения процесса действия в русском языке специализируются три словообразовательных типа: с суфф. *-ние*, *-ка* и *-Ø*. Их роднит и общность производящих основ — все они отглагольные, и общность значения — все они

в большинстве случаев обозначают процесс действия с закономерными переносами этого значения на результат, продукт или орудие действия; все три типа продуктивны в современном русском языке и имеют большую традицию употребления; наконец, для всех трех типов характерно широкое употребление в профессионально-терминологической сфере речи. Следовательно, это в известном смысле конкурирующие типы.

Конкуренция словообразовательных типов в терминологии, как известно, становится фактором отталкивания их, так как наличие и реализация параллельных образцов для создания терминов противоречит одному из главных принципов терминотворчества — одно-однозначному соответствию между означающим и означаемым.

Именно поэтому важно установить, хотя бы в самом общем виде, тенденции в движении каждого из этих трех типов с тем, чтобы уловить перспективу их дальнейших путей развития.

Прежде всего необходимо дать некоторые данные о функционировании каждого из этих типов в современном русском языке.

1) Отглагольные имена с суфф. *-ние*. Высокопродуктивный и устойчиво традиционный словообразовательный тип на *-ние* в современном языке представлен большим количеством реально бытующих и потенциальных [14] (не зафиксированных словарями, но свободно образуемых) лексем. Большинство исследователей считали и считают тип на *-ние* идеальным для выражения процесса действия [15] (сохранение видоразличительных суффиксов в образованиях на *-ние*, устойчивость значения, т. е. менее яркая, чем в других именах действия, тенденция к опредмечиванию придает, по мнению исследователей, этому типу черты «идеальности» для выражения действия, протекающего во времени).

В современном общелитературном языке и терминологии можно выделить несколько наиболее продуктивных групп производящих основ, от которых образуются имена действия на *-ние*:

беспрефиксные глаголы несов. вида на *-ить*: *бурение*, *вождение*, *волочение*, *гранение*, *доение*, *дымление*, *качение*, *крашение*, *лущение*, *мечение*, *мотыжение*, *пиление*, *плавление* и мн. др.;

префиксальные глаголы сов. вида на *-ить(ся)*: *выплавление*, *заиление*, *залужение*, *обводнение*, *облесение*, *омеднение*, *орудненне*, *остекление*, *прилунение*, *приводнение*, *подкисление*, *расплавление* и т. п.;

---

[14] По мнению отдельных исследователей, потенциальность образований с суфф. *-ние* является основной характеристикой этих слов. См.: Э. Пал. О функциях и о тенденциях развития потенциальных имен действия в современном русском языке. «Studia slavica», t. II, fasc. 3—4, 1965.

[15] См.: Г. О. Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. «Труды МИФЛИ», т. V, 1939; В. Д. Левин. Имена действия в русском языке. «Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та», т. I, вып. 2, 1941; А. В. Васильев. Образование существительных на *-ние* от продуктивных глагольных классов в современном литературном языке. «Уч. зап. филол. фак-та Киргизского гос. ун-та», вып. 4, 1957.

префиксальные глаголы несов. вида с суфф. *-ива-*: *выдаивание*, *высоливание*, *выщелачивание*, *досвечивание*, *долечивание*, *намагничивание*, *науглероживание*, *прореживание* и др.;

беспрефиксные глаголы несов. вида на *-овать*: *калибрование*, *прессование*, *шлифование*, *шприцевание*, *шлюзование*, *фрезерование*, *фильтрование*, *фанерование* и др.;

беспрефиксные глаголы несов. вида на *-ировать*: *агрегатирование*, *вакуумирование*, *комбайнирование*, *комплексирование*, *кодирование*, *секционирование*, *экранирование* и т. д.

От глагольных основ некоторых типов имя действия можно образовать только с суфф. *-ние*. Таковы основы глаголов на *-ствовать* (*председательствование*, *учительствование*, *хозяйствование*);

на *-ничать* (*оригинальничание*, *либеральничание*, *популярничание*, *ябедничание*, *манерничание*, *миндальничание*);

основы глаголов с приставкой *обез-* (*обезоруживание*, *обезволошивание*, *обезвоживание*, *обезуглероживание*, *обессоливание*, *обеспыливание*).

Кроме того, в языке имеется большое количество слов на *-ние* — терминов и нетерминов — с высокой частотностью (встречаемостью), которые укрепились долголетней практикой употребления: *обучение*, *мышление*, *усвоение*, *возникновение*, *достижение*, *воспаление*, *изобретение*, *хранение*, *служение*, *повышение*, *понижение*, *раздражение*, *увлажнение*, *гниение*, *познание*, *описание* и мн. др.

И наконец, с суфф. *-ние* образуется в настоящее время немало слов окказиональных, авторских: *затопление*, *осеверение*, *раззеленение*, *оскучнение*, *удревление*, *оязыковление* и т. п.

2) Отглагольные имена с суфф. *-ка*. Словообразовательный тип с суфф. *-ка* уже задолго до изучаемого периода становится серьезным конкурентом образованиям на *-ние* благодаря своим словообразовательным, семантическим и стилистическим качествам. В изучаемый период конкуренция типов обостряется актуализацией наименований, которые образуются с суфф. *-ка* и *-ние*, и широкой употребительностью их.

В современном языке наиболее продуктивными являются образования от следующих групп глаголов:

беспрефиксных глаголов несов. вида на *-ить*: *дойка*, *ездка*, *кройка*, *клейка*, *крутка*, *правка*, *утюжка*, *ходка*, *чистка*, *шпарка*, *штукатурка* и др.;

префиксальных глаголов сов. вида на *-ить*: *доочистка*, *зачистка*, *занарядка*, *заготовка*, *заточка*, *переоснастка*, *перезанарядка*, *переналадка*, *проявка*, *разграфка*, *уставка* и т. п.

префиксальных глаголов несов. вида с суфф. *-ва*: *выливка*, *доливка*, *забивка*, *заливка*, *задувка*, *наливка*, *отбивка*, *отмывка*, *отрывка*, *прорывка*, *промывка*, *разбивка*, *убивка* и др.;

беспрефиксных глаголов несов. вида и двувидовых на *-овать*: *анкеровка*, *ассигновка*, *брошюровка*, *дефектовка*, *инструментовка*,

калибровка, *компоновка*, *стыковка*, *формовка*, *швартовка*, *штамповка*, *штабелевка*, *шлифовка*, *центровка* и др.;

префиксальных глаголов сов. вида на *-овать*: *дешифровка*, *доформовка*, *загипсовка*, *запрессовка*, *зашифровка*, *опрессовка*, *осланцовка*, *подстраховка*, *перековка*, *расстыковка*, *расшифровка* и т. п.;

беспрефиксных глаголов несов. вида и двувидовых на *-ировать*: *армировка*, *балластировка*, *балансировка*, *волнировка*, *глазировка*, *корректировка*, *ориентировка*, *паузировка*, *транспортировка*, *фразировка*, *фазировка*, *фасонировка*, *формировка*, *форсировка* и др.;

префиксальных глаголов сов. вида на *-ать*: *выкопка*, *запечатка*, *засыпка*, *нарезка*, *натаска*, *отломка*, *перемотка*, *привязка*, *прикопка* и др.;

префиксальных глаголов несов. вида на *-ать*: *выгонка*, *загонка*, *затирка*, *загибка*, *обжимка*, *отжимка*, *подгибка*, *присылка*, *перекидка*, *разгибка* и т. п.;

беспрефиксных глаголов несов. вида на *-ать*: *вязка*, *ворочка*, *гонка*, *копка*, *ковка*, *ломка*, *мотка*, *пайка*, *печатка*, *резка*, *строжка*, *читка*, *хватка*.

При сравнении продуктивных групп производящих основ с суфф. *-ние* и *-ка* нетрудно убедиться в почти полном совпадении основ, пригодных как для того, так и для другого типа. Но при этом обращает на себя внимание тот факт, что в одних случаях происходит своеобразное распределение основ между словообразовательными типами на *-ние* и *-ка*, а в других, наоборот, конкурентная борьба за основы усиливается со временем. Так, основы беспрефиксных глаголов сов. вида на *-ить* активно образуют имена действия посредством суфф. *-ние* (*бурение*) и менее активно — посредством суфф. *-ка* (*плавка*); наоборот, основы префиксальных глаголов сов. вида на *-ить* активно образуются посредством суфф. *-ка* (*обточка*) и менее активно — суфф. *-ние* (*расплавление*).

С другой стороны, основы наиболее продуктивных в современном языке классов глаголов с равным успехом могут быть производящими и для того и для другого типа отглагольных имен действия: глаголы несов. вида на *-овать* (*прессование — прессовка*), глаголы несов. вида на *-ировать* (*транспортирование — транспортировка*).

Интересно и важно отметить, что распределение сфер влияния закрепилось в первую очередь в основах традиционных классов глаголов, обостренная же борьба словообразовательных типов за право образовать слово от общей для обоих типов основы касается более новых и исключительно продуктивных классов глаголов (на *-овать*, *-ировать*). Перспективы развития каждого из типов зависят от исхода борьбы синонимичных образований типа *шлифование — шлифовка*, *шифрование — шифровка*, *прессование — прессовка*, *кодирование — кодировка*, *асфальтирование — асфальтировка* и т. п.

3) Отглагольные имена с нулевым суффиксом. Не менее традиционный, чем имена на *-ние*, тип имен действия с нулевым суффиксом в современном языке сопутствует образованиям на *-ние* и *-ка*, не вступая при этом в конкуренцию с основными группами этих образований.

Однако случаи троякого образования имен действия от одной и той же основы не исключены: *промывание — промывка — промыв*, *наливание — наливка — налив*; *начесывание — наческа — начес*; более многочисленны двучленные ряды: *отводка — отвод*; *вывозка — вывоз*; *навалка — навал*; *подогревание — подогрев*; *сжимание — сжим*; *обрызгивание — обрызг* и др.

Слова с нулевым суффиксом сосуществуют с образованиями на *-ние* и *-ка* в наиболее активной сфере бытования имен действия — производственно-технической терминологии, не создавая угрозы своим конкурентам, а «владея» некоторыми собственными терминологическими областями (сельскохозяйственной, авиационной). Особенно продуктивны они в спортивной терминологии.

Наиболее продуктивными в современном словообразовании являются образования основ следующих глаголов:

префиксальных несов. вида на *-ать*: *вырез*, *вылет*, *выгреб*, *запуск*, *налет*, *отгон*, *отгиб*, *обжиг*, *отстрел*, *облет* и т. п.;

префиксальных несов. вида с суфф. *-ва-*: *вылив*, *нагрев*, *налив*, *намыв*, *обогрев*, *отрыв*, *подогрев*, *промыв*, *размыв* и др.;

префиксальных и беспрефиксных сов. и несов. вида на *-ить*: *выброс*, *завоз*, *заход*, *захват*, *замер*, *отвод*, *относ*, *поднос*, *прицеп* и др.

Как видно, возможности образования имен действия с нулевым суффиксом ограниченнее, чем у первых двух типов. Существенно и то, что от очень продуктивных в современном словообразовании типов глагольных основ (на *-овать* и *-ировать*) имена действия с нулевым суффиксом образовать нельзя. Следовательно, этот тип имен действия идет своим путем развития, имея свои семантические особенности и сферы активного употребления.

Таковы объективные данные о функционировании словообразовательных типов с суфф. *-ние*, *-ка* и *-Ø*.

101. Решить вопрос о том, какой тип более перспективен в основной сфере своего функционирования, т. е. в производственно-терминологической, дадут возможность только данные сравнительного анализа продуктивности и употребительности этих типов.

Поскольку имена действия с нулевым суффиксом стоят несколько особняком в этой группе, лучше начать именно с них.

Образования с нулевым суффиксом выделяются среди близких им имен с суфф. *-ние* и *-ка* тем, что у них нет устойчиво внеконтекстного значения. Они одинаково могут означать и процесс действия, и предмет как результат действия, и интенсивно протекающий единичный акт какого-то действия. Ср.: *замес*, *пробой*, *задир*, *раскрой* и проч.

Одна и та же лексема имеет разные значения в зависимости от контекста:

... Он снабжен автоматическим *остановом*, прибором для нагрева нити ... и другими механизмами («Веч. Москва», 24 дек. 1955); Наблюдение за заполнением бункеров, работой питателей ... пуск и *останов* питателей и транспортеров (Единый перечень профессий рабочих, 1962); Исследование *прижима* как средства управления ... в процессе строгания шпона («Веч. Москва», 14 июля 1965); «*Прижим*» — называют здесь шоферы такой участок дороги (Б. Волженин, За тех, кто в пути, 1954); ...Прекращение *смыва* и выдувания почв («Пр.», 24 окт. 1948); ... Лаборантка брала у работниц *смыв* с рук и показывала под микроскопом микробов («Здоровье», 1961, № 10) и др.

Конечно, подобные случаи можно наблюдать и в образованиях с суфф. *-ние* и *-ка*. Но только в именах с нулевым суффиксом переносы значения заслоняют значение процесса (и в то же время не дают еще оснований говорить о специализации их на значении результата действия).

Наиболее устойчиво в современных образованиях этого типа значение ограниченного во времени, интенсивно протекающего действия или единичного акта какого-то действия. Это значение поддерживается как терминологическими, так и общелитературными образованиями. Особенно благоприятной почвой для подобных образований явилась спортивная терминология, где это значение часто необходимо выразить. И действительно, в спортивной терминологии данный тип образований очень распространен и имеет определенную традицию, ведущую к 20-м годам нашего века. Внешним фактором, приведшим к активизации подобных образований в области спортивной терминологии, было «большое количество заимствований и калек из так называемой «сокольской» чешской терминологии»[16].

При образовании спортивных терминов широко используются основы префиксальных глаголов, которые передают конкретность отдельных движений, действий:

Не останавливаясь в положении *приседа*, мягко подняться на 20—30 см («Сов. спорт», 16 ноября 1954); И, делая *отмах* в стойку и снова задержавшись в ней, он хотел сделать *оборот* («Сов. спорт», 14 февр. 1964); Он не удержался от соблазна бросить француза с помощью *обвива* («Сов. спорт», 5 июня 1964); Пора сконструировать приборы, которые бы с помощью фотоэлементов сигнализировали о чрезмерном *отклоне* ... *отрыве* ступней от помоста («Сов. спорт», 17 мая 1964).

Ср. также: *отскок*, *жим*, *дожим*, *выплыв*, *прострел*, *проплыв*, *налет*, *проброс*, *подкат*, *подплыв*, *соскок*, *подскок*, *подсед*, *переплыв*, *перемах*, *недокат* и др.

---

[16] «Русский язык и советское общество. Проспект», стр. 39.

В производственно-технической, сельскохозяйственной и некоторых других терминологиях имена с нулевым суффиксом представлены в основном традиционными лексемами типа *вывоз*, *вылов*, *вывал*, *выброс*, *выхлоп*, *выгреб*, *высев*, *ввоз*, *ввод*, *взмет*, *взрез*, *завоз*, *захват*, *засев*, *наддув*, *намолот*, *нагрев*, *намыв*, *налив*, *натяг*, *обдув*, *обжиг*, *отвал*, *откорм*, *отсос*, *отток*, *отлив*, *промер*, *прокат*, *приток*, *полив*, *просев*, *подсев*, *распил*, *расплав*, *разлив*, *распад*, *рассев*, *скат*, *сцеп*, *снос*, *сброс*, *съем*, *смыв*, *слив*, *пуск*, *гон* и т. п.

Число терминологических новообразований незначительно в сравнении с именами действия на *-ка* и даже на *-ние*. Они появляются главным образом в авиационной и некоторых других производственно-технических областях. Многие из них являются не новыми по образованию, а активизировавшимися по употреблению. Таковы *запуск*, *подлет*, *доворот*, *занос*, *отворот*, *увод*, *заброс*, *подсвет*, *перехват*, *подхват*, *сброс*, *облет*, *прилет*, *вылет*, *отлет*, *отстрел* (крышки катапультного люка) и некот. др.

Общелитературное словообразование демонстрирует пеструю картину значений в именах с нулевым суффиксом. Однако и здесь обращает на себя внимание большое количество лексем, обозначающих интенсивно протекающие действия, чувства. Особенно богаты такими образованиями художественные произведения:

... Он уловил в глазах Калабуха мгновенный, тотчас же спрятанный *вспых* ненависти (А. Малышкин, Люди из захолустья, 1938); Она надеялась в болтовне — неудержимой, подобно ее *влету* в комнату,— найти опору (К. Федин, Похищение Европы, 1938); О, свежесть початков душистых! | О, *промельк* форели в волне! (Е. Евтушенко, Яблоко, 1960); Вдруг | Моторов рвется | Грозный звук | И *высверк* молний | Режет даль (В. Полторацкий, Гроза, 1958); Охваченный зловещим *переблеском*, | Гремучими огнями распален, | Над мертвым миром мертвый небосклон (М. Дудин, Ода моему городу, 1958) и мн. др.

Ср. также: *ор*, *хрюк*, *хорк*, *рявк*, *карк*, *рык*, *ик*, *сверк*, *цок*, *щелк*, *мах*, *кряк*, *передерг*, *отшарк*, *хох*, *хих*, *шарах* и т. п.

Продуктивный тип имен с нулевым суффиксом не приобретает в современном языке черт регулярности. Нестандартность их значения — серьезное препятствие на пути к их регулярности. С уверенностью можно говорить о сферах активного распространения данных слов и намечающейся специализации их на выражении более узкого по сравнению с другими отглагольными именами действия значения. Широкое использование этих образований в общелитературном языке также не создает условий для приобретения данным словообразовательным типом черт регулярности.

102. В функционировании словообразовательных типов с суфф. *-ние* и *-ка* в современном языке, особенно в профессионально-терминологических сферах, можно отметить некоторые новые по сравнению с предшествующим периодом черты: 1) при общей увеличившейся продуктивности обоих типов образования с суфф.

-ка стали более продуктивными, чем образования с суфф. *-ние*; 2) слова на *-ка* отличаются от образований на *-ние* и большей употребительностью (встречаемостью в текстах).

Это придает их функционированию характер обостренной конкурентной борьбы, которая способствует отталкиванию типов, стремлению к их размежеванию. Непосредственная причина обострения конкуренции заключена в возросшей активности этих словообразовательных типов в терминологии.

Попытки семантической дифференциации слов с суфф. *-ка* и *-ние*, которые оправдали бы их сосуществование в одних и тех же сферах употребления, как показывает практика использования параллельных образований, оказались искусственными [17].

Семантика новообразований и практика употребления слов на *-ние* и *-ка* подтверждают, что оба типа создают слова со значением процесса действия (при возможности перехода этого значения на результат или орудие действия) [18]. Следовательно, отталкивание типов в терминообразовании будет сводиться к тому, что один из типов повышает употребительность, усиливает свою продуктивность, приобретает более четкие, чем ранее, черты регулярности; другой соответственно утрачивает постепенно все эти черты.

Словообразовательный тип с суфф. *-ка* в современном общелитературном языке и в производственно-технической терминологии активнее, чем тип на *-ние*. Бóльшая активность его определяется несколькими взаимообусловленными причинами.

Слова на *-ка* имеют более широкие жанрово-стилистические границы применения, так как в современном употреблении они не содержат примет стилистической исключительности, в то время как образования на *-ние* нередко выступают как слова книжные. О стилистической нейтрализованности слов на *-ка* свидетельствуют расширившиеся связи этого суффикса. Он одинаково легко сочетается и с основами заимствованных, книжных слов (*ориентировка*, *дифференцировка*, *паузировка*, *фазировка*, *дефектовка*, *футеровка*, *анкеровка*, *брошюровка*, *дешифровка*, *расфильтровка* и мн. др.) и с основами нейтральных и просторечных слов.

Это в свою очередь дает простор более свободному использованию образований на *-ка* в разных жанрах и стилях литературного языка. Действительно, имена действия с суфф. *-ка* нейтрально употребляются в научных трудах, научно-технических и произ-

---

[17] Предложенная Г. О. Винокуром семантическая дифференциация образований на *-ние* и *-ка* на практике, как это теперь видно, не подтвердилась. По мнению Г. О. Винокура, «качества глагольного слова в собственном смысле, могущего означать протекающий во времени процесс, лучше всего сохраняются за словами на *-ние*», а «суффикс *-ка* является чрезвычайно подходящим для того, чтобы укрепить за ним значение уже вполне определенных процессов, т. е. значение предмета, являющегося орудием или результатом действия» (Г. О. Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии, стр. 26—30).

[18] Морфологическую характеристику этих типов см. IV, § 100—106.

водственно-технических работах, широко проникают в литературную речь и в язык художественной литературы, в том числе в поэзию.

По величине смещения можно сделать количественные выводы об *экранировке* заряда ядра («Строение вещества», 1964); Бета-спектрометр с двойной *фокусировкой* пучка электронов в магнитном поле (название диссертации, «Веч. Москва», 13 янв. 1956); В организме происходит *детренировка*, он привыкает к бездеятельности («Здоровье», 1961, № 6); Конечно, можно согласиться с таким приемом, но только в том случае, если эти «*перебивки*» между сюжетами фильма были бы сделаны на таком же художественном уровне, как и сами сюжеты, составляющие основу фильма («Веч. Москва», 11 янв. 1964); Надзиратель, ведавший *раскомандировкой* каторжан, имел обычай посылать Степана на лесной участок (В. Гроссман, Степан Кольчугин, 1940); Лязг воздушных молотков! | Идет обрубка! | Движется *очистка* металла от всего, что посторонне (В. Соснора, Триптих, 1965); Героини в палатках, | *Перекройка* миров (А. Вознесенский, Из сибирского блокнота, 1959).

Несколько примеров из устной речи 60-х годов:

Побыстрее *выходку* и посадку (объявляет машинист поезда в метро); *выводку* пятен делаем (говорит приемщица пункта химчистки); тревожит *планировка* темы во времени; *дошифровка* вопросников; *компоновка* книги и мн. др.

Конечно, при этом нельзя не отметить, что такие науки, как философия, история, психология, филология и некоторые другие гуманитарные, сохраняют приверженность к более книжным образцам словообразования, в данном случае предпочитают *-ние*-образования. Но даже и в эту «книжную» область, для которой характерна устойчивая прикрепленность слов на *-ние*, упорно проникают образования с суфф. *-ка*:

Ориентировкой термина обычно называют степень соответствия внутренней формы термина его актуальному значению (РЯШ, 1965, № 3); Дело в том, что существует система *кодировки* китайских иероглифов для передачи их по телеграфу (Д. Ю. Панов, Автоматический перевод, 1958); *Дифференцировка* тактильных признаков цвета обнаружилась и в опытах, проведенных в последнее время психологами («Вопросы философии», 1963, № 7) и т. п.

В сфере научно-технической в пределах одних и тех же специальных источников образования на *-ка* обладают обычно более высокой употребительностью, чем образования на *-ние*. Эти источники отличаются тем, что в них с равной вероятностью могут встречаться оба словообразовательных варианта имен действия (*пайка* и *паяние*, *резка* и *резание*, *шлифовка* и *шлифование*, *транспортировка* и *транспортирование*). Однако и при этих условиях образований на *-ка* заметно больше, чем образований на *-ние* (см. III, § 81).

Наиболее наглядным показателем повышения встречаемости слов на *-ка* является употребление этих образований в тех случаях, когда ранее от этой же основы чаще использовались имена на *-ние*. А такие случаи довольно часты, даже на сравнительно небольшом отрезке времени — 20—60-е годы нашего века.

20-е годы характеризуются заметным проникновением в литературный язык элементов диалектных, просторечных, профессиональных. Язык газет, журналов наводняется образованиями на *-ка*, проникшими туда из профессиональной или разговорной речи. Об этом с очевидностью свидетельствуют многочисленные примеры 20-х годов:

У во́рота, кто не умеет делать *сутюжку*, можно под отворотом сделать выточку в 2 см. («Женск. журн.», 1928); Можно заняться *пошивкой* ... белья (Там же, 1929); *Разбивка* аллей и *засадка* цветами («Кр. панорама», 1923); ... Последние месяцы были посвящены *выкормке* скота (Там же, 1929); В два ряда стоят женщины, следящие за *моткой* нитки («Работница», 1927); Настоящим делом — *ворошкой*, *сушкой*, *уборкой* торфа — занялись тогда (Там же, 1929); Тут же происходит *мешка* табака (Там же, 1929); Устройство и починка дорог и мостов, *прорывка* дорожных каналов и т. д. («Комс. пр.», 1925); Не менее важное значение имеет механизированный способ *смески* («Торг.-пром. газ.», 1929); ср.: «Там, где горожанин часто прибегает к суффиксам *-ание*, *-ение* или *-ество*, селькор сплошь и рядом пользуется исконно русскими суффиксами *-ка*, *-ево*, *-ба*» (А. Меромский, Язык селькора, 1930).

На этом фоне особенно заметны образования на *-ние*, которые в современном употреблении вытесняются словами на *-ка*. Приведем несколько характерных сопоставлений.

Транспортирование — транспортировка: Некоторые примеры ... дают весьма лестные отзывы о соломите ... его «добрых» строительных качествах и легкости *транспортирования* («Торг.-пром. газ.», 20 февр. 1929); Издержки производства и издержки *транспортирования* были наименьшими («Экон. жизнь», 2 марта 1930); Предусмотрена механизация *транспортировки* почтовых грузов («Изв.», 6 июля 1963); У нас есть все возможности еще выше поднять культуру земледелия, покончить с потерями зерна при уборке и *транспортировке* («Сельск. жизнь», 1 янв. 1963).

Перетренирование — перетренировка: Вред в форме *перетренирования* в тех случаях, когда молодой боец чрезмерно много упражняется, незаметно надрывая свой организм («Спортивный журнал», 1923, № 1); Спортивные врачи дают рекомендации, как предохранить себя от *перетренировки* («Здоровье», 1963, № 3).

Прессование — прессовка, *кование — ковка*: ... Теми же камерами можно пользоваться для нагревания сплавов с целью ... *прессования*, *кования* — для придания желаемых форм (К. Циолковский, Цели звездоплавания); ... Найти способ правильной организации снабжения мартеновских цехов ломом, наладить *прессовку* его («Пром.-экон. газ.», 3 апр. 1957); Заготовка полу-

чалась методом свободной *ковки* (А. Лаврентьев, Мастерство строгальщика, 1956).

Трясение — тряска: ... От работы маятников произойдет *трясение* машины и только (К. Циолковский, Моя жизнь и работа, 1939); По мере приближения к минимальной скорости возникает предупредительная *тряска* самолета («Авиация и косм.», 1964, № 9).

Хромирование — хромировка: По новому способу расхолаживание после крашения заменено *хромированием* («Торг.-пром. газ.», 1 янв. 1929); Артель «Проектор» принимает заказы на никелировку и *хромировку* («Веч. Москва», 9 марта 1955).

Ср. также меняющиеся на наших глазах вывески: «Химчистка и *окраска* одежды» вместо «Химчистка и *крашение*».

Таким образом, насыщенность терминологий словами на *-ка* создает благоприятные условия для предпочтения этих образований в случае выбора из двух возможных вариантов одного. Это в свою очередь предопределяет и выбор типа в случаях необходимости создания новообразований.

Активное проникновение терминологических образоваий на *-ка* в литературный язык поднимает общую продуктивность типа. «Когда литературный язык постоянно пополняется словами, например, *пробивка*, *отброска*, *прокатка* и т. д. (с процессуальным значением), то, с одной стороны, это факт лексического оснащения литературного языка, с другой стороны, сеть возможных образований с суффиксом *-к(а)* путем таких заимствований энергично заполняется. Вместе с тем возрастает и вероятность образования подобных существительных по аналогии от всех глагольных основ того же типа» [19].

Все это создает условия для роста регулярности словообразовательного типа на *-ка*.

Наконец, образования на *-ка* выгодно отличаются от слов на *-ние* еще и тем, что они создают словообразовательный ряд соотносительных по производящей основе и значению слов. Так, образованиям на *-ка* постоянно сопутствуют созданные на их основе прилагательные на *-(оч)ный*, входящие в наименования механизмов, цехов, и существительные на *-(ов)щик*, *-(ов)щица*, называющие лиц по профессии: *варка — варочный — варщик — варщица*; *мойка — моечный — мойщик — мойщица*; *протирка — протирочный — протирщик — протирщица*; *транспортировка — транспортировочный — транспортировщик — транспортировщица*; *маркировка — маркировочный — маркировщик — маркировщица* и мн. др.[20]

Постоянная потребность в образовании указанных групп слов повышает регулярность всего ряда продуктивных аффиксов —

---

[19] «Русский язык и советское общество. Проспект», стр. 46.

[20] Примеры взяты из «Единого перечня профессий рабочих [по разным отраслям]» (М., 1962).

«создаются серии соотнесенных единиц, находящихся в строго стандартизированных семантических отношениях. Это увеличивает регулярность целых рядов морфологических единиц» [21].

Таким образом, стилистическая нейтрализация имен действия с суфф. *-ка*, создающая условия для свободного функционирования слов этого типа в разных жанрах литературного языка и специальных сферах; высокая употребительность образований на *-ка*, усиливающая продуктивность типа; словообразовательная способность образований на *-ка* создавать ряды соотносительных слов — все это, умноженное на большую общественную потребность во всех этих образованиях, создает условия для роста регулярности словообразовательного типа на *-ка* (в пределах его структурных возможностей) и соответственно ослабляет позиции «конкурента» — словообразовательного типа с суфф. *-ние*.

Повышение регулярности прилагательных с префиксом *без-*. 103. Прилагательные с приставкой *без-*, образуемые на основе сочетаний существительных с предлогом *без*, сохраняют устойчивую продуктивность на протяжении всей истории русского литературного языка [22]. В языке советской эпохи наблюдается их активизация, приводящая к появлению у них черт регулярности, что приближает их к парадигме склонения имени существительного.

Повышение черт регулярности у прилагательных с приставкой *без-* стимулировано социально: определенными чертами жизни советского общества. Небывалый рост науки и техники провел резкую грань между СССР, ставшим крупной индустриальной державой, и отсталой дореволюционной Россией. Понятия, рожденные развитием науки и техники, требуют своего выражения и вызывают актуализацию многих значений. В частности, создается острая потребность в наименовании признаков, содержащих указание на отсутствие чего-либо (какого-либо предмета или явления), что ранее составляло необходимую принадлежность другого предмета или явления. Поясним сказанное примерами.

Понятия *самолет* и *аэродром* были прежде неразрывно связаны. Самолет подымается в воздух с аэродрома и приземляется на аэродром. Однако развитие техники рождает проблему *безаэродромных* самолетов. Возникает особая отрасль: *безаэродромная* авиация. Более того, самолет получает возможность летать без пилота, создаются *беспилотные самолеты*. Например:

Беспилотные модификации устаревших самолетов, используемые как мишени, обычно совершают посадку автоматически по заданной программе («Авиация и косм.», 1964, № 4).

В сельском хозяйстве разработан *беспочвенный способ возделывания растений* (гидропоника), *бесприязное и бесстаночное*

---

[21] «Русский язык и советское общество. Проспект», стр. 44.

[22] См.: «Очерки...», там же, стр. 500—513. См. там же литературу вопроса.

содержание скота, *безрассадный посев* (помидоров), в строительном деле — *беструбная прокладка проводов*, *безмуфтное соединение кабеля*, *бесшовные трубы*, *бескистевой способ окраски*.

А вот пример из городского быта. Непременным атрибутом пассажирского транспорта был ранее кондуктор. Появление новых форм оплаты проезда породило новое слово *бескондукторный*. У нас появились *бескондукторные трамваи*, *троллейбусы*, *автобусы*, *бескондукторное обслуживание пассажиров*.

Приведем еще ряд характерных иллюстраций из периодической печати 50—60-х годов: *безмыльная стирка*, *безмашинное преобразование* тепловой и других видов энергии в электрическую, *безнарядная система организации труда*, *бестабельный учет*, *безномерный учет* вагонов, *бесперегрузочная доставка* багажа, *бесконтактное управление*, *бесчелночные ткацкие станки*, *бескислотный метод* получения фосфорных удобрений, *бесприцепная вывозка* леса и мн. др.

Особую «тематическую» группу с *без-* составляют такие прилагательные, в которых основа существительного называет непременного отрицательного сопроводителя того или иного предмета или явления в прошлом. Избавление от него рождает прилагательное с приставкой *без-*:

Человечество вступит в новую биологическую эру — эру *беспаразитного* существования («Здоровье», 1961, № 10); Ср. также: *беспыльное* грунтовое покрытие шоссе, *безаварийный* спорт, *бездефектное* проектирование, *безостатковый* раскрой ткани, *безусадочная* отделка ткани, *безлаковочная* работа топок, укладка *бесстыкового* пути и т. п.

Все эти примеры родственны с точки зрения тех реалий, которые они отражают, и с точки зрения языковой:

1) Они называют новые явления нашей жизни, порожденные развитием науки и техники, новой, более совершенной организацией жизни человека. Все эти явления характеризуются отсутствием чего-либо, что ранее являлось их непременным атрибутом (в широком смысле). Происходит как бы «дематериализация техники», т. е. тот же, что и прежде, или больший эффект достигается при меньшей затрате технических, материальных средств. Человеческая мысль находит все более и более экономные, выгодные решения.

2) Показательно, что для названий этих новых явлений очень быстро создаются прилагательные с приставкой *без-*, вытесняющие сочетания существительных с предлогом. Это легко объяснимо. Сочетания существительных с прилагательными — самый распространенный и самый удобный тип неоднословных терминов, а новые явления настоятельно требуют терминов-названий. Конкурирующие с ними сочетания с предлогом *без* менее пригодны в качестве номинаций. Им мешает специфическая разница в семантике между сочетанием существительного с прилагательным и сочетанием существительного с косвенным падежом

существительного [23]. Ср. общепринятые номинации *панельный*, *блочный*, *кирпичный дом* и сочетания *дом из панелей*, *из блоков*, *из кирпича*, не имеющие характера терминов [24]. Вот почему рассматриваемые прилагательные легко вытесняют предложные конструкции и так активизируются в современном языке.

В первые десятилетия после революции образования, подобные рассмотренным, были немногочисленны. Вот несколько примеров: *беспроволочное* управление механизмами, *бестарная* подвозка зерна, *безмоторные* летательные аппараты, *безрамный* автомобиль. Ср. также из области политики: Наша конечная цель, это — *безгосударственное* коммунистическое общество («Изв.», 13 июня 1929). В последующие годы наблюдается активизация таких прилагательных. Особенно бурный рост прилагательных с приставкой *без-* отмечается в 50—60-е годы нашего века.

104. Прилагательные с приставкой *без-* свободно образуются на основе сочетаний существительных с предлогом *без* для обозначения постоянного типического свойства какого-либо предмета или явления. Базой для них служат сочетания с существительными предметного и отвлеченного значения, в редких случаях — с существительными одушевленными.

Ограничений принципиального характера для производства прилагательных на основе сочетаний с существительными одушевленными нет (*беспилотный* самолет, *бескондукторный* трамвай, *безоленное* хозяйство, ср. старые: *безлошадный* крестьянин, *бездетная* семья). Однако общественная потребность в таких прилагательных невелика, и это ограничивает их производство.

Ограничений структурного характера прилагательные с *без-* не знают, т. е. в основе их могут лежать сочетания с самыми различными по строению существительными, которые включаются в прилагательные по типу: «*без-* + основа существительного + *-ный*». Важно только, чтобы семантика словосочетания отвечала изложенному выше требованию.

В тех случаях, когда в языке имеется прилагательное, произведенное от основы нужного существительного с суффиксом иным, чем *-н-*, оно может целиком присоединяться к приставке как готовый строительный материал. Чаще всего используются в таких случаях прилагательные с суфф. *-ов-*: *бесцеховая* система управления, *безрельсовый* поезд, *бестеневые* лампы, *бесстыковый* путь, *безгрунтовое* земледелие, *безгребневая* посадка, *бесшланговая* пропарка кабины, *бесштанговые* насосы и под.

Прилагательные с приставкой *без-*, включающие другие суффиксы, а также суфф. *-н-* с интерфиксами, возможны, но не-

---

[23] См.: В. А. Белошапкова и Е. А. Земская. Из истории функционирования отсубстантивных прилагательных.— В кн.: «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. V. М., 1962.

[24] См. об этом: Е. А. Земская. О семантике и синтаксических функциях отсубстантивных прилагательных в современном русском языке.— В кн.: «Историко-филологические исследования». М., 1967.

многочисленны: *бесквитанционные* заказы, *безынерционные* системы, *безындукционный* кабель, *безлицензионный* провоз товаров; *безрелигиозное* общество, *бестенденциозное* искусство; *безазотистые* соединения.

105. Рост регулярности прилагательных с приставкой *без-* обнаруживается особенно наглядно в профессионально-терминологической речи (см. примеры, приведенные выше), оказывающей заметное влияние на общелитературную речь. В наше время изучаемые образования широко свойственны всем разновидностям языка: публицистике, живой разговорной речи, языку художественной литературы. Вот ряд примеров.

Из газет 60-х годов: *безгеройная* литература, *бестемное* произведение, *беспутевочные* отдыхающие, *бессуфлерная* игра артистов.

Из записей устной речи 60-х годов: — Эта станция *безбуфетная*, маленькая. Надо с собой завтрак взять; — Надоело мне *бессемейное* положение, решил жениться; — У нас такой маленький сквер, *бесфонтанный*, *бесстатуйный*; — Вон какие мальчишки *безбашмачные* прыгают по лужам! — Это *безмаршрутные* туристы. Идут куда глаза глядят; — У нас теперь *бесшапочная* мода. Ходим без всего; — У меня пиджак *беспуговичный*. Пришей, пожалуйста! — Та кровать *беспростынная*. Возьми [простыню] в шкафу, постели [25].

Из художественной речи: Колокольчики звездные в уши | Насыпает вечерний снег. | Хороша *бестуманная* трель его, | Когда топит он боль в пурге (С. Есенин, Ветры, ветры, о, снежные ветры..., 1919); О, тишина комнаты ночью, ритм походки веснушчатого клерка, кукование *безгнездного* сердца (И. Эренбург, Лето 1925 года, 1926); Ночь, *безмесячная*, но светлая, шла к исходу (М. Шолохов, Батраки, 1926); Ночь была вьюжная, *беззвездная* (В. Шишков, Ватага, 1924); Не стыдись, не кланяйся, | Девочка в ответ. Над тобою занялся | *Беззакатный* свет (Д. Кедрин, Стася, 1953); И стоит среди леса осина, | ей на спички пойти предстоит. | Как пристанище блудного сына | *беспроходная* чаща шумит (М. Светлов, Спички, 1961); Что мои семнадцать лет? С ним я, как *безлетняя* (Е. Евтушенко, Невеста, 1963).

106. Рост регулярности прилагательных с приставкой *без-* оказывает воздействие на связанное с ним звено словообразовательной системы: активизирует производство однокоренных отсубстантивных прилагательных без этой приставки. В целом ряде случаев появление прилагательного с приставкой *без-*, называющего какое-либо новое явление, порождает прилагательное бесприставочное, называющее явление не новое, традиционное, но которое не требовало ранее особого расчлененного наименования, так как было единственным, не имело противочлена. Так, *беспривязное содержание скота* рождает название *привязное содер-*

---

[25] Все записи производились в Москве у лиц разного возраста, владеющих литературным языком.

ание скота, *безрассадный способ возделывания культуры* заставляет говорить о *рассадном способе*. Например:

С гектара *рассадных* посадок собрали 95, а с *безрассадных* посевов — 234 центнера капусты с гектара («Сельск. жизнь», 9 апр. 1963); Практика строительства жилых домов Главмосстроя показала, что *безригельное* перекрытие, как менее трудоемкое, применяется гораздо шире, чем *ригельное* («Моск. стр.», 19 июля 1956); Казалось бы, нет места сомнениям, какой метод монтажа предпочтительнее: *штрабный* или *бесштрабный*? Однако у этого последнего есть два серьезных противника: рутина ... и узкий, деляческий подход («Строит. газ.», 8 марта 1957). Ср. *Безбуртовые* колонны могут быть при монтаже утоплены в фундамент пресса, а к о л о н н ы с б у р т а м и (выделено нами.— *Авт.*) не могут («Пром.- экон. газ.», 21 сент. 1956).

Показательны данные Комитета технической терминологии АН СССР. Например, термин *безвальный насос* вызывает необходимость в термине *вальный насос*: Термин «вальный насос» являет-ся н о в ы м т е р м и н о м (выделено нами.— *Авт.*), который предлагается комиссией для обобщающего понятия, ранее не имевшего своего названия, т. е. для всех поршневых насосов, имеющих вращательное движение входного звена, т. е. входного вала (Гидропривод. Терминология. Проект, 1961).

107. Итак, обусловленная социальными причинами актуализация понятий определенного типа вызывает рост регулярности прилагательных с приставкой *без-*, образуемых на основе сочетаний существительных с предлогом *без*. Происходит заметное расширение круга основ существительных, включаемых в такие прилагательные. Он пополняется отглагольными основами (ср. *беспривязный* и мн. под.). Прилагательные с приставкой *без-* отличаются стандартностью значения (обозначают отсутствие того, что названо производящей основой) и свободой образования. Это сближает их с парадигмой соответствующего существительного, в которой они занимают место, близкое к форме косвенного падежа с соответствующим предлогом. Таким образом, создаются ряды: *пилот — пилота — пилоту ... без пилота — беспилотный*; *рельс — рельса — рельсу — рельсом — без рельса — безрельсовый*.

Повышение регулярности прилагательных с приставкой *без-* в современном языке не является изолированным процессом. Оно внутренне связано с общим ростом продуктивности и регулярности прилагательных с отпредложными приставками (ср. *межпланетный*, *межрайонный*, *околосолнечный*, *околоземный*, *пришкольный*, *пристанционный*, *настенный*, *наскальный*, *внеатмосферный*, *внешкольный*, *закадровый* (голос), *забортный*, *внутриклеточный*, *внутрисортовой*, *допосевный*, *довузовский*, *подмерзлотный*, *надплинтусный*, *подзвездный*, *подповерхностный*, *послеполетный*, *послеуборочный* и многие другие развивающиеся в современном языке типы прилагательных).

Превращение ряда именных префиксов в препозитивные частицы.

108. В языке советской эпохи активизируется целый ряд типов префиксальных существительных и прилагательных, в результате чего соответствующие приставки превращаются из словообразовательных морфем в самостоятельные слова — препозитивные частицы. Показателем этого являются: 1) свобода их соединения с существительными и прилагательными, 2) стандартность значения, 3) структурная самостоятельность — отсутствие явлений морфонологического взаимоприспособления между этими элементами и последующим именем, наличие самостоятельного ударения.

Этот процесс протекает прежде всего в двух семантических группах префиксов — префиксах, объединяемых общим значением интенсивности (*сверх-*, *архи-*, *ультра-*, *супер-*, *гипер-*) и префиксах с общим значением противоположности, противодействия, отрицания (*анти-*, *противо-*, *контр-*, *де-*, *а-*, *не-*). И в той и в другой группе особую активность проявляет один из префиксов (*сверх-* и *анти-*), что способствует их выделению из состава группы и превращению в результате роста регулярности из частей слова в слова́.

109. Уже 20-е годы XX в. свидетельствуют об активизации префикса *анти-*. Эта приставка могла сообщать существительным одно из двух близких значений: 1) *анти*$_1$- ‘противодействие чему-л., борьба с чем-кем-л’.; 2) *анти*$_2$- ‘противоположность (антипод), отрицание’.

В 20-е годы наиболее активно первое значение проявляется у префикса *анти-* в именах общественно-политического характера, обозначающих а) какое-либо течение, направление или б) лицо, связанное с ними. Примеры:

а) *антигуманизм*, *антидарвинизм*, *антидемократизм*, *антииндустриализм*, *антиинтеллектуализм*, *антилиберализм*, *антипатриотизм*, *антифутуризм*, *антиэстетизм* и т. п.

Поэт почитаемый — Саша Черный. Радовал его *антиэстетизм* (В. Маяковский, Я сам); ... Многие из нас в эти годы напропалую дымили (и дымят) все тем же старым кадилом индивидуалистической романтики и всяческого *антимарксизма* (И. Касаткин, Литературные ухабы).

б) *антидарвинисты* (противники дарвинизма), *антимеханизаторы* (противники механизации), *антиимпериалисты*, *антимилитаристы* (противники империализма, милитаризма) и т. п.

Противники снижения цен, *антиснижéнцы* понемногу начинают заполнять камеры нарсудов (Из газет, 1927); Механизация начала давать производственный эффект. Тогда и бывшие «*антимеханизаторы*» уверовали в ее силу («Как мы строили метро», 1935); О стихах говорил ослепительно, пристрастно, иногда бывал чудовищно несправедлив, например к Блоку .... О Марине: Я — *антицветаевец* (А. Ахматова, Из неопубликованного).

По направлению к 60-м годам возрастает многочисленность и регулярность образований существительных отвлеченных и имен лиц с префиксом *анти-* в различных сферах общелитературного языка (книжный, нейтральный стиль, разговорно-бытовая речь). В современном языке приставка *анти-* может присоединяться по существу к любому имени названной семантики, ср.: *антиамериканизм*, *антибольшевизм*, *антиинтеллектуализм*, *антипуризм*, *антиянкизм*; *антипуристы*, *антиамериканцы*, *антимилитаристы*, *антикоммунисты*, *антифестивальщики*, *антиголубисты* и т. п.[26]

Совсем ярые *антиголубисты* добавляют «главный аргумент»: голуби, дескать, есть источник заразы ... («Веч. Москва», 14 дек. 1961); *Антифестивальщики* на скамье подсудимых. Начался судебный процесс в Хельсинки («Комс. пр.», 11 янв. 1963).

110. Второе из названных выше значений — 'противоположность (антипод), отрицание' — особенно активизировалось в середине XX в.

В результате блестящих гипотез и последовавших за ними открытий в мировой науке (и прежде всего — в физике) в XX в. появились серии новых терминов с элементом *анти-* в значении «антипода», это содействовало укреплению приставки в данном значении. Однако вплоть до 50-х годов таких терминов было немного. Ср.:

Античастицы и проблема существования *антимиров* стали предметом оживленных споров не так уж давно — примерно с осени 1955 года, когда Эмилио Сегре и Оуэн Чемберлен сообщили об открытом ими *антипротоне*. Но «окно» в *антимир* было «прорублено» значительно раньше. В 1928 году знаменитый английский физик Поль Дирак работал над теорией строения электрона ... В 1932 году в космических лучах был обнаружен предсказанный Дираком антипод электрона — позитрон (e^+)... Так была обнаружена первая *античастица*. Первый посланец *антимира*... Первые годы, последовавшие за обнаружением позитрона, были полны напряженного ожидания. Физики искали *антипротон*. Но прошли целые десятилетия, а позитрон остался единственной античастицей. ... За обнаружение (в октябре 1955 года) *антипротона* Эмилио Сегре и Оуэн Чемберлен в 1959 году удостоены Нобелевской премии. ... Обнаружение *антинейтронов* явилось неизбежным следствием открытия Сегре и Чемберлена. Итак, у каждой частицы нашего мира есть *антипод*, живущий в зазеркалье, в *антимире* (Е. Парнов, Е. Глущенко, Окно в антимир, 1963).

---

[26] В некоторых случаях невозможно установить точно, префиксальным или префиксально-суффиксальным путем образовано слово. Может возникнуть своеобразная полисемия. Так, *антицветаевцем* (ср. выше) может быть и п р о т и в н и к Ц в е т а е в о й и п р о т и в н и к ц в е т а е в ц е в. В первом случае имеет место префиксально-суффиксальный способ образования, во втором — префиксальный.

Общелитературному языку 20-х годов известны лишь отдельные образования с приставкой *анти-* в значении противоположности (*анти-*$_2$). Например: Но вообще говоря, настоящего иконоборства, настоящего разрыва с традицией, настоящей *антикультуры* и не было (А. Горнфельд, Новые словечки и старые слова, 1922) [27].

По направлению к современности активность приставки *анти-*$_2$ как в терминологии, так и в общелитературном языке возрастает.

Новые открытия мировой и отечественной науки повлекли за собой регулярное использование многочисленных образований с приставкой *анти-* в терминологиях: *антиатом*, *антивещество*, *антиводород*, *антигелий*, *антимир*, *антиматерия*, *антинейтрино*, *антинуклон*, *антиплазма*, *антипространство*, *антисолнце*, *антигалактика*, *антизвезды*, *антиядра* и т. д. Ср.:

Когда *античастицы* были получены лабораторным путем, физики задумались: не соответствует ли каждому атому свой «*антиатом*». Если окружающий нас мир состоит из «частиц» вещества, то нет ли в просторах Вселенной «*антимира*», состоящего из «*антивещества*»? («Учит. газ.», 14 июля 1962).

Многообразные связи широких народных масс с наукой — рост высшего образования, распространение научных и научно-популярных книг и журналов, радио и телевидение — все это способствует проникновению научных понятий, терминов в общелитературный язык. Повлияло это и на интенсивное возникновение и употребление существительных с приставкой *анти-*, которые широко используются как в книжной, так и в разговорно-бытовой речи. Приставка *анти-* соединяется с существительными различной семантики — отвлеченными, именами лиц, в ряде случаев и с конкретными, внося в них одно и то же невариативное значение, свойственное *анти-*$_2$.

Непосредственное влияние на активизацию элемента *анти-* в этом значении во многих современных языках (в том числе и в русском) оказали некоторые новые явления социальной действительности, например «нигилистические» течения в искусстве и литературе современного Запада. Ср.:

Антироман, *антидрама*, *антифильм* ... Эти слова совсем недавно кое-кому могли казаться странными, лишенными смысла. Сегодня же это наиболее модные термины буржуазной эстетики

---

[27] Встречаются отдельные существительные (отвлеченные и имена лиц) с *анти-* этой семантики и в XIX в.: Мечта может быть и не святой, как все земное, стоящее между двух противоположностей, тогда она *антипоэзия* (В. Жуковский, Письма, ЛК); В романе надо героя, а тут нарочно собраны все черты для *антигероя* (Ф. Достоевский. Записки из подполья). Такие примеры доказывают, что уже в этот период элемент *анти-* начинает выступать как словообразовательный аффикс на русской почве. Ср. это значение в заимствованиях: «*антипатриот* — человек, прямо противоположный истинному патриоту» (А. Д. Михельсон. Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. Изд. 12, 1898).

(«Сов. культ.», 31 янв. 1963); Сегодня мы продолжаем разговор, начатый в нашей газете английским писателем Джеймсом Олдриджем, о роли положительного героя в современной драматургии и его антиподе — «*антигерое*» («Сов. культ.», 12 марта 1964).

Активное взаимодействие современных языков, взаимозаимствование не только отдельных слов, но и словообразовательных типов, увеличение состава международной интернациональной лексики (научной, публицистической) также благоприятствовали употребительности элемента *анти-* в русском языке. Вот лишь некоторые примеры новообразований: *антидобродетель*, *антиправило*, *антибыт*, *антивоспитание*, *антиулыбка*, *антикрасота*, *антироман*, *антикнига*, *антирассказ*, *антипьеса*, *антиистория*, *антикадры*, *антимузыка*, *антисценарий*, *антиштамп*, *антидрама*, *антифильм*, *антитеатр*, *антисказка*, *античудо*, *антирелигия*, *антимарш*, *антипища*, *антивремя*, *антипокой*, *античеловек*, *антигерой*, *антиэкономист*, *антиджазист*, *антиавтор*, *антиученики* и т. п.

Гневно и точно показать эти превращения человечности в *античеловечность*...— творческая и гражданская цель режиссера и актеров («Комс. пр.», 14 авг. 1963); Проповедь *антикрасоты* не имеет права на жизнь («Сов. культ.», 10 авг. 1963); Поэзия и мещанство — это *антимиры* («Изв.», 25 сент. 1964); Если в рассмотренной нами статье он создал «*Антидом* с *антимезонином*», то в № 8 журнала «Октябрь» он не менее четко вылепил «*Антистепь*» («Вопр. л-ры», 1963, № 11); Все дано здесь в лоб: черное и белое, добродетель и *антидобродетель* («Лит. газ.», 11 апр. 1963). Ср. у А. Вознесенского: Нет женщин — | есть *антимужчины*. | В лесах ревут *антимашины* (Треугольная груша, 1962).

Показателем все возрастающей продуктивности приставки *анти-* является возможность ее самостоятельного употребления в значении существительного:

VIII Всемирный и его «*анти*» («Знамя», 1962, № 10); Даже самые злые «*анти*» не показывают кулаки («Юность», 1962, № 9); Вот наш Синев — он же то и дело попадает в какие-нибудь «*анти*», а ведь способный, вдумчивый работник («Сов. Рос.», 6 окт. 1964); Геройские мальчики вышли в герои, но в *анти* (А. Вознесенский, Ахиллесово сердце, 1966).

Фактически продуктивность единиц и *анти-*$_1$ и *анти-*$_2$ в образованиях такого типа неограниченна, а сам этот элемент уже можно отнести к классу п р е п о з и т и в н ы х ч а с т и ц, так высока степень его агглютинативности, свобода сочетаемости с именами существительными.

111. Превращается в препозитивную частицу приставка *анти-* и в сочетании с прилагательными. В современном языке роль элемента *анти-* в словообразовании имен прилагательных и существительных аналогична. *Анти-* со значением противоположности, отрицания, противодействия свободно сочетается с прилагательными разной семантики в разных стилях и жанрах речи.

Этот элемент обнаруживает активность уже в 20—30-е годы. Вот ряд примеров из периодической печати 20-х годов: *антианглийская* атака, *антипольские* выступления, *антиитальянский* договор, *антифранцузское* сообщение, *антиамериканская* агитация; *антипасхальная* кампания, *антирождественский* вечер, *антиколхозное* движение, *антирелигиозная* литература, *антидогматическая* «догма», *антипролетарский* фронт, *антитуберкулезная* ассоциация, *антимилитаристская* борьба и мн. др.

По направлению к современности активность элемента *анти-* все возрастает. Увеличивается его употребительность (встречаемость) в текстах разных жанров, в устной речи. Приведем некоторые типические примеры.

Из области научной терминологии: *антигравитационные* теории, *антилокационные* покрытия, *антибактериальная* терапия, *антимикробный* эффект, *антиокислительные* свойства, *антикоррозионные* краски, *антисвертывающие* факторы.

Из газетно-публицистических жанров: «Антифестиваль» провалился и *антифестивальная* пропаганда тоже («Лит. газ.», 9 авг. 1962); *Антиатомный* марш («Изв.», 17 апр. 1965); *антидемпинговый* закон («Изв.», 5 янв. 1962); «*антихороводный*» заговор («Лит. газ.», 28 янв. 1965); В обкоме партии всполошились, решили «ударить по «*антизяблевым* настроениям» («Сельск. жизнь», 19 сент. 1962); Итак, зимние туристские походы повышают сопротивляемость человеческого организма, делают его, если можно так выразиться, «*антизаболеваемым*» («Огонек», 1962, № 7); ... Танцевали они не без вызова. Потому что в их затее открывалось то продуманно публицистическое, *антиханжеское*. И *антистиляжеское*, если можно так выразиться.... (В. Турбин, Смотрите: музыка!, 1964); Вспомним хотя бы *антисказочную* кампанию (К. Чуковский, Еще о бабе-яге, 1962).

Из устной речи 60-х годов (большей частью шутливо):

Надоели мне твои *антилодочные* настроения! Утонуть боишься; Мотивы его ходатайства не *антикрепостнические* (Из устного научного доклада); — Все другие примеры *антипушкинские*, говорят скорее об авторстве Сомова (Там же). Ср. наречия: Мой брат настроен *антилыжно*. Предпочитает сидеть дома и читать романы; — Какой-то ты скучный, выглядишь *антипразднично*. Не заболел?

112. Имена существительные с приставками *сверх-*, *супер-*, *гипер-*, *ультра-*, *архи-*, выражающими общее значение очень высокой степени чего-либо, усиленно развиваются в языке советской эпохи [28]. Непосредственное влияние на активизацию названных префиксов в XX в. оказала социальная действительность. Социальные и языковые причины такой активизации тесно переплетаются. Быстрое развитие науки, техники, экономики, появле-

[28] Для XIX в. не характерны образования с этими элементами. Отдельные примеры — чаще всего кальки иноязычных слов — даны у Ю. С. Сорокина (указ. соч., стр. 166).

ние новых, в ряде случаев больших по размеру, более мощных, совершенных механизмов, приборов, препаратов и т. п. потребовало новых обозначений, поэтому стали широко использоваться существительные с вышеперечисленными префиксами.

Образования с такими приставками, как правило, относятся к книжной лексике [29]. Большей частью это слова различных отраслей терминологии (технические, астрономические, медицинские термины, термины политэкономии), а также слова общественно-политического характера: *сверхдредноут, сверхдирижабль, сверхмагистраль, сверхгалактика, сверхгиганты; сверхмонополии, сверхприбыль; сверхидеализм, сверхиндустриализм* и т. д.; *суперавиация, суперартиллерия, суперцентрифуга; суперпатриотизм; гиперактивность, гиперавиация, гиперповерхность, ультраакустика, ультразвук, ультрачастица, ультрапористость, ультраконденсатор, ультрамикроскоп, ультрасамодержавие, ультраимпериализм, ультрамиллионер; архиведомственность, архиконсерватор.*

В рассматриваемой группе префиксов выделяется своей словообразовательной активностью (способностью к сочетанию с разными видами основ, количеством новообразований) приставка *сверх-*. Уже начало XX в. дает большое количество имен существительных с этой приставкой, относящихся к специальной, терминологической лексике. Вот несколько примеров:

Это — новая ступень всемирной концентрации капитала и производства, несравненно более высокая, чем предыдущие. Посмотрим, как вырастает эта *сверх-монополия* (В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, 1916). Ср.: *Сверхмонополии* — международные монополистические союзы капиталистов, представляющие собой по сравнению с монополистическими союзами капиталистов отдельных стран несравненно более высокую ступень концентрации капитала и производства. Впервые понятие *сверхмонополии* сформулировал В. И. Ленин в своем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916 г.) (БСЭ²)

Еще несколько примеров из газет и журналов 20—30-х годов:

Для урегулирования всех этих расчетов комиссия экспертов намерена создать особый репарационный *сверхбанк* с капиталом в 100 миллионов долларов (Из газет, 1929); Итак, наиболее крупные материальные системы — это *сверхгалактики*, своего рода «архипелаги вселенных — островов», собрание из сотен и тысяч галактик («Наука и жизнь», 1934); ... Это звезды-гиганты или даже «*сверхгиганты*» (Там же); Действительный диаметр этой *сверхсистемы* около 500 000 световых лет (Там же).

Общественно-политическая, критическая, мемуарная литература 20—30-х годов содержит большое количество образова-

[29] Книжная лексика — один из подстилей строгого стиля, она включает терминологическую, публицистическую, мемуарную, общественно-политическую лексику.

ний с приставкой *сверх-*: *сверхамериканизм*, *сверхбытие*, *сверхброня*, *сверхбюрократизм*, *сверхграндиозность*, *сверхвозможность*, *сверхъестество*, *сверхжизнь*, *сверхидеализм*, *сверхиндустриализм*, *сверхискусство*, *сверхкритика*, *сверхмужество*, *сверхнапряжение*, *сверхпритеснение*, *сверхпрогулы*, *сверхсознание*, *сверхсамокритика*, *сверхставка*, *сверхнебоскреб*, *сверхстанция*, *сверхкупец*, *сверхкапиталист*, *сверхличность*, *сверхинтеллигент*, *сверхиндустриализатор*, *сверхпатриот* и т. п. Вот несколько иллюстраций их употребления:

Односторонность Гастева, его *сверхамериканизм* очень вреден (А. В. Луначарский, Искусство и молодежь, 1929); Руководители Военно-хозяйственного управления проявили *сверх-бюрократизм* («Изв.», 2 марта 1929); Рухнула иллюзия избранности, *сверхпривилегированности* летных кадров (Л. В. Успенский, Материалы по языку русских летчиков, 1936); Остальные американские знаменитости .... значительно отстали от вышеупомянутых *сверхкапиталистов* («Вокруг света», 1927, № 5); Социальная тематика, пролетарская идейность у них, как у *сверх-экспериментаторов*-беспредметников, подменялась зрительным живописным материализмом ... (М. Буш и А. Замошкин, Путь советской живописи, 1933).

Ср. в языке поэзии: Я хочу | чтоб *сверх-ставками* | спеца | получало | любовищу сердце (В. Маяковский, Домой!, ЛК); Этот самый — жалобный ящик | *сверхсамокритики* | *сверхобразчик* (В. Маяковский, Легкая кавалерия, ЛК).

В зависимости от контекста приставка *сверх-* в значении ‘в очень высокой степени’ может приобретать оттенок отрицательности, придавать слову шутливо-ироническую окраску. Например:

[А б р а м о в — потрясая примусом] — Держитесь. Помпа. Накачивается ... Винтик ... Словом, *сверхиндустриализация* (В. Катаев, Квадратура круга); Г. Бердяев хочет .... быть бессмертным. В этом он видит свое отличие от мещанина и свой диплом на звание *сверхинтеллигента* (А. В. Луначарский, Критические этюды).

Употребление приставки *сверх-* с таким экспрессивным оттенком значительно расширяет ее словообразовательные возможности, облегчает ее сочетаемость с широким кругом основ.

По существу, уже в 20-е годы XX в. продуктивность и регулярность приставки *сверх-* достигла такой степени, что она могла присоединяться к любому существительному — отвлеченному или названию лица как в пределах строгого стиля, так и в разговорно-бытовой речи. Большая активность и свобода сочетаемости приставки, стандартность ее значения — все это свидетельствует о превращении приставки *сверх-* в русском языке советской эпохи в свободную препозитивную частицу.

113. В языке 50—60-х годов приставка *сверх-* используется в астрономической, технической, политэкономической, спортивной терминологии: *сверхпроводимость*, *сверхтекучесть*, *сверхпровод-*

ники, *сверхтоки*, *сверхрефракция*, *сверхструктура*, *сверхнапряжение*, *сверхракета*, *сверхбомба*, *сверхтрест*, *сверхрынок*, *сверхассоциации*, *сверхмарафон* и т. д.:

Работа в экстремальных условиях дает возможность открывать принципиально новые явления — *сверхпроводимость* и *сверхтекучесть* (Из газет, 1961); Пока образований с массой, значительно превосходящей обычную массу звезды, мы не знаем,— отвечали до недавнего времени и астрономы. Сегодня они открыты ... эти образования принято называть *сверхзвездами* (Из газет, 1965); Шаровая молния начала свой путь. Я не случайно назвал ее *сверхаккумулятором* (М. Васильев и С. Гущев, Твои тайны, природа!); *Сверхракета* достигла водной поверхности на расстоянии менее 2100 ярдов от цели (Из газет, 1960); Общество служит психологическим целям *сверхрынка* («Проблемы мира и социализма», 1962); У некоторых людей существует так называемая *сверхчувствительность* даже к «невинным» лекарственным препаратам (Из газет, 1960).

Большинство приведенных терминов — образования недавнего времени, свидетельствующие о большой активности и свободе сочетания приставки *сверх-* с различными основами — и отвлеченными и конкретными именами.

Широкой распространенности *сверх-* способствует использование ее в качестве кальки при переводе заимствованных или международных терминов с синонимичными префиксами. Чаще всего она выступает калькой *супер-*, например: supercriticality — *сверхкритичность*, superexchange — *сверхобмен*, superstructure — *сверхструктура* и т. д. (Англо-русский ядерный словарь, 1960).

114. Продуктивность и частотность приставки *сверх-* в современной терминологии оказывает влияние и на ее «поведение» в общелитературном языке 50—60-х годов. Она выделяется среди других синонимичных префиксов своей активностью. Свобода ее соединения с отвлеченными и личными существительными ничем не ограничена. Она употребляется как в книжной лексике, так и в разговорной речи (свидетельства художественной литературы, прессы, записей устной разговорно-бытовой речи нашего времени): *сверхблагоустройство*, *сверхвласть*, *сверхвзлеты*, *сверхглубина*, *сверхзаинтересованность*, *сверхзадача*, *сверхлаконизм*, *сверхмодерн*, *сверхнормативы*, *сверхоптимизм*, *сверхострота*, *сверхпорция*, *сверхпреклонение*, *сверхпорядок*, *сверхпроницательность*, *сверхразум*, *сверхрасторопность*, *сверхсоревнование*, *сверхсырость*, *сверхспешка*, *сверхсенсация*, *сверхсекреты*, *сверхсмертность*, *сверхтехника*, *сверхусилия*, *сверхудобство*, *сверхурожаи*, *сверхчутье*, *сверхшпионаж*, *сверхэксперимент*, *сверхъязык*, *сверхбоевик*, *сверхдержавы*, *сверхорганизм*, *сверхбитник*, *сверхгений*, *сверхгерой*, *сверхзлодей*, *сверхмудрец*, *сверхэнтузиаст* и т. п. Ср.:

Есть в творчестве больших ученых-физиков черты, которые нельзя передать обыкновенными словами. Так и хочется добавить

приставку «*сверх*» — *сверхизобретательность*, *сверхточность* ... («Изв.», 20 дек. 1962).

Наметившееся уже в 20-е годы превращение приставки *сверх-* в свободную частицу в наше время надо считать законченным. Способность *сверх-* свободно соединяться с любым существительным «является основным признаком превращения ... из части слова в отдельное слово» [30], в особую препозитивную частицу.

115. Группа префиксов со значением интенсивности функционирует и в словообразовании имен прилагательных, имея в словопроизводстве и существительных и прилагательных общность значения, стилистической окраски и сфер употребления.

Прилагательные с приставкой *сверх-*, бывшие продуктивными и в языке XIX в., также усиливают свою регулярность в языке советской эпохи [31]. Стимулом, давшим толчок их развитию, было уже отмеченное социальное явление: рост науки и техники. Большое значение имели изменения в сложившихся представлениях о целом ряде отвлеченных признаков.

Многие признаки, которые, как представлялось прежде, являются достаточно «сильными», не требующими обозначения высокой степени своего обнаружения, понадобилось уточнить, изменить или усилить. Потребовалось ввести понятия *сверхпрочный*, *сверхплотный*, *сверхбыстрый*, *сверхдальний*, *сверхтвердый*, *сверхточный*, *сверхмощный*, *сверхчистый*, *сверхвысокочастотный*, *сверхсложный* и мн. под.

Семантические модификации, привносимые приставкой *сверх-*, может получить любое прилагательное, имеющее качественное значение (в том числе и прилагательные, развившие качественное значение из относительного). Приставку *сверх-* могут присоединять оба члена антонимического противопоставления «сильный — слабый». Ср.: *сверхнизкий — сверхвысокий*, *сверхбыстрый — сверхмедленный*, *сверхглубокий — сверхмелкий*, *сверхсильный — сверхслабый*.

Прилагательные с приставкой *сверх-* широко распространены во всех жанрах современной речи. Они не знают ограничений ни структурного, ни семантического, ни стилистического характера. Можно утверждать, что приставка *сверх-* и в соединении с прилагательными превратилась в препозитивную частицу. Проиллюстрируем функционирование таких образований в различных жанровых разновидностях современного языка.

В научно-терминологической речи:

Совместно с бригадой НИИцемента новоздолбуновцы сейчас освоили производство *сверхбыстротвердеющего* высокопрочного цемента (Из газет, 1962); Ученый секретарь института А. А. Аб-

[30] «Русский язык и советское общество. Проспект», стр. 57.

[31] См. подробнее: Е. А. Земская. История прилагательных, обозначающих степень признака, в русском литературном языке нового времени. — В кн.: «Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху». М., 1964.

рикосов рассказывает о свойствах *сверхпроводящих* сплавов (Из газет, 1963); Вспышка *сверхновой* звезды — самое грандиозное явление, какое только наблюдается во Вселенной («Неделя», 1963); *Сверхплоские* часы (заглавие, из газет, 1964); Наша Галактика, по-видимому, одна из очень значительных *сверхгигантских* галактик («Рождение и эволюция галактик и звезд», 1964).

В газетно-публицистической речи:

Верно, наступит время, когда в наших обыкновенных комнатах будут висеть какие-нибудь *сверхнейлоновые* экраны, рядом с книжным стеллажом примостится полка с фильмами (Из газет, 1962); Дезинформация, преподносимая в *сверхсенсационном* виде (Из газет, 1963); *сверхутонченный* психологизм (Из газет, 1964); *сверхжесткие* правила и нормативы (Из газет, 1965); Лем прокладывает стремительный, как полет мечты, мост из сегодня в зав ра и заставляет пробежать по нему со *«сверхисторической»* скоростью своего героя Эла Брегга (Из газет, 1965);

В языке художественной литературы:

Предпринимая рейсы в мир иной, | туристы полетят на скорости *сверхкрайней* | во все концы Галактики земной (Н. Асеев, Уругвай); *Сверхсильные* очки (Т. Жирмунская, Глаза); ... Он гораздо скупей соседей представлял к наградам, считая, что в его полку не сделано ничего *сверхдолжного* (К. Симонов, Солдатами не рождаются); А ведь книги-то этого *сверхпочтенного* археолога я читал еще задолго до вашего знакомства с ним (Л. Леонов, Evgenia Ivanovna); Мне казалось, что собака вот-вот схватит меня за ногу, и меня не спасут мои *сверхпрочные* штаны (И. Антипова, Как я был чемпионом).

116. Изученные материалы показывают, что 60-е годы XX в. характеризуются активизацией приставок (исконно русских и иноязычных по происхождению), превращением некоторых из них в свободно сочетающиеся с существительными и прилагательными препозитивные частицы. Эти приставки теряют свойственную словообразовательным морфемам семантическую вариативность и избирательность в соединении с производящими основами и приобретают полную свободу сочетаемости. В первую очередь это касается единиц *сверх-* и *анти-*.

Превращению приставок в препозитивные частицы способствуют как внутренние законы развития системы словообразования (рост продуктивности вышеназванных приставок, их моносемантизм), так и факторы, внешние по отношению к системе общелитературного словообразования. К последним относятся: бурное развитие науки, повышение ее значимости в жизни общества, появление большого числа новых терминов, содержащих изучаемые единицы, проникновение таких терминов в общелитературный язык, интернационализация науки; обостренное взаимодействие русского языка с другими европейскими языками, в которых элементы *анти-*, *де-*, *контр-*, *а-*, *супер-*, *ультра-* и *архи-* активны и широкоупотребительны.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Изменения в значениях деривационных аффиксов. ***Расширение объема значений аффиксов.*** *Соотношение личного и предметного значения в отглагольных существительных мужского рода. Производные существительные с суффиксами, сочетающимися только с глагольными основами. Угасание личного значения в словах на -льник. Существительные с суффиксом -тель. Различные свойства основ производящих глаголов и их влияние на личное или предметное значение производных существительных. Замечания к истории образований с суффиксом -тель. Сдвиги в соотношении личного и предметного значения данного суффикса в наше время. Активизация и обогащение предметных значений суффикса -тель. Появление предметных значений в существительных на -льщик. Производные существительные с суффиксами, сочетающимися с глагольно-именными основами. Активное развитие предметных значений в образованиях с суффиксом -щик. Социальная обусловленность этих процессов.*

Превращение маркированных членов противопоставления в немаркированные. *Изменения в соотношении значений существительных мужского и женского рода со значением лица. Возможность употребления слов мужского и женского рода со значением лица не в соответствии с полом лица в XIX в. Обоюдная маркированность коррелятивных существительных мужского и женского рода со значением лица. Зарождение и развитие в конце XIX — начале XX в. новой тенденции называть женщину по профессии, специальности, должности существительным мужского рода. Борьба старой и новой тенденции в 20-е годы. Влияние различных языковых факторов на развитие этой ведущей тенденции в наше время. Влияние реализации этой тенденции на словообразование и морфологию.*

117. Словообразовательные типы реализуются только в словах, а слова — это названия. Если у языкового коллектива нет потребностей в каких-то названиях, естественно, они и не появятся в языке этого коллектива.

Опыт каждого общества исторически переменчив; названия, ненужные в одну эпоху, становятся необходимыми в другую.

Поэтому и словообразовательный тип, раньше более или менее пассивный, может в последующие эпохи активизироваться. Это очевидно и для социально-лингвистического изучения не очень интересно.

Несравненно более важно изучить другие факты: когда появление новых реалий, требующих названия, не просто активизирует тип, а позволяет более полно и последовательно реализоваться внутренним закономерностям в развитии языка. Эти спонтанные, внутренне присущие языку тенденции были в той или иной степени, в силу тех или иных причин парализованы, не было достаточного материала для их полного выявления. Новая социальная эпоха, опыт новой общественной жизни вызывает необходимость активизировать определенные типы; в этих типах наиболее ярко и протекают внутренние процессы, до той поры лишь в неполной форме выявлявшиеся в языке.

Рассмотрим, как изменились в русском языке советской эпохи словообразовательные типы отглагольных существительных.

Расширение объема значений аффиксов.

118. Наибольшее количество новых слов советской эпохи — это существительные [1].

Высокий процент существительных среди новообразований объясняется прежде всего общественными причинами, потребностями коллектива в наименовании новых предметов и явлений: с каждым днем совершенствуется технология производства, нарастает поток новых станков, машин, механизмов, усложняются механизмы и оборудование, обрастая новыми устройствами и деталями и вызывая новые профессии и специальности и т. п.

Среди существительных первое место по количеству новообразований занимают существительные конкретные [2].

Большинство суффиксов существительных — это суффиксы конкретных существительных (со значением лица, предмета, орудия, вещества, помещения и т. п.); их насчитывается свыше 60.

Одни из этих суффиксов соединяются только с глагольными основами, например *-тель*, *-льщик*; другие — только с именными,

---

[1] По подсчетам П. И. Сенина («К вопросу о формировании неологизмов советской эпохи».— «Уч. зап. Каракалпакского гос. пед. ин-та», вып. 1, 1957, стр. 132), произведенным на материале неологизмов советской эпохи в произведениях К. Федина, на существительные приходится 70% общего состава неологизмов, на прилагательные — не более 20%, глаголы — около 10%, наречия — не свыше 2%; по подсчетам А. Г. Лыкова («Образование имен существительных со значением лица в современном русском языке». Канд. дисс. МГУ, 1959), на материале СУ, где представлено немногим более 900 новообразований, существительных — 73,6%, прилагательных — 18,8%, глаголов — 4,7%, причастий (отдельно от глаголов) — 2,9%.

[2] По подсчетам А. Г. Лыкова (указ. соч.), одни только названия лица занимают 45,7% всех новых существительных, а по отношению ко всем словам это составляет 34%. Если присоединить к этому названия предметов, вещей, то станет ясно, что большинство новообразованных существительных принадлежит к существительным конкретным.

например *-(ч)анин*, *-ист*; третьи — и с глагольными, и с именными, например *-щик*, *-ок*.

Наибольший интерес для изучения взаимодействия предметного и личного значения в образованиях с одним и тем же суффиксом представляют отглагольные существительные муж. р.[3]

Значения лица и предмета неоднородны и могут подразделяться на целый ряд других, более частных значений. Так, лицо может определяться по профессии (*строитель*, *регулировщик*), по занятию (*гребец*, *распорядитель*).

Особенно разнообразны предметные значения, поскольку сюда относятся все предметы-орудия, а орудием в руках человека могут быть машина, механизм, прибор, приспособление, вещество, материал, помещение и т. п., например: прибор — *выключатель*, книга — *указатель*, *путеводитель*, вещество — *краситель*, *окислитель* и т. п. Все эти значения наиболее полно и разнообразно представлены именно в отглагольных существительных муж. р.

119. Производящие основы отглагольных существительных носят процессуальный характер; существительные, образованные от них с помощью агентивных суффиксов, обозначают первоначально только лицо; однако потребности развивающегося общественного производства приводят к необходимости называния растущего количества орудий, машин, механизмов, на которые перекладываются определенные работы, выполнявшиеся прежде человеком,— и происходит изменение значения слова по функции, свойственное любому языку. Сначала отдельные слова, обозначающие лиц, начинают употребляться переносно для обозначения предметов, а вслед за тем и способы образования названий лиц становятся способами для образования названий предметов (орудий действия). В дальнейшем возможно еще большее расширение значения словообразовательного типа или сужение его до обозначения только названий предметов в осуществление тенденции к специализации суффиксов.

Так, существительные с суфф. *-льник* теперь имеют преимущественно предметное значение: *будильник*, *кипятильник*, *купальник*, *полировальник*, *морозильник*, *протыкальник*, *рубильник*, *умы-*

[3] Такие существительные различают те категориальные понятия, которые принято называть одушевленностью и неодушевленностью существительных. Ввиду того, что главное содержание разряда одушевленных существительных — это название лиц, а главное содержание разряда неодушевленных существительных (конкретных) — это название предметов, в разряде лица будут рассматриваться все одушевленные существительные, в том числе и те, которые называют животных: *вредитель*, *паритель*, *пестун* и под., а в разряде предмета будут рассматриваться все неодушевленные существительные, в том числе и те многочисленные случаи, когда существительные с суффиксом конкретного предмета обозначают деятеля вообще, без указания на то, что данным деятелем является лицо. Термины «лицо» и «предмет» удобнее, чем термины «одушевленные» и «неодушевленные», поскольку от последних трудно произвести относительные прилагательные, так необходимые при анализе двух данных разрядов существительных (ср. «личное» и «предметное» значение).

вальник, *холодильник*, *шлифовальник* и т. п. Некогда основным значением существительных с этим суффиксом было значение личное. Это доказывается небольшим количеством устаревших или устаревающих слов с личным значением, а также показаниями словарей и памятников. В современных словарях находим: *висельник*, *молчальник*, *отшельник*, *плющильник*, *спальник*, *целовальник*, *шильник*. Некогда личное значение имели и такие слова: *помыкальник*, *починальник*, *пришельник*, *возливальник*, *обитальник*, *красильник*, *будильник*, *белильник*, *зажигальник* и мн. др.

Еще в XIX в. этот суффикс для обозначения лиц был несколько активнее. Ср., например, слово *купальник*, которое в XIX в. обозначало лицо [4], а теперь только предмет, лицо же называется *купальщиком*.

Даже в 20-е годы можно еще встретить употребление существительных на *-льник* со значением лица, которые в наше время имеют только предметное значение:

Помощники поваров подготовляются через краткосрочные курсы для взрослых рабочих по одной из специальностей (повара — заготовщики, супники, соусники, плитчики, *холодильники*) («Работница», 1929, № 33).

Существительные предметного значения с этим суффиксом могут возникать и другим путем — от основ прилагательных на *-альный* с включением значения определяемого существительного, например:

Каждый вечер с ужасом думали, что нужно будет ложиться в холодный *спальный мешок*. Часто бывало так, что согреться не могли до утра. А утром не хотелось вылезать из *спальника* («Комс. пр.», 3 дек. 1964).

Сравнительно небольшое количество существительных с суфф. *-льник* не дает возможности проанализировать особенности производящих основ и их влияние на личное или предметное значение существительных. Такое сопоставление можно сделать, анализируя образования более многочисленные, например, образования с суфф. *-тель*, наиболее продуктивным из суффиксов, сочетающихся только с глагольными основами.

Существительные с суфф. *-тель* могут иметь значение как лица, так и предмета, причем существительных личного значения намного больше, чем существительных предметного значения [5].

Что же создает значение лица или предмета в производных словах на *-тель*?

1) Прежде всего можно поставить вопрос о лексическом значении производящих основ.

---

[4] См.: Ю. Р. Гепнер. Некоторые проблемы словообразования в современном русском литературном языке.— РЯШ, 1956, № 4, стр. 17.

[5] Так, из существительных на *-тель* (по СБ), общим количеством 500, со значением лица — 319, предмета — 68, лица и предмета — 76, разные — 36. Таким образом, более 3/5 всех слов — названия лица.

Каждое слово с суфф. *-тель* потенциально может обозначать лицо, но не каждое — орудие, ибо есть основы глаголов, которые по своей семантике могут обозначать действия, чувства и состояния, свойственные только лицу, например: *повествовать — повествователь*, *обожать — обожатель*, *любить — любитель*, *вымогать — вымогатель*, *предать — предатель*, *подстрекать — подстрекатель* и др.

Основная же масса глаголов своей семантикой никаких указаний на личное или предметное значение производного существительного не дает.

2) Класс основы производящего глагола.

В образовании существительных на *-тель* в настоящее время участвуют только глаголы продуктивных классов [6]. Из продуктивных классов используются основы на гласные *-а* и *-и*, т. е. основы I, III и IV продуктивных классов [7]. Основы II и V классов не используются совершенно.

Глаголы I и IV классов и прежде служили и теперь служат основой для образования существительных и личного и предметного значения. I класс: *подражатель*, *истязатель*, *наниматель* (лицо), *отражатель*, *размыкатель* (предмет); IV класс: *избавитель*, *составитель*, *усыновитель* (лицо); *опылитель*, *исправитель*, *рыхлитель* (предмет).

Особый интерес представляют основы глаголов III продуктивного класса с суфф. *-ова.-*

До советского периода показателем личного значения производного существительного мог быть суфф. *-ова-* производящей глагольной основы, так как названия предметов от таких основ не производились. Правда, названий лиц от основ с этим суффиксом было не так много, но все же они были: *требователь*, *жертвователь*, *действователь*, *следователь*, *преследователь*, *последователь*, *преобразователь* и некот. др. В наши же дни свободно возникают слова с предметным значением от основ на *-ова-* или путем переноса значения (*преобразователь*) или, чаще, непосредственно от глагольных основ на *-ова-*: *валкователь*, *кантователь*, *корчеватель*, *обогреватель* и др. Что касается глагольных основ с другими суффиксами, то они не влияют на личное или предметное значение существительных.

Таким образом, и класс производящих глаголов теперь никаких указаний на личное или предметное значение образований с *-тель* не дает.

3) Переходность и непереходность основы производящего глагола.

---

[6] Ср. шутливое образование нашего времени от непродуктивного глагола *орать — оратель*.

[7] Классификация дана по кн.: «Грамматика русского языка», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 532.

В литературе существуют указания, что переходность и непереходность производящего глагола не безразлична в отношении личного или предметного значения производных существительных.

«В профессиональных терминах на *-тель*, обозначающих приборы, инструменты, приспособления, предназначенные для какого-нибудь действия, значение активного производителя действия подчеркнуто резче, чем в обозначениях лиц, образованных с помощью тех же суффиксов. По-видимому, это объясняется тем, что термины орудий действия образуются только от основ переходных глаголов (например: *выбрасыватель*, *загуститель*, *предупредитель*, *уравнитель* и т. п.), между тем как названия лиц могут быть произведены и, во всяком случае, производились ранее от основ непереходных глаголов (ср.: *странствователь*, *благотворитель*, *соревнователь*, *заседатель*, *обитатель*, *мореплаватель*, *председатель* и т. п.)» [8].

Если бы указанное различие закрепилось в языке, то следовало бы говорить о двух разновидностях типа с суфф. *-тель*: а) от основ переходных глаголов — со значением лица и предмета; б) от основ непереходных глаголов — со значением только лица. Тогда можно было бы говорить о маркированности образований от основ непереходных глаголов (только лицо).

Однако в наше время это различие стирается, во-первых, потому, что от непереходных глаголов образования на *-тель* идут на убыль. Так, например, образования с личным значением, как правило, носят окказиональный характер: *ворчатель*, *наплеватель*, *негодователь*, *поддакиватель*, *помогатель* и т. п. Во-вторых, различие в возможностях производства существительных личного и предметного значения стирается потому, что среди новообразований предметного значения встречаются соотносительные с непереходными глаголами, например: *петлитель*: Однониточная цепная строчка образуется вращающимся *петлителем* (Путеводитель ВДНХ, Текстиль и легкая промышленность).

Кроме того, встречаются предметные существительные, связанные как с производящими основами с прилагательными и существительными, созданными по типу образований от непереходных глаголов: *дождеватель* (ср.: *дождевание*, *дождевальная машина*).

И наконец, пополняется ряд существительных личного и предметного значения, соотносительных с возвратными глаголами:

... Кто думал, что *соревнователи* [соревнующиеся] в поля выйдут. А вышли (П. Никитин, Степняки, 1949); С десятским теперь сносились только *ручатели*, те, кто брал под свой надзор одного или двух воспитанников (В. Кожевников, Заре навстречу, 1956); *Растекатель* — устройство, служащее для обеспечения растека-

[8] В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.— Л., 1947, стр. 94—95; см. также: Г. Б. Липпкес. Образование имен существительных с суффиксами активного действия в современном русском языке. Канд. дисс. М., 1954, стр. 286—287.

ния потока в плане (Сборники рекомендуемых терминов, 1955); Лопаточный *завихритель* — устройство, имеющее пластины, установленные под углом к направлению потока, служащее для организации процесса сгорания (Сборники рекомендуемых терминов, 1954).

4) Вид основы производящего глагола (совершенный или несовершенный).

В современных словарях существительных на *-тель* от глаголов несов. вида несколько больше, чем от глаголов сов. вида, но в новообразованиях в настоящее время расширяется использование основ глаголов сов. вида, так как имена существительные личные от глаголов несов. вида обозначают преимущественно лицо по профессии, т. е. по постоянному действию, а образования от глаголов сов. вида не имеют такого ограничения в семантике [9]. Таким образом, вид производящего глагола сказывается на различных оттенках личного значения, но на разграничении личного и предметного значения не сказывается. Существительные предметного значения широко образуются как от основ сов. вида, так и от основ несов. вида. По значению же предметные существительные всегда связаны с несов. видом глагола, даже если есть параллельные образования: *разравнитель — разравниватель*, *облучитель — облучатель*, *уловитель — улавливатель*, *протравитель — протравливатель* и под.

Таким образом, различные свойства производящих глагольных основ (семантика, структура основ, вид глагола, переходность или непереходность) в очень незначительной степени влияют на личное или предметное значение производных существительных с суфф. *-тель*. Напротив, влияние тех или иных свойств производящих основ, которое отмечалось в предшествующий период, постепенно стирается, нивелируется, сходит на нет. Это объясняется очень глубокой общей языковой тенденцией — тенденцией развития предметных значений в отглагольных существительных муж. р. вообще, и в существительных с суфф. *-тель* в частности.

120. Предположительно история существительных с суфф. *-тель* может быть представлена так.

В древнейшую пору русского языка были заимствованы из старославянского языка некоторые слова с суфф. *-тель*, которые обозначали лицо действующее, и, употребляясь первоначально только в книжном языке, отличались ярко выраженной стилистической окраской. Со временем количество подобных слов увеличивалось, суфф. *-тель* стал соединяться и с исконно русскими основами, и в XVII в. утверждается тип для образования подобных существительных [10], а в XVIII и XIX веках появляется уже огромное количество новых образований с суфф. *-тель*. Многие из этих слов входят в широкое употребление и теряют свою стилистическую окраску книжного и высокого стиля, как, впрочем, и самые реалии становятся более распространенными и теряют свою исключительность (ср. *учитель*).

[9] См.: Г. Б. Липкес. Указ. соч., стр. 312—314.

[10] См.: В. Л. Воронцова. Образование существительных с суффиксом *-тель* в древнерусском языке. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. V, 1954.

Некоторые из этих слов начинают применяться в переносных употреблениях: с одной стороны, для обозначения деятеля вообще, чему весьма способствовала стилистическая окраска слов данного типа; с другой стороны, в связи с развитием производства и техники, для обозначения механизмов, выполняющих определенную работу. Вслед за этим расширяется и значение типа. В XIX в. он обозначает деятеля вообще, а в качестве частных значений, устанавливаемых в словарном порядке, выступают значения лица и механизма, которые иногда сталкиваются в одной основе. Затем механизм, машина, заменяющие труд человека, обобщаются до значения орудия, — а орудием в руках человека может быть не только механизм, но и другие предметы, например, вещества особого назначения,— и появляется значительное количество слов, обозначающих различные вещества, используемые человеком в производственной деятельности.

Среди слов со значением лица, относящихся к этому типу, происходят различные частные изменения. Так, одни из них устаревают и выходят из употребления: *веятель*, *воитель*, *заимодатель*, *мздодатель*, *наустителъ*, *попуститель*, *предстатель*, *радетель*, *рачитель* и т. п. Другие утрачивают непосредственную связь с глаголом как с производящей основой, поскольку соответствующие глаголы либо вовсе вышли из употребления, либо стали малоупотребительными; таковы, например, *властитель*, *настоятель*, *неприятель*, *попечитель*, *приискатель*, *приятель*, *ревнитель*, *следователь* и др.

Указанные процессы до некоторой степени ослабляют удельный вес значения лица в данной модели со значением деятеля, поскольку в словах со значением орудия, вероятно, как в более молодых, подобные процессы не происходят. Однако количество слов со значением лица в современном русском языке все же превышает количество слов со значением орудия, и полагать, что первые могут в скором времени исчезнуть, нет никаких оснований.

121. В наше время тип этот по-прежнему продуктивен и обозначает деятеля. Названия лиц как создавались по нему, так и продолжают создаваться, например: *озеленитель*, *освоитель*, *осушитель*, *ороситель*, *оформитель* (ср. в сложных словах — *трудоустроитель*) и др. Как и раньше, они зачастую возникают окказионально: *ниспровергатель*, *опровергатель*, *осуществитель*, *отображатель*, *распекатель*, *распутыватель*, *ухаживатель*, *списыватель*, *коротатель* (вечеров), *хвалитель*, *напоминатель* и т. п. Например:

Мне кажется, что я только *называтель* вещей. Даже не художник, а просто какой-то аптекарь, *завертыватель* порошков, *скатыватель* пилюль (Ю. Олеша, Ни дня без строчки); Для большевиков борьба осложнялась близостью границ, за которыми сидели англичане, верховные покровители и *науськиватели* басмачей (Л. Соловьев, Из книги юности).

Однако в соотношении частных значений произошел все же определенный сдвиг в сторону сокращения новообразований со значением лица (особенно лица по профессии) [11] и расширения количества новообразований со значением орудия (механизма и вещества). И это вполне объяснимо: стремясь облегчить свой труд, совершенствуя производственные процессы, человек перекладывает

[11] Ср., например, замену слова *летатель*, созданного в начале XX в., словом *летчик* — «Русский *летатель* г. Попов летает на аэроплане Райт» («Летание», 1910, № 1).

на орудия все большее количество разнообразных действий и функций. Но до поры до времени это всего лишь количественные изменения, которые не переходят еще в качественные, т. е. не изменяют общего значения типа, не создают заметных изменений в системе словообразования, хотя, возможно, и ведут к ним.

122. Активизация предметного значения в новообразованиях на *-тель* приводит к тому, что они начинают производиться и от тех основ, от которых прежде возможны были только названия лиц (см. выше). Обилие новых существительных предметного значения с суфф. *-тель* приводит к развитию новых оттенков предметного значения, не свойственных словам на *-тель* прежде, например, значения помещения или учреждения: *распределитель*, *вытрезвитель*.

Появляется еще один новый оттенок предметного значения, который можно было бы назвать значением содействующего орудия, т. е. орудия, не выполняющего действие, названное производящим глаголом, а способствующего выполнению его другими орудиями и устройствами, например *обтекатель*, *растекатель* — ‘приспособление или вещество, способствующее обтеканию и растеканию’.

Обтекатель втулки рабочего колеса — часть втулки, способствующая плавному выходу потока из рабочего колеса (Сборники рекомендуемых терминов, 1953); С двух сторон ракеты устанавливаются закрытые специальными *обтекателями* мортиры («Огонек», 1957, № 23).

Это стало возможным потому, что значение предмета-орудия получило в существительных на *-тель* значительный перевес над другими значениями, а также потому, что многие названия орудий могут получать истолкование не как предмет действующий, а как предмет, с помощью которого производится действие (и соответственно соотноситься как с ближайшим производящим с отглагольными существительным *обтекатель* ← *обтекание*).

А отсюда недалеко и до того, чтобы существительные на *-тель* производились непосредственно от имен существительных и прилагательных, например: *дождеватель*, *кротователь*, *вспомогатель* и др.

Митя Андреев пришел на наш участок после армии. Худощавый паренек, самый молодой в нашем коллективе. Доставляет он лес и материалы в забои. Его профессия называется «вспомога́тельной» ...— Кто пойдет сегодня подавать лес в пятнадцатый блок? — спрашиваю я *«вспомогателей»* в начале смены («Комс. пр.», 3 сент. 1965).

С активизацией предметного значения связано и заметное увеличение сложных существительных на *-тель*, возникающих на базе переходного глагола и прямого объекта при нем (*канавокопатель*, *сенокопатель*) и реже — непереходного глагола с обстоятельством (*громкоговоритель*): *нитеводитель*, *коксовыталкиватель*, *шумоглушитель*, *комкодавитель*, *вододелитель*, *волокно-*, *кристалло-*,

перо-, резце-, стеклодержатель, маслоизготовитель, соломоизмельчитель, канаво-, колодце-, кювето-, траншеекопатель, соломокопнитель, узловязатель, чушкоматель, стогометатель, соломонабиватель, номеронабиратель, нитенаправитель, битумо-, шпаклеванагнетатель, теплоноситель, валко-, комплексо-, паро-, стогообразователь, вагоноопрокидыватель, крове-, молоко-, пухо-, рельсоочиститель, пыле-, растениепитатель, воздухоперегреватель, шумоподавитель, водо-, воздухоподогреватель, токопрерыватель, пастоприготовитель, кипоразбиватель, жиже-, навозо-, пескоразбрасыватель, льдо- (ледо)скалыватель, асфальто-, растворо-, резиносмеситель, посудосушитель, почвоуглубитель, каплеудалитель, путеуказатель, ходоуменьшитель и т. п.

Ср. шутливые, окказиональные:

Хозяева телефирмы широко рекламируют... новое... усовершенствование под названием «*храпоуловитель*» («За рубежом», 1962, № 1); Стихи хотя и не вполне...| Но автор не пустой мечтатель| он побывал на целине. |И создал там *стихометатель* (В. Демьянов, Об одном сборнике, эпиграмма).

Сложные слова личного значения малочисленны по сравнению с предметными и более однообразны в отношении вторых частей, например: *рекламодатель, наймодатель, патентообладатель, копьеметатель, станко-, комбайно-, тракторо-, турбиностроитель, долгожитель, самозаготовитель, горовосходитель, трудоустроитель.*

Интенсификацию предметного значения в образованиях с суфф. *-тель* можно подтвердить (или проиллюстрировать) следующими данными из Вопросника по словообразованию.

Предложены были 20 существительных на *-тель*:

расклеиватель, крошитель, загуститель, расщепитель, уплотнитель, поддуватель, черпатель, испаритель, гаситель, рыхлитель, посыпатель, проминатель, зумзумитель, свинцеватель, ворсователь, известкователь, пастеризователь, селитрователь, силосователь, спиртователь.

Из этих слов только пять (*загуститель, уплотнитель, испаритель, гаситель, рыхлитель*) представляют реальные слова, зафиксированные толковыми словарями. Остальные же произведены составителями по их образцу, а слово *зумзумитель* образовано даже от вымышленной основы.

Отвечающим предлагалось указать, какие из этих слов могут обозначать лицо, предмет или лицо и предмет.

На этот вопрос получено 55115 ответов. Из них на лицо указывает 4041 (7,33%), на предмет — 35537 (64,48%), на лицо и предмет — 15537 (28,19%). Как видим, преимущественное большинство ответов падает на предмет. Массовость ответов на данный вопрос позволяет утверждать, что предметное значение в образованиях с суфф. *-тель* в настоящее время значительно сильнее личного.

По возрастным группам эти ответы распределились следующим образом (см. табл. 7):

Таблица 7

№ п/п	Возрастная группа	Лицо	Предмет	Лицо и предмет	Всего
I	1880—1899	273	1905	1113	3291
II	1900—1919	459	4173	2185	6817
III	1920—1939	1386	14257	6156	21799
IV	1940 и выше	1923	15202	6083	23208
	Итого:	4041	35537	15537	55115

Можно заметить, что в ответах всех возрастных групп количество указаний на предметное значение во много раз превышает количество личных и лично-предметных значений, даже если сложить вместе количество личных и лично-предметных значений. Это свидетельствует о том, что образования с суфф. *-тель* воспринимаются всеми нашими современниками прежде всего как названия предметные.

Ввиду того, что общее количество ответов по разным возрастным группам различно, хронологические сопоставления провести удобнее в процентных отношениях (см. табл. 8).

Таблица 8

Возрастная группа	Лицо	Предмет	Лицо и предмет
I	8,30	57,88	33,82
II	6,73	61,22	32,05
III	6,73	65,40	28,24
IV	8,29	65,50	26,21

Растущее количество предметных значений явно свидетельствует о растущем удельном весе значения предметности в образованиях с суфф. *-тель*. Поэтому-то чем моложе отвечающие, тем больше процент ответов, указывающих на предметное значение слова.

Если по этим данным судить о темпах нарастания предметных значений, то надо сказать, что они постепенно снижаются, что, вероятно, объясняется тем, что активизируются другие суффиксы с предметным значением.

Замедление роста предметных значений можно установить, если рассмотреть процент предметных значений по отдельным словам у разных возрастных групп (см. табл. 9).

Таблица 9

	Возрастная группа			
	I	II	III	IV
расклеиватель	9,58	9,70 (+)	11,90 (+)	14,30 (+)
крошитель	39,65	47,77 (+)	52,63 (+)	58,96 (+)
загустительь	86,17	84,33 (—)	88,55 (+)	86,13 (—)
расщепитель	79,76	77,81 (—)	81,52 (+)	81,28 (—)
уплотнитель	75,74	77,12 (+)	78,81 (+)	76,71 (—)
поддуватель	78,44	74,51 (—)	78,28 (+)	80,45 (+)
черпатель	44,31	48,31 (+)	55,75 (+)	65,73 (+)
испаритель	96,45	95,83 (—)	95,26 (—)	96,15 (+)
гаситель	53,57	55,06 (+)	63,08 (+)	57,89 (—)
рыхлитель	60,81	65,93 (+)	65,41 (—)	58,91 (—)
посыпатель	47,31	47,73 (+)	48,61 (+)	48,71 (+)
проминатель	63,46	67,87 (+)	75,07 (+)	75,53 (+)
зумзумитель	90,53	92,82 (+)	92,13 (—)	89,87 (—)
свинцеватель	63,87	62,16 (—)	67,03 (+)	73,12 (+)
ворсователь	55,35	61,75 (+)	64,12 (+)	64,12 (+)
известкователь	54,29	60,06 (+)	68,21 (+)	62,58 (—)
пастеризователь . . .	43,89	52,48 (+)	60,22 (+)	63,62 (+)
селитрователь	55,03	64,31 (+)	69,41 (+)	71,16 (+)
силосователь	31,49	39,71 (+)	47,53 (+)	45,18 (—)
спиртователь	46,51	52,10 (+)	55,05 (+)	50,30 (—)

Из табл. 9 видно, что каков бы ни был удельный вес предметного значения по отдельным словам, но из возраста в возраст количество предметных оценок слов, как правило, возрастает (+). Однако в некоторых случаях наблюдается и понижение (—). Соотношение таких понижений по возрастным группам (2-я, 3-я, 4-я) тоже косвенно свидетельствует о замедленности роста предметных значений в образованиях с суфф. *-тель*. Однако рост предметных значений в образованиях с суфф. *-тель* не прекращается. В этом можно убедиться, сопоставив количество отглагольных образований предметного характера с различными суффиксами.

Отвечающим предложено было образовать названия приспособлений, механизмов от глаголов *сушить*, *выжимать*, *обшивать*, *цедить*, *мешать*, *сажать*, *сбивать*, *фасовать*, *вязать*, *резать*, *мять*, *маркировать*, *дробить*, *штемпелевать*, *шинковать*, *обрубать*, *обтягивать*, *очищать* (всего 18 слов).

Из общего количества ответов 38 857 на образования с различными суффиксами приходятся количества, указанные в табл. 10.

Как видим, образования с суфф. *-тель* занимают второе место, уступая в этом отношении только суфф. *-лка*. Сопоставив различ-

Таблица 10

Суффикс	Количество образований	Количество образований, %	Суффикс	Количество образований	Количество образований, %
-лка	21690	55,82	*-льщик*	706	1,81
-тель	8622	22,19	*-льник*	655	1,69
-(ов)ка	4407	11,35	*-ник*	226	0,58
-(ов)щик	1508	3,88	Другие	1043	2,68

ные суффиксальные образования по возрастным группам, можно выяснить тенденции в развитии тех или иных образований (см. табл. 11).

Таблица 11

Возрастная группа	*-лка*	*-тель*	*-(ов)ка*	*-(ов)щик*	*-льщик*	*-льник*	*-ник*	Другие ответы
I	64,73	11,82	10,55	4,96	2,83	0,83	0,80	3,46
II	61,83	14,15	12,79	4,77	1,93	0,77	0,63	3,13
III	57,64	21,67	11,84	2,92	1,19	1,16	0,45	3,13
IV	50,81	26,80	10,54	4,36	2,23	2,61	0,66	2,00

Сохраняются в общем порядковые места отдельных аффиксов по общему количеству слов, но совершенно ясно, что последовательно падает количество образований с суфф. *-лка* (наиболее многочисленных) и последовательно возрастает доля образований на *-тель* (занимающих второе место по общему количеству).

Подводя итоги, можно сказать об образованиях с суфф. *-тель* следующее: стимулируемые социальными причинами изменения в соотношении личного и предметного значений в образованиях с суфф. *-тель*, а именно, рост существительных с предметным значением, привели к расширению частных оттенков предметного значения (вещества, помещения, содействующего орудия), к активизации образования сложных слов и к зарождению возможностей образования существительных с суфф. *-тель* от основ отглагольных существительных и прилагательных, а также к проникновению некоторых префиксов в образования с суфф. *-тель*: *антиобледенитель*, *противостаритель* и под.

123. Самый молодой суффикс лица, сочетающийся только с глагольными основами, *-льщик* [12], весьма продуктивен и успешно распространяется в производственно-технических названиях профессий, заменяя и вытесняя в некоторых случаях другие суффиксы. Ср. современные: *сеяльщик*, *купальщик*, *плющильщик* вместо более старых: *сеятель*, *купальник*, *плющильник* и под. И этот молодой суффикс тоже начинает использоваться в названиях предметов:

Лущильщиков и дисковых борон потребуется 3600 шт. («Сельскохоз. жизнь», 1930, № 4); В бухтах, где раньше лишь птицы гнездились, стоят на якорях *морозильщики*, транспортные суда, танкеры и плавучие базы («Пр.», 5 янв. 1960). Ср. также: автомат-*стиральщик*.

124. Анализ существительных муж. р. с рассмотренными суффиксами вызывает некоторые затруднения при разграничении отглагольных и отыменных существительных.

Споры в литературе ведутся в основном о производящей основе для существительных на *-щик*, соотносящихся по значению и по основе как с глаголами, так и с отглагольными существительными. Однако этот вопрос может относиться и к другим суффиксам (например, к суфф. *-ник*), которые в отличие от суфф. *-тель*, *-льник*, *-льщик* присоединяются к глагольной основе без тематических суффиксов, связанных с видовыми и другими глагольными различиями.

Существительные с подобными суффиксами (*-щик*, *-ник*, *-ец*, *-ак* и др.), независимо от их реального происхождения и ближайшего семантического сопоставления, приходится разделить на отыменные и отглагольные по исходной основе, потому что судьба их семантического и словообразовательного развития зависит именно от такого деления.

1) Отыменные — это те, которые имеют производящую основу непроцессуального значения (образованные от существительных неглагольного происхождения и прилагательных): *табельщик*, *текстильщик*, *кроватчик*, *электронщик*, *повременщик*, *сухопутчик*, *реактивщик*, *школьник*, *топорник*, *атомник*; *силач*; *счастливец*; *толстяк* и т. п.

2) Отглагольные — это те, которые имеют производящую основу процессуального значения (образованные от глаголов и отглагольных существительных): *асфальтировщик*, *выборщик*, *гонщик*, *зажимщик*, *калибровщик*, *лакировщик*, *метчик*, *наладчик*; *изменник*, *клеветник*, *проводник*; *пускач*; *выходец* и. т. п.

Развитие предметных значений связано с этим, последним разрядом.

125. Тенденцию развития предметных значений в отглагольных существительных муж. р. особенно наглядно подтверждает история развития значений существительных с суфф. *-щик* (*-чик*),

[12] Первые слова с этим суффиксом появились только в XVI в.

интенсивно расширяющихся в сфере производственно-технических наименований лиц, поскольку она вошла в новую фазу в наше время [13].

Развиваясь и активизируясь, особенно в соединении с глагольными основами, суфф. *-щик* неизбежно следует общей тенденции к расширению словообразовательного значения конкретных отглагольных существительных муж. р. Предметное значение начинает развиваться в этих образованиях в наше время, они представляют начальную ступень этого развития, поэтому, рассматривая современное употребление существительных с данным суффиксом, можно получить представление о том, как же происходит изменение в значении личных существительных и возникают существительные с предметным значением.

Вначале такой переход осуществляется в отдельных словах, которые употребляются в переносном значении и, как правило, сопровождаются словами, указывающими своим лексическим значением на состоявшийся перенос значения. Простейшими из таких слов-сопроводителей являются существительные *машина*, *автомат* или какие-либо другие, обозначающие уже известный механизм, машину, предмет, например: *автомат-газорезчик*, *машина-поломойщик*, *механизм-сегментоукладчик*, *самолет-буксировщик*, *истребитель-перехватчик*, *катки-утрамбовщики*, *зернопульт-зернопогрузчик*, *экскаватор-планировщик*, *грузчики-тельферы*, *автомобили-уборщики*, *робот-сварщик* и др.

Медленно, развернутым строем ползет по полосе кавалькада *автомобилей-уборщиков* («Наука и жизнь», 1965, № 8); Универсальный *экскаватор-планировщик* «Э-4010» создан кременчужцами («Комс. пр.», 24 авг. 1965); Ну, а если все-таки в один из отсеков попадает метеорит, то в ликвидации аварии космонавтам поможет механический *робот-сварщик* («Техн.— мол.», 1964, № 11); Это новые уличные *машины-«чистильщики»*, появившиеся в Лондоне («Техн.— мол. », 1965, № 6).

---

[13] Суффиксы *-щик* и *-чик* следует считать вариантами одного суффикса, поскольку значение существительных с этими суффиксами однотипно и встречаются они при разных в структурном отношении типах основ. Основным вариантом следует признать суфф. *-щик*, не только потому, что он встречается в большинстве позиций, но и потому, что в тех же позициях возможен суфф. *-чик* с иным, уменьшительным значением: *стаканщик — стаканчик*. Вариант *-чик* выступает после фонем *т* и *д*, которым не предшествует иной согласный (обычно сонорный): *разведчик*, *плакатчик*, *летчик*, *наводчик*. Ср.: *флейтщик*, *комплиментщик*, *позументщик*, *процентщик*, *завертщик*, *алиментщик*, *комплектщик* и под. Что касается таких слов, как *разносчик*, *извозчик*, то сочетания *сч* и *зч* в какой-то мере являются орфографическими, поскольку звучит здесь *щ* т. е. [ш']: которое звучало бы и в том случае, если бы писали *сщ* и *зщ* (дополнительной долготы *ш* здесь не было бы). Подтверждением того, что данные суффиксы являются вариантами одного суффикса, могут служить слова с$_1$ суфф. *-щина — -чина*, в которых наблюдаются те же закономерности: *деревенщина*, *обломовщина*, *интеллигентщина*, но *солдатчина*, *складчина* и под.

Конечно, многие из этих сопроводителей являются не только указателями на предметное значение, но и полноценными словами, характеризующими предмет со стороны каких-либо свойств.

Более часто в качестве указателей предметного значения используются прилагательные (в том числе и аналитические): *автоматический* (*авто-*), *электрический* (*электро-*), *механический*, *радио-*, *теле-* и др., например: *автоматический загрузчик*, *автоматический податчик*, *автоматический счетчик*; *автозагрузчик*, *автозаправщик*, *автопогрузчик*, *автопрокладчик*, *автоуборщик*, *автосъемщик* и т. п. [14] Примеры употребления этих слов:

Сконструированы *автопогрузчик*, автоводитель — приборы, которые ведут комбайн по полю, автоматически меняя скорость и выдерживая нужное направление («Здоровье», 1961, № 5); Но уже первые опыты показали, что внедрение *автоматических срезчиков* — значительный вклад новатора в механизацию производства («Моск. стр.», 19 дек. 1956); Но вот ведь сделали связисты чудесные *автоматические*, и, заметьте, бесплатные *ответчики* — «погода сегодня» и «точное время» («Изв.», 18 авг. 1965).

Реже используются другие сопроводители: *механический грузчик*, *механический уборщик*, *самоходный погрузчик*, *электрический грузчик*, *электрогрузчик*, *радиопередатчик* и т. п. Обычно такие сопроводители употребляются тогда, когда слово уже использовалось прежде для обозначения лица, а не создается заново, т. е. когда предполагается переносное значение, как в словах *грузчик*, *уборщик*, *съемщик* и др. В дальнейшем существительные, обозначающие предмет, могут употребляться уже и без таких сопроводителей:

Автопогрузчик вез поддон, уставленный ящиками самой разной величины... А *погрузчик* и не думал разворачиваться... Вдоль стены ехал *погрузчик*, снявший с полозьев очередной поддон («Техн. — мол.», 1964, № 11).

Но существительные предметного значения с суфф. *-щик* возникают уже и независимо от наличия соответствующих слов со значением лица. Очень широко при этом, как и с суфф. *-тель*, используется основосложение. В первой части таких сложных слов обычно выступает основа существительного, обозначающего предмет воздействия, например: *асфальтоукладчик*, *бетоноукладчик*, *блокоукладчик*, *кабелеукладчик*, *кипоукладчик*, *путеукладчик*, *трубоукладчик*, *штабелеукладчик*, *сегментоукладчик*; *навозопогрузчик*, *снегопогрузчик*, *зернопогрузчик*; *сеноуборщик*, *снегоуборщик*; *водозаправщик*, *бензозаправщик*, *топливозаправщик*; *влагоотводчик*, *водоотводчик*; *грозоотметчик*; *углеподатчик*; *кормораздатчик*; *буртоукрывщик*; *рельсошлифовщик* и т. п. Нетрудно заметить, что большинство таких слов обозначает механизмы, освобождающие человека от тяжелых трудоемких работ.

Применение существительных на *-щик* по отношению к предметам отнюдь не ограничивается только случаями переносного упот-

[14] Об аналитических прилагательных см. IV, § 73—88.

ребления личных существительных и сложными словами. Не один десяток простых слов широко применяется для называния предметов без всякого сопровождения какими-либо словами, лексически указывающими на предметное значение данного существительного. Можно назвать следующие машины и механизмы, имеющие более или менее широкое распространение: *бомбардировщик*, *буксировщик*, *выемщик*, *датчик*, *доводчик*, *жатчик*, *загрузчик*, *зондировщик*, *корректировщик*, *маневровщик*, *отвальщик*, *отломщик*, *отметчик*, *переборщик*, *передатчик*, *перезарядчик*, *перехватчик*, *пикировщик*, *писчик*, *планировщик*, *погрузчик*, *податчик*, *подборщик*, *прокосчик*, *пропольщик*, *разгрузчик*, *срезчик*, *счетчик*, *тральщик*, *трелевщик*, *укладчик* и т. п. При этом, как видно из перечня, большинство этих существительных не является результатом переносного употребления существительных личного значения, а возникло непосредственно с предметным значением. Это дает право говорить об уже состоявшемся расширении значения словообразовательного типа (отглагольное существительное с суфф. *-щик*) до значения деятеля в широком смысле слова с возможными частными значениями лица и предмета. Некоторые иллюстрации употребления подобных слов:

Сабуров взглянул вверх и увидел... двухфюзеляжный артиллерийский *корректировщик* «Фокке-Вульф»» (К. Симонов, Дни и ночи, 1946); Деловито сновал взад и вперед, подавая отрывистые сигналы-гудки, *маневровщик* (П. Прудковский, По волчьему следу, 1950); Этот «поворотный *отломщик*» был изготовлен для нас на предприятиях Луганского совнархоза («Работница», 1959, № 10); Вслед за этой машиной по полю идет картофелекопатель с прицепным *переборщиком* («Сельск. жизнь», 22 сент. 1962); В этом году будут установлены механизированные ножницы, *штабелировщик* и сбрасыватель, что еще больше увеличит выпуск проката («Пром.-экон. газ.», 16 мая 1956).

Нет ни одного слова с предметным значением, образованного непосредственно от именной основы с помощью *суфф. -щик*. Это бесспорно свидетельствует о том, что тенденция семантического развития суффиксальных образований муж. р. характерна именно для отглагольных образований.

Соотношение личного и предметного значения в отглагольных существительных муж. р. XIX в. см. в табл. 12.

Эти же соотношения в середине XX в. см. в табл. 13.

Итак, в отглагольных образованиях с различными суффиксами, как правило, всегда возможно использование основ одной и той же структуры как для названия лица, так и для названия предмета. Отсюда можно сделать вывод, что словообразовательным значением большинства этих основ является значение деятеля. А на фоне этого общего значения происходит борьба частных значений, по преимуществу значений лица и предмета. Значение лица является, видимо, первичным, а значение предмета — производным, вторичным.

Таблица 12

Продуктивность	Значение		
	Только лицо	Лицо и предмет	Только предмет
Продуктивные	*-льщик* * *-щик*	*-тель*	
Малопродуктивные		*-ла, -ло* *-ун -льник* *-унок -ник* *-ыш*	
Непродуктивные	*-л- лец* *-(а)ль* *-арь, -ан*	*-ец -ач* *-енец -ак* *-а́рь -ок*	

* Степень продвинутости каждого суффикса слева направо показывает, в какой мере этот суффикс способен передавать значение лица или предмета.

Таблица 13

Продуктивность	Значение		
	Только лицо	Лицо и предмет	Только предмет
Продуктивные	*-льщик* * *-щик*		*-тель*
Малопродуктивные		*-ла, -ло* *-ун -льник* *-унок -ник* *-ыш*	
Непродуктивные	*-л- -лец* *-(а)ль* *-арь,- ан*	*-ец -ач* *-енец -ак* *-а́рь -ок*	

* См. примечание к предыдущей таблице.

Таким образом, если отглагольные производные во всех случаях могут использоваться и для личного (основного) и для предметного (производного) значения, то отыменные производные в ряде случаев специализированы только на одном: личном или предметном [15].

Именно потому, что разные структуры производных основ поразному относятся к выражению личного и предметного значения, вопрос о личном и предметном значении в существительных муж. р. является существенным для словообразовательной системы русского языка.

126. Подведем итоги вышеизложенному. В XIX в. были такие типы отглагольных существительных.

1. С суфф. *-льник*. Большая часть их имела значение предмета, однако образовывались новые слова и со значением лица. Эта малочисленная группа существительных не давала возможности судить о путях изменения значения отглагольных существительных.

2. С суфф. *-тель* от переходных глаголов и от непереходных глаголов на *-овать*. Они имели значение только лица: движения этой модели в XIX в. не было заметно.

3. С суфф. *-тель* от непереходных глаголов; такие существительные могли иметь и значение лица и значение предмета.

4. С суфф. *-ун*, *-лец*, *-ль*, *-л*. Все они были непродуктивны и находились вне живых словообразовательных процессов.

5. С суфф. *-льщик* (только со значением лица).

6. С суфф. *-щик* (только со значением лица).

Из соотношения этих типов нельзя сделать вывод о закономерностях развития существительных с личным значением. Слишком разрозненны эти типы, слишком много случайного в их соотношениях. Они еще не выявили себя, не определились в своей общности.

127. В XX в. в языке протекали следующие изменения, связанные с той же группой существительных:

1. С суфф. *-льник* образуются новые слова, имеющие значение только предмета, а не лица.

2. С суфф. *-тель* от непереходных глаголов и от глаголов на *-овать* теперь создаются слова и со значением предмета, а не только лица.

---

[15] Что касается существительных жен. р. с личным значением, то они, как правило, не расширяют своего словообразовательного значения; если и имеются типы существительных жен. р., объединяющие значение лица и предмета (*-лка*, *-ница*, *-ка*), то там к этому приводят иные процессы и закономерности, но не расширение словообразовательного значения личных существительных.

Можно указать две основные причины, ставящие существительные муж. р. в особое положение и облегчающие расширение личного значения до значения деятеля вообще с частными значениями лица и предмета: 1) немаркированное значение личных существительных муж. р., не указывающее на пол, значительно легче приспособляется к предметному значению, где ни о каком поле не может быть и речи: 2) у существительных муж. р. имеются формальные средства для различения личного и предметного значения в формах вин. п. как в ед. ч., так и во мн. ч. Такого формального различения нет в существительных жен. р. ед. ч.

3. Резко активизируется образование предметных названий, образованных от переходных глаголов с помощью суфф. *-тель*. Появляются новые оттенки значений у слов этого типа, создание обозначений лиц по этой модели сокращается.

4. Суфф. *-щик*, ранее только личный, обретает и предметное значение, причем этот словообразовательный процесс для нашей эпохи особенно нагляден и значителен.

5. Суфф. *-льщик*, ранее только «личный», тоже начинает использоваться и в предметных существительных.

Наше время обнаружило тот внутренний языковой процесс, который был скрытым в XIX в. из-за его неинтенсивности и разобщенности его отдельных незначительных проявлений.

Образование переносных значений, расширение объема значения — естественная языковая тенденция, характерная не только для слов и лексических групп, но и для словообразовательных типов.

Издавна существовало общее устремление названия живого использовать для именования неживого (ср. названия частей механизмов: *головка*, *ручка*, *щеки*, *пальцы* и проч.).

В русском словообразовании эта тенденция обнаруживается в том, что типы отглагольных существительных, имеющие значение лица, постепенно, но неизменно приобретают и значение предмета (орудия и т. п.). Это — общий процесс, охватывающий все существительные указанного типа.

В XIX в., однако, медленное и спорадическое протекание процесса не давало еще основания говорить о нем как о вполне выявленной внутренней тенденции в развитии русской словообразовательной системы. Не было потребности в большом количестве названий орудий, а сравнительно ограниченное число новообразований не требовало широкой мобилизации словообразовательных возможностей, переинтеграции личных моделей в предметные.

XX век — век бурного промышленного развития.

«Велик ли интервал времени в 100 лет? Оказывается, что в энергетическом отношении он чрезвычайно велик. Около 100 лет назад, в 1850 г., из всей энергии, которая находилась в распоряжении человека, 94% приходилось на мускульные усилия человека и домашних животных (15% давали мускулы рабочих и крестьян, 79% — домашних животных) и только 6% энергии вырабатывалось водяными колесами, ветряными мельницами и небольшим количеством паровых машин. Очевидно, что век машин еще только зарождался, механизация находилась в зачаточном состоянии, об автоматизации практически не могло быть и речи.

Эти цифры интересно сопоставить с данными 1952 г. Десять лет назад, в 1952 г., в мировом энергобалансе на долю энергии, выработанной за счет мускульной силы человека и животных, приходился только 1% (против 94% в 1852 г.), остальные 99% были получены: за счет переработки каменного и бурого углей и лигни-

тов — 45,9%, нефти и природного газа — 35,8%, гидроэнергии — 1,4% и древесного топлива — 15,9%» [16].

Особенно бурным было промышленное строительство в Советской России; необходимо было, преодолев былую промышленную отсталость, стать в ряд с технически развитыми странами мира.

Потребовалось огромное количество новых слов, обозначающих орудия, машины, приборы. Этот поток новообразований и дал возможность проявиться ранее затушеванной, еще не вполне сформировавшейся в XIX в. словообразовательной тенденции. В русском языке XIX в. недостаточно фактов, чтобы говорить о существовании указанной тенденции. Послеоктябрьская эпоха в истории русского языка позволяет все типы отглагольных существительных рассматривать как имеющие общее значение деятеля, лица или предмета (механизма, орудия и т. п.); при этом предметное значение всегда новее личного.

В русском языке XX в. всякий продуктивный суффикс отглагольного существительного, имеющий личное значение, в той или иной степени способен передавать и предметное значение. Это очевидно при анализе синхронных отношений словообразовательных типов. В синхронных отношениях ясно и полно кристаллизовалась вполне определившаяся в XX в. общая тенденция развития указанных типов: они расширяют объем своего значения: сначала 'лицо, характеризованное по действию', потом 'лицо или предмет, характеризованные по действию'. Поскольку этот процесс охватывает все словообразовательные типы отглагольных существительных муж. р., можно считать, что в этом языковом изменении отразилось развитие абстрагирующей мысли. Язык, неразрывно связанный с мышлением, постоянно заменяет менее абстрактные значения (и словообразовательные, деривационные, и словоизменительные, реляционные) более абстрактными. История языков показывает, насколько всеобщим является этот процесс.

Описанные изменения — частный случай проявления этого процесса. Интенсивное протекание этого процесса было стимулировано общественными условиями: как говорилось, появлением огромного числа новых механизмов, развитием промышленности. История языка не чуждается таких неожиданных связей: на заводах появилось много новых станков, в полях — много новых сельскохозяйственных машин, в лабораториях — много новых приборов, эта новизна отразилась в языке так, что... увеличилась абстрагирующая способность языка (по крайне мере, некоторых высокоупотребительных и функционально важных словообразовательных типов).

Но рост абстрактности в словообразовании может идти и иными путями. О них сейчас и последует рассказ.

---

[16] А. И. Берг. Кибернетика — наука об оптимальном управлении. М.— Л., 1964, стр. 8.

Превращение маркированных членов противопоставления в немаркированные. 128. Вероятно, ни на одной словообразовательной категории не сказались в такой мере социальные факторы, породившие борьбу различных тенденций в языке и вступившие в сложные взаимоотношения с тенденциями чисто языковыми, в частности словообразовательными, как на словообразовательной категории личных существительных муж. и жен. р. в их отношении к полу лица.

Употребление слов муж. р. в тех случаях, когда речь идет о женщине, не было чуждо языку XIX в., равно как не было чуждо ему и употребление слов жен. р. тогда, когда речь идет о мужчине [17]. Однако слова муж. р., обозначающие профессии, принадлежность к организациям и другие общественные отношения, особенно при наличии или возможности образования коррелятивного слова жен. р., как правило, не могли быть применены к женщине.

В тех сравнительно немногочисленных случаях, когда в данной профессии применялся и женский труд, всегда имелось слово жен. р.: *ткач — ткачиха, учитель — учительница, акушер — акушерка, актер — актриса, писатель — писательница* и т. п. Это дает основание утверждать, что в языке была очень сильная тенденция женщину по профессии всегда характеризовать отдельным словом.

Социальные условия неравенства полов приводили к тому, что женщина далеко не всегда могла заниматься тем, чем занимался мужчина. Узок был круг профессий, доступных женщине в условиях классового общества России XIX в. Естественно, что к большинству слов муж. р., обозначающих профессию, не было параллелей жен. р., потому что самой потребности в них еще не было.

Если же такая потребность окказионально возникала, то иногда использовалось слово муж. р. Например:

Старшая была музыкантша, средняя была замечательный *живописец* (Ф. Достоевский, Идиот); Будущая жена Дуная, бывшая первым *стрелком* в Киеве, отправляется во чисто поле (С. Шашков, Очерк истории русской женщины).

И все же в XIX в. встречаются (правда, нечасто) случаи употребления слов муж. р. со значением профессии, занятия или отношения в применении к лицам женского пола и при наличии или возможности образования слова жен. р.

Так, выдающийся архитектор В. П. Стасов писал в 1822 г. к жене: ... Ничего нет на свете столь почтенного и столь любезного, когда сама мать делается *учителем* и *наставником* детей своих (Е. Д. Стасова, Страницы жизни и борьбы).

Наличие даже единичных случаев употребления слов муж р. в отношении женщин заставляет предположить, что языковые законы не препятствовали возникновению более обобщенного значения у существительных муж. р. И это не прошло мимо внимания такого тонкого наблюдателя, как К. С. Аксаков, который уже в XIX в. указывал, что существительные муж. р. обозначают род вообще, т. е. общее значение лица: «Именем мужского рода, неопределенным по своему значению, обозначается род в о о б щ е (п о р о д а) все о б щ е е значение имени, и также потому что самый пол не выступает ярко, не определяется в имени мужском. Вся определенность, ограниченность, положительность, а вместе и пол, выступает в имени женском» [18].

---

[17] — Я было крикнула,— не оглядывается, не бежать же мне за ней, я не *скороход* (А. Островский, Последняя жертва); Дома я его [Трезора] осмотрел, обмыл его раны — да и думаю: повезу его завтра чуть свет к бабке в Ефремовский уезд. А *бабка* эта — старый мужик, удивительный (И. Тургенев, Собака). Ср. также *синий чулок* или *приказная строка*.

[18] К. С. А к с а к о в. Опыт русской грамматики.— Полн. собр. соч., т. III. Сочинения филологические, ч. II. М., 1880, стр. 66.

Можно отметить целый ряд фактов, указывающих на проявление уже в XIX в. тенденции к обобщению значения слов муж. р. и тем самым косвенно подтверждающих мнение К. С. Аксакова: окончательное утверждение существительных муж. р. для обозначения детенышей (суфф. *-онок*); наличие разрядов слов мн. ч., коррелятивных с существительными муж. р. и не указывающих на пол (см. об этом ниже); местоимение *оба* в применении к мужчине и женщине совместно и т. п. Однако социальные причины — неравенство полов в общественной жизни — не давали развиться этим потенциальным возможностям языка, глушили их [19]. И поэтому значение категории рода в коррелятивных парах муж. и жен. р. ед. ч., обозначающих лицо, для XIX в. можно охарактеризовать в целом как взаимно или обоюдно маркированное: существительное муж. р.— обозначает лицо мужского пола, существительное жен. р. — обозначает лицо женского пола.

Существительные мн. ч. представляли несколько иную картину. Большинство из них сохраняло связь со значением пола соответствующих слов ед. ч.: *ткачи — ткачихи, учителя — учительницы*. Но некоторые разряды их, соотносительные с существительными ед. ч. муж. р., уже в XIX в. не указывали на лиц только мужского пола. Так, например, названия лиц по национальности, местожительству и происхождению во мн. ч. широко применялись к совокупности лиц мужского и женского пола: *французы, якуты, итальянцы, москвичи, парижане, полтавцы, сибиряки* и т. п. Сюда же примыкают обозначения сословий: *дворяне, крестьяне*. Из отдельных слов можно указать на слова *соседи, гости*.

129. Значительные изменения в образовании и употреблении рассматриваемых разрядов слов обнаруживаются в конце XIX и особенно в начале XX в. Конец XIX в. характеризуется развитием женского движения, зарождением высшего женского образования, деятельным участием женщин в революционном движении, а также расширением участия женщины в производстве и культурной жизни. Все это особенно заметно в начале XX в., когда женщина еще более активно и деятельно участвует в революционной борьбе (революция 1905 г.) и когда особенно возрастает применение женского труда в производстве: «В фабрично-заводской промышленности России в 1901 году было уже 26% женщин» [20].

Отмечается количественный рост женского труда, и качественно он становится более разнообразным. Так, например, именно в начале XX в. женщин начинают принимать на работу на железной дороге. В годы первой империалистической войны, когда значительная часть мужчин была призвана в армию, доля женского труда в производстве еще более возрастает: процент женщин в фабрично-заводской промышленности к началу 1917 г. достигает 40.

Расширяются еще в большей мере и области применения женского труда. Так, например, в 1916 г. женщин стали брать кондукторами на трамвай и т. п. Империалистическая война 1914—1918 годов привела к огромному росту женского труда в металлообрабатывающей промышленности, в промышленности пищевых продуктов, на обмундировочных заводах, в конторах, канцеляриях [21].

В связи с этими социальными факторами в конце XIX и особенно в начале XX в. старая языковая тенденция — называть женщину по профессии отдельным словом жен. р.— проявляется довольно интенсивно. Если в этот период женский труд проникал в какую-либо область производственной или общественной жизни, то возникала и потребность назвать женщину в ее новой функции. При возникающих новых потребностях наименования могли исполь-

[19] Конечно, были и некоторые языковые причины, которые мешали осуществляться этим языковым возможностям, но они не имели решающего значения, были преодолимы, о чем свидетельствует дальнейшее развитие соотносительных слов муж. и жен. р., называющих лиц (см. об этом ниже).

[20] «Коммунистка», 1925, № 4, стр. 45.

[21] См.: А. Коллонтай. Работница за год революции. Киев, 1919, стр. 5.

зоваться старые слова жен. р., которые совместно с определениями формировали составные названия (*сестра милосердия*, *классная дама*), но чаще возникали всевозможные аффиксальные образования (*телефонистка*, *телеграфистка*, *авиаторша* и т. п.). Много таких слов возникло в конце XIX — начале XX в.

Конечно, не все новообразования входили в язык сразу и утверждались в нем. Некоторые воспринимались с затруднением или вызывали нарекания [22]. Что касается существительных с суфф. *-ша*, то они широко использовались в нейтральном стиле, не имея того сниженного стилистического оттенка, который они имеют в наши дни, и не смешиваясь с названиями женщин по мужу [23]. Например:

Аэроплан Вуазен, на котором должна была летать де Лярош, на первый день полета стоял еще в ящиках, так как *авиаторшу* ожидали только на третий день полетов («Летание», 1910, № 2); В следующий понедельник, вследствие каких-то причин, пришлось опять ставить «Жизнь за царя», и, конечно, с *гастролершей* («Женск. вестн.», 1908, № 4); К указанным лицам комиссия просит направлять также запросы относительно учительниц, *репетиторш*, переписчиц и лектрис («Женск. вестн.», 1906, № 12); *Юбилярше* был поднесен... сервиз («Женск. вестн.», 1906, № 12); Нет гипноза любви, отсутствует природа, эта гениальная *декораторша* (Л. Достоевская, Адвокатка).

130. Те же сдвиги в общественной жизни, которые давали обильную пищу для активного проявления старой тенденции называть женщину по профессии отдельным словом жен. р., привели к тому, что уже в конце XIX в. и особенно заметно в начале XX в. в языке представителей передовых общественных кругов возникает новая тенденция, возрождающая законсервированные возможности языка,— тенденция употреблять слова муж. р. (ед. ч.), обозначающие человека по профессии, занятию, отношению к чему-либо, применительно не только к мужчинам, но и к женщинам, т. е. начинает реализоваться уже не в единичных случаях то, что потенциально имело место в языке и прежде, но было сковано общественными отношениями классового общества. Так, в отнесении к женщине можно встретить существительные *автор*, *адвокат*, *архитектор*, *заместитель*, *земледелец*, *казначей*, *летатель*, *математик*, *оратор*, *организатор*, *пилот*, *писарь*, *помощник*, *профессор*, *работник*, *редактор*, *секретарь*, *скотовод*, *тюремщик* и т. д.

Такое употребление слов муж. р. еще весьма ограниченно, и не только в количественном отношении. В одних случаях употреблению слов муж р. помогают слова типа в *качестве*, *в должности* и под., в других — сопровождение словом *женщина* или другим лексическим нейтрализатором; в третьих — фразеологичность словосочетания (*доктор прав*) и т. п., например:

...Русские женщины ... делали попытки поступить в *качестве добровольца* в армию («Женск. вестн.», 1904, № 1); Советом присяжных поверенных... принята в адвокатское сословие в *качестве помощника* присяжного поверен-

[22] Ср.: «Зато мы, да и все мыслящие люди, наверное, уже не посетуют на почившего словарника за то, что им не помещены в его труде новоизмышленные речения: *курсистка*, *педагогичка*, *фельдшерица* и другие, образованные зачастую даже в противность законам языка» (М. М. Желтов. И. Я. Павловского русско-немецкий словарь, изд. 2, Рига, 1873—79 [рец.]. «Филол. зап.», 1880, вып. 1, стр. 125). Следует заметить, что образец для возникновения слова *фельдшерица* был, только он стал уже непродуктивным: ср. *пророк — пророчица*, *мастер — мастерица*.

[23] Самые названия женщин по мужу не имели до революции того пренебрежительного оттенка, который они приобрели позднее. Это один из примеров того, как социальные факторы отражаются на стилистической окраске слов.

ного г-жа Бубнова (Там же, 1908, № 10); Обе эти брошюры принадлежат одному и тому же неизвестному — *автору-женщине* (Там же, 1908, № 1); Нельзя не приветствовать отважности первой *женщины-летателя*, баронессы де Лярош («Летание», 1910, № 1);... Я познакомился с его родной сестрой, *женщиной-врачом* Верой Семеновной (А. Чехов, Хорошие люди); *редактор-издательница* М. И. Покровская («Женск. вестн.», 1904, № 1).

131. Синтаксические условия употребления слов муж. р. применительно к женщине несколько расширились, т. е. такие слова в этот период употребляются не только в сказуемом, приложении и обращении (как они употреблялись раньше), но и в позиции второстепенных членов; однако позиция подлежащего возможна для них только при глаголе в формах настоящего времени. Поэтому вопроса о согласовании форм глагола, такого животрепещущего для нашего времени, тогда еще не возникало.

Ограничения в использовании существительных муж. р. применительно к женщине в конце XIX — начале XX в. еще весьма существенны, поэтому говорить об изменениях в самой системе родовых отношений или в словообразовании пока нельзя. Новая тенденция проявлялась и высвобождалась лишь постольку, поскольку происходили изменения в общественном положении женщины, а общественное положение женщины хотя и изменялось, особенно в определенных кругах общества, но в корне, в существе своем еще оставалось прежним, и это сковывало новую, зарождающуюся тенденцию.

132. Существительные в форме мн. ч., как и следовало ожидать, активнее и легче изменяют и приспосабливают свое значение к новым условиям. Это объясняется рядом причин.

Во-первых, причина внеязыковая: все чаще возникала потребность как в быту, так и в общественной жизни называть множество характеризуемых по профессии лиц, состоящее из мужчин и женщин, например: Старшие *телеграфисты* станций: Азовская Гавань — Олимпиада Червякова, Алчевское — Петр Ставинский, Гниловская — Андрей Новкин («Вестн. Екатерининской ж. дороги», 1907, № 2).

Во-вторых, причина языкового характера: сдвиг в значении легче происходил в словах мн. ч. потому, что здесь он по существу был чисто семантическим и не связывался с категорией рода существительных, т. е. облегчался неразграничением форм рода согласуемых глаголов и прилагательных. Все же до революции это расширение значения слов мн. ч. находилось еще в самом начале своего развития.

133. Одним из первых актов Советской власти был акт о предоставлении трудящимся женщинам полного равноправия с мужчинами. Это нашло свое закрепление в первой советской Конституции (1918).

Однако провозглашенное с первых дней Советской власти равенство полов далеко не сразу вошло в быт, и поэтому 20-е годы были для женщины трудными, героическими годами, когда женщина, преодолевая не только трудности быта, но и косность, недоверие окружающих, отстаивала и завоевывала свое право на участие в общественной жизни и на квалифицированную работу на производстве. Существенной помехой последнему было то, что «с окончанием войны и с возвращением большинства мужчин из армии к станку стало наблюдаться массовое вытеснение женщин из производства» [24]. Партии и правительству пришлось положить немало труда и заботы, чтобы осуществить подлинное равенство женщин и мужчин. Именно в этих целях практиковалось, отстаивалось, внедрялось выдвижение женщин на руководящую и квалифициро-

[24] «Коммунистка», 1925, № 4, стр. 45.

ванную работу; был создан институт делегаток — массовое мероприятие, представлявшее собой школу, «где работницы и прочие трудящиеся женщины на практике учатся, как строить новую жизнь» [25].

Новые социальные условия — возможность для женщины применить свой труд в различных областях производства и общественной деятельности — не только интенсифицировали старые слова жен. р. для названия лиц женского пола, но и порождали значительное количество новых слов жен. р. для названий лиц женского пола, и таким образом старая тенденция, по которой для женщин требовалось отдельное название, получила новые возможности для своего выявления.

Прежде всего и заметнее всего расширилось поле общественной деятельности женщин. Поэтому и новообразования 20-х годов относятся преимущественно к общественно-политической лексике.

Наиболее распространенным, соединяющимся с наиболее широким кругом основ, является суфф. *-ка*:

а) корреспондирующий с суфф. *-ец* слов муж. р.: *вузовка*, *выдвиженка*, *комсомолка*, *ленинка*, *лишенка*, *нотовка*, *партийка*, *постройкомовка*, *рабфаковка* и т. п.;

б) присоединяющийся к заимствованным основам на *-ист*: *активистка*, *пропагандистка*;

в) присоединяющийся к заимствованным основам на *-ант*, *-ент*: *агентка*, *аспирантка*, *курсантка*, *практикантка*;

г) присоединяющийся к заимствованным основам на *-р*: *коммунарка*, *кооператорка*, *санитарка*, *секционерка*;

д) присоединяющийся к различным другим заимствованным основам: *инвалидка*, *националка*, *партизанка*, *спортсменка*, *стипендиатка*, *чемпионка* и т. п.;

е) присоединяющийся к русским неаббревиатурным основам: *кулачка*, *кустарка*, *середнячка*;

ж) присоединяющийся к русским аббревиатурным бессуффиксным основам: *далькорка*, *женкорка*, *копкорка*, *нэпманка*, *рабкорка*, *селькорка* и под.

На втором месте по частоте использования стоит суфф. *-ница*:

а) корреспондирующий с суфф. *-ник* муж. р.: *восточница*, *дружинница*, *заочница*, *колхозница* и т. п.;

б) присоединяющийся к основам на *-тель*: *заседательница*, *обследовательница*, *радиослушательница* и под.

Реже используется в новой общественно-политической лексике суфф. *-щица*, корреспондирующий с суфф. *-щик*: *аппаратчица*, *женотдельщица*, *застрельщица*, *коммунальщица*, *прогульщица*, *учкомщица* и др.

Последовательно, хотя далеко не сразу, расширяется и круг профессий и должностей, занимаемых женщинами, особенно на производстве. Однако в названиях профессий и должностей удель-

[25] «Работница», 1927, № 23, стр. 3.

ный вес различных суффиксальных образований несколько иной, что во многом определяется соотносительным существительным муж. р. Так, наибольшее количество названий женских профессий падает на суфф. *-щица*, корреспондирующий с суфф. *-щик*: *вагонщица*, *гвоздильщица*, *грузчица*, *клепальщица*, *крановщица*, *кубовщица*, *лебедчица* и т. п.

На втором месте по частоте использования стоит суфф. *-ница*:

а) корреспондирующий с суфф. *-ник*: *банкоброшница*, *бригадница*, *водница*, *естественница* и т. п. Ср. образования от названий предприятий: *трехгорница*, *треугольница*;

б) присоединяемый к основам муж. р. на *-тель*: *заместительница*, *строительница*.

Суфф. *-ка* используется в этих образованиях несколько у́же, присоединяясь:

а) к основам на *-ист*: *канцеляристка*, *связистка*, *трактористка*, *фордзонистка*, *юристка*;

б) к основам на *-ант*, *-ент*: *консультантка*, *корреспондентка*;

в) к русским и заимствованным основам на *-р*: *контролерка*, *милиционерка*, *санитарка*, *шахтерка*;

г) к другим основам: *пилотка*, *скотоводка*, *сыроварка*, *хлеборобка*.

Кроме того, он корреспондирует с суфф. *-ец*: *нарпитовка*.

Многие новообразования возникали в разном морфологическом виде, что объясняется интенсивностью словотворчества в 20-е годы и в частности активностью старой тенденции, вызывающей острую потребность в словах жен. р. Слова одного значения возникают в разных местах и сосуществуют: *буржуазка — буржуйка*, *женоотделка — женоотдельщица*, *комсомолка — комсомоловка*, *контролерка — контролерша*, *кооператорка — кооператорша*, *кустарка — кустарница*, *нэпманка — нэпманша*, *нэпачиха*, *обшивалка — обшивальщица*, *прядильница — прядильщица*, *санитарка — санитарница*, *торфушка — торфяница*, *фабзавучница — (фабзаучница) — фабзайчиха* и т. п.

Оживает и активизируется даже такой суффикс, как *-иха*, и с его помощью возникают некоторые слова (которые позже были заменены более удачными, либо утратились без всякой замены и без всякого ущерба для языка), например: *наробразиха*, *слесариха*, *токариха*, *члениха*, *шкрабиха*, *шпиониха* и т. п., причем некоторые из этих слов могли употребляться как нейтральные в стилистическом отношении, но многие из них уже в те годы воспринимались как просторечные и встречались окказионально, например:

Судакова — *члениха* исполкома, *завнаробразиха*, старая *учительша* (А. Веселый, Страна родная, 1926); — Ай да Варя-*слесариха*, пристыдила всех ребят! («Работница», 1926, № 18); В первую очередь надо отметить *старшиху* (помощника мастера) Метелкину в папиросонабивной мастерской («Работница», 1926, № 21); быстроглазая *токариха* («Работница», 1925, № 7); Ткач зарабатывает 31 р. 8 коп., а *ткачиха* — 24 руб. 56 коп., сыпарь (у кожевников)

37 руб. 30 коп., а *сыпариха* — 30 рублей («Коммунистка», 1925, № 4); Таня охотно отвечала на вопросы *шпионихи*, а та качала головою (Н. Ляшко, Сладкая каторга).

Конечно, такому употреблению благоприятствовало то, что в 20-х годах вообще пошатнулась старая литературная норма.

134. Что касается развития новой тенденции применения существительных муж. р. для названия женщин, то в начале XX в. она проявляла себя преимущественно в языке интеллигенции и соответственно распространялась в основном на наименования высококвалифицированных профессий или общественно-политических занятий. После же революции ей пришлось почти заново утверждаться в иной языковой среде, поскольку состав носителей литературного языка изменился. Именно поэтому, получив все условия для своего развития, новая тенденция не так быстро входила в жизнь, сталкиваясь с весьма активным проявлением старой тенденции — использовать отдельное наименование женщины по профессии.

Все же употребление в 20-х годах существительных муж. р. в применении к женщине явно возрастает. При этом различные в словообразовательном и семантическом отношении слова ведут себя неодинаково, т. е. одни из существительных муж. р. употребляются наряду со словами жен. р., вытесняя их, к другим же из них так и не возникло употребительной параллели жен. р.

Активность новой тенденции особенно наглядно подтверждается употреблением слов муж. р. в тех случаях, когда в языке были соответствующие слова жен. р. или когда без всякого затруднения их можно было образовать. Наиболее показательны в этом отношении такие случаи, когда корреляты жен. р. относятся к самым продуктивным типам. Это производные от основ с суфф. *-тель*, *-щик*, *-ник*, *-ист*, *-ант*, *-ент* и от основ с суфф. *-ец* (отсубстантивных). Разные образцы в этих случаях обладают различной степенью сопротивляемости употреблению или производству слов жен. р. Конечно, в 20-е годы эти различия еще только намечались, но все же кое-какие явления можно уже заметить. Так, например, существительные с суфф. *-тель* легче расстаются с значением мужского пола и живее вытесняют слова жен. р., чем, например, существительные с суфф. *-щик*. Возможно, что это происходило потому, что первые шире использовались в общественно-политической лексике и новая тенденция коснулась их раньше, а бóльшая частотность способствовала и быстрейшей их эволюции.

В применении к женщине встречаются очень многие слова на *-тель*, имеющие в языке корреляты жен. р.: *деятель*, *водитель*, *заместитель*, *заседатель*, *изобретатель*, *исполнитель*, *наблюдатель*, *обжигатель*, *председатель*, *представитель*, *разъяснитель*, *распространитель*, *руководитель*, *свидетель*, *слушатель*, *смотритель*, *собиратель*, *строитель*, *учитель*, *читатель* и т. д. Ср.:

Пятидесятидвухлетняя женщина, почти старушка — *изобретатель* («Работница», 1928, № 14); Я была главным образом *наб-*

людателем, а не активным работником («Женск. журн.», 1929, № 11); Первая женщина — *обжигатель* горна («Работница», 1929, № 22); *Председатель* Дурова, бывш. делегатка, работала в Сельсовете («Коммунистка», 1925, № 5); У нас зачастую наблюдается и такая картина, что *представителя*-то от работниц на заседание пригласить и забывают («Работница», 1925, № 8); Тов. Леонтьева является также активным *распространителем* 3-го займа индустриализации (Там же, 1929, № 38); 31 мая делегатки организовали траурное заседание, посвященное памяти тов. Самойловой. Заседание происходило на могиле дорогого *руководителя* (Там же, 1925, № 13); Вот почему я и стала *читателем* этого журнала («Женск. журн.», 1928, № 10).

Упорнее сопротивляются утрате значения мужского пола существительные с суфф. *-щик*, однако и они довольно часто употребляются в применении к женщине, например: *докладчик*, *застрельщик*, *инструментальщик*, *кладовщик*, *крановщик*, *литейщик*, *пайщик*, *перевозчик*, *подпольщик*, *пулеметчик*, *разведчик*, *ремонтировщик*, *сборщик*, *сверловщик*, *табельщик*, *уборщик* и т. д. Вот ряд примеров из журнала «Работница» за 1925—1929 гг.:

Каждый раз то одна, то другая делегатка делают доклады... Руководитель сравнительно мало поправляет *докладчика* (1925, № 19); ...Бывшая уборщица назначена *кладовщиком* (1927, № 12); Работница Штодина — фасонный *литейщик* Манеевского завода (1926, № 21); Каждая работница должна быть *пайщиком* кооператива (1927, № 35); На фабрике тов. Ширяева — *сборщик* членских взносов в своем цеху (1929, № 33); А вот *сверловщик* — тов. Сенина (1927, № 4).

То же в еще большей мере относится к существительным с суфф. *-ник*. Можно привести такие слова, которые употреблялись в применении к женщине: *десятник*, *защитник*, *истопник*, *квартирник*, *кожевник*, *начальник*, *помощник*, *проводник*, *производственник*, *проповедник*, *работник*, *соратник*, *спутник*, *участник*, *ученик*, *художник* и т. д. Ср.:

Мурзина считается хорошим *агитпропработником* («Женск. журн.», 1929, № 8); Маруся Тиранова сделалась *десятником* по приемке холяв («Работница», 1927, № 7); Сначала рядовой *разведчик*, потом сама *начальник* конной разведки, она выполняла самые опасные поручения («Женск. журн.», 1929, № 2); Сама я не хозяйка, а *помощник* хозяйки, матери-старухи, кроме того, учащаяся (Там же, 1928, № 3); Она считается лучшим *производственником* завода («Работница», 1928, № 14); *Участник* гражданской войны тов. Минская («Женск. журн.», 1928, № 2); Работницу Иолянскую выдвинули *учеником* в лесной склад («Работница», 1928, № 20); *Художник* С. В. Рянгина (Там же, 1929, № 24).

В меньшем количестве встречаются образования с другими суффиксами.

Заметим попутно, что, как видно из иллюстраций, употребление существительных муж. р. применительно к женщине, как пра-

вило, никакой особой стилистической функции не выполняет, встречается в текстах как торжественных, так и бытового характера, т. е. является в стилистическом отношении нейтральным.

135. Что касается синтаксических позиций слов муж. р., то они еще расширяются, хотя (без нейтрализатора) в большинстве случаев существительные муж. р. используются в функции сказуемого (и стоят в творительном падеже) или в функции приложения. Все же довольно часты случаи и их номинативного употребления: не только в многочисленных подписях под фотографиями (которые можно рассматривать и как сказуемые), но и в качестве дополнения в различных падежах, например:

Увеличение числа рабкорок и тиража журнала «Работница» — лучший памятник нашему дорогому другу и *учителю* [К. Н. Самойловой] от рабкорок («Работница», 1925, № 13); Мужчины хорошо к ней относятся, как к *председателю* сельсовета («Коммунистка», 1925, № 6).

Более того, теперь уже слово муж. р. в применении к женщине начинает выступать и в именительном падеже подлежащего, только в этих случаях оно чаще сопровождается каким-либо нейтрализатором: словами *женщина*, *девушка*, *работница* или собственным именем (личным именем, фамилией, прозвищем), например:

Помощник директора фабрики «Большевичка» тов. *Опарина* наблюдает за производством («Работница», 1925, № 20); Вот стоит в механическом цехе *токарь Строганова* (Там же, 1927, № 4); С блокнотом в руке делает отчет о своей работе *электрик-слесарь Заикина* (Там же, 1928, № 12).

Однако можно встретить случаи употребления слова муж. р. в роли подлежащего и без сопровождения нейтрализатором, например:

... *Автор* [Л. Сейфуллина] с присущей ему талантливостью и глубиной вскрывает... («Коммунистка», 1925, № 9).

136. Несколько иначе обстоит дело с существительными множественного числа. Слова жен. р. используются, конечно, только для названия совокупности лиц женского пола, слова же муж. р. используются различно.

1. Для названий лиц только мужского пола, например:

Итак, проверка женщин-коммунисток должна быть проведена тщательно, так же как проверка *партийцев* («Работница», 1929, № 22); Работницы, вместе с солдатками и наиболее сознательными *рабочими*, тянутся к большевикам (А. Коллонтай, Работница за год революции).

2. Для названий множества лиц мужского и женского пола. Вызывалось такое употребление потребностями социальной действительности и целями экономии в языке, а реализовалось легко потому, что в языке, как говорилось выше, такая возможность была, хотя и находилась под спудом.

В таком значении использовались очень многие существительные, связанные как с общественной деятельностью и положением,

так и с производством: *велосипедисты*, *выдвиженцы*, *выпускники*, *гармонисты*, *демонстранты*, *депутаты*, *добровольцы*, *избиратели*, *изобретатели*, *кандидаты*, *коммунисты*, *курсанты*, *пайщики*, *партийцы*, *пионеры*, *покупатели*, *подписчики*, *правонарушители*, *рабкоры*, *рабфаковцы*, *слушатели*, *стажисты*, *стипендиаты*, *участники*, *фашисты*, *школьники* и т. п.; *башмачники*, *журналисты*, *заготовщики*, *затейники*, *печатники*, *писатели*, *посадчики*, *приемщики*, *просвещенцы*, *текстильщики*, *трактористы* и т. п.

Приведенные существительные имеют корреляты жен. р., и в ед. ч. в этих случаях еще предпочитается существительное жен. р. Следовательно, существенное отличие в использовании существительных мн. ч. свидетельствует о более активном и интенсивном проявлении новой тенденции в словах мн. ч.

В комнате тридцать *курсантов-слесарей*... Среди них несколько женщин. Они здесь чувствуют себя вполне «устойчиво», как говорит одна из них — *курсантка-токарь*, высокая, полная («Женск. журн.», 1928, № 2); Парад *велосипедистов* в Москве [подпись под фотографией женщин и мужчин] («Работница», 1927, № 18); Домашние хозяйки составляют 70% неорганизованных *избирателей* горсоветов («Женск. журн.», 1929, № 1); Они с мужем единственные в доме *партийцы* (Там же, 1928, № 3);... Горячо разговаривали и спорили двое *комсомольцев* — Александр Вишняков и Анюта Дядюшкина («Работница», 1926, № 15).

Такое употребление возникло не сразу. Традиция раздельного называния мужчин и женщин вела к тому, что еще в 20—40-е годы и даже позже для совместного множества широко использовалось употребление двух слов (муж. и жен. р.); *рабочие* и *работницы*, *труженики* и *труженицы*, *селькоры* и *селькорки*, *рабкоры* и *рабкорки*, *крестьяне* и *крестьянки*, *депутаты* и *депутатки* и под.

3. Для названий множества лиц только женского пола, например:

Почти все 100% *истцов* по алиментным делам являются трудящимися, это — крестьянки, батрачки, середнячки, работницы, низшие и средние служащие («Женск. журн.», 1929, № 11). Для политически отсталых организованы три группы чтения, *руководительями* которых являются наиболее развитые девушки-коммунарки («Работница», 1925, № 13).

137. Небезразлична для интенсивности развития новой тенденции и область применения тех или иных образований: канцелярская работа, общественно-политическая деятельность, где эти процессы начинаются раньше и проходят быстрее, или производство, где наблюдается бóльшая консервативность в употреблении существительных муж. и жен. р. Так, если мы возьмем список профессий, рекомендуемых для женщин в начале первой пятилетки [26],

[26] См.: «Об утверждении списков профессий по отдельным отраслям промышленности, а также списков должностей государственного и кооперативного аппарата, в которых должен применяться исключительно либо преимущественно женский труд». Постановление НКТ РСФСР от 16 янв. 1931 г.

то увидим, что из 278 профессий 220 названы словами жен. р., а 58, т. е. около 1/5,— словами муж. р. (все названия даются во мн. ч.), причем большинство названий муж. р. связано с затруднительностью образования коррелятов жен. р. (слова на *-ер*, *-ир*, *-ор*, *-арь*, *-ик*).

Преобладание женских наименований объясняется тем, что в эти годы шла еще упорная борьба за вовлечение женщин в производство. Изучались различные профессии, указывалось, какие из них могут или должны быть профессиями женскими. И пока женщина на определенном посту вызывала удивление, ее обязательно стремились назвать иначе, чем мужчину; когда же это становилось привычным, название унифицировалось в мужском роде.

В указанном списке бросается в глаза преимущественное использование слов жен. р. (и именно с суфф. *-щица*) в названиях производственных профессий самых различных профилей. А вот в одной области труда (канцелярские работники) из 23 наименований профессий 20 наименований — муж. р.: *корреспонденты*, *архивариусы*, *письмоводители*, *делопроизводители*, *журналисты*, *канцеляристы*, *статистики*, *чертежники*, *конторщики-канцеляристы*, *переписчики*, *счетчики*, *табельщики*, *информаторы*, *ревизоры*, *контролеры*, *индексаторы*, *конторщики-бухгалтеры*, *кассиры*, *регистраторы*, *секретари*,— хотя большинство из них могло бы дать образования жен. р. И только три — жен. р.: *телефонистки*, *машинистки*, *стенографистки*. Объясняется, это, видимо, тем, что данной области новая языковая тенденция коснулась значительно раньше, еще до революции.

138. Уже в 20-е годы можно обнаружить некоторые следствия реализации рассматриваемой новой тенденции:

1. Начинают утрачиваться некоторые слова жен. р., преимущественно с непродуктивными суффиксами: *архитектриса*, *директриса*, *инспектриса*, *лектриса*, *авиатриса*, *адвокатесса* и т. п.

2. Возможность применения к женщине слов муж. р., отличающихся от слов жен. р. определенными звуковыми и морфологическими особенностями (твердый согласный в конце слова, особое строение основы и особая система флексий), совместно с другой причиной — расширением аббревиации и возникновением аббревиатур со значением лица,— приводит к весьма своеобразному явлению — к возникновению новых слов муж. р. непосредственно для наименования лиц женского пола: *женорг*, *женкор*. Женоргами и женкорами могли быть только женщины, о чем свидетельствует первый слог этих аббревиатур. Правда, встречалось иногда и слово *женкорка*, но существительное *женорг* никогда не порождало слова жен. р. — ср. слова типа *женорганизатор*. Ср. также встретившееся только во мн. ч. *домхозы* — ‘домашние хозяйки’.

3. Но самое существенное следствие проявления новой тенденции — это появление первых случаев употребления форм жен. р. глаголов, причастий и прилагательных при существительных муж. р., употребленных применительно к женщине.

Пока употребление слов муж. р. в применении к женщине было ограничено синтаксически, и даже тогда, когда оно имело место в подлежащем при глаголе в форме настоящего (будущего) времени, оно не вызывало конфликтов между какими-либо языковыми законами. Но коль скоро слово муж. р. стало использоваться в функции подлежащего, оно не могло ограничиться употреблением только с теми глагольными формами, которые не различают рода. Оно неизбежно проникало и в конструкции с глаголом в прошедшем времени, с формами условного наклонения, прилагательными и причастиями, т. е. с различными родоизменяемыми словами.

И вот тут-то и встал впервые вопрос о выборе формы рода в зависимом, согласуемом слове, в первую очередь в глаголе. С одной стороны, форма муж. р. подлежащего требовала формы муж. р. и в сказуемом, но с другой стороны, при подлежащем, обозначающем лицо женского пола, надлежало ставить глагол в форме жен. р. независимо от наличия или отсутствия формальных показателей рода в подлежащем (ср.: *я — пришел*, *я — пришла*, *ты — пришел*, *ты — пришла*, *плакса — пришел*, *плакса — пришла*, *Степанченко — пришел*, *Степанченко — пришла* и под.).

Именно в эти годы и возникает конфликт между двумя закономерностями согласования, которые в прошлом не противоречили друг другу. Поэтому в эти годы мы уже встречаем согласование сказуемого (глагола, причастия и др.) как по муж., так и по жен. р.

139. Тенденция использования существительных муж. р. в новом (обобщенном) значении активно развивалась в последующие десятилетия (40—60-е годы), находя свое выражение не столько в снижении темпов самого о б р а з о в а н и я коррелятов жен. р., сколько в интенсивном снижении у п о т р е б и т е л ь н о с т и таких коррелятов.

В современных социальных условиях нет никаких причин систематически подчеркивать противопоставление женского и мужского труда, а потому исчезает и надобность в постоянном противопоставлении в соответственных формах имен существительных мужского и женского рода[27]. Количество слов жен. р. в употреблении снижается и относительно (по сравнению с ростом количества женщин-специалистов) и абсолютно, так как многие наличные слова жен. р. выходят из употребления или, приобретая сниженную стилистическую окраску, сужают сферу своего применения.

Не все семантические и словообразовательные разряды слов муж. р. с одинаковой интенсивностью оттесняют слова жен. р.

Чем более социальна, чем более общественна и чем выше по квалификации профессия, тем скорее утверждается слово муж. р. с обобщенным значением. Слова с более конкретным значением чаще разграничивают значение пола, чем слова с более отвлечен-

---

[27] Ср.: А. В. М и р т о в. Категория грамматического рода в русском языке. Докт. дисс., кн. II. Ташкент, 1943, стр. 482.

ным значением. Ср. приводимые выше данные из списка женских профессий начала 30-х годов.

Несколько иллюстраций применения таких существительных муж. р. в обобщенном значении или по отношению к женщине:

Обидно и то, что при незаурядном здоровье... я не стала ни *горнолыжником*, ни *парашютистом*, ни *альпинистом*, ни *чемпионом* по бегу («Комс. пр.», 30 янв. 1964); Ее [Валентину Левко] с полным правом можно назвать настоящим *певцом-музыкантом* («Веч. Москва», 11 янв. 1964); В настоящее время Александра Васильевна — персональный *пенсионер* («Работница», 1959, № 11).

Ср. в торжественном пионерском обещании: «Я, юный *пионер* Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...»,— которое произносят и мальчики, и девочки.

140. Нейтрализация значения пола в любом слове муж. р. может происходить с помощью слова *каждый* и под.: *каждый москвич*, *каждый украинец*, *каждый колхозник*, *каждый ученик*, *каждый студент*; ср. также: *права колхозника*, *памятка колхозника* и т. п.

Нам это представляется обычным, а ведь было время, когда такое употребление требовало толкования, например: В Готской программе открыто не говорилось о политических правах женщин, а говорилось лишь о предоставлении политических прав «*каждому гражданину*», в предположении, что под словом «гражданин» можно подразумевать и женщину (разрядка наша.— *Авт.*) (Н. К. Крупская, Кларе Цеткин наш горячий привет, 1927).

141. Различные словообразовательные ряды также с неодинаковой интенсивностью поддаются этой новой тенденции, причем это находится в некоторой связи с продуктивностью тех или иных образцов. Так, заимствованные существительные на *-ор* (*-ир*, *-ар*) почти полностью вытеснили корреляты жен. р. на *-ша* из нейтрального стиля речи. Ср. такие слова, как *автор*, *агитатор*, *ветеринар*, *диктор*, *директор*, *диспетчер*, *донор*, *инициатор*, *командир*, *комиссар*, *комплектатор*, *конструктор*, *контролер*, *лектор*, *механизатор*, *министр*, *монтер*, *новатор*, *оператор*, *оратор*, *организатор*, *призер*, *профессор*, *редактор*, *режиссер*, *ректор*, *снайпер*, *тренер*, *фабрикатор* и др.

Среди слов с русскими суффиксами особенно активны в этом отношении существительные с суфф. *-тель*, из которых многие принадлежат к сфере общественной деятельности. Такие слова, как *водитель*, *воспитатель*, *деятель*, *заместитель*, *заседатель*, *испытатель*, *председатель*, *представитель*, *преподаватель*, *руководитель*, *свидетель*, *следователь*, *строитель* и др. используются, как правило, вне зависимости от пола называемого лица:

Неизменным *вдохновителем* и советчиком журнала с первого его номера и на протяжении 25 лет была Н. К. Крупская («Комс. пр.», 15 марта 1964); беседует с *водителем* хлопкоуборочного комбайна из Таджикистана Г. Пираковой («Огонек», 1964, № 8); З. Хлыстова, *заместитель* начальника производственно-технического отдела («Веч. Москва», 7 февр. 1964); Еще Римма Борисовна

заседатель в товарищеском суде (Н. Мельников, Строится мост); Мать ее [Пуяко Милке] известна в Японии как выдающаяся писательница и *издатель* («Женщины мира», 1959, № 1).

Существительные на *-ник*, и особенно на *-щик*, из которых большинство принадлежит к сфере производственных профессий и занятий, только в незначительной степени вытесняют существительные жен. р., например:

На этом снимке вы видите тех, чьи руки делают чудесные ткани (слева направо: *контролер* И. Русанова, *контролер* М. Мамонтова, *контролер* В. Сухачева, *раклист* М. Рыжова, *раклист* Т. Юдинцева, *красильщица* А. Плотникова, *художник* Г. Линькова, *художник* Э. Фокина и *гравер* В. Васильева) («Изв.», 17 марта 1963).— Обращает на себя внимание то, что не только слова *контролер* и *гравер*, от которых затруднительно образование параллелей жен. р., но и такие слова, как *раклист*, *художник*, не уступают место жен. р., а слово *красильщица* не заменяется словом *красильщик* [28].

Конечно, общая тенденция коснулась слов и с этими суффиксами, т. е. встречается немало случаев, когда существительные муж. р. с суфф. *-ник* и *-щик* применяются к женщинам:

ученый-*атомник* г-жа Карлик («Женщины мира», 1959, № 4); Евгения Варченко, *сотрудник* газеты «Краснокамская звезда» («Работница», 1959, № 8); *стрелочник* Лидия Чуркина (М. Путевой, Человек, обогнавший время); Эту особенность животных и использует *дрессировщик* Анна Владимировна Дурова («Природа», 1963, № 9); Я старый *болельщик* футбола (А. Коптяева о себе, «Комс. пр.», 30 янв. 1964); Уже шесть лет Нина Ивановна — военный *летчик* («Работница», 1960, № 3).

142. Достаточно самого факта употребления слов муж. р. при наличии соответствующих слов жен. р., чтобы утверждать существование данной тенденции. Однако для большей убедительности проведены были некоторые подсчеты. Из анкетных данных «Вопросника по современному русскому произношению» (М., 1961) извлечены были существительные, которыми женщины-информанты называли свою профессию или мужчины и женщины называли профессию матери. Надо подчеркнуть, что в этом случае использованы не ответы на самый Вопросник, а слова из биографических данных, которые сообщает о себе каждый информант. Анкетные сведения люди записывали без настороженности, без особых размышлений, по привычке, поэтому здесь исключена какая бы то ни было нарочитость. Обследовано было 1000 анкет, извлечено свыше 1000 слов. Из коррелятивных слов взяты для подсчета только те, в которых на коррелятивную пару падает не менее 10 ответов. Таких коррелятивных пар оказалось 7: *учитель — учительница*, *сту-*

[28] См.: И. Ф. Протченко. О родовой соотносительности названий лиц (Из наблюдений на материале преимущественно производственной лексики).— В кн.: «Развитие лексики и грамматики современного русского языка». М., 1964.

дент — студентка, преподаватель — преподавательница, воспитатель — воспитательница, лаборант — лаборантка, продавец — продавщица, фельдшер — фельдшерица. Ответы распределились между словами этих пар следующим образом:

На слова *учитель — учительница* получено 156 ответов. Из них на долю слова *учитель* — 63 ответа (40,4%), на долю слова *учительница* — 93 ответа (59,6%). Это уже само по себе достаточно красноречиво! Слово *учительница* — старое, давно бытующее в языке, нейтральное по стилистической окраске. Почему же 63 человека из 156 предпочли сказать о женщине *учитель*?!

В других коррелятах, представленных меньшим количеством слов, отношения тоже показательны: количество слов муж. р. значительно превышает количество слов жен. р.

Только в корреляции *студент — студентка* количественные отношения прямо противоположны: *студент* — 23 ответа, *студентка* — 131. Как уже говорилось выше, различные группы слов ведут себя неодинаково в отношении распространения слов муж. р. в применении к женщине. Слово *студентка* принадлежит как раз к одной из таких групп — названия учащейся молодежи,— слова которой весьма слабо поддаются вытеснению словами муж. р. Приведенные подсчеты наглядно подтверждают это.

143. О направлении развития данной тенденции свидетельствует также различие в употреблении слов муж. и жен. р. у представителей старшего и младшего поколения говорящих.

В языке старшего поколения встречается больше слов жен. р.; лица старшего поколения иногда даже сознательно отстаивают употребление параллелей жен. р. в качестве нормы литературного языка. «Мужчина и женщина в Советском Союзе равноправны. Это — аксиома. Существуют учительницы, писательницы, артистки... Почему же они за последнее время все чаще называются *учителями, писателями, артистами*? Разве слово *учительница*, например, хоть в какой-либо степени умаляет труд той, которая отдает благородному делу обучения и воспитания детей десятки лет жизни? Между тем официально она получает за свою отличную работу звание *заслуженного учителя*, а выдающаяся артистка — звание *заслуженного артиста*... Пусть слова явно иностранного происхождения — *инженер, композитор, агроном, офицер, адвокат, корректор* и др. не имеют «женского» рода. Однако *поэтесса, журналистка, пианистка* — говорить можно. И пусть артистки, певицы, учительницы, танцовщицы и многие другие не превращаются официально в «мужчин» [29]. Ср. также высказывания С. Березовской, уже несколько десятилетий занимающейся вопросами участия женщин в общественном труде, которая сетует, что «в газетах нередко употребляют *преподаватель* по отношению к преподавательнице, *писатель* — по отношению к писательнице, *журналист* — по отношению к журналистке, *делегат* — по отношению

[29] Б. Тимофеев. Правильно ли мы говорим? Л., 1960, стр. 25—26.

к делегатке, *заведующий* — по отношению к заведующей и т. п.» [30]. Однако себя она называет только *автором*, а не *авторшей*.

А вот что пишет в Институт русского языка персональный пенсионер, член КПСС с 1918 г. Д. М. Савин из Риги:

«За последние годы в прессе очень часто, говоря о женщинах, имена существительные пишут в мужском роде: 1) комсомолка Васильева — *ударник* коммунистического труда. Почему не *ударница*? 2) Хороший *коммунист* — тов. Иванова. Почему не *коммунистка*? 3) Женщина-*фельдшер*, а почему не *фельдшерица*? 4) *Преподаватель* Петрова. А почему не *преподавательница*? и т. д. Правильно ли такое написание? Я воспитан на старых произношениях (и написаниях)... слов, и мне странно слышать и читать, когда говорят — *преподаватель* Петрова, или другие подобные выражения» (письмо от 22 апр. 1964).

Ср.: — Со мной *представитель* завода, Михаил Петрович... Профессор удивился, увидев женщину, проверил, есть ли на нем галстук, убедился, что нет...— Что же вы говорите, Гаршин,— *представитель*. По-русски говорится в таких случаях — *представительница* (В. Кетлинская, Дни нашей жизни).

Вернемся к подсчетам по анкетным данным и сопоставим характер ответов с возрастом отвечающих. Возьмем те же ответы, за исключением слов *студент — студентка* (так как тут все отвечающие приблизительно одного возраста — молодые) и посмотрим, каковы отношения количества слов муж. и жен. р. в ответах младших и старших. Условно обозначим лиц с 1931 г. рождения и моложе как младших, а лиц до 1930 г. рождения включительно — как старших (данные анкеты — 1962 —1963 гг.).

Как же распределяются слова муж. и жен. р. в ответах старших и младших? Старшему поколению принадлежат такие ответы: *учитель* — 24 (34%), *учительница* — 47 (66%); младшему такие: *учитель* — 39 (46%), *учительница* — 46 (54%) и т. д. Общее количество употреблений всех исследуемых слов муж. р. и жен. р. для названия женщины показано в табл. 14.

Таблица 14

	Возрастная группа	
	Старшие	Младшие
Слова муж. р.	48	92
Слова жен. р.	56	55

Как видно из таблицы, младшие чаще употребляют слова муж. р., чем слова жен. р.

[30] С. Березовская. Из жизни языка. «Вопросы литературы», 1962, № 2, стр. 189.

Что касается стиля, то нейтральной речи, деловому стилю более свойственно использование существительных муж. р., а непринужденной бытовой речи, где чаще приходится обращать внимание на пол лица, более свойственно использование слов жен. р., в том числе с различными экспрессивными суффиксами.

144. Развитие новой тенденции приводит к тому, что перестраивается значение родовых категорий в коррелятивных парах слов муж. и жен. р. ед. ч. Для нашего времени можно считать, что категория муж. р. в этих корреляциях не указывает на пол (немаркированный член противопоставления), а категория жен. р., указывая на пол, является маркированной. Существительное мужского рода обозначает лицо без указания на пол, существительное женского рода обозначает лицо женского пола. При этом для характеристики общего значения категории совершенно не существенно то, что некоторые корреляции муж. и жен. р. (*украинец — украинка*, *колхозник — колхозница*) в значительной степени сохраняют разграничения пола в зависимости от рода и соответственные существительные муж. р. не могут использоваться для названий женщин. Немаркированность личных существительных муж. р. в том и состоит, что они могут иметь как значения лица муж. р., так и значения лица без указания на пол при обозначении специалистов или лиц с определенными свойствами.

Что касается существительных в форме мн. ч., коррелятивных с существительными ед. ч. муж. р., то можно считать, что в наше время процесс изменения их значения в основном завершен и они обозначают лиц без указания на пол.

Борьба между старой тенденцией — называть женщину по профессии словом жен. р. и новой тенденцией — применять для названий женщины слова муж. р.— происходит на наших глазах. Различные социальные и языковые факторы влияют на эту борьбу, содействуя новой, ведущей тенденции или тормозя ее.

Тенденция расширения значения существительных муж. р. и коррелятивных с ними существительных мн. ч. была порождена борьбой за равноправие женщины и развивалась в связи с установлением равных прав для женщины в Советском Союзе. Можно указать и некоторые частные обстоятельства социального плана, являющиеся производными от основной социальной причины и содействующие развитию данной тенденции. На расширение значения и употребления слов мужского рода немалое влияние могли оказывать административные учреждения с их документацией, где пол лица-специалиста не имеет никакого значения.

145. В самой системе языка можно обнаружить различные явления и закономерности, одни из которых содействуют развитию тенденции применять для названия женщин слова муж. р., а другие, напротив, противодействуют ей, тормозят ее.

А. Языковые факты и явления, способствующие развитию данной тенденции.

I. Различные явления, прямо или косвенно связанные с общей тенденцией современного русского языка к аналитизму.

Прежде всего следует отметить, что в языке уже и раньше были существительные, обозначавшие женщин и не имевшие обычного для существительных жен. р. морфологического вида, т. е. оканчивавшиеся не на *-а*, а на другие гласные и согласные, причем существительные эти, будучи словами жен. р., т. е. вызывая согласование глаголов и прилагательных по жен. р., лишены были форм склонения. Это заимствованные существительные, нарицательные и собственные: *мисс*, *миссис*, *мадам*, *фрау*, *леди*, *Бетси*, *Мери*, *Элен*, *Кармен* и др. Ср. женские имена народов Советского Союза, проникающие и в русский язык (хотя бы в переводах художественной литературы), например: *Нояно* (чукот.), *Мамлакат*, *Мархамат* (узбек.), *Арфик* (армян.) и др. Ср. женские имена в произведениях А. Грина: *Гелли*, *Дези*, *Ассоль* и др. Ср. также фамилии, которые в применении к женщине не склоняются: *Засулич*, *Норкевич*, *Гильберт* и под.

Таким образом, общие тенденции к аналитизму облегчали употребление существительных муж. р. применительно к женщине.

II. Наиболее разнообразны лексические причины, способствующие развитию данной тенденции. Среди них первое место занимают особенности словарного состава предшествующей эпохи и современные изменения в нем.

1. Значительное количество широкоупотребительных слов муж. р., с давнего времени не имевших параллелей жен. р., поскольку женщины не занимались данной деятельностью, например: *борец*, *воин*, *делец*, *кузнец*, *кучер*, *лакей*, *лесничий*, *матрос*, *медник*, *мясник*, *палач*, *печник*, *писец*, *плотник*, *пожарный*, *полицейский*, *столяр*, *часовщик* и мн. др. Иногда в переносном значении могли появляться корреляты жен. р. к этим словам [31].

2. Развитие словарного состава и пополнение его такими словами, от которых затруднительно было образование слов жен. р. Затруднительность образования возникла не только в связи со структурными свойствами основ муж. р., но и в связи с отсутствием традиции образования параллелей жен. р. от подобных основ, поскольку первоначально не было потребности в таких образованиях.

а) Расширение ассортимента, а также употребительности заимствованных основ, что увеличивало количество некоррелирующих существительных муж. р.: *биолог*, *ихтиолог*, *педагог*, *металлург*, *шофер*, *комбайнер*, *фотограф*, *атташе*, *электрик* и т. п.

б) Расширение некоторых разрядов суффиксальных слов муж. р., от которых не образуются параллели жен. р., например, образований с суфф. *-онок*: *октябренок*, *фабзайчонок*, *батрачонок*, *токаренок*, *лопаренок*, *салажонок*, *чапаенок* и др.

---

[31] Например: — Ты не сердись, голубчик, но я, ей-богу, не думал, что в грамматике ты такая *сапожница* (А. П. Чехов, Розовый чулок).

в) Появление аббревиатур со значением лица: *завуч*, *комсорг*, *профорг*, *управдом* и др. (см. примеры и иллюстрации выше). Только единичные из них легко образуют пару жен. р.: *юннат—юннатка*. В 20-е годы широко употреблялись корреляты жен. р. к аббревиатурам со второй частью *-кор*: *рабкорка*, *селькорка*, *стенкорка*, *женкорка* и т. п. Большинство же и тогда не получало коррелятов жен. р.

г) Рост количества несвободных словосочетаний, обозначающих должности, звания и титулы, например: *Герой Советского Союза*, *Герой Социалистического Труда*, *лауреат Ленинской премии*, *народный заседатель*, *отличник производства*, *старший научный сотрудник*, *научный работник*, *народный учитель*, *младший лейтенант*, *старший преподаватель*, *кандидат наук* и т. п.

Некоторые из них допускают в непринужденной речи корреляции жен. р.: *научный сотрудник — научная сотрудница*.

3. Невозможность образования пары жен. р. иногда обусловливается тем, что «место занято», т. е. морфологическое образование, которое могло бы послужить коррелятом жен. р. к существительному муж. р., имеет другое значение, например: *кочегар — кочегарка* (помещение); *столяр — столярка* (помещение); *матрос — матроска* (одежда); *пилот — пилотка* (головной убор); *штукатур — штукатурка* (материал и действие); *электрик — электричка* (поезд); *передовик — передовица* (статья); *выходец — выходка* (поступок); *машинист — машинистка* (другая профессия); *техник — техничка* (другая профессия) и т. п.

III. Синтаксические причины и условия.

1. В языке издавна существовала возможность предикативного и полупредикативного использования существительных муж. р. в применении к женщине, так же как и существительных жен. р. применительно к мужчине (см. об этом IV, § 8—10).

2. Благоприятствующим моментом для употребления существительного муж. р. являются такие синтаксические позиции слова, в которых не возникает проблемы выбора согласуемых форм глаголов и прилагательных: позиция сказуемого, второстепенного члена, подлежащего при именном сказуемом или при глагольном сказуемом, выраженном глаголом в форме настоящего-будущего времени.

Б. Языковые факты и явления, тормозящие развитие тенденции употреблять слова муж. р. для названий женщин.

I. Наличие разрядов соотносительных слов муж. и жен. р., строго различающих пол человека (хотя бы только в ед. ч.):

1) родственные названия, преимущественно супплетивные: *отец — мать*, *сын — дочь*, *брат — сестра*, *тетя — дядя* и др.;

2) качественные существительные типа *красавец — красавица*, *шалун — шалунья*;

3) слова, указывающие на национальность, происхождение и местожительство: *украинец — украинка*, *киевлянин — киевлянка* и под.

II. Наличие словообразовательной корреляции, позволяющей произвести слова жен. р. с легкостью формы словоизменения, т. е. корреляции высокой регулярности: *-тель — -тельница, -ец — -ка, -щик — -щица, -ник — -ница, -ик — -ица, -ист — -истка, -ант — -антка, -ент — -ентка, -ой (-ый) — -ая*, в частности, наличие существительных муж. р. прилагательного склонения, от которых всегда можно образовать слова жен. р.: *дежурный — дежурная, звеньевой — звеньевая, заведующий — заведующая* и т. п. Многие из слов этого разряда применительно к женщине используются преимущественно в жен. р.: *заведующая, рабочая, чернорабочая, подсудимая* и др.

Но так сильна новая тенденция, что даже и в этом случае, когда коррелят жен. р. всегда можно образовать, он далеко не всегда образуется, и очень часто по отношению к женщинам используются субстантивированные прилагательные муж. р. [32]

III. Затруднения в согласовании родоизменяемых слов (глаголов в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения, прилагательных разных разрядов, причастий) с существительными муж. р., употребленными применительно к женщине.

146. Каковы же следствия проявления новой тенденции в существительных — наименованиях лиц?

1. Изменения в стилистической окраске слов.

Старые существительные жен. р., обозначающие женщин, постепенно оттесняются все больше в область просторечия. Так, только в просторечии можно услышать *генеральша*, причем с явным неодобрением. А *майорши, офицерши, капитанши*, пожалуй, и в просторечии не услышишь или услышишь крайне редко, разве что в шутку. Уже в 20-е годы, когда такие существительные употреблялись шире, они приобретали просторечный или неодобрительный оттенок, например:

Приставша погладила его маленькой пухлой рукой по голове («Женск. журн.», 1928, № 6);... Могла бы она быть *офицершей*,— он помешал; была *командиршей*, и это кончилось (Там же, 1928,

---

[32] Например: Незаметно прошло восемь часов работы, и с того дня до сих пор я — женщина-*вагоновожатый* («Работница», 1926, № 15); Председатель фабкома — ткачиха Маша Лебедева, *заведующий* браковочным отделом,— тоже работница (Там же, 1946, № 4); У нас в типографии, где печатается «Работница», такую работу несет Мария Константиновна Шавердова — *выпускающий* всех журналов и приложений «Рабочей газеты» (Там же, 1928, № 17); Что же касается труда женщин-работниц, то нужно не упускать из виду того существенного обстоятельства, что женщина у нас работает преимущественно как *чернорабочий* (А. Халатов, К вопросу о производительности труда, 1925); Оплатить отпуск, якобы по болезни *трудящегося*, когда он уже здоров, или оплачивать отпуск по беременности, когда *трудящийся* этим отпуском не пользуется,— страхкасса не обязана («Женск. журн.», 1928, № 3); В прошлом году... яхта, где *рулевым* была Светлана, заняла лишь шестое место («Лит. и жизнь», 26 июля 1959); Ты давно решила стать *лесничим* (Автономов, Дочь лесника).

№ 5); Московская *управдельша* [жена управдела] затеяла легкий флирт с персом (М. Кольцов, Волга вверх).

Но уже в те годы значение названия жены по должности мужа в образованиях с *-ша* затемнялось, и такие образования могли применяться и для указания на иные родственные отношения женщины: По отцу и дочь иногда величали *майоршей* («Женск. журн.», 1928, № 6).

В наши дни использование подобных существительных носит всегда пренебрежительный, иронический оттенок.

2. Изменения в словарном составе.

Исчезает или начинает реже употребляться ряд старых слов жен. р., коррелятивных со словами муж. р., при сохранении соответствующей профессии или должности. Так, слово *начальница*, имевшее до революции довольно широкое применение, отходит в область эмоционально окрашенной лексики, примыкая к существительным с качественным значением, выступает синонимом к слову *командирша*.

Утрачиваются слова жен. р. с непродуктивными, не ставшими русскими, суффиксами: *директриса*, *инспектриса*, *лектриса*, *адвокатесса* и др. У нас много директоров-женщин, а слово *директриса* вышло из употребления. Ср. в просторечии — *директорша*.

Утрачиваются многочисленные образования жен. р. 20-х годов: *рабкорка*, *селькорка*, *женкорка*, *милиционерка*, *кооператорка*, *контролерка* [33]; *народная заседательница*, *героиня труда* и др., не говоря уже о словах, возникавших в 20-х годах, но не получивших и тогда признания и распространения, таких, как *слесариха*, *токариха* и под. «В периодической литературе 20-х — начала 30-х годов встречаются довольно часто существительные с суфф. *-ка*, образованные от некоторых бессуффиксных сложносокращенных слов (*рабкор*, *селькор*): *рабкорка* (реже *рабкорша*) — *рабкорки*; *селькорка* — *селькорки*. Употреблялись, конечно, и существительные муж. р. по отношению к женщине (*рабкор*, *селькор*), но это было заметно реже. В печатных изданиях последующего времени формы жен. р. от таких существительных встретить не удалось» [34].

3. Изменения в частоте употребления слов жен. р., соотносительных со словами муж. р.

Сокращаются в употреблении, уступая место словам муж. р., слова жен. р. для названий женщин-специалистов: *фельдшерица*, *деятельница*, *воспитательница*, *учительница* и др.

4. Проникновение данного процесса и в другие категории слов муж. р., например в названия лиц по национальности, происхождению и местожительству.

---

[33] Ср. употребительное в начале XIX в. — до 40—50-х годов — *литераторка* к *литератор* (В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 68).

[34] И. Ф. Протченко. Образование и употребление имен существительных женского рода — названий лиц в современном русском языке. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. 158, 1960, стр. 68.

В формах мн. ч., употребленных применительно к женщинам, это кажется менее обычным, например:

Очень хорошо было бы, если бы наши читательницы по интересующим их вопросам еще лично связались бы с редакцией журнала — для *москвичей* это вполне осуществимо («Женск. журн.», 1928, № 11); Самая красивая, пожалуй, изо всех знакомых *москвичей* (Н. Краснова, Девушка в спецовке заводской).

Но такое употребление начинает захватывать и существительные ед. ч., например:

Сегодня мы публикуем одну новеллу из цикла рассказов, написанных В. Крупенниковой. Приятно рекомендовать читателю «Вечерней Москвы» нового автора и старого *москвича* («Веч. Москва», 27 июня 1964); На моей памяти коренного *москвича* [М. Шагинян о себе] («Сов. культ.», 25 апр. 1961).

5. Утверждающееся равноправие мужчин и женщин ведет и к смешению слов *оба — обе* в косвенных падежах: усиливаются позиции муж. р. Можно часто услышать *обоим девочкам*, но, как правило, никогда не услышишь *обеим мальчикам*. Этому процессу могла способствовать аналогия тождества форм косвенных падежей от слов *два — две*. Таким образом, самый характер ошибок может иногда свидетельствовать о направлении развития.

6. Родовые формы глагола приобретают большую самостоятельность и употребляются довольно часто в зависимости от пола лица в нарушение формального согласования по роду.

7. В значительном ряде случаев появляется необходимость при существительных муж. р. употреблять слово *мужчина* (*юноша*, *мальчик* и др.), если нужно указать на мужской пол, так как самого существительного муж. р. для этого уже оказывается недостаточно. Следовательно, и слово *мужчина* становится таким же различителем пола, как им прежде было слово *женщина* (примеры см. выше). В этом можно видеть зародыш аналитизма в выражении пола.

8. В приложении или в сказуемом, относящемся к неодушевленному существительному муж. или ср. р., возможно (при наличии корреляции) только слово муж. р., а при слове жен. р. стало возможным и слово жен. р., и слово муж. р.:

Опыт — лучший *советчик*; Знание — лучший *советчик*; Жизнь — лучший *советчик* (или лучшая *советчица*); *города-победители*, *государства-победители*, но: *державы-победители* и *державы-победительницы*; *Деревня* — главный *поставщик* этой детворы («Работница», 1926, № 22); *Химия — создатель* новых материалов (Там же, 1958, № 6); И все это могучее движение мудро направляет Коммунистическая *партия* — наш *вдохновитель*, наш *рулевой* (Там же, 1958, № 10); Растем от года к году, мы, смотри, *земля-старик*, — садами и заводами сменили пустыри (В. Маяковский, Песня-молния).

Ср. также при существительных мн. ч.: Коллективным *воспитателем* детворы стали *студентки* педагогического училища («Комс. пр.», 17 марта 1964).

147. Общественные условия неравенства полов в досоциалистическом обществе законсервировали развитие в существительных муж. р. обобщенного значения, в результате чего возникла тенденция называть женщину по профессии всегда отдельным словом жен. р. Эта тенденция действовала на протяжении всего XIX в. и с меньшей интенсивностью — в начале и в 20-х годах XX в. Действует она, хотя в значительно меньшем объеме, и в настоящее время. Борьба за женское равноправие еще в конце XIX в. и особенно в начале XX в. породила новую языковую тенденцию — называть женщину словом муж. р. Предоставление женщине равных с мужчиной прав после победы Великой Октябрьской социалистической революции интенсифицировало эту новую зарождающуюся тенденцию, раскрепостив тем самым потенциальные возможности языка.

Борьба между этими двумя тенденциями полностью завершилась в области существительных мн. ч., среди которых все без исключения слова могут применяться как к лицам мужского пола, так и к совокупности лиц, смешанной в отношении пола, и даже просто в лицам женского пола. В словах же ед. ч. борьба еще продолжается, хотя с заметным перевесом в сторону победы новой тенденции, о чем свидетельствует абсолютное и относительное увеличение возможностей применения слов муж. р. к женщинам, а также различие в этом отношении языковой практики старшего и младшего поколений наших современников.

Изменения в употреблении слов муж. р. привели к перестройке соотношения в коррелятивных парах муж. и жен. р. (оно из обоюдно маркированного стало односторонне маркированным), а также воздействовали на другие ярусы языка, в результате чего наблюдается бóльшая самостоятельность родовых форм глагола и появление определенных синтаксических конструкций для аналитического способа выражения пола лица.

Явления, происходящие в этой области, являются прогрессивными не только потому, что они — следствие прогрессивных социальных факторов, но и потому, что, с одной стороны, они ведут к обобщению, к более широкому значению существительных муж. р., а с другой стороны — к обогащению языка, поскольку при назывании лиц женского пола говорящему предоставляется возможность выбора между формами муж. р., дающими обобщенное значение лица, и формами жен. р., дающими более конкретное название женщины с указанием на ее пол.

Перестройка отношений в коррелятивных парах от отношения обоюдно маркированного к отношению односторонне маркированному является объективным показателем прогрессивности данных изменений в языке.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Изменение членимости слов. *Появление членимости у слов, ранее не членимых. Повышение степени членимости на морфемы в ряде слов. Отвлечение из состава слов новых иноязычных морфем, активизация их в русском словообразовании. Сохранение слабой степени вычленимости аффикса в некоторых терминологических типах словообразования.*

148. Степень вычленимости морфемы из слова может быть различной. Границы между морфемами в одних случаях более глубоки и резки, в других — менее глубоки. Можно наметить такие ступени членимости слова:

1) Дано слово *Аб* (здесь *А* — корень или основа; *б* — аффикс или сочетание аффиксов). И *А* и *б* встречаются в других словах. Пример: *летчик*, ср. *летать* и *разведчик*.

То есть: в языке существует и ряд *Аб*, *Ав*... (с общим для всех слов корневым значением) [1] и ряд *Аб*, *Бб*... (с общим для всех слов деривационным, словообразовательным значением). В этих случаях слово хорошо членится на морфемы *А* и *б*, морфемная граница предельно ясна.

2) Дано слово *Аб*, есть ряд *Аб*, *Ав* (с общим вещественным значением; при этом *Ав* должно хорошо члениться, т. е. соотноситься с *Бв*), но нет ряда *Аб*, *Бб* (который был бы объединен общим деривационным значением). Иначе говоря: элемент *б*, которому можно было бы приписать деривационное значение, встречается только в сопровождении *А*.

При данных условиях может осуществиться такая возможность: деривационное значение, которое можно приписать *б*, выражается аффиксом *г*, т. е. существуют хорошо членимые слова *Дг*, *Ег* и т. д.; *г* и *б* синонимичны. Пример: *пастух*; ср. *пасу*; но часть *-тух* не встречается в других словах (*питух* ‘кто много пьет’ сейчас стало неупотребительно). Однако значение лица, которое можно было бы приписать этой части слова, выражается аффиксами *-тель*, *-щик*.

Слова такого типа членятся на *А* и *б* менее резко, чем описанные в первом случае.

3) Дано слово *Аб*; для него осуществлены те условия, которые описаны в случае втором, но не осуществляется указанная там возможность: нет хорошо вычленимых аффиксов, которые можно было бы считать синонимичными для *б*. Пример: *стеклярус*. Членимость на *стекл*’- и *-арус* слабее, чем во втором случае.

4) Дано слово *Аб*; есть ряд *Аб*, *Бб*..., но *А* встречается только в сопровождении *б* (т. е.: нет ряда *Аб*, *Ав*). Слово *Бб* хорошо членится, так как существует ряд *Бб*, *Бв*... Пример: *буженина*; часть *бужен*’- в других словах не встречается, но *-ина* со значением ‘сорт мяса’ встречается и в хорошо членимых словах: *конина*, *осетрина* и под.

---

[1] Или значением производящей основы.

Слова, описанные здесь, членятся на морфемы менее резко, чем описанные в третьем случае.

5) Дано слово *Аб*; есть ряд *Аб*, *Бб*, объединенный общим деривационным значением, но *А* встречается только в сопровождении *б*. Однако в отличие от случая четвертого слово *Бб* (и *Вб*, *Гб*, если они есть) не членится так хорошо, как слова типа *буженина*: все корни *А*, *Б*, *В*, *Г*... встречаются только в сопровождении *б*. Пример: *малина*, ср. *калина*, *рябина*, *крушина* [2].

Членимость таких слов на единицы *А* и *б* еще меньшая, чем в случае четвертом.

6) Дано слово *Аб*, причем есть сочетание *Ав*, но нет ни *Бб*, ни *Вв*. Пример: *коче-гар* и *коче-рга*. Нечленимость таких сочетаний очевидна. Между тем, у нас были основания предположить, что слова *кочегар* и *кочерга* — однокоренные: *кочегар* — ‘тот, кто работает кочергой’ (ср. *топорник* — ‘пожарный, работающий топором’), *кочерга* — ‘орудие кочегара’. Однако предположение не оправдывается, так как ни *-гар* (в значении суффикса деятеля, подобного суффиксу *-ник*), ни *-рга* (в значении суффикса орудия, ср. *-ло* в *точило*) не встречаются в соединении с иными, явными морфемами.

Описанную шкалу членимости можно представить в виде таблицы (см. табл. 15): членение слова *Аб* зависит от наличия слов, *Ав*, *Бб*, *Вв* и *Дг* (последнее слово важно только для случаев 2 и 3 при условии, что *г* — синоним *б* и *Дг* — членимо, т. е. есть еще *Дв*).

Чем меньше «да» стоит в строке у каждого типа, тем менее членим этот тип (но и при одинаковом числе «да» членимость может быть разной, ср. 2,3 и 4 строки).

Таблица 16 повторяет 15, но клетки заполнены примерами.

Номера типов — это шкала членимости: чем выше номер, тем членимость меньше. Общее устремление к агглютинативности должно выражаться в том, что некоторые слова второго типа превращаются в тип первый, некоторые слова третьего типа — во второй или первый и т. д.; и таких слов больше, чем слов, претерпевающих опрощение (переходящих с верхних на нижние ступени нашей таблицы).

Это усиление разграниченности морфем в составе слова — важнейший процесс, характеризующий существенные сдвиги в словообразовательной системе. Он не оставляет никаких «видимых», эмпирически наблюдаемых следов, поэтому обычно выпадает из поля зрения исследователей истории русского языка нашего времени.

149. Какие причины могут влиять на усиление морфемных границ в слове?

Во-первых, на него влияет появление новых слов, в первую очередь заимствований. Новое слово может заполнить лакуну в ряду соотносительных форм: если был ряд *Аб*, *Бб*, но не было *Ав*, то членимость *Аб* была низкой (четвертая ступень в нашей таблице). Появление нового слова, которое в этом ряду занимает место *Ав*, сразу поднимает членимость слова до первой ступени. Общественные факторы могут сильно влиять на ослабление или усиление потока заимствований и тем самым — на процесс вычленимости морфем из слов.

Во-вторых, распространение слов, ранее редкоупотребительных, также может влиять на морфемную членимость слов. Было сказано, что членимость слова *Аб* зависит от того, существуют ли в языке слова *Ав*, *Бб* и т. д. Но между двумя полюсами: «несомненно существовать» и «несомненно не существовать» в языке существует шкала переходных случаев, например: слово литературно, но малоупотребительно, известно далеко не всем — оно, следовательно, колеблется между существованием и несуществованием в литературном языке. Насколько резка граница, отделяющая приставку в

[2] *Рябина* и *рябой*, конечно, в современном языке не однокоренные слова. Есть четкий критерий (установленный Г. О. Винокуром), позволяющий определять, соотносятся ли производящее и производное слово как однокоренные: если одно слово (производное) можно объяснить через другое (производящее), то они — однокоренные. *Рябина* — не ‘рябая ягода’, поэтому *рябина* не того же корня, что *рябой*.

Таблица 15

Дано слово *Аб*	Есть ли *Ав*	Есть ли *Бб*	Есть ли *Бв*	Есть ли *Дв*	Есть ли *Дв**
Тип 1	Да	Да	Да	Безразлично	
Тип 2	Да	Нет	Да	Да	
Тип 3	Да	Нет	Да	Нет	
Тип 4	Нет	Да	Да	Безразлично	
Тип 5	Нет	Да	Нет	Безразлично	
Тип 6	Да	Нет	Нет	Безразлично	

* Единица *Дв* вводится, чтобы показать членимость *Дв*.

слове? *суглинок*? Кажется, что эта морфемная граница представляет случай четвертый: есть единицы *бА*, *вА* (ср. *глина*: тот же корень соединен с префиксальным нулем *в*) [3], но нет *бБ* (того же префикса с другим корнем). Может ли поколебать этот вывод наличие слов *супесь* и *супесок*? Не намного: они мало распространены; они колеблются между полюсами существования — несуществования в литературном языке. Упрочение их и распространение как общеупотребительных в языке повлияло бы и на соотносительное с ними слово *суглинок*: прояснило бы его строение, т. е. усилило бы вычленяемость приставки. Пока же отдельность этой приставки все же принадлежит четвертой ступени по шкале членимости или немного поднимается над этой ступенью (скажем, находится на уровне трех-с-половинной ступени): *вБ* нельзя считать полноценно существующим в литературном языке.

Ясно, что общественные факторы, способствуя распространению отдельных слов, могут увеличить членимость других, соотнесенных с ними слов.

150. Заимствованные слова в русском языке часто обладают лишь слабой членимостью (занимают 2—5 ступени по приведенной шкале), но все же членимостью. Поэтому они служат источником новых словообразовательных единиц. Насколько активно язык использует этот источник, в большой степени определяется самой потребностью в строительных элементах слова. А это в конечном счете зависит от интенсивности развития общественной жизни, от напряженности познавательной деятельности человека. В русском языке нашей эпохи процесс отвлечения новых словообразовательных аффиксов из заимствованных слов очень интенсивен.

В общелитературном языке эти процессы в значительной мере обусловлены влиянием терминологии, так как она нередко оказывается посредником, благодаря которому в общий язык входят новые иноязычные слова.

---

[3] Порядок компонентов: *бА* или *А б*, *вА* или *А в*, конечно, не важен. Префиксы и постфиксы выделяются на одинаковых принципах. Морфемы *б*, *в*, *г* могут быть и нулевыми аффиксами (*пробег-∅*) и даже аффиксальными нулями (*где*).

Таблица 16

Дано слово *Аб*	Есть ли *Ав*	Есть ли *Бб*	Есть ли *Бв*	Есть ли *Дв*	Есть ли *Дв*
1. *Лет* | *чик*	*Лет* | *ать*	*Развед* | *чик*	*Развед* | *ать*	(*Пис* | *атель*	*Пис* | *ать*)
2. *Пас* | *тух*	*Пас* | *у*	—	*Нес* | *у*	*Лет* | *чик*	*Лет* | *аю*
3. *Стекл* | *ярус*	*Стекл* | *яшка*	—	*Дерев* | *яшка*	—	—
4. *Бужен* | *ина*	—	*Осетр* | *ина*	*Осетр* | *овый*		
5. *Мал* | *ина*	—	*Круш* | *ина*	—	(*Кост* | *яника*	*Кост* | *яной*)
6. *Коче* | *гар*	*Коче* | *рга*	—	—	(*Топор* | *ник*	*Топор*)

Характерная для терминологии внутренняя тенденция к установлению оригинального инвентаря морфем, к отграничению его от общелитературного инвентаря поддерживается процессом вычленения морфем из иноязычной лексики; поэтому в терминологиях часто представлена более продвинутая ступень этого процесса. Например, в физической терминологии существует морфема *-трон*, которая для носителей общелитературного языка — неспециалистов не обладает ясной выделимостью. Она выступает в названиях ускорителей элементарных частиц: *синхротрон*, *циклотрон*, *фазотрон*, *синхрофазотрон*, *циклофазотрон*, *магнетрон*, *клистрон*, *космотрон*, *бетатрон*, *плазмотрон*. В общелитературном же языке все эти слова по шкале членимости занимают шестую или пятую ступень; только некоторые, может быть, поднимаются до третьей ступени (*плазмотрон*...). В недавнее время отмечены образования с этой морфемой и в биологической терминологии: *хемотрон*, *климатрон* [*климатрон* — 'оранжерея, в которой создан особый климат' (ср. «Комс. пр.», 20 ноября 1965)].

Нет сомнения, что слова пятого — шестого типов, и даже третьего словообразовательно совершенно инертны. Очевидно, в терминологии *-трон* занимает более высокое положение, чем в общелитературном языке, и поэтому там он словообразовательно дееспособен.

Активной словообразующей морфемой в лингвистической терминологии стал элемент *-эма*, который отсутствует в общелитературном инвентаре морфем. Отмечены следующие термины: *морфема*, *фонема*, *лексема*, *семема*, *семантема*, *фразема*, *интонема*, *экспрессема*, *стилема*, *дериватема* и др.

Ср. также: Для идеалиста первичным, исходным являются *-эмы* — *фонемы*, *морфемы*, *семемы* и проч...., а *фона*, *морфа*, *сема* и т. п. это вторичное, производное (О. С. Ахманова, Фонология, морфонология, морфология, 1966).

Или: Получается такой странный инвариант, *предложениема*, что ли? (Из устной речи, 1966).

Стимулом к процессу вычленения морфем может служить интенсивный — в короткий отрезок времени — приток заимствований определенной структуры. Однако в языке может идти и постепенное, долговременное накопление заимствований одинаковой структуры. В этом случае наступление критического момента, когда происходит скачок в осознании их формы, может особенно явно зависеть от внешних причин. Ими могут быть вызванная внешней потребностью актуализация определенной группы лексики, частое и экспрессивно выделенное ее употребление и т. д. (ср. подобные явления в космической лексике).

Процесс вычленения морфем часто бывает связан с выделением повторяющегося элемента в ряду заимствований, обладающих некоторой семантической общностью. Этот элемент может быть начальным или конечным в слове.

1) В словах *телевизор*, *телетайп* (ср. *телефон*, *телеграф*, *телескоп* и др.) выделяется первая часть при остаточной выделимости второй. Однако и вторая часть уже начинает активизироваться, отмечены: *стереовизор* («Изв.», 3 дек. 1964), *звуковизор* («Наука и жизнь», 1966, № 12) и окказиональное *землевизор* (Б. Ляпунов, Неоткрытая планета, 1963). Стабилизация, упрочение в языке таких образований обусловит уже не остаточное, а полноценное морфемное членение слова *телевизор*. Слово *телевизор* с третьей ступени членимости шагнет на первую. Были такие соотношения:

Телевизор (*Аб*) : *телескоп* (*Ав*) : ... (*Бб*) : *стереоскоп* (*Бв*); не было звена *Бб*. С появлением *стереовизора* и под. эта лакуна будет заполнена.

2) В слове *троллейбус* (в ряду *автобус*, *омнибус*) выделяется вторая часть *-бус*. Вслед за выделением второй части начала словообразовательно функционировать и морфема *троллей-*, по-видимому, пока лишь в терминологической сфере. В газетах 60-х годов отмечены слова: *дизель-троллейвоз*, *троллейкар* (пояснено: «грузовой троллейбус») и *троллейный*: Здесь их подхватывает *троллейный* вилочный погрузчик и устанавливает на складе («Наука и жизнь», 1966, № 1)[4]. Если слова *троллейный*, *троллейвоз* войдут в общелитературный язык, слово *троллейбус* обретет полноценную членимость на морфемы и по шкале членимости перейдет с пятой ступени на первую. Ранее отношения были такими:

Троллейбус (*Аб*) :... (*Ав*) : *автобус* (*Бб*) : ... (*Бв*). Отсутствовали члены отношения *Ав*, *Бв*; это пятая ступень членимости. С появлением общеупотребительных слов *троллейвоз*, *троллейкар*, *троллейный* появится такая цепь отношений:

Троллейбус (*Аб*) : *троллейкар* (*Ав*) : *автобус* (*Бб*) : *автокар* (*Бв*). Для слова *Аб* (*троллейбус*) это первая ступень членимости [5].

151. Рассмотрим более подробно пути вычленения ряда новых морфем. На одной из ранних ступеней находится выделимость морфемы *-рама* [6]. Приведем ряд иноязычных слов с общим элемен-

---

[4] Может быть, выделение этой морфемы было поддержано и заимствованием лексемы *троллей* в терминологии электроники.

[5] Здесь существенно, что до введения в этот ряд слова *троллейкар* слово *автокар* не могло влиять на членимость единица *Аб* — *троллейбус*: само это слово *автокар* плохо членилось (не было других общеизвестных *-каров*); а в качестве *Бв* должно выступать хорошо членимое слово *Троллейкар* одновременно устанавливает и хорошую членимость *автокара*, и (поэтому) — хорошую членимость *троллейбуса*.

[6] Вычленяемый элемент может быть (и чаще всего бывает) равен иноязычной морфеме (например, *-тека*, *-дром*, *-навт*, *-план*), однако он может быть и не соотнесенным с морфемным составом слов в языке-источнике (например, *-трон*, *-бус*, *-рама*). Так, элемент *-трон* был отвлечен из ряда названий элементарных заряженных частиц (ср. *электрон*, *нейтрон* и др. с корневыми элементами *электр-*, *нейтр-*). Нарушается морфемная граница в языке-источнике и при вычленении элемента *-рама* из ряда слов, представителем которого является *панорама* (в греч. παν — префикс, ὥρᾱμα 'вид, зрелище').

том *-рама*, которые отмечены в 50—60-е годы в русских текстах. Большинство из них лишь передает соответствующие иностранные наименования и не вошло в русский язык: *кинопанорама*, *синерама*, *циркорама*, *футурама*, *конгорама*, *сиркорама*, *циклорама*, *моторама*, *технирама*, *осморама*, *авиарама*, *куполорама*, *аромарама*, *итинерама* [7].

Все слова этого ряда называют какой-либо род кино, связанный с особыми зрительными эффектами. Первые элементы в большей части этих слов обладают лишь остаточной выделимостью (пятая ступень выделимости). Но сам элемент *-рама* стал ассоциироваться со значением, объединяющим слова этого ряда. Ср., например, высказывание, где он употреблен изолированно:

Широкоформатное кино... должно явиться видом искусства подобно «классическому» кино, а не видом аттракциона подобно *кинопанораме*, *циркораме*, *куполораме* и т. п. Для меня совершенно понятно скептическое отношение ряда видных режиссеров художественных фильмов к ультрашироким экранам — всем видам «*рама*» («Техника кино и телевидения», 1960, № 9).

Однако говорить о появлении новой морфемы в языке, о ее полном выделении в слове как значимой единицы — морфемы можно лишь в том случае, если этот элемент становится словообразовательно активным (будет строить ряд *Аб*, *Бб*, *Вб*...). Поэтому появление морфемы *-рама* связано с новообразованиями на русской почве: *кругорама* (с русской основой), *диапорама*. Например:

На фестивале организуется четыре секции: черно-белая фотография на бумаге; цветная фотография на бумаге; диапозитивы; фотографические озвученные монтажи (*диапорама*) («Комс. пр.», 17 ноября 1965); Именно такое положение вещей, очевидно, и вызвало к жизни *циркораму* (воспроизведенную у нас в Союзе в несколько улучшенном варианте под названием *кругорамы*) («Техника кино и телевидения», 1960, № 6).

Если слова *диапорама* и *кругорама* войдут в общеупотребительную лексику, можно будет констатировать появление в литературном языке новой морфемы. Членимость же слов *синерама*, *сиркорама* и под. (см. выше), ранее находившихся на пятой ступени (à la *малина*), теперь поднялась до третьей (à la *буженина*).

Очевидно, что разные вычленяемые элементы находятся на разных ступенях перехода с доморфемного уровня на морфемный.

Однако, по-видимому, необходимость выделения именно данного отрезка была «навязана» русскому языку уже в заимствованиях из других европейских языков, в которых выделение соответствующих морфем произошло раньше. Так как подобные элементы превращаются в интернациональные морфемы, их становление в каждом языке идет во взаимодействии с другими языками.

[7] Все примеры с элементом *-рама*, за исключением *диапорама* (см. дальше), взяты из статьи В. В. Лопатина и И. С. Улуханова «О словах на *-рама* в русском языке» («Вопросы культуры речи», вып. IV, 1963). Слово *куполорама*, по-видимому, является калькой иноязычного слова и поэтому отличается от других слов этого ряда своей членимостью.

Так, новообразования с элементами *-бус* и *-навт* представлены пока немногими окказионализмами, преимущественно словами, созданными в научной фантастике. Ср. с обычными названиями видов транспорта: *омнибус*, *автобус*, *троллейбус*, *микробус* (новое) предлагаемые наименования новых машин:

аэробус; *жиробус* («Техн.— мол.», 1964, № 1); фантастические: *космобус* («Труд», 23 марта 1965; «Крок.», 1964, № 30; «Пр.», 12 июня 1964), *лунобус* (А. Кларк, Лунная пыль, пер. Л. Жданова, 1965), *электробус* (И. Ефремов, Туманность Андромеды, 1958; «Изв.», 30 апр. 1962); шутливое: *топтобус* (В. Бианки, Повести и рассказы, 1965).

Все эти *-бусы* не являются общеупотребительными. Стоит, например, *космобусу* стать словом «для всех», как членимость всех остальных поднялась бы до третьей ступени. Например, сейчас *троллейбус* стоит на пятой ступени членимости (см. выше, III, § 158); при введении в цепь отношений *космобуса* все меняется: *троллейбус* (*Аб*) : ... (*Ав*) : *космобус* (*Бб*) : *космический* (*Бв*). Это третья ступень членимости.

Однако ввиду окказиональности *космобуса* (и других подобных образований) слово *троллейбус* не поднимается на эту третью ступень [8].

152. Бóльшую членимость находим в словах со второй частью *-навт*.

Активизация употребления и пополнение ряда слов с элементом *-навт* связаны с периодами подъема общественного интереса к проблемам авиации и космонавтики. Начало этого подъема падает на 20—30-е годы. Это годы первых достижений советской авиации, признания работ К. Э. Циолковского. В это время в ряду *аргонавт*, *аэронавт* становится употребительным, прежде всего в научно-фантастической литературе, слово *астронавт* и возникает новое слово *стратонавт*.

50—60-е годы — это время нового подъема общественного интереса к космонавтике. Он вызван выдающимися успехами Советского Союза в освоении космоса. Слова с элементом *-навт*, которые были знакомы широкому кругу говорящих в основном из научно-фантастической литературы, становятся языковой реальностью. Частотность употребления и явная членимость на русской почве интернационализмов *астронавт*, *космонавт* (возникшего в эти годы и сразу же вошедшего в массовый обиход) повлияли на осознание членимости остальных слов этого ряда и вызвали новообразования с элементом *-навт*. Вот пример:

Товарищи по экспедиции называют меня *гидронавтом* № 1 («Пр.», 19 янв. 1965; см. также в других центральных газетах от

---

[8] Напомним, что иное продвижение ожидает *троллейбус*, если войдут в употребление слова *троллейный*, *троллейвоз* (см. III, § 150).

того же числа — сообщение о подводном гидропланере). В 1965 г. вышла книга В. Ажажи «*Гидронавты*» [9].

По образцу слова *космонавт* создаются окказиональные экспрессивные образования:

Собаконавт [10]: Рядом огромный портрет космического путешественника, или, как в шутку их зовут в лаборатории, «*собаконавта*», и стихи, посвященные Ветерку и Угольку («Изв.», 17 мая 1966); *недронавт* — исследователь недр Земли (радиопередача, Москва, 1964, и «Юный натуралист», 1966, № 3); *хальмеронавт* — путешественник на байдарке «Хальмер» («Комс. пр.», 24 июля 1964); *литмонавт* (в шуточной телеграмме на планету Альфа Центавра от студентов ЛИТМО [Ленинградский институт точной механики и оптики] — в телепередаче КВН-1964). Человека, выходящего в космос, один из читателей газеты «Вечерняя Москва» предлагал называть «*леонавтом*» (по фамилии космонавта А. Леонова).

Знаменательно, что три старых слова на *-навт*, почти перешедших уже в пассивный словарь,— *аргонавты*, *аэронавты*, *стратонавты* — снова были вовлечены в живое употребление. Они выносятся в газетные заголовки, в контекстах подчеркивается их связь с высоким словом *космонавт*. Например, статью «*Стратонавты*» Л. Кассиль начинает так:

институт русского языка им. в. в. виноградова

Слово это победительно вошло в наш словарь немногим более тридцати лет назад. Оно закономерно предшествовало появлению через четверть века слова еще более гордого и знаменательного — *космонавт* («Лит. газ.», 7 янв. 1964).

В газете «Известия» (30 сент. 1965) под заголовком «Речные *аргонавты*» опубликована заметка о путешественниках, совершивших переход на лодках по рекам от Владивостока до Москвы.

Ср. также: Уже создана первая школа *аэронавтов*. Будущие пилоты, штурманы, бортрадисты и бортмеханики дирижаблей изучают радионавигацию, авиационные двигатели, вождение, прыгают с парашютом («Изв.», 1 дек. 1965).

Таким образом, притяжение всех этих слов к экспрессивному центру — космическим терминам — упрочило структурно-семантические связи между всеми словами. Можно без натяжек говорить о реальном морфемном единстве всего этого ряда для современного языкового сознания.

Общее в семантике слов с элементом *-навт* в современном русском языке сводится к следующему: путешественник, исследова-

www.rustang.ru

---

[9] Некоторые из этих новообразований могут быть и заимствованы (например, *акванавт*, см. «За рубежом», 1965, № 44), но существенно, что эти заимствования в русском языке воспринимаются как членимые. Членимость отдельных слов этой группы изменяется по-разному. Старинное слово *аргонавты* по шкале членимости поднимается с шестой ступени до четвертой; слово *аэронавт* — с третьей до первой.

[10] Ср. также встретившееся в переводе с английского слово *шимпонавт* — шимпанзе-космонавт (Р. Уормсер, Пан Сатирус в космосе, 1966).

тель, работающий в среде, часто новой и поэтому опасной, которую он изучает (обычно — в водном, воздушном или космическом пространстве)'. Среда названа в основе. Однако окказионализмы отклоняются от этой схемы.

153. Возрастает словообразовательная активность морфемы *-тека*. Ряд старых слабо членимых слов *библиотека*, *глиптотека*, *пинакотека* (пятая ступень) получил продолжение в полностью членимых новообразованиях: *картотека*, *игротека*, *фильмотека*, *фонотека*, *фототека* (отмечены словарями), *инструментотека* [11], *тканетека* (первая ступень). Например, под заголовком «Б и б л и о т е к а тканей» читаем:

Искусственный свет, стеллажи с образцами — все напоминает книгохранилище. Да и название сходное: *тканетека* (Календарь для женщин, 1965); — А что касается фасончика пальто,— пропела продавщица,— то я могу предложить вам богатейшую *модотеку*.— Что? — испуганно переспросил посетитель.— К а р т о т е к а м о д,— пояснил заведующий,— картинки в неограниченном количестве всегда готовы к услугам клиентов (С. Званцев, Рассказы с улыбкой, 1962).

Появление употребительных слов *картотека*, *игротека* и под. подняло членимость слов *глиптотека*, *пинакотека* на третью ступень, а слова *библиотека* — на первую ступень (ср. *библиофил*).

154. Рассмотрим группу слов с элементом *-дром*.

Подобно другим она первоначально складывалась из заимствований [12]. На определенном этапе в ряду слов, связанных и в своей семантике, стал выделяться элемент *-дром*. Затем произошел скачок: возникают образования от именных основ на русской почве (т. е. появляется звено *Бб*). Одним из первых новообразований такого типа, по-видимому, было слово *ракетодром*. Я. Перельман в книге «Межпланетные путешествия» (1933) сообщает: «1930 г. 27. IX. Устраивается (под Берлином) первый в мире *ракетодром*». Если даже это слово было заимствованием, важное значение имело то, что его основа соотносится с самостоятельной русской (т. е. освоенной) основой, и это слово могло ощущаться как производное от данной основы.

Наиболее интенсивно ряд слов на *-дром* начинает пополняться в 50—60-е годы в связи с потребностями в новообразованиях и влиянием космической лексики. Появляется *космодром*, возникают окказионализмы: *астродром* (И. Забелин, Пояс жизни, 1960), *сферодром* (предложено одним из читателей газеты «Веч. Москва» в значении 'посадочная площадка вне Земли', 1965), *машинодром*

---

[11] Пример из статьи В. П. Григорьева «Так называемые интернациональные сложные слова в современном русском языке» (ВЯ, 1959, № 1).

[12] О некоторых ранних заимствованиях говорят такие факты: 12 июля на *циклодроме* коммерческого собрания состоялись большие велосипедомоторные гонки при участии известного московского гонщика В. П. Быстрицкого («Русский спорт», 1908, № 7). Об испытании «на Бруклэндском *автодроме*» новой машины сообщает «Русский турист» (1913, № 1—4).

(«И наш „Москвич", покинув редакционный *машинодром*, устремился в сторону Марса [подмосковный поселок]».—«Лит. газ.», 3 окт. 1963); *спортодром* (шуточный репортаж, телепередача, Москва, 23 марта 1965).

Новообразования с этим суффиксом появляются и вне космической тематики; см. выше, а также:

Готовится к сдаче *кортодром* для юных автомобилистов («Изв.», 23 авг. 1965); *Вододром* — водоем, где испытывают танки, оборудованные для передвижения под водой («Веч. Москва», 12 сент. 1964); Аппарат доил, производил массаж, отключался. ....Да, это были дни. До пяти — на заводе, до 12 — на «*скотодроме*» («Комс. пр.», 20 июля 1965). *Змеедромом* один биолог назвал место, где он проводил опыты со змеями: Рюмин повторяет эксперимент уже в другом углу «*змеедрома*» («Сельск. жизнь», 1 окт. 1963). О *рюходроме* Н. Тихонов пишет в своих «Страницах воспоминаний»: Настоящий *рюходром*, как у Павлова в Колтушах! («Знамя», 1963, № 3). Молодой поэт Ю. Панкратов мечтает о времени, «когда в дни поэтических состязаний и выступлений будет также трудно пробиться к „*поэтодрому*", как сейчас трудно попасть на стадион» («Лит. газ.», 9 авг. 1963).

Таким образом, элемент *-дром* сейчас объединяет слова: *ипподром*, *автодром*, *циклодром*, *аэродром*, *велодром*, *вертодром*, *мотодром*, *космодром*, *ракетодром*, *планеродром*, *танкодром*, *кордодром*, *кортодром*, *вододром* и окказиональные: *астродром*, *сферодром*, *машинодром*, *спортодром*, *змеедром*, *рюходром*, *скотодром* и др.

Формируется более абстрактное словообразовательное значение: 'место, приспособленное для управления — конкретно вождения, запуска, испытаний, соревнований и т. п. различных машин и аппаратов, передвигающихся в пространстве'. Мотивирующая основа может называть машину или аппарат (в окказионализмах шире — управляемый или движущийся, действующий объект) или характеризовать место, среду — ср. в новообразованиях: *вододром* и *кортодром*.

Семантика новых морфем формируется в русском языке достаточно независимо от языка-источника. Процесс «семантизации» регулируется внутренними языковыми потребностями.

Под их воздействием внутри ряда заимствований актуализуются семантические связи только определенного типа, ими же диктуется избирательная сочетаемость новых морфем с тем или иным, определенным в семантическом отношении, рядом основ.

Так как на русской почве происходит объединение ряда слов с иноязычным элементом на новой семантической основе, для современного сознания могут полностью распасться этимологические связи этих слов со словами, оставшимися вне ряда, внутренняя форма которых остается поэтому мертвой. Ср. ряд *геология*, *биология*, *зоология*, *физиология*, *филология* и др., где элемент *-логия* указывает на то, что эти слова — названия наук, и слова на *-логия*, в которых этот элемент в русском языке семантически мертв,—

аналогия, *апология*, *антология*, *гаплология* и др.; или новообразованный ряд *аэродром*, *космодром*, *ракетодром*, *танкодром* и т. д. и *синдром*, *палиндром*.

Новые морфемы становятся носителями общего категориального значения, объединяющего весь ряд слов. В связи с этим, когда возникает потребность в общем родовом понятии, в речи может происходить лексикализация конечных элементов. Ср. выше: исходным являются *эмы*; разные виды *рама*. А также:

У нас будет такая вопросникотека что ли, и в этой *теке* будут отражены разные явления (Из устной речи, 1964); Как истая курсистка, я чванилась наукой: я наслаждалась всеми «*измами*» и «*логиями*», которыми набивала свои лекции (М. Шагинян, Литературный дневник, 1922).

Чем резче граница между данным суффиксом и корнем, тем больше возможность отдельного употребления данного суффикса, превращения его в слово. Не случайно, что чаще всего способными к такому отдельному функционированию оказываются деривационные суффиксы терминологической лексики. Ведь именно в терминологии суффиксы стремятся к предельной функциональной отдельности. Если термин в данной системе состоит из двух морфемных частей, то типичным для терминологии будет такой признак сочетаемости: каждая из морфем, занимающая в термине первое место, сочетается с каждой из морфем, занимающей второе место. Если набор начальных морфем — *А*, *Б*, *В*, набор конечных — *а*, *б*, *в*, то в терминологии окажутся закономерными такие единицы (термины): *Аа*, *Аб*, *Ав*, *Ба*, *Бб*, *Бв*, *Ва*, *Вб*, *Вв*. Матрица заполняется полностью. Этот идеал воплощает, например, на многих своих участках химическая терминология.

Такая сплошная заполненность матрицы — идеальный случай членимости всех слов, все они в этом случае принадлежат первой ступени морфемной раздельности. Энергичное развитие в нашу эпоху терминологических систем, широкое распространение терминологической лексики в массовой речи, глубокое влияние терминов на литературный язык — все эти причины обусловили более частое использование деривационных суффиксов в качестве отдельных слов, чем это было в XIX в. (когда единицы типа *-ист* или *-изм* тоже иногда применялись как отдельные слова, но почти всегда в иронической речи).

155. Итак, в современном русском языке идет интенсивный процесс словообразовательного освоения иноязычных слов. Он отражается прежде всего в появлении членимости у все большего числа слов, ранее нечленимых. Наблюдаются разные ступени этого процесса: от выделимости в ряду одного из элементов (при остаточности выделимости второго) до полного разложения слова на морфемы, когда части иноязычного слова идентифицируются как определенные морфемы в двух соотносительных рядах слов.

Расширяется свобода соединения русских и иноязычных элементов; происходит их функциональное выравнивание в системе

русского словообразования. В результате этого не только пополняется инвентарь активных словообразовательных морфем, но и возникают новые словообразовательные структуры. Среди этих структур наибольшей новизной обладают существительные с иноязычными (обычно интернациональными) суффиксами, присоединяемыми к основе (русской или иноязычной) посредством интерфикса *-о-/-е-*. Ср.: *ракет-о-дром*, *вод-о-дром*, *игр-о-тека*, *ткан-е-тека*, *круг-о-рама*, *цирк-о-рама*, *газ-о-фикация*, *тепл-о-фикация* и под. Считать подобные слова сложными нет оснований, так как отрезок, следующий за элементом *-о-/-е-*, в русском языке играет роль суффикса, а не корневой морфемы.

Сложными же, на наш взгляд, являются лишь слова, включающие не менее двух корневых морфем.

Косвенным свидетельством того, что в подобных словах в качестве суффикса выступают элементы *-дром*, *-тека*, *-рама*, *-лог*, *-бус* и под. (а не «*-одром*», «*-отека*» ...), служит то обстоятельство, что при лексикализации таких морфем (употреблении в качестве самостоятельных слов, примеры см. выше, ср. также «*измы*»), они употребляются именно в таком виде, без интерфиксального *-о-/-е-*[13]. Таким образом, интерфикс *-о-/-е-* перестает быть исключительным показателем сложных слов, тем более, что встречное течение — образование сложных слов без соединительного гласного — явление, активно развивающееся в современном языке.

156. Неверно было бы думать, что пополнение словаря новыми заимствованными словами, в основном терминологическими, всегда усиливает членимость слов. В большинстве случаев действительно увеличивается морфемная расчлененность слов; однако есть и другие факты, тоже в известной степени типичные. Рационалистически сознательный подход к построению слова, который обнаруживается именно в терминологии, может обеспечивать в некоторых случаях строгое сохранение определенной степени невычленимости аффикса во всех образованиях с этим аффиксом. Например, какой-нибудь суффикс, занимающий пятую ступень в шкале членимости (см. III, § 148), всегда используется в новых словах так, чтобы сохранить пятую ступень членимости.

157. В последние десятилетия в нашем языке появилось много новых названий типа *капрон*, *нейлон*, *орлон*, *перлон*, *силон*, *тефлон* и т. п.

Конечный элемент *-он* (и его морфонологические варианты *-лон*, *-рон*) стал своеобразным семантическим и структурным показателем группы слов — названий синтетических волокон.

Одним из самых первых появилось в русском языке (в 40-х годах) слово *капрон* (как название синтетического волокна и изделий из

---

[13] Это наблюдение было высказано Д. Н. Шмелевым в одном из устных выступлений.

него) [14]. Это образование, по-видимому возникло из соединения усеченной части названия химического вещества «*капролактам*» и заимствованного элемента *-он*, к этому времени уже известного в русском языке в качестве составной части некоторых названий зарубежных искусственных волокон. Возможно здесь и прямое влияние слова *нейлон* — наименования первого синтетического волокна (созданного в 30-х годах американским химиком Карозерсом), ставшего родоначальником целой семьи синтетических нитей [15].

В 40—60-е годы и за рубежом и у нас в химических лабораториях создаются разнообразные соединения, из которых получают все новые и новые синтетические волокна. Каждая лаборатория, каждая страна дает свои названия вновь появляющимся веществам. И часто одно и то же соединение, одно и то же волокно в разных странах называют по-своему, что создает своеобразную путаницу и впечатление бесконечного многообразия этих нитей.

Ср.: В зависимости от страны, где поликапролактам восходит на престол, его по-разному величают: в СССР его синтетическое величество принял имя *капрон*, в ГДР — *дедерон*, в ФРГ — *перлон*, в Румынии — *релон*, в Италии — *лилион*, в Чехословакии — *силон*, в Польше — *стилон*, в Японии — *грилон* («Неделя», 1963, № 46) [16].

Характерно здесь не столько «своеволие» химиков (или промышленников) разных стран, сколько то, что при всем разнообразии этих названий в них почти везде присутствует элемент *-он*. Этот элемент становится международным словообразовательным формантом, значение его вполне определенно. Он относит слово к разряду названий синтетических волокон [17].

---

[14] В 1944 г. советскими учеными был предложен метод получения полиамидной смолы, из которой в производственных условиях стали получать это синтетическое волокно (см.: БСЭ², т. 9, стр. 14). Первым из общелитературных словарей приводит слово «*капрон*» СО (1952).

[15] Ср.: Полиамидные волокна. Эта когорта волокон самая многочисленная и самая почтенная. Именно с нее начинается история синтетики. В 1937 году (в действительности несколько раньше.— *Авт.*) в химической колбе впервые выпал осадок белого вещества, название которого стало символом нашего видавшего виды века. *Нейлон...* («Неделя», 1963, № 46).

Показательна история возникновения этого слова: как наиболее благозвучное, простое по форме, оно было выбрано из нескольких сот названий, представленных на специальный конкурс (см.: Н. Н. А м о с о в а. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М., 1956, стр. 26). В специальной литературе в технической терминологии употребительнее другая транслитерация этого слова — *найлон* (более соответствующая английскому *nylon*).

[16] Ср. также: Девичье, то бишь химическое, имя этого волокна — полиэтилентерефталат. Торговые названия: в СССР — *лавсан*, в США — *дакрон*, в Англии — *терилен*, в ГДР—*ланон*, во Франции — *тергаль* («Неделя», 1963, № 46).

[17] Конечный элемент *-он* встречается в русском языке не только в этой лексической группе. Так, СБ приводит 311 слов на *-он* разного происхождения, строения и семантики. Нас интересует лишь группа слов — названий синтетических волокон, где этот элемент выступает как активный словообразовательный аффикс.

158. В русском языке эта группа названий пока немногочисленная, но явно продуктивная, растущая. Элемент *-он* (и его морфонологический вариант *-лон*) четко выделяется и осознается носителями языка [18] и особенно создателями этих новых названий.

Характерный пример — *мтилон* — наименование синтетического волокна, полученного в экспериментальной лаборатории Московского текстильного института, образованное путем присоединения к сокращенному названию института *МТИ* элемента *-лон*[19]. Ср. название нового волокна *акон*, образованного также путем присоединения элемента *-он* к сокращению *ак-* (ацетатно-капроновая нить):

«*Акон*» — так называется этот дымчатый с серебристым отливом мех из ацетатно-капроновой нити («Веч. Москва», 4 апр. 1966).

Можно привести и некоторые другие примеры. Названия *фторлон* и *нитрон* также созданы сравнительно недавно. Ср.:

... Новым чудом является синтезированный Ленинградским институтом полимеризационных пластиков фторсодержащий полимер, растворимый в ацетоне. А сотрудники Московского текстильного института проф. З. А. Роговин и З. А. Зазулина разработали условия получения, т. е. технологию производства волокна, названного *фторлоном* (И. Агафонов, Химия чудесных волокон, 1962); ... Волокно *нитрон* было синтезировано в СССР научными сотрудниками ВНИИВ и Текстильного института им. С. М. Кирова. Это волокно получают из полимера акрилнитрила, откуда и пошло название *нитрон* (Там же); Если капроновую нить подвергнуть специальной обработке, то она приобретет новые замечательные свойства: станет пушистой, объемной и, что очень важно, малоэластичной. Эта синтетическая нить условно названа *мэрон* («Веч. Москва», 20 марта 1963); Объемные нити *гофрон* (гофрированный капрон.— *Авт.*) (за рубежом такая нить носит название *банлон*) в настоящее время изготавливаются и перерабатываются в опытном и производственном масштабах («Новые химические волокна и их переработка», 1965).

159. Приведенные примеры свидетельствуют о существовании в языке определенного словообразовательного типа. Специалисты естественно обращаются к «всегда готовому» элементу *-он* при необходимости дать название новому синтетическому материалу. Своеобразие этого типа в том, что словообразовательный формант *-он* (или его морфонологические варианты) присоединяется к неоднотипным, очень разным по происхождению, семантике и структуре основам. Под основой понимается та часть этих образований, которая остается после вычитания морфемы *-он*.

---

[18] Ср. показательный пример, приведенный в устной беседе Н. А. Янко-Триницкой, — разговор в магазине: Из чего эти изделия? — Из какого-то «*óна*».

[19] На вопрос: почему окончание *-лон*, а не *-он*, сотрудники кафедры новых волокон ответили: «так благозвучнее».

Как правило, она не встречается (и огромным большинством носителей литературного языка не ощущается) в других словах ни в свободном, ни в связанном виде. Иначе говоря, в этих словах вычленяется лишь элемент *-он*, поэтому членимость слов типа *капрон*, *мэрон* и под. установилась на уровне пятой ступени (тип *малина*); этот уровень поддерживается и в новообразованиях.

Один из видов производящей основы — отсеченная часть химического названия вещества, из которого получают волокно, например: *фтор*содержащие вещества → *фтор*(л)он; акрил*нитр*ил → *нитр*он [20]. Другим, весьма продуктивным видом «основы» является сложносокращенное образование, к которому присоединяется морфема *-он*, например: *мтилон*, *акон* [21]. Ср. также: *мэрон* — малоэластичный кап*рон* (по морфонологическим причинам, по-видимому, здесь в словопроизводстве участвует группа *-рон*).

В последние годы с элементом *-он* в разных языках создается много однотипных названий искусственных волокон — *орлон*, *пермалон*, *велон*, *дакрон* (США), *перлон* (ФРГ), *дедерон* (ГДР), *лилион*, *форлон* (Италия) и т. п. [22]

Многие из этих названий (вместе с изделиями) попадают в русский язык. Количественное увеличение группы слов с конечным элементом *-он* также способствует его продуктивности.

160. Конечный элемент *-он*, однако, не единственно возможный показатель этой семантически единой группы слов. Такую же роль начинает играть сочетание *-ан*. Широкая известность слова *лавсан*[23], а также появление названий зарубежных синтетических волокон с конечным элементом *-ан*, например *саран* (США), *рильсан* (Франция) способствовали осмыслению этого сочетания как словообразовательного форманта. Ср. новое образование, созданное на «основе» *лавсана*, — *мэлан*:

Большая химия открывает перед легкой промышленностью все новые возможности. Сегодня из Косино привезли в институт первые образцы *мэлана* — малоэластичного лавсана («Веч. Москва», 20 марта 1963); *Летилан*: не правда ли, звучное название? Составили его первые буквы названий двух учреждений, сотрудники кото-

---

[20] Следует заметить, что способ наименования некоторых волокон путем простого отсечения части названия химического вещества довольно известен, например: *ундекан*, *энант* и др. Волокно из «поли-ω-*ундекан*амида» — *ундекан* (СССР). Волокно из «поли-ω-*энант*оамида» — *энант* (СССР). Ср.: Волокно *ундекан* обладает большей эластичностью, чем *энант* (Краткая химическая энциклопедия).

[21] Подобный способ образования таких названий известен и другим языкам. Ср., например, наименование волокна, производимого Германской Демократической Республикой,— «дедерон»: *D*(eutsche) *D*(emokratische) *R*(epublik) (сокращение этого названия *DDR* + *он*).

[22] См.: «Справочник по синтетическим волокнам зарубежных стран». М., 1963.

[23] Это слово представляет собой сложносокращенное образование из первых букв названия Лаборатории высокомолекулярных соединений Академии наук, получившей это вещество (волокно).

рых разработали новое волокно,— Ленинградского текстильного института и Латвийской академии наук («Пр.», 9 июня 1965).

Пока таких образований в русском языке немного и сочетание *-ан* в них разного происхождения (например, *ундекан* — усечение из (поли-ω-) *ундекан* (-амида), *комэлан* — из сочетания названия машины *КОМЭ* + -(*л*)*ан*), тем не менее появление за короткий период ряда названий, одинаково структурно оформленных, дает основание говорить о рождении нового словообразовательного типа в современном русском языке. Однако в число условий образования новых слов с этим элементом и с продуктивным аффиксом *-он*, повидимому, входит и такое: новое слово должно слабо члениться и быть похожим на благозвучное «собственное имя», лишенное внутренней формы.

В заключение надо подчеркнуть, что в большинстве случаев пополнение словаря заимствованными терминами и создание по их образцу новых слов увеличивает морфемную расчлененность слов и этим благоприятствует росту агглютинативности в русской словообразовательной системе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Стилистические изменения в системе словообразования. *Словообразовательная синонимия как фактор стилистических изменений в словообразовании.*

Стилистическое разграничение отыменных глаголов с суффиксами -ствовать и -ничать. *Связь этого процесса с процессом специализации словообразовательных типов.*

Стилистическое взаимодействие имен лиц с суффиксами -ник и -щик. *Социальные и внутриязыковые причины, способствующие активизации экспрессивных образований на -щик.*

Стилистические изменения в словообразовании качественных наречий. *Сближение различных словообразовательных типов наречий по семантике и производящим основам, усиливающее их стилистическую контрастность. Расширение семантики и круга производящих основ у отадъективных наречий на -о и по-...-ому. Взаимодействие словообразовательной и межкатегориальной синонимии. Семантическое выравнивание словообразовательных синонимов как основа их стилистического разграничения. Социальная обусловленность этого процесса.*

Три вида стилистических взаимодействий и их различная роль в развитии системы словообразования.

161. Стилистические изменения в системе словообразования могут быть вызваны синонимическими взаимодействиями словообразовательных единиц разного рода:

1) взаимодействием словообразовательных типов, формируемых близкими по значению аффиксами, действующими в кругу однородных в структурно-семантическом отношении основ (например: *скопидомствовать* и *скопидомничать*; *атомник* и *атомщик*);

2) взаимодействием словообразовательных типов, действующих в кругу однородных основ, но относящихся к разным способам словообразования (например, *хорошо* и *по-хорошему*, *особенно* и *по-особенному*);

3) и, наконец, взаимодействием словообразовательных типов, формируемых одним и тем же аффиксом, но действующим в кругу

неоднородных в структурно-семантическом отношении основ (например, *бетонщик*, *арматурщик* и *разливщик*, *расклейщик*).

Таким образом, среди явлений словообразовательной синонимии нами рассматриваются и типы, различающиеся грамматическим характером производящих основ (группа 3) и обычно выводимые за пределы словообразовательных синонимов. Такое понимание словообразовательной синонимии, более широкое сравнительно с традиционным, объясняется тем, что по результатам своего влияния на словообразовательную систему взаимодействие, указанное в п. 3, близко явлениям, названным в п. 1 и 2.

Образования от одной основы с разными аффиксами, произведенные одним и тем же или разными способами словообразования, реально и потенциально присутствующие в языке, обычны при синонимии словообразовательных типов. Именно наличие таких образований активизирует взаимодействие синонимических типов, стимулирует их стилистическое и семантическое размежевание, разграничение сфер и условий их употребления, являясь, таким образом, важным фактором развития словообразовательной системы.

Уже говорилось, что стилистические разграничения в русском языке советской эпохи становятся более обостренными, чем в предшествующие эпохи (см. II, § 66—86). Процессы стилистических размежеваний протекают многообразно и нередко противоречиво. Такое размежевание может быть одной из сторон процесса специализации. Два синонимических типа постепенно размежевываются, специализируются: каждый из них избирает особую группу производящих основ (не ту, что у конкурента), вносит в новообразование особый оттенок значения (отличный от значения соперничающего типа); вместе с тем и стилистически эти типы начинают окрашиваться по-разному — специализация затрагивает и стилистическую характеристику этих типов. Хороший пример такой стилистической специализации — взаимодействие словообразовательных типов глаголов с суфф. *-ствовать* и *-ничать*.

Стилистические разграничения отыменных глаголов с суффиксами *-ствовать* и *-ничать*. **162.** Взаимодействие этих словообразовательных типов в сфере значения ‘проявлять качество, свойство, обозначенное в основе’ (образования с основами прилагательных и неличных существительных) в XX в. приводит к значительному преобладанию глаголов с суфф. *-ничать* и вытеснению образований на *-ствовать*.

В 20-е годы взаимодействие этих типов носит скорее лексический, чем словообразовательный характер; соперничают по употребительности старые образования: *самовольничать — самовольствовать*, *своевольничать — своевольствовать*, *равнодушничать — равнодушествовать* и др.

Активно образуются глаголы на *-ничать*, не имеющие параллелей на *-ствовать*.

Не стоит *литературничать* вокруг таких простых, больших и смешных вещей (М. Кольцов, Рождение первенца); Петроград — этот все еще шебар-

шит, сопротивляется, *культурничает* (М. Кольцов, Москва-матушка); Зачем было наскакивать матросу, *неуемничать* (А. Малышкин, Севастополь); пытаясь *хладнокровничать*, заговорила она (А. Веселый, Россия, кровью умытая).

В последующие десятилетия из бывших параллельных образований чаще встречаются глаголы на *-ничать*: *смиренничать*, *малодушничать*, *своевольничать*, *ехидничать*.

Довольно много глаголов на *-ничать* от прилагательных и отвлеченных существительных не имело соотносительных образований на *-ствовать* и в XIX в. Ср.: *интересничать*, *манерничать*, *фамильярничать*, *подобострастничать* и др. По морфонологическим возможностям (образования чаще всего производились от прилагательных на *-н-* или от существительных, имеющих в конце основы ряд согласных, ср. *ненависть*) жизнеспособнее оказался суфф. *-ничать*.

162. Среди образований, соотносительных с существительными и оценочными названиями лица, взаимодействие носит более активный и сложный характер. В первые десятилетия XX в. оба типа сохраняют продуктивность. Многие параллельные образования, пришедшие из XIX в., сосуществуют и в это время, одиночные приобретают пары. Ср.: *подхалимничать — подхалимствовать*, *радикальничать — радикальствовать*, *паразитствовать — паразитничать* и др. Примерно с 20—30-х годов становится более резким, чем в прежние годы, стилистическое противопоставление образований на *-ствовать* и *-ничать*.

В связи с влиянием просторечия на литературный язык в эти годы глаголы на *-ничать* широко распространяются в разговорной речи и, так сказать, упрочивают, укрепляют свою сниженную стилистическую окраску. Очень многие образования на *-ствовать*, в XIX в. обладавшие окраской разговорности, нейтрализуются или противопоставляются словам на *-ничать* как книжные. Так, видимо, дифференцируются *радикальствовать* и *радикальничать* [1], *скопидомствовать* и *скопидомничать*, *подхалимствовать* и *подхалимничать*, *мародерствовать* и *мародерничать*, *крохоборствовать* и *крохоборничать*.

В разговорной речи образования на *-ничать* со значением 'вести себя подобно кому-то' заметно активизируются. В связи с этим в активное употребление втягиваются отдельные глаголы, во второй половине XIX и в первые десятилетия XX в., видимо, малоупотребительные. Ср., например, активное употребление глагола *крохоборничать* [2] в 30—40-е годы и в наше время:

Крохоборничаете,— сердито подсказал Франс (К. Федин, Похищение Европы); На левом фланге противник уже не *крохоборничает* (А. Бек, Волоколамское шоссе); Колхоз наш растет и богатеет, и нечего нам *крохоборничать* («Тамбовская правда», 9 янв. 1955) [3].

[1] БАС дает оба глагола с пометой *разг.*

[2] БАС дает с пометой *устар.*

[3] Пример взят из статьи: К. С. Самуйлова. К вопросу о суффиксальном образовании глаголов. «Уч. зап. Тамбовского гос. пед. ин-та», вып. XII, 1958, стр. 124.

В дальнейшем стилистическая дифференциация этих типов становится одной из причин их словообразовательного разграничения. Новообразования на *-ничать* носят разговорный или даже просторечный характер. Ср., например:

Сам-то не дюже храбрый, *дезертирничаешь* (А. Первенцев, Над Кубанью);... Чего *кащейничаете* (Б. Лавренев, Гравюра на дереве; *Уродничает* наш адмирал (А. Новиков-Прибой, Цусима); Ты еще долго собираешься *забулдыжничать*? («Крок.», 1954, № 24);—Седых привык, что фонды отрезают, не может освоиться с новой обстановкой. *Скопидомничает* по привычке.— *Сквалыжничает*!— в тон ей воскликнул Архипов («Огонек», 1954, № 45); [К а з а к о в, снисходительно] *Интеллигентничаете*, лейтенант (Л. Зорин, Светлый май, 1964); А ты не *скупердяйничай* (Из устной речи, 1964); Что они делают — *бандитничают* (Из устной речи, 1964).

Образования на *-ствовать* со значением ‘вести себя подобно кому-то’ (тоже с отрицательной окраской) создаются преимущественно от основ существительных неразговорного характера. Они употребляются почти исключительно в публицистике и соотносительность с *-ничать* утрачивают: *ренегатствовать*, *ревонерствовать*, *дилетантствовать*, *эпигонствовать*, *эстетствовать*, *политиканствовать* и др. не имеют параллельных образований на *-ничать*. Объясняется это, видимо, и различием в характере отрицательной окраски: *-ничать* обладает резкой отрицательной экспрессией, *-ствовать* выражает неодобрительное, иногда ироническое отношение. Экспрессия *-ничать*, легко сочетающаяся с разговорными оценочными именами типа *скупердяй*, *сквалыга*, *балбес*, не может ужиться с книжными именами типа *эстет*, *ренегат*, *дилетант*, *эпигон* и т. п. [4] Вот ряд употреблений глаголов на *-ствовать*:

Нужно было сосредоточить все силы в одной области, а не *дилетантствовать* понемногу во всех (Б. Лавренев, Гравюра на дереве); Они *политиканствуют*... и болтают (К. Федин, Похищение Европы); При таком ясном и широком понимании... задач искусства критик-искусствовед меньше будет *эстетствовать* и домышлять (П. Павлов, Моя жизнь и встречи, ЛК).

По-видимому, у некоторой части образований на *-ствовать* развивается значение ‘подражать кому-то’, ‘подделываться под кого-то’. Ср. такие образования, как *геройствовать* [5], а также

[4] Следует отметить, что имена, дающие отрицательную характеристику лицу, с большим отбором входят в круг производящих основ обоих типов. Помимо морфонологических ограничений действуют ограничения семантические: производящими основами обычно оказываются названия лиц, отрицательную сущность которых можно представить как деятельность. Ср. отсутствие глагольных образований от основ типа *негодяй*, *бездарь*, *мещанин* и др.

[5] Вряд ли в этом слове сейчас есть значение ‘совершать геройские поступки’, как утверждает БАС.

В некоторых случаях глаголы на *-ствовать* с этим значением «подстраиваются» к глаголам на *-ить*, соотносительным с оценочными названиями лица. Взаимодействие это непродуктивно: глаголы на *-ить* типа *буянить*, *шарлатанить* чрезвычайно склонны к утере внутренней формы. Ср. глаголы:

некоторые причастные формы [6] — *мужиковствующие*, *крестьянствующие*, индивидуальные — *вознесенствующие*, *евтушенствующие*, *ахмадулинствующие* и др.:

Я говорю не столько о том крестьянском интеллигенте... но о том многочисленном контингенте *крестьянствующей* интеллигенции (А. В. Луначарский, На фронте искусства); *Мужиковствующих* свора (В. Маяковский, Юбилейное); Сейчас развелось немалое количество *вознесенствующих*, *евтушенствующих* и *ахмадулинствующих* молодых поэтов («Лит. газ.», 28 дек. 1965); Сослуживцы... находились в том... состоянии, когда *приятельствующих*, сытых и не совсем трезвых мужчин тянет на философские рассуждения («Крок.», 1965, № 34); У буржуазных писателей — свои тенденции, у догматиков — свои, у *либеральствующих* — свои («Лит. Россия», 29 апр. 1966).

В отдельных случаях употребление глаголов на *-ствовать* двузначно: ‘быть кем-то’ и ‘вести себя подобно кому-то’. Ср. образование на *-ствовать*, семантически дифференцируемое только в контексте:

— Сволочь, Митька! *Генеральствуешь*? [здесь — второе значение] (Б. Лавренев, Большая Земля).

Суфф. *-ничать* используется только для выражения качественно-оценочного значения. Ср. *миссионерничать*, *комедиантничать*, *дипломатничать* при возможности двузначного употребления *миссионерствовать* и других глаголов на *-ствовать*:

Я не хочу *миссионерничать*. У меня есть свои интересы (К. Федин, Похищение Европы); Перестань *комедиантничать* (А. Веселый, Россия, кровью умытая);... Павел решил *не дипломатничать*, а договориться в открытую (В. Очеретин, Саламандра).

Таким образом, образования на *-ствовать* отмежевываются от глаголов на *-ничать* по характеру производящих основ, по семантике и стилистической окраске.

Стилистическое взаимодействие имен лиц с суффиксами *-ник*, *-(н)ик* и *-щик*. 163. Оживление разговорной стихии в литературном языке, вызванное революционными событиями, а также изменением состава носителей литературного языка, как уже говорилось, пробудило активность многих выразительных словообразовательных средств. Очень продуктивными оказались суфф. *-(н)ик*, *-ник* и *-щик*.

зубоскалить, *хулиганить*, *дебоширить*, *буянить*, *горланить*, *балагурить* и т. п., обозначающие не столько действие лица, названного в основе, сколько действие определенного характера. Образования на *-ствовать* оживляют связь действия с лицом, ср. *хулиганить* и *хулиганствовать*, например: ... И исчезнут с улицы Горького *хулиганствующие* юнцы, будут гулять лишь благовоспитанные молодые люди («Лит. газ.», 27 янв. 1966).

[6] Некоторые из этих форм являются мнимыми причастиями. Однако образования такого типа, даже когда они порывают связи с глаголом и выступают в роли прилагательных, сохраняют семантические особенности глагольных форм. Это относится и к тем образованиям, которые, по-видимому, генетически не были связаны с глагольными формами.

В XIX в. суфф. *-(н)ик*, *-ник* были активны по преимуществу в образовании наименований лиц по роду занятий (появились и вошли в употребление такие слова, как *естественник*, *железнодорожник*) и названий лиц по общественной ориентации, по принадлежности к политическому и идеологическому течению (*западник*, *народник*, *крепостник*) [7]. В XIX в. эти имена носили подчеркнуто разговорный характер и могли возникать, по наблюдениям исследователей, как полемические «разговорно-просторечные клички в среде противников данного течения и лишь впоследствии получили терминологическое значение» [8].

Обстановка революционных лет способствовала появлению новых образований той же семантики. Утвердившись в этой семантической сфере, подобные наименования в значительной мере утратили как определенный словообразовательный тип отрицательную экспрессивность, сохранив свое значение удобных в разговорной речи обозначений, которые лишь со временем включились в систему письменной речи.

Даже после длительного употребления в устной речи, где они становились привычными, в строгой письменной речи такие образования могли получить характер цитат из иной речевой сферы. Например:

Да, я знала и хорошо помнила Марию Степановну Ольшевич, типичную «*культурницу*» 90-х годов, издательницу популярно-научных книг, переводчицу, неутомимую деятельницу в области «просвещения народа». По политическим взглядам она стояла ближе всего к «*народникам*», но прямого участия в политике не принимала. Чтили ее по-своему и подпольные работники. Она оказала «*подпольникам*» многие ценные услуги (А. М. Коллонтай, Сестры, 1927).

Характерным было одновременно с этим расширение семантических возможностей таких образований. Новые наименования могли быть связаны не только с общественной и политической ориентацией как основным признаком лица, но также с творческой характеристикой, с определенными чертами мировоззрения, в частности художественного мировоззрения. Такая семантическая эволюция словообразовательного типа, проникшего в область социально-общественной лексики, была обусловлена неразрывной связью русской общественной мысли и культурной жизни. В этой новой семантической группе производные имена на *-ник* снова приобрели экспрессивность — наименования давались по признакам, которые оценивались говорящим как отрицательные:

... Люди, мыслящие такими вот схематическими, упрощенными, сплошными «марксистскими поговорками»... из авангардных людей класса, перестраивающего действительность, превращаются в *упадочников* (Ю. Либединский, Предисловие к книге Д. Фурманова

[7] Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX в. М.— Л., 1965, стр. 235—236.

[8] Там же, стр. 236.

«Путь к большевизму», 1926);... У пишущего эти строки определенная тоска по искусству грандиозному, побеждающему, уничтожающему, искусству захватывающему, и не только избранный круг *утонченников*... (Л. Сабанеев, Годы революции в музыке, 1922); И как бы уточняя все сказанное, Лелевич кончает книгу следующими словами: «Одни из этих «*переходников*» так и остались «лишенными классового костяка» и либо отошли от революции, либо остались более или менее близкими попутчиками ее» («Культура и жизнь», 1922, № 1); *Беспредметники* — «сторонники направления в изобразительных искусствах, отрицающего изображение предметов» (СУ — с пометой *нов.*). Ср. новое *конкретник*, подтверждающее, что этот семантический тип сохраняет активность: Характерно, кстати, и то, что «композиторы-*конкретники*» испытывают большие трудности при записи своих произведений («Сов. культ.», 11 мая 1961).

Экспрессивно-отрицательный характер имени проявлялся независимо от значения производящей основы, которое могло лишь усилить отрицательность наименования, как по сходству (*упадочный — упадочник*), так и по контрасту (*утонченный — утонченник*) со сниженно-разговорной стилистической принадлежностью словообразовательного типа. Стилистическая и эспрессивная окрашенность производного имени — постоянная черта новообразований с этим суффиксом.

Все новообразования такого типа появлялись в речи демократической интеллигенции, косвенно отражая идеологическую борьбу, в которую она была вовлечена общественными событиями. В первые послереволюционные годы такие образования еще сохраняют продуктивность (см. примеры выше), однако начиная с 30-х годов этот семантический тип постепенно теряет активность. Очевидно, на его судьбу повлияли и существительные с суфф. *-щик* (см. III, § 164—165).

164. Усиленное влияние разговорной речи на нейтральную способствовало активизации словообразовательного типа имен лиц с суфф. *-щик*, который принадлежал ранее почти исключительно профессиональной речи. Теперь сфера употребления имен с суфф. *-щик* становится шире.

Профессионально-терминологическая лексика, по преимуществу представлявшая в начале XX в. этот тип, отражала ремесленное, мелкое производство. В связи с этим она употреблялась прежде всего в разговорной речи той части общества, которая не вполне могла считаться носителем литературного языка. Это определило судьбу данного словообразовательного типа. Профессиональная лексика попадала в литературу лишь как отражение такой ремесленно-профессиональной речи, а следовательно, и здесь сохраняла стилистическую окраску, сниженную по отношению к нейтральной литературной лексике.

Единичные для XIX и начала XX в. экспрессивные отыменные образования (типа *литературщик*) стали в языке советской эпохи

основой многочисленной группы имен, обладающих эмоциональной выразительностью. Продуктивность этих экспрессивных образований в разговорной речи не только не уменьшается, но, наоборот, возрастает, несмотря на утверждение суффиксального типа имен на *-щик* в качестве основного способа образования названий профессий в терминированной речи (см. III, § 85—88, 90—93). Однако за разными сферами речи были закреплены различные словообразовательные типы имен лиц на *-щик*. В профессиональной и терминологической речи сохранили актуальность отглагольные образования, лишь в недавнее время пополнившиеся отыменными образованиями от названий механизмов (III, § 93). В разговорной речи распространяются отыменные образования на *-щик* преимущественно экспрессивного характера. Продуктивность таких образований — новое в русском языке явление в сравнении с дореволюционным периодом.

Примечательно разнообразие значений и сфер распространения качественных названий — наиболее продуктивной в разговорной речи группы образований с суфф. *-щик*. Мы встречаемся здесь как раз с тем редким случаем, когда продуктивность увеличивает нерегулярность словообразовательного типа [9].

Прежде всего отрицательная экспрессивность и стилистическая сниженность имен на *-щик* позволила использовать их для номинации общественно порицаемых лиц. Осуждение может быть связано с отрицательной оценкой характера их работы (*авральщик*, *халтурщик* [10], *калымщик*, *волынщик*) или занятий (*анонимщик*, *жалобщик*, *сигнальщик*, *плагиатчик*).

В современном языке новообразования с суфф. *-щик* часто используются для создания экспрессивных синонимов. Слова *анонимщик*, *жалобщик*, *сигнальщик* в современной речи очень близки друг к другу по значению, даже в большей степени, чем производящие — *жалоба*, *анонимка*, *сигнал* [11].

Влияние сложившегося типа образований наглядно обнаружи-

---

[9] «Социальная действительность выдвигает на первый план некоторые деривационные значения, актуализирует их. Некоторые из них становятся диахронически продуктивными, несмотря на то, что первоначально их синхронная продуктивность была весьма слабой. Возможно в этом случае, что «образования по конкретному образцу» постепенно формируют новую синхронно-продуктивную группу слов с таким оттенком аффикса, который был представлен лишь у одного-двух слов и являлся лексикализованным» («Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 38).

[10] Вместо слова *халтурщик* в 20-х годах употреблялось *халтурник* (В. Ф. Алтайская. Переходные явления в лексике русского языка послеоктябрьского периода.— РЯШ, 1960, № 5, стр. 15). Ср. с группой слов на *-ник*, содержащих лишь положительную качественную оценку работы: *ударник*, *скоростник*, *тысячник* и т. д.

[11] Переносное значение слова *сигнал* указано впервые в СУ (с пометой *нов.*): 'предупреждение о чем-либо нежелательном, что может совершиться, предостережение'. Ср. контекстное сближение слов этой группы: *Сигнал* — это все та же *анонимка*. Неизвестный, не пойманный за руку анонимщик ходит где-то рядом и торжествует («Лит. газ.», 9 дек. 1965); По *сигналу* Кудрявцева надо полагать? — Догадываетесь? Еще бы! Как раз его *жалобу* разбираем («Изв.», 19 ноября 1965).

вается, например, в слове *жалобщик*, которое не является новообразованием. Во всех толковых словарях современного русского языка оно толкуется как 'подающий жалобу, истец'. В СУ дана помета, указывающая на то, что сфера его употребления — официальная речь. Но в современном языке оно более употребительно в разговорной речи, и здесь значение его несколько изменилось — в нем уже содержится указание на постоянство жалоб и отрицательная экспрессия:

— Вы, я слышал, жаловались на управление дороги?— Жаловался.— А напрасно... Не любят у нас *жалобщиков*. Очень не любят («Лит. газ.», 7 марта 1963).

Появилось разговорное образование *сигнальщик* — экспрессивно усиленный синоним с ироническим оттенком в значении [12]:

За день до нашего визита комиссия горкома партии проверяла сигнал тов. Кудрявцева, содержащий 17 пунктов обвинения против дирекции. Знаете, такого рода «принципиальность» надоедает. Главное потому, что тут люди против *«сигнальщика»* бессильны («Изв.», 19 ноября 1954).

Образования с суфф. *-щик* в этой группе лексики заняли ведущее место и вытесняют другие образования. Суфф. *-щик* присоединяется к непроизводным основам заимствованных слов (*аноним — анонимщик*) [13], заменяет в заимствованиях лишенный экспрессивности суффикс иноязычного происхождения (*плагиатор — плагиатчик*) [14]. Стали продуктивными в разговорной речи экспрессивные образования с приставкой *анти-* и суфф. *-щик*, содержащие указание на враждебные отношения и действия:

Антифестивальщики снова точат зубы (Радиопередача, 9 июня 1965, Москва); Отчего воспрянула черная рать *антисоветчиков*? («Изв.», 12 янв. 1966) [15].

Продуктивность в современной разговорной речи отыменных качественных образований с суфф. *-щик* отражается в широте их тематики и сфер распространения: это слова бытовые (*комплиментщик*, *каламбурщик*, *алиментщик*, *анекдотчик*) [16], публицистического плана, осуждающие общественно-отрицательные явления

---

[12] В словарях отмечен лишь термин *матрос-сигнальщик*.

[13] Слово *анонимщик* встречается в речи с 50-х годов XX в.

[14] В СО впервые отмечены оба слова; *плагиатчик* с пометой *презр.*; слово *плагиатор* в СУ имеет помету *«книжн.*, право». Ср. также разговорное *провокаторщик*, встретившееся в передаче по московскому телевидению; отсутствие свободной производящей основы помешало мене суффиксов, аналогичной той, которая произошла при образовании слова *плагиатчик*, но не могло воспрепятствовать вторичной суффиксации, которую можно назвать избыточной, так как слово *провокатор* само по себе уже является названием действующего лица.

[15] Аналогичные образования с суфф. *-ник* не выражают неприязни. Ср.: —Вы когда-то заявили, что Вы *антикиношник* (из устной речи, 1966).

[16] Слова *комплиментщик*, *каламбурщик*, *алиментщик* впервые отмечены СУ с пометами соответственно: *просторечн.*, *разговорн.*, *разг.-фамильярн.* Слово *анекдотчик* впервые отмечено в «Словаре русского языка» под ред. акад. И. С. Державина (т. I, вып. 4. М.— Л., 1936).

(*аллилуйщик* [17], *анкетчик*, *цитатчик*) и различные образные окказионализмы, которые рождаются постоянно в живой непосредственной речи и с успехом используются в языке художественной литературы (*портфельщик*, *тараканщик*, *селавивщик* — от фр. c'est la vie). Ср. безобидное само по себе восклицание C'est la vie! 'Такова жизнь!', и образованное от него *селавивщик* — слово, которое использовано в значении 'примиренец, сторонник пассивного отношения к жизни':

Селавивщик так и живет, | Жизнь он, как резинку, жует... | *Селавивщик*, фраза слаба. | Где твоя за Францию борьба? | Ты борись — а, значит, живи. | Так-то, дорогой мой... Се ла ви! (Е. Евтушенко, Се ла ви!).

Производящие основы этих разнообразных наименований (*комплимент*, *каламбур*, *анекдот*, *анкета*, *цитата* и т. д.) не содержат сами по себе отрицательной экспрессии, большинство из них вообще не имеет какой-либо экспрессивной окраски. Следовательно, отрицательное отношение к лицу, обозначенному словом с суфф. *-щик*, выражено только в производном слове, т. е. связано именно с этим суффиксом.

165. Итак, взаимодействие охватывало три словообразовательных типа:

1) глагольная основа + *-щик* (в неэкспрессивных словах),
2) именная основа + *-щик* (в экспрессивных словах),
3) именная основа + *-ник*.

Последний тип был тоже стилистически экспрессивно окрашен, но слабее, чем второй тип. Образования от именных основ с суфф. *-щик* пришли в литературный язык из профессиональных сфер речевого общения, частично — из просторечия; это и придало им экспрессивную силу. В соревновании двух синонимических экспрессивных типов победил тот, который резче контрастировал с нейтральной лексикой; менее контрастный, третий тип начал угасать (см. III, § 163).

Первый и второй типы стали употребительны в разных языковых областях и, получив таким образом специализацию, перестали быть синонимическими конкурентами. Их близость и раньше не была большой: один тип был отглагольным, другой — отыменным, общими у них были лишь аффиксы. Правда, в последние годы и в профессионально-терминологической и полутерминологической областях появляются отыменные образования с суфф. *-щик* (неэкспрессивные, см. III, § 93). Но теперь, размежевавшись по сферам употребления, они уже по этой причине не боятся синонимичности. История отталкивания и размежевания словообразовательных типов существительных на *-щик* имеет два периода (частично накладывающихся друг на друга).

[17] Ср. «*аллилуйщик* (*нов. газет. презрит.*)— 'человек, неумеренным восхвалением существующего положения вещей прикрывающий отрицательные явления и тем мешающий борьбе с ними' [От церк. славословия: аллилуйя]» (СУ). Однако в настоящее время слово почти вышло из употребления.

Первый период: оба типа разграничены тем, что один — в отглагольных именах, другой — в отыменных.

Второй период: оба типа разграничены по сферам употребления: один — в неэкспрессивной, сильно терминологизованной (и профессионально-технической) области, другой — образует разговорные, стилистически сниженные слова-оценки; ввиду этого нового разграничения стали возможны отыменные образования для первого типа (т. е. неэкспрессивные).

166. Взаимодействие второго и третьего типов хорошо демонстрируют слова *атомник* и *атомщик*.

Первоначально слово *атомщик* широко употреблялось в разговорной речи как обозначение профессии, научной специальности. Но ни широкое распространение, ни частая употребительность этого слова для обозначения научной специальности не помогли ему утвердиться в языке; оно было заменено словом *атомник*.

Мы должны будем очень много строить для химиков, для *атомников*, для металлургов («Знамя», 1958, № 11); После короткого рассказа о работах американских ученых-*атомников* гости отправились осматривать помещения электростанции («Пр.», 13 июля 1959).

Напротив, со значением ‘поджигатель атомной войны’ сразу утвердилось слово *атомщик*, возникшее независимо от названия специальности. Экспрессивная сила и эмоциональная окраска образования с суфф. *-щик* проявилась здесь особенно ярко. Они оказались сильнее, чем структурная обусловленность ожидаемого производного (*«атомник»*). Надо ведь принять во внимание, что слово *атомщик* появилось наряду с выражениями *атомные взрывы*, *атомная шумиха*, *атомная истерия*. Весьма характерен следующий контекст: Помогут ли *атомщикам* эти хлопушки? Поддастся ли атомному психозу Джон Смит? («Пр.», 18 июня 1959).

167. Наконец, остановимся еще на одном, достаточно частом виде стилистического размежевания. Стилистическое размежевание, как показывает описанный материал, может протекать как одна из сторон процесса специализации. Но нередок и совершенно иной вид стилистического размежевания: два словообразовательных синонима частично, только в деталях различающиеся по значениям и по кругу производящих основ, начинают сближаться. Производящие основы, характерные для одного типа, втягиваются и в сферу действия другого типа; значения, свойственные одному, охватывают и образования другого типа. Любое качество, свойственное одному, перебрасывается и на другой тип — любое, кроме стилистической характеристики: стилистическое различие между типами углубляется. Если в ранее описанном случае частично синонимические типы становятся все менее синонимическими, то здесь наоборот: взаимодействие между словообразовательными, синонимами протекает так, что они становятся все более близкими и по кругу значений и по кругу подвластных им производящих основ. Происходит д е с п е ц и а л и з а ц и я двух типов — во всех отношениях, кроме стилистических.

Как же протекает стилистическое взаимодействие двух синонимических типов при их общей деспециализации?

Стилистические изменения в словообразовании качественных наречий. 168. Русский литературный язык XX в. по сравнению с языком XIX в. характеризуется уменьшением словообразовательной вариативности. Тенденция к семантической специализации словообразовательных типов направляет развитие словообразования всех частей речи.

Исследователи взаимодействия словообразовательных типов существительных и прилагательных в языке XIX в. отмечают тенденцию к утрате словообразовательных вариантов [18] внутри этих частей речи как особенность их развития в XIX в. Исключение составляет словообразование качественных наречий. В словообразовании наречий наблюдается противодействие общеязыковой тенденции к специализации. Для качественных наречий в конце XIX в. характерно усиление словообразовательных вариантов. Стремление к вариантности, по-видимому, лежит в природе качественных [19] наречий, поскольку сами они не более как вариантное выражение того содержания, которое уже было передано какими-то другими средствами. (Ср.: *раздражающе — раздражающим образом*, *угольно — как уголь* и т. п.) В XX в. к этим языковым причинам, поддерживающим вариантность наречий, присоединяются и социальные: усиленное влияние на литературный язык послеоктябрьской эпохи разговорной речи, городского просторечия и диалектов. Это влияние было в данном случае усилено потребностью языка в средствах экспрессивности, потому что словообразовательные типы, приходящие в литературный язык извне, выступают, как правило, в качестве стилистически окрашенных синонимов нейтральных общелитературных типов. Обостренная же потребность в экспрессивных единицах также была вызвана социально (см. об этом выше, III, § 163).

Взаимодействие наречных типов, которое имеет место в языке нашего времени, определилось уже в середине XIX в. Это, во-первых, взаимодействие префиксально-суффиксальных типов на основе синонимии суфф. *-и/-ому*: *по-московски — по-московскому*; *по-собачьи — по-собачьему*; во-вторых, взаимодействие суффиксального и суффиксально-префиксального типов *-о/по- ... -ому*: *книжно — по-книжному*, *честно — по-честному*.

Что представляли собой эти синонимические типы в начале XX в. и как к этому времени определилось их взаимодействие?

---

[18] См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., 1964.

[19] И, по всей вероятности, противно духу обстоятельственных: ср. освобождение языка от вариантов типа *исподтишка*, *исподтиха*, *тишком* и т. п. Многовариантность, сопоставимость образований от одной основы поддерживает четкое осознание внутренней формы обстоятельственных наречий, что мешает им окончательно оторваться от породившей их части речи.

169. Взаимодействие наречий на *-о* и на *по- ... -ому* в XX в. происходит очень активно. Оба словообразовательных типа, особенно с 20-х годов, развиваются весьма интенсивно и, по нашим наблюдениям, все наиболее существенные изменения в их структуре происходят в результате синонимического взаимодействия.

Синонимичное развитие этих типов можно в основном свести к таким моментам: круг производящих основ, характерных для одного типа, становится постепенно и сферой действия другого; расширение круга производящих основ у одного типа вызывает ответное усвоение этих новых основ у другого типа; значения одного типа начинают развиваться у другого типа; процессы переразложения внутри одного типа находят отражение и в другом; наконец, стилистическая окраска новообразований одного типа влияет на стилистическую окраску соотносительных наречий другого типа — влияет по контрасту.

Расширение круга производящих основ и семантическое развитие типов — процессы, неразрывно связанные, расчленить их невозможно, так же, как невозможно в каждом случае определенно решить, что первично: изменение производящих основ порождает новую семантику типа или зарождение нового значения расширяет круг производящих основ.

170. С начала 20-х годов, или немного раньше, в сферу деятельности того и другого типов входят в качестве производящих основы прилагательных на *-ов-*, которых до советского периода чуждались и наречия на *-о* и наречия на *по-... -ому* [20].

Наречия на *-о* от прилагательных с суфф. *-ов-*, видимо, распространены в разговорной речи уже в 30-е годы [21]. Раньше других появляются образования со значением ограничения признака: *классово*, *финансово*, *жанрово* и др.

Начиная с 30-х годов распространяются и некоторые наречия с чисто качественным значением: *планово* (*многопланово*), *громово́*, *делово́*, *лобово́* и др. В последующие годы эта группа пополняется очень мало.

Из них наиболее продуктивными являются наречия на *-ово* со сравнительным значением ('как что-н.'): *шелково*, *свинцово*, *романсово*, *лаково*, *известково*, *васильково*, *родниково*, *рубиново*, *бредово*, *грозово*, *митингово*, *лозунгово*, *перламутрово* и т. п. Они встречаются в языке писателей с начала 20-х годов, а с середины 20-х, в 30-е и последующие годы производство их становится бурным (подробнее см. III, § 174—175).

Наречия на *по- ... -ому* от прилагательных с суфф. *-ов-* активизируются в основном в те же годы, но период наибольшей их активности — 50—60-е годы. Вот ряд примеров:

---

[20] В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.— Л., 1947, стр. 350.

[21] В. В. Виноградов отмечает широкое распространение в 30-е годы наречий от относительных прилагательных на *-овый*, *-евый* (указ. соч., стр. 346).

Одна смерть,— ответил звонко, *по-митинговому*, Фадейцев (В. Иванов, Возвращение Будды, 1924); Он заправски, *по-цирковому* хватал себя за шею (К. Федин, Братья, 1928); Только спустя минуту уразумел, что это по-грозовому, несмолкаемо рычит гудок (А. Малышкин, Севастополь, 1930); Голова солдата, только что *по-строевому* вскинутая лицом вверх... тяжело поникла на грудь (Т. Степанов, День из жизни писателя, 1956); Он слишком молод, чтобы звучать в полном смысле «*по-басовому*» («Сов. музыка», 1963, № 3); И пахнет она вовсе не хвойно, а нежно, *по-луговому* («Вокруг света», 1964, № 2); Была *по-фронтовому* резкой («Лит. газ.», 22 февр. 1964); Дело его — *по-бытовому* освоить иррациональности («Театр», 1964, № 4); Это люди, в которых все как будто хорошо, а работают они *по-передовому* («Иск. кино», 1964, № 1.)

Наличие соотносительных образований на *-о* и *по- ... -ому* от прилагательных с суфф. *-ов-* (*по-деловому — делово*, *по-бытовому — бытово*, *по-громовому — громово*, *по-грозовому — грозово*, *по-митинговому — митингово*, *по-оркестровому — оркестрово*, *по-одинаковому — одинаково*) — явление недавнее. Оно охватывает немногие основы (некоторые образования здесь имеют полулитературный характер, другие — сугубо книжный), но, несомненно, свидетельствует о тесной связи развития двух типов. Ср., например:

Скробов докладывал комиссару очень спокойно, *по-деловому* (К. Симонов, Из военных дневников); Статья написана *делово* (Из устной речи, 1963);

Казалось бы, облик и поза ее *по-бытовому* просты и естественны («Комс. пр.», 24 мая 1964); Не слишком ли *бытово* и спокойно решена эта сцена («Театр», 1964, № 3);

Флиер искал *по-оркестровому* многообразного тембрального звучания («Сов. муз.», 1963, № 3); Все вместе взятое сочетается в удивительно *оркестрово* контрапунктическое переживание процесса коллективного творчества и созидания («Иск. кино», 1964, № 6).

Вовлечение прилагательных с суфф. *-ов-* в число производящих основ этих двух наречных типов имеет не совсем одинаковый характер: для типа *по- ... -ому* эти основы не были принципиально новыми, поскольку в XIX в. наречия на *-ому* производились главным образом от относительных прилагательных.

Для наречий на *-о* эти основы в XIX в. были чужды, как и основы других относительных прилагательных (а большинство современных наречий на *-о* образуется от относительных прилагательных с суфф. *-ов-*) [22].

В то же время надо отметить, что значительно более интенсивно втягиваются прилагательные с суфф. *-ов-* в сферу действия типа *-о*, а не *по- ... -ому*. По нашим наблюдениям, наречия на *-о* в настоящее время образуются приблизительно от 1/3 всех прилагательных с суфф. *-ов-*, отмеченных в СБ. Наречий на *по- ... -ому* значи-

[22] Аналогичное явление наблюдается в словопроизводстве отвлеченных существительных на *-ость*, которые начинают использовать в качестве производящих основы относительных прилагательных с суфф. *-ов-*, см. III, § 96.

тельно меньше. Поэтому нельзя считать, что все образования на *-ово* возникают непосредственно как «ответные» на соотносительные суффиксально-префиксальные образования *по- ... -ому*.

Усвоение наречиями на *-о* основ прилагательных с суфф. *-ов-* можно объяснить по-разному, учитывая неоднородный характер наречий типа: 1) *массово*, *планово* и т. п.; 2) *классово*, *жанрово* и т. п.; 3) *рубиново*, *романсово* и т. п.

Наречия первой группы (их немного) появились в результате окачествления относительных прилагательных.

Наречия второй группы продолжают группу образований от относительных прилагательных со значением ограничения признака, которые начали производиться еще в XIX в. Здесь тоже нет ярко выраженной тенденции к использованию основ на *-ов-*. Однако иногда возникала надобность в наречиях этого типа именно от основ на *-ов-*. Наречия на *по- ... -ому* им не синонимичны.

И только наречия третьей группы, а их большинство среди тех, которые мы можем считать новообразованиями, являются результатом взаимодействия наречий на *-о* и на *по- ... -ому* [23]. Они выражают значение сравнения, усвоенное типом *-о* от типа *по- ... -ому*. Основы прилагательных на *-ов-*, как и основы прилагательных на *-н-*, оказываются наиболее подходящим материалом для производ-

[23] И в XX в. не получают соотносительных образований на *по- ... -ому* наречия на *-о* от прилагательных с суфф. *-ов-*, обозначающих цвет. Ср.: *розово*, *бордово*, *пунцово*, *кумачево*, *бирюзово*, *фиолетово*, *оранжево*, *померанцево*, *лилово*, *коричнево* и др. при невозможности «*по-розовому*», «*по-лиловому*» и т. п. Прилагательные этой семантической группы вообще «не работают» с типом *по- ... -ому*. С суфф. *-о* эти основы соприкасаются уже вторично на протяжении развития языка с конца XVIII в. В XVIII в. от прилагательных, обозначающих цвет, наречия на *-о* образовывались без определенных морфонологических ограничений (*голубо*, *желто* и др.) и без тяготения к какому-то одному типу. Употреблялись они, по-видимому, без особых жанровых ограничений, но преимущественно в разговорной речи. В дальнейшем почти совсем перестали употребляться.

В XX в. в языке писателей довольно последовательно идет образование наречий на *-о* от прилагательных, обозначающих цвет, причем заметным и здесь оказывается тяготение к основам на *-ов-*. Например: ... Обои, шторы *бордово* затемнили комнату (Ю. Либединский, Завтра); День начинается тонко и *розово* (Л. Леонов, Соть); Вверху *фиолетово* чернели... дымчатые отсветы (М. Шолохов, Тихий Дон); тучный еврей с *багрово* выбритыми щеками (В. Катаев, Отец); *пунцово* краснея... сказала ученица (А. Серафимович, Город в степи); Над столом *коричнево* изгибался чай (А. Вознесенский, Париж без рифм).

Но наряду с этими образованиями распространяются наречия от прилагательных, обозначающих цвет, с непроизводными основами: *Черно* сереют инеем леса (И. Бунин, Последняя весна); Где-то за Доном *сине* вилась молния (М. Шолохов, Тихий Дон); Правый берег бухты приблизился, *красно* освещен (Ю. Казаков, Северный дневник); Наливает свежей воды в *зелено* зацветший со дна, пахнущий болотом пожарный чан («Октябрь», 1965, № 3).

Тенденция к образованию качественных наречий от прилагательных, обозначающих цвет, отмечается исследователями и в других славянских языках. Например, в чешском языке, по свидетельству Т. И. Степановой, это «уже установившееся явление» (см.: Т. И. Степанова. К вопросу о синтаксической функции наречий в современном чешском языке. «Славянская филология», вып. 3, 1960).

ства наречий данного разряда (*васильково*, *ландышево*, *рубиново* и т. п.) в связи с тем, что среди суффиксов относительных прилагательных *-н-* и *-ов-* выражают наиболее общее значение отношения к предмету.

171. В XX в. продолжается влияние типа *-о* на тип *по- ... -ому*, которое выражается в усвоении последним значений, свойственных типу *-о* (это определяет и круг основ, от которых образуются наречия на *по- ... -ому*).

Так, очень активизируется в XX в. образование от качественных прилагательных наречий на *по- ... -ому* со значением, тождественным или очень близким соответствующим наречиям на *-о*: *по-глупому* — ‘глупо’, *по-серьезному* — ‘серьезно’, *по-смешному* — ‘смешно’ и т. п.

Сравнительное значение приставки *по-* в этих образованиях почти совсем не ощущается. Для языка советского периода это явление десемантизации приставки *по-* под влиянием синонимичного бесприставочного типа следует считать уже несомненно продуктивным.

Уже в первых двух десятилетиях XX в. замечается активизация образований на *по- ... -ому* от основ качественных прилагательных со значением чисто качественным.

В 20-х годах продуктивность образований этого типа, особенно в художественной литературе, заметно возрастает. Этому способствует изменение социального состава носителей литературного языка: в писательской речи укрепляются некоторые словообразовательные типы, пришедшие из просторечия, в том числе наречный тип *по- ... -ому*. В языке некоторой части писателей наречия этого типа вытесняют в это время целые группы наречий на *-о*. Например, у В. Шишкова в романе «Странники»: *по-сердитому* посмотрел; *по-виноватому* улыбнулся; *по-веселому* подмигнули; *по-холодному* сказал; *по-сильному* обнял; глаза сверкали *по-ревнивому* и мн. др. Ср. также: *по-счастливому*, *по-потешному*, *по-нарочному*, *по-озорному*, *по-суровому*, *по-тихому*, *по-картавому*, *по-смешному*, *по-здоровому*, *по-веселому*, *по-гордому*, *по-свободному* в авторской речи таких писателей, как Д. Фурманов, Л. Сейфуллина, А. Караваева, А. Веселый, М. Кольцов.

Встречаются подобные образования и в поэзии, например у С. Есенина: ... *По-зрелому* запела (Мой путь); *По-смешному* я сердцем влип, я *по-глупому* мысли занял (Ты такая же простая, как все); *По-странному* был я полон (Анна Снегина).

В начале и в середине 30-х годов картина существенно не меняется. С конца 30-х годов и почти до конца 40-х годов употребление и образование наречий на *по- ... -ому*, соотносительных с качественными наречиями на *-о*, становится более сдержанным. Новых образований почти нет, употребление старых сосредоточивается главным образом в речи персонажей. Отдельные наречия, наиболее употребительные, «прижившиеся» уже в разговорной речи интеллигенции, встречаются и в авторской речи. Так, *по-молодому*, *по-честному*, *по-серьезному* и некот. др. находим в языке Б. Горбато-

ва, В. Гроссмана, А. Бека, В. Некрасова, Л. Соболева, В. Ажаева, В. Саянова, К. Паустовского и др., но в целом для писателей 40-х годов эти образования не характерны — язык писателей этого времени носит в основном стилистически нейтральный характер.

В 50-е и особенно 60-е годы образования на *по- ... -ому*, соотносительные с наречиями на *-о*, снова заметно активизируются. Они начинают широко употребляться в языке художественной прозы и поэзии, в разных газетных и журнальных жанрах, в научных работах.

Но всех *по-равному* любя (В. Солоухин, Материнская слава); Труби *по-громогласному* (В. Боков, Маяковскому); Я поэтому спешу сделать *по-умному* (А. Прокофьев, Еще о работе); *по-нормальному* говоря («Комс. пр.», 26 ноября 1959); Полевой ... только немного отклонялся от них, как творческая натура, не будучи в силах думать совершенно *по-казенному* (Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века).

В конце 50-х и в 60-е годы производство наречий этого типа становится не менее бурным, чем в 20-е годы. Вот некоторые примеры из разговорной речи интеллигенции 60-х годов:

Мы-то *по-скромному* хотели, а они...; Это как-то *по-наивному* сказано; Он отнесся ко мне *по-враждебному*; провели занятия *по-нормальному*; смеются *по-добродушному*; заговорили *по-разумному* и т. п.

В художественной литературе и в публицистике, в речи дикторов радио и телевидения, в речи комментаторов спортивных соревнований и других видах массовой коммуникации встречаются с большей или меньшей частотностью следующие образования: *по-честному*, *по-молодому*, *по-умному*, *по-страшному*, *по-доброму*, *по-авральному*, *по-правильному*, *по-справедливому*, *по-жестокому*, *по-тихому*, *по-трезвому* ('трезво'), *по-прямому*, *по-чудному*, *по-солидному*, *по-подлому*, *по-передовому* и др. Ср. также:

Всюду мелочи, но они *по-крупному* портят жизнь (В. Тендряков, Короткое замыкание); *По-счастливому* завидуешь человеку, прославившему свою отчизну столь блестяще («Лит. жизнь», 14 апр. 1961); Он кричал *по-злому* (А. Банин, Ночной бомбардировщик); И вдруг заметил следователь: юноша на девушку *по-странному* взглянул (Е. Евтушенко, Допрос под Брамса); Содержательна, заставляет *по-зрелому*, *по-серьезному* думать... его повесть «Короткое замыкание» («Лит. газ.», 28 мая 1963); Помните, когда начался НЭП, всюду стали осматриваться *по-хозяйственному* (Н. Тихонов, Страницы воспоминаний); Суметь искренне, *по-живому* увлечься («Лит. газ.», 1 дек. 1964); ... Внушаем *по-хорошему*, *по-мягкому* («Москва», 1964, № 11); Он пошумливал, свистел *по-веселому* («Москва», 1965, № 4); Настя стояла в сторонке, смотрела *по-жуткому*, замирала («Москва», 1964, № 4).

Несомненно, что активизация рассматриваемых наречий в языке конца 50-х и в 60-е годы объясняется социальными причинами: в эти годы заметно усилилось проникновение просторечия в разго-

ворную речь людей, говорящих на литературном языке, что явилось реакцией на безличную, сверхнейтральную, лишенную стилистических нюансов речь 40—50-х годов.

Под влиянием просторечия в разговорной непринужденной речи возникает новое явление: наречия на *по- ... -ому* образуются от качественных прилагательных, имеющих значение 'очень сильный', вследствие чего наблюдаются соотносительные образования на *-о* и на *по- ... -ому* со значением интенсивности проявления признака: устала *страшно* — *по-страшному* и т. п. Вот ряд примеров из устной речи 60-х годов:

Я *по-страшному* боюсь ('очень'); Устала *по-безумному* (или *по-сумасшедшему*); Ругаться буду *по-смертельному*. В повести В. Аксенова «Апельсины из Марокко» в речи В. Кореня: «Витька же ничего не видел и не слышал, завелся он, видно, *по-страшному*». Ср. также: В океане штилевало *по-дикому* (В. Аксенов, Коллеги).

172. Стилистическую окраску наречий на *по- ..., -ому*, соотносительных с качественными на *-о*, в целом можно определить как непринужденно-разговорную. При этом следует выделить некоторые группы.

1. Группа с неяркой разговорной окраской. Противопоставленность соответствующим нейтральным образованиям на *-о* несколько ослаблена. Это слова наиболее частотные, устойчиво «прижившиеся» в литературном языке: *по-честному*, *по-хорошему*, *по-молодому*, *по-серьезному*, *по-указанному*, *по-особенному* и др.

2. Группа с разговорно-просторечной окраской. Немногочисленные образования, не употребляющиеся с нейтральной стилистической окраской в речи людей, владеющих литературной нормой: *по-тупому*, *по-хитрому*, *по-быстрому*, *по-простому*, *по-точному*.

3. Образования типа *по-волшебному*, *по-неприятному*, *по-странному*, *по-разумному*, *по-радостному*, *по-жизненному*, употребляющиеся преимущественно в речи интеллигенции, имеют окраску нарочитой стилизованной сниженности [24].

По-прежнему не взаимодействуют с образованиями на *по-... -ому* отпричастные наречия на *-о*. Ни одна из групп производящих основ причастий не усвоена синонимичным типом [25]. Это объясняется сравнительной молодостью отпричастных наречий не столько по времени их существования (хотя и это имеет значение), сколько по неутраченной свежести (наречия типа *беспокоящe*, *утомляюще* и т. п. еще недавно были преимущественно достоянием художественной прозы). Немаловажную роль тут играет и специфика значений отпричастных наречий.

При вхождении в круг основ, характерных для наречий на *-о*, словообразовательный тип *по-...-ому* обычно чуждается прилагательных с очень яркими

---

[24] Вообще стилистическая окраска многих образований на *по- ... -ому* носит неустойчивый характер. Ср. непоследовательность стилистических оценок в БАС: *по-хорошему* — с пометой *разг.*, *по-чудному*, *по-простому*, *по-молодому* — без помет. Видимо, они оцениваются как нейтральные.

[25] В языке XIX в. нами отмечены *по-сказанному*, *по-затверженному*, *по-заученному*, *по-гаданному* и некот. др.

семантически или экспрессивными суффиксами. Ср., например, неприятие в целом этим типом основ на *-лив-*, *-чив-*, *-ат-*, *-аст-*, *-оньк-*, *оват-*, *-ист-*[26], *-овит-*, *-ивн-* и др. Из качественных прилагательных этим типом предпочитаются непроизводные основы и образования с наиболее нейтральным по значению и по другим свойствам суфф. *-н-*.

173. Новым для наречий на *по-... -ому* в XX в. является их приадъективное употребление, распространяющееся под влиянием наречий на *-о* [27]. В этом употреблении у наречий типа *по-...-ому* происходит некоторое изменение значений. Ср. все более распространяющиеся в современной публицистической и художественной речи сочетания типа *по-милому лукавые*, *по-плакатному броский* и т. п. [28]

Приадъективное употребление наречий на *по-...-ому* от качественных прилагательных встречается с начала XX в. (изредка) и не активизируется довольно долго. В 20—30-е годы можно отметить отдельные случаи такого употребления, главным образом в языке художественной литературы.

Тон ее был сдержан *по-ехидному* (И. Сельвинский, Улялаевщина); Через час Антон уходит от нее взволнованный и смущенный, но *по-радостному* (Б. Зайцев, Голубая звезда); Он был скуп, и *по-злому* скуп (В. Гроссман, Степан Кольчугин).

Ср. в научной речи:... Структура ощущается как бы в двух планах: как экспрессивная, но в то же время *по-нарочному* экспрессивная, как quasi-экспрессивная (М. Григорьев, Внутренняя форма слова. «Лит. и марксизм», 1928, кн. 6).

Значительно активизируется приадъективное употребление наречий только в 50—60-е годы.

Наиболее определенным и самым продуктивным значением приадъективных наречий является оценочное значение. Ср.:

... К людям *по-хорошему доверчивы* («Комс. пр.», 1 дек. 1963); ... Большое искусство в основе своей где-то всегда *по-великому наивно* («Иск. кино», 1965, № 1);... Они [улыбки] были разные:

---

[26] Например, очень продуктивные в XX в. образования на *-исто*: *мучнисто*, *глинисто*, *лучисто*, *смолянисто*, *петлисто*, *шелковисто*, *пружинисто*, *змеисто*, *льдисто*, *ручьисто*, *углисто* и т. п., синонимов на *по-... -ому* не имеют. Образования от прилагательных с *-лив-* единичны (*по-справедливому*, *по-счастливому*); образования типа *по-умненькому* носят нелитературный характер и используются с особой нагрузкой — отрицательно характеризуют лицо, в речь которого вводятся (так же, как «*культурненько*»). Например:

Ясно? Я задаю, вы отвечаете. По-хорошему. *По-умненькому* (Ю. Герман, Я отвечаю за все).

[27] Новыми, характерными для языка XX в., являются адъективные сочетания с наречиями, образованными от к а ч е с т в е н н ы х прилагательных. Приадъективное употребление наречий от относительных прилагательных встречается и в XIX в.

[28] Н. Н. Прокопович, утверждая, что «словосочетания прилагательных с наречиями типа *по-весеннему*, *по-новому*... принадлежат к числу широко употребительных в современном русском языке», имеет в виду, очевидно, больше всего наречия от относительных прилагательных и единичные «старые» на *по- ... -ому* (Н. Н. П р о к о п о в и ч. Сочетания наречий с именами прилагательными в современном русском языке. М., 1962, стр. 60).

иногда заразительно веселые, иногда *по-милому лукавые* («Октябрь», 1965, № 2). Ср. приадвербиальное употребление наречия: Манекенщицу из ГДР пристально и, мы бы сказали, *по-хорошему критически* осматривают делегаты семи стран («Неделя», 1964, № 21).

Таким образом, в языке XX в. соотносительность образований на *-о* и *по- ... -ому* имеет место не только в приглагольном, но и в приадъективном употреблении.

В приадъективном употреблении нейтрализуется разговорный и даже просторечный характер многих наречий на *по-...-ому*. Ср.: он *выглядел по-молодому* и *по-молодому здоровые зубы*; *заговорил по-суровому* и *по-суровому сдержан*; *встретили по-милому*, *по-хорошему* и *по-милому лукавые глаза*.

174. Семантическое влияние словообразовательного типа *по-... -ому* на тип *-о* является совершенно новым для литературного языка. Под влиянием типа *по-...-ому* наречия на *-о* приобретают сравнительные значения, прежде им несвойственные.

Какие именно наречные образования на *по-...-ому* оказались проводником сравнительного значения в тип *-о*, трудно утверждать категорически: в XX в. взаимодействуют примерно в одно время разные семантические группы наречий на *-о* и *по-...-ому*. Если в конце XIX в. становится актуальной соотносительность образований *картинно — по-картинному*, *парадно — по-парадному*, отражавших качественные значения производящих прилагательных, то для XX в. характерна и соотносительность типа *каменно — по-каменному*, *тюремно — по-тюремному*, где оба образования не связаны с качественными значениями прилагательных (имеют значения ‘как камень’, ‘как в тюрьме’).

Как и большинство изменений в системе наречного словопроизводства в XX в., это взаимодействие становится наиболее отчетливым в 20-е годы, хотя начинается и раньше. В 20-е годы можно отметить зарождение в наречиях на *-о* под влиянием синонимов на *по-...-ому* значений ‘как где-н.’, ‘как когда-н.’, ‘как кто-н.’, ‘как что-н.’ и других вариаций сравнительно-уподобительного значения. Ср. *тюремно*, *банно*, *северно*, *южно*, *осенне*, *пружинно*, *струнно*, *кинжально*, *алмазно*, *водопадно*, *проволочно*, *силуэтно*, *каменно*, *угольно*, *дымно*, *хрустально*, *кристально*, *молочно*, *снежно*, *зеркально*, *янтарно*, *игрушечно*, *жемчужно*, *плакатно*, *балаганно*, *газетно*, *уксусно*, *небесно*, *колокольно*, *болотно*, *могильно*, *колыбельно*, *лунно*, *ртутно*, *ракетно*, *восково*, *мелово*, *антрацитово*, *перламутрово*, *рубиново*, *васильково*, *маково*, *фиалково*, *гротесково*, *вишнево*, *плюшево*, *резиново* и др.

Следует заметить, что не все наречия на *-о* со значением сравнения появились под влиянием однокоренных на *по-...-ому*. С момента усвоения типом на *-о* сравнительного значения оно начинает реализоваться по аналогии. В зависимости от продуктивности потенциально производящих основ новые образования могут быть более или менее регулярными уже вне прямой связи с имеющимися соотносительными словами другого типа, под влиянием которого это

значение развилось. Так, особенно легко, образованиями на *-о* подхвачено сравнительное значение ‘как что-нибудь’, хотя соотносительных однокоренных наречий на *по-....-ому* первоначально было немного [29].

175. Разные виды сравнительного значения развиваются в наречиях на *-о* не вполне одновременно. Влияние на них соотносительных образований на *по-...-ому* тоже неодинаково.

1. Непосредственно под воздействием наречий на *по-...-ому* наречия на *-о* воспринимают значения ‘как где-н.’, ‘как когда-н.’, характерные для наречий на по-...*-ому* с самого проникновения их в литературный язык. Ср. *базарно* ‘как на базаре’, *балаганно* ‘как в балагане’, *трактирно* ‘как в трактире ’ и т. п., что приводит к соотносительности *базарно — по-базарному*, *трактирно — по-трактирному* и т. п.

Наиболее ранние образования встречаются в поэзии уже в первом и во втором десятилетиях XX в. в качестве прилагательных вариантов соответствующих наречий на *по-... -ому*. Наибольшее распространение получают наречия на *-о* этого типа в 30-е годы. В 40-е годы изменений не наблюдается. Последующая активизация этих образований происходит в 50—60-е годы. Прилагательное употребление остается преобладающим. Приведем некоторые примеры [30]:

...Садилась с утра у окна *свадебно*-белая, глядела в море (С. Сергеев-Ценский, Береговое, 1908); ...А вокруг, до ободка земли, *северно*-прозрачный купол неба (В. Инбер, В час заката выпуклей и жарче, 1915); Вижу банальную *оперно* красивую фигуру (К. Станиславский, Материалы книги «Работа актера над собой», 1929—1930); Горчило в носу от вчерашнего *банно*-застоялого запаха гари (А. Малышкин, Люди из захолустья, 1937); А когда эпизоды замерзания подслащены *лотерейно*-счастливой концовкой, то и нам волноваться не из-за чего («Мол. гвардия», 1964, № 8); *кабинетно*-темные дубовые панели (Ю. Бондарев, Тишина, 1964); *карнавально*-пестрая толпа («Пр.», 29 февр. 1960); Здесь как-то *музейно* тихо (Из устной речи, 1960).

Особенно интересны образования на *-о*, соответствующие наиболее старым в литературном языке паречиям на *по-...-ому*, почти в течение двух веков не имевшим соотносительных образований на *-о*[31], от прилагательных с мягкой основой: *зимний*, *весенний*, *осенний*, *домашний* и некот. др. Так, в соответствии с *по-зимнему* образуется *зимне* (с тем же значением), *по-осеннему* «рождает» *осенне* и т. п. Они ограничены рамками художественной литературы и публицистики, однако тенденция к их образованию несомненна.

Солнечный свет был *предвечерне* красным (Н. Ляшко, Никола из Либедина); Трамвай этот, гремя, катился в *утренне* прохладном зеленом туннеле каштанов (Ю. Бондарев, Тишина); Мы долго стояли, зачарованные этим *утренне*-светлым образом («Мол. гвардия», 1965, № 10); Достоевский становился *сегодняшне* необходимым («Театр», 1965, № 7).

---

[29] С момента своего проникновения в литературный язык тип *по- ... -ому* выражал и выражает значения: ‘как кто-н.’, ‘как где-н.’, ‘как когда-н’. Отдельные случаи образования наречия на *-о* с отчетливым значением сравнения можно встретить и в XIX в. (ср., например, у А. И. Герцена: Он как-то *гильотинно* умеет двигать бровями.— Записки одного молодого человека); но они были единичными окказиональными образованиями.

[30] Приводим примеры только наречий на *-о*, так как образования этой семантики на *по- ... -ому* были распространены и в XIX в.

[31] Ср. в связи с этим замечание И. Николича в конце 70-х годов XIX в. Цитируя выражение... «в *последне*-упомянутом сочетании», он пишет: «Я не знаю ни одного прилагательного обстоятельственного от названий места и времени, которое допускало бы возможность образования наречия в приведенной форме» («Неправильности в выражениях, допускаемые в современной печати», II. «Филол. зап.», 1878, вып. 1—6, ч. 1, стр. 26).

На протяжении четырех последних десятилетий все наречия этого типа, как и другие образования со значением ‘как когда-н.’, ‘как где-н.’ в приглагольном употреблении встречаются очень редко:

Потонули зады *последне* уходящих лошадей (А. Серафимович, Железный поток); Задремавшая на ночь пыль опять *вечерне* подымается ленивыми клубами (Там же); И любовались. Улыбчиво. *Весенне* (Н. Щебцев, Встречи, Жизнь искусства); Весело и *домашне* кипит на столе самовар (И. Соколов-Микитов, Рассказы о Родине, У синего моря, Охота); Дюбуа выглядел очень *домашне* (М. А. Павленко, Американские впечатления).

Разновидности сравнительного значения в наречиях на *-о* и на *по-...-ому* (‘как где-н.’, ‘как когда-н.’, ‘как что-н.’ и т. п.) обусловлены семантикой существительных, имеющихся в основе наречий, и отчасти контекстом. В некоторых наречиях на *-о* значения ‘как где-н.’ и ‘как что-н.’ разграничиваются только контекстом. Ср. *могильно* — ‘как могила’ в контексте *дом могильно пуст* и ‘как в могиле’ в контексте *в доме могильно пусто*. Такие же возможности истолкования заключают в себе наречия *трактирно, тюремно, острожно, усадебно, замково, родниково* и др. В некоторых контекстах двузначность не устраняется: *трактирно* — обозначает и ‘как трактир’, и ‘как в трактире’, *острожно* — ‘как острог’, ‘как в остроге’.

Ср.: Вообще не чувствуется ресторан высокого тона. *Трактирно* (К. Станиславский, Письмо П. Я. Гремиславскому, 1923); На пяти холмах город лежит *острожно*. Пески да тес серый, все дома под цвет, частоколы и город — острог (В. Лидин, Земля, 1925).

2. Отдельные образования на *-о* со сравнительным значением ‘как что-н.’ встречались в самом начале XX в. в поэзии. Отмечаются они преимущественно в приадъективном употреблении. Сравнительное значение в них не всегда достаточно четко. Ср. у А. Блока сочетания *дымно-светел, дымно-голубой, дымно-лиловый, дымно-синий, дымно-сизый* [32]. Ср. также: *пыльно-серая* мгла (А. Блок, Гимн); *янтарно-светлый* вал (Саша Черный, На Рейне); *молочно-голубой* (В. Брюсов, Вечерний Пан).

Но и в это время встречается употребление более отчетливо сравнительное.

Приадъективное: ... И слушать, как *шелково-мягкие* тряпки | шуршат, словно листьев осенних охапки | под мягкою рысью ежа (Саша Черный, Городской романс).

Приглагольное: И *струнно* плачут серафимы, над миром расплескав крыла (А. Блок, На смерть Комиссаржевской). Ср. у него же: Его винты поют, *как струны* (Авиатор).

Распространение образований на *-о* этого типа в прозе 20-х годов происходит, видимо, под влиянием поэзии в связи с некоторым сближением языка поэзии и прозы. Преемственность наблюдается в употреблении отдельных слов, встречавшихся в начале века только в поэзии: *снежно, солнечно, струнно, алмазно, жемчужно* и т. п. В прозе возможно и приадъективное и приглагольное употребление. Приглагольное встречается реже и обнаруживает свою производность, зависимость от приадъективного. Ср.: *угольно-черные — угольно чернел, солнечно-ослепительный — солнечно ослепляет, кирпично-красные — кирпично краснели* и т. п. Этот параллелизм приадъективного и приглагольного употребления наблюдается в 20-е и отчасти в 30-е годы:

Немного выпадов губительных | я отразил своим щитом, | ударов *солнечно-слепительных*, | горевших золотым огнем (В. Брюсов, Единоборство); *Солнечно-ослепляющий* фонарь покачивался от ветра (Ф. Гладков, Цемент).

Струнно-звучащие звуки (А. Серафимович, Железный поток); В густом знойном воздухе *струнно звучали* гудки заводов (Бахметьев, Преступление Мартына).

...Кому был нужен технорук, когда завод *могильно-пуст* (Ф. Гладков, Цемент); О, как *могильно пустел* мир (А. Малышкин, Севастополь).

---

[32] Такие сочетания очень похожи на поэтические образования XIX в. (*дымно-легко, мглисто-лилейно* Ф. Тютчева).

Ср. у В. Катаева: *чугунно-синие* скульптуры (Встреча); *чугунно синеет* раковинообразный купол (Там же).

В 20-х годах начинает определяться взаимодействие типов *-о* и *по-...-ому* в сфере значения ‘как что-н.’, которое распространяется и в образованиях суффиксально-префиксального характера. Ср. соотносительные образования: *каменно — по-каменному, железно — по-железному* и т. п. Например:

Железно стискивая челюсти... сказал Кожух (А. Серафимович, Железный поток); Заорал *по-железному* — влязг, хорошо (В. Каменский, Емельян Пугачев); *Солнечно* ослепительный фонарь (Ф. Гладков, Энергия); Да, ей везло, пока был хищник молод, | покуда взор *по-солнечному* золот, | покуда силой волос отливал (И. Сельвинский, Рысь); Бураго долго стоит..., *кукольно* раскинув руки (Л. Леонов, Соть); Она с вами как-то по-глупому разговаривает, как-то *по-кукольному* (В. Гроссман, Степан Кольчугин).

В 40-е и 50-е годы образования на *по-...-ому*, соотносительные по значению с наречиями на *-о* типа *антрацитно, миндально, каменно*, становятся довольно употребительными, однако в отличие от наречий на *-о* почти все они имеют окраску необычности, новизны, иногда изощренности и почти всегда — «литературности».

Смотри, *по-каменному* немы, они лежат перед тобою здесь (М. Дудин, Костер на перекрестке); Она цветет и горьковато, *по-миндальному* пахнет (К. Паустовский, Золотая роза); Сквозь тонкий слой нещедрого снега проступят и *по-антрацитному* засверкают на солнце гребешки зяби («Лит. газ.», 22 февр. 1964); Здесь нужна почти непрерывающаяся, длящаяся мелодия, «не стучать словами, как горох о доску», но чтобы слова пели *«по-скрипичному»*, как говорил нам учитель Константин Сергеевич Станиславский (В. Яхонтов, Театр одного актера).

Наречия на *-о* со значением ‘как что-н.’ с 20-х годов образуются очень интенсивно преимущественно от основ прилагательных на *-ов-* и *-н-*. Преобладающим является приадъективное употребление. Приведем примеры употребления наречий на *-о* с этим значением:

Пьеса помогла бы росту новой личности, не *лозунгово*, а по-серьезному (А. В. Луначарский, Искусство и молодежь); Председатель, *антрацитово* блеснув глазами, повысил голос (А. Н. Толстой, Хмурое утро); шапка, *пухово* обнявшая и обогревшая его голову (А. Малышкин, Люди из захолустья); *мелово-бледное* лицо (Н. Островский, Как закалялась сталь); *гипсово*-белые кители (В. Катаев, Поездка на юг); в *гротесково*-заостренной манере («Лит. газ.», 15 июня 1965); лица стали *алюминиево*-бледными («Нов. мир», 1965, № 6); ... Он пролетит могучим селезнем, сверкая крыльями *парчово* (Е. Евтушенко, Поездка на Север).

...Бородатый мужик... *игрушечно* маленький (М. Горький, Жизнь Клима Самгина); И эта мысль так *крапивно* язвила его самолюбие (Ф. Сологуб, Заклинательница змей); *могильно* безмолвствующий коридор (А. Малышкин, Севастополь); В высь на восемьсот метров *струнно* натягивался рельсами бремсберг (Ф. Гладков, Цемент); ... Они принимают форму почти *плакатно* наглядную («Лит. газ.», 29 сент. 1964); *проволочно* жесткие струи воды («Лит. газ.», 1 окт. 1964); *кинжально* острые щупальцы прожекторов («Комс. пр.», 6 марта 1964) и т. п. [33]

---

[33] Структуры *снежно-белый, молочно-белый, сахарно-белый, гипсово-белый; восково-бледный, мелово-бледный; латунно-желтый, канареечно-желтый; болотно-зеленый, виноградно-зеленый, изумрудно-зеленый, нефритово-зеленый; железно-серый, пыльно-серый, свинцово-серый* и др. вопреки довольно распространенной точке зрения и дефисному написанию мы считаем сочетаниями прилагательных с наречиями, а не сложными прилагательными. Основания для этого:

1) параллельное употребление наречий при глаголах (см. примеры выше) и прилагательных, не обозначающих цвет: ср.: *винно-красный — винно-терпкий*: ... *Винно-терпким* ароматом полились сады (М. Шолохов, Поднятая целина); *лимонно-желтый — лимонно-кислый*: ... С лица его не сходит

В некоторых соотносительных образованиях на *-о* и на *по-... -ому* уже в 20-х годах наметилась семантическая дифференциация: с укреплением в наречиях на *-о* чисто сравнительного значения ‘как что-н.’ наречия на *по-... -ому* начинают выражать значения ‘в каком-н. стиле’, ‘в духе чего-н.’:

Почему бы... не назвать ее как-нибудь красиво, истинно *по-шахматному* (И. Ильф и Е. Петров, Двенадцать стульев) (ср. *шахматно-пестрый*); В доме медленно, *по-башенному*, часы пробили девять (А. Н. Толстой, Восемнадцатый год); мастерски, не *по-газетному* написанные фельетоны (С. Гехт, Семь ступеней); *По-народному*, *по-песенному* составлен словарь поэмы («Лит. газ.», 19 окт. 1965); ... Беспечная лихость частушки сменяется другим, не *по-частушечному* трагическим напевом («Иск. кино», 1965, № 11); Часы Астраханского кремля бьют звонко, *по-корабельному*, как будто отбивают склянки (Л. Лиходеев, Волга впадает в Каспийское море); А в финале заключительные фразы оперы *по-шарманочному* повторяются в оркестре множество раз («Сов. муз.», 1964, № 1).

3. В дополнение к значению ‘как что-н.’, наречия на *-о* подобно суффиксально-префиксальному типу приобретают значение ‘как у кого-н.’, ‘подобно кому-н.’: *вельможно*, *хулиганно*, *ротозейно*, *поэтно*, *разбойно*, *инженерно* и др. Это преимущественно образования непосредственно от существительных. В отличие от наречий типа *водопадно*, *кинжально* такие образования малопродуктивны. Они встречаются начиная с 20-х годов на протяжении четырех десятилетий XX в. почти исключительно как индивидуальные. Например:

...Перед каждым стеклом торчу по часам *ротозейно* (Саша Черный, Человек в бумажном воротничке); И Хведька скалил зубы *хулиганно* (Ф. Гладков, Огненный конь); ...Знатные гости настроены весьма *скопидомно* (М. Кольцов, Женева — город мира); Оно — *инженерно* рассчитано («Октябрь», 1956, № 3); ...Но я замерла *истуканно*, под собой увидев мой Братск (Е. Евтушенко, Братская ГЭС).

Соотносительные образования на *по-...-ому* среди основ этого типа еще менее многочисленны, отмечены главным образом в 50—60-е годы. Появление их обусловлено синонимичными образования на *-о*. Ср.:

Казнышкин мыслил *по-инженерному* («Нева», 1959, № 9); Кривляясь *по-интеллигентному*, он запретил трактористам пахать (Фельетон из «Лит. газ.», 27 ноября 1962); Отдыхали по путевке или *по-дикому?* (Из устной речи, 1965).

4. Активное распространение значения сравнения в наречиях на *-о* и общая тенденция к усилению соотносительности образований на *-о* и *по-...-ому* приводят к появлению наречий на *-о* от притяжательных прилагательных с суфф. *-ин-* (типа *зверино*, *ослино*, *ястребино* и т. д.). Эти образования возникают под непосредственным влиянием соотносительных *по-звериному*, *по-ястребиному* и др.

В 20—30-е годы продуктивность таких наречий невелика. Встречаются они только в языке писателей. Приглагольное и приадъективное положение одинаково свойственно им в это время.

За окнами, *стрекозино* звеня, проползали трамваи (А. Дроздов, Маруся — золотые очи); Под тяжестью и неумолимостью офицерского приказа он *зверино* бросался в бой (А. Неверов, Деревня в современной литературе); Когда-то здесь *соловьино* гремел рояль (А. Малышкин, Севастополь); На палубу падают:

лимонно-кислое выражение («Изв.», 14 апр. 1965); *чугунно-черный*, *чугунно-тяжелый*, *чугунно-неподвижный* и т. п.;

2) отчетливость сравнительно-определительных отношений в этих конструкциях, которая особенно поддерживается параллельным употреблением сравнительных оборотов с материально-тождественными частями (*мелово-белый — белый, как мел*);

3) эти сочетания занимают определенное место в ряду других именных сочетаний: наряду с определением цвета встречается (в той же форме сравнительных наречий на *-о*) определение формы, размера и других признаков предмета (примеры см. в тексте выше).

толстая треска, пикша, *змеино* извивающаяся «акула» (И. Соколов-Микитов, На пробужденной земле); *Зверино*-мягко ступая... идет себе мимо плетней и заборов (М. Шолохов, Поднятая целина); ...От *зверино*-бархатного баса его дребезжал хрусталь на столе (А. Н. Толстой, Восемнадцатый год); ...Сам конь невысок, но длинен и масти прямо-таки *бычино*-красной (М. Шолохов, Тихий Дон).

В последующие десятилетия наречия на *-о* этого типа специализируются как приадъективные, в противовес соответствующим суффиксально-префиксальным, преимущественно приглагольным [34]. Например:

мышино-серые расцветки (Н. Огнев, Экология млекопитающих); *мышино*-серый цвет (Из устной речи); *воробьино*-острое личико (В. Тендряков, Свидание с Нефертити); *зверино*-обозленный человечек («Иск. кино», 1964, № 11); *змеино*-неподвижный взгляд (В. Смирнов, Окрытие мира). Ср., однако: Под водительством Тулина шествовали вразвалочку, *ястребино* выглядывали стоящих вдоль стен девушек (Д. Гранин, Иду на грозу); Ванюшин лег на пол и начал выть —сначала тихонько, а потом жутко, отчаянно, *зверино* («Мол. гвардия», 1965, № 3).

Наречия на *-о* типа *зверино* не разделяют всего объема значений наречий типа *по-звериному*. Помимо значения ‘как кто-н.’ суффиксально-префиксальные образования от прилагательных на *-ин-* в определенных контекстах выражают значение ‘на языке животного, обозначенного в основе’. Ср.: *По-тетеревиному* «чуф», скорее всего, значило солнце (М. Пришвин, Кладовая солнца).

Соотносительным наречиям на *-о* это значение несвойственно.

5. Немного позже, в основном в 30-е годы, намечается тенденция к образованию наречий на *-е* со значением ‘как у кого-н.’ от притяжательных прилагательных с суфф. *-⟨j⟩-*: *собачье*, *девичье*, *телячье* и др. Все они только приадъективны. С 30-х годов до настоящего времени нами отмечено очень небольшое количество случаев их употребления (немногим больше приведенных). Например:

красивое с *девичье*-нежными чертами лицо (Н. Островский, Рожденные бурей); *девичье*-тонкий голос (М. Шолохов, Тихий Дон); *телячье*-ласковые глаза (Там же); *собачье*-ласковое заискивание перед матросами (А. Малышкин, Севастополь); Они вышли на поляну, покрытую *цыплячье*-зеленой травкой (А. Н. Толстой, Сестры); *кошачье*-круглое лицо Лосева (Д. Гранин, После свадьбы); Вскипел я при виде этих *телячье*-мирных, безмятежных глаз (А. Чаковский, Дороги, которые мы выбираем).

Утверждать категорически, что это явление не только орфографическое (смешение *девичьи* — *девичье*, конечные гласные которых безударны), пока трудно. Единичные, бесприставочные наречия на *-и* от прилагательных на *-⟨j⟩-* можно отметить [35], но они встречаются еще реже, чем приведенные на *-е*. Они не были никогда характерными для системы словообразования наречий, так как неудобны по причине возникающей омонимии с формой мн. ч. прилагательных, если определяемое качественное прилагательное относится к существительному во мн. ч. (ср. *телячьи ласковые глаза* и т. п.). В то же время образования на *-е* по этой же причине неудобны в случаях типа *щенячье глупое выражение*. Поэтому в будущем не исключена возможность употребления обеих форм. Однако широкое их распространение представляется сомнительным, потому что омонимия с прилагательными устраняется только в письменной форме речи [36].

---

[34] По нашим наблюдениям, немногие случаи приадъективного употребления наречий типа *по-гусиному* имеют место большей частью при кратких прилагательных. Ср.: А самолетик был кургуз, одномоторен и *по-стрекозиному* двукрыл («Звезда», 1964, № 12); Глаза его сейчас *по-совиному* круглы («Мол. гвардия», 1965, № 3).

[35] Ср.: Государь склонил сильно волосатую свою *бабьи*-красную голову к спинке кресла (Б. Пильняк, Былье, Рассказ о Петре).

[36] Правда, употребление этих образований наблюдается только в письменной речи, как и наречий типа *змеино*, *ястребино*.

6. В языке некоторых писателей XX в. встречаются попытки выразить посредством наречий на *-о* значение ‘как в состоянии чего-н.’: *бредово* — ‘как в бреду’, *парализно* — ‘как в параличе’, *припадочно* — ‘как в припадке’, *обморочно*, *горячечно* и т. п. В отличие от других наречий на *-о* со сравнительным значением, эти образования преимущественно приглагольны.

Федот ... *чахоточно* покашливал (И. Бунин, Ночной разговор); Она *припадочно* вся дрожала (В. Бахметьев, Преступление Мартына); Матвей Никеич медлил у крана, *столбнячно* разглядывая самого себя (Л. Леонов, Скутаревский); ...В черных провалах ее глазниц начинали *горячечно* поблескивать глаза (М. Шолохов, Тихий Дон); ... Стоя согнувшись, Антип Брехович *бредово* шептал (Там же); Чей-то урезонивающий голос *простудно* басил (Там же); ... *Парализно* дергая головой ... смотрел Пантелей Прокофьевич на ползавшую в корчах Дуняшку (М. Шолохов, Тихий Дон); ... Косо, как-то *обморочно* отражалась улица (В. Катаев, Хуторок в степи); ... Рядом *ознобно* вздрагивала Ася (Ю. Бондарев, Тишина).

Соотносительные образования на *по-...-ому* с этим значением очень редки [37], нами отмечены только в разговорной речи:

Пока не совсем ясно, что. Надо держать мальчика *по-скарлатинному* (Из речи врача-терапевта, 1963); Голова болит *по-гриппозному* (Из устной речи, 1965).

Почти все образования на *-о* сравнительного значения (в отличие от соответствующих наречий на *по-...-ому*) имеют книжно-поэтический характер, или, применительно к языку нашего времени, лучше сказать—обладают окраской художественности. По контрасту с ними многие прежде нейтральные образования на *по-...-ому* (ср. *по-звериному*) становятся несколько более сниженными.

176. Взаимодействие двух рассматриваемых типов наречий происходит и в другом семантическом плане. В образованиях на *по-... -ому* примерно с 90-х годов XIX в. постепенно начинают распространяться модальные значения ‘с точки зрения чего-н. (или кого-н.)’, ‘по мнению кого-н.’, ‘в соответствии с чьим-л. мнением или изложением’. Непосредственным источником этих значений у наречий на *по-....-ому* не были наречия на *-о*, хотя в них некоторые значения этого рода стали укрепляться уже в 70—80-х годах XIX в., и образования с этими значениями сохраняют продуктивность и сейчас (ср.: *социально* опасный, *формально* невиновный, *принципиально* важный и т. д.). Но у подавляющего большинства образований на *-о* этой группы более отчетливо проступает значение ограничения признака (‘в каком-то отношении’, ‘в отношении чего-н.’) [38].

Скорее всего семантическим образцом для наречий на *по-... -ому* были местоименные образования *по-моему*, *по-твоему*, имеющие значения: 1) ‘в соответствии с желанием (намерением) моим, твоим, его, вашим’ — он сделал это *по-своему*, *по-твоему*; 2) ‘в соответствии с моим (твоим и т. д.) предложением’, ‘как мне (тебе

---

[37] В разговорной речи они, видимо, встречались уже в конце XIX в. Ср. у Л. Толстого: «Голова болит *по-мигренному*».

[38] Например: Изменения в социальном составе писателей и читателей, разложение поместного уклада... толкали *классово* близких Пушкину литераторов к реформе литературного языка (Н. Бродский, Евгений Онегин); выравнял первые четыре главы *сюжетно* и стилистически (Ю. Либединский, Как я писал свою первую повесть); Применение же более коротких ритмов у него ограничено — и количественно, и главное, *жанрово* («Вопр. л-ры», 1958, № 7); знакомство с героями, достаточно яркими, *духовно* красивыми («Лит. газ.», 27 дек. 1962).

и т. д.) кажется' — т. е. чисто модальное. Таким образом, значения модального характера развиваются изнутри самого типа на *по-... -ому*, поскольку идея сравнения (сопоставления) легко переходила в идею соответствия чему-то. В настоящее время среди наречных образований на *по-...-ому* можно выделить такие разновидности значений, близких к модальным:

а) 'с какой-то точки зрения';

б) 'в соответствии с какой-то нормой';

в) 'в соответствии с желанием, представлениями, словами кого-н.'

а) По-московски это дешево... *по-здешнему* дорого (В. И. Ленин, Письмо А. И. Ульяновой-Елизаровой, 19 дек. 1908); Хотя *по-головному* это можно было бы обойти, а *по-душевному* — надо сказать (К. Федин, Необыкновенное лето); *По-дачному* не рано: начало двенадцатого («Лит. газ.», 5 марта 1963); Надо к этому подходить *по-государственному*, а не так (Из устной речи, 1961); Тогда к людям подходили *по-анкетному* (Из устной речи, 1963).

Это значение встречается у наречий *по-...-ому* уже в XIX в. [39] С начала XX в. и до настоящего времени образования этой группы увеличивают продуктивность.

б) Она [сценическая правда] должна быть *по-реальному* правдива, но опоэтизирована творческим вымыслом (К. Станиславский, Работа актера над собой); Было то во времена так называемой гражданки, а *по-правильному*, во времена гражданской войны (К. Паустовский, Рассказ о народной медицине); Вот и отмучился ты, Андрей Соколов, а *по-лагерному* — номер триста тридцать первый (М. Шолохов, Судьба человека); Концертные выступления участников фестиваля перемежаются в фильме с короткими уличными сценками. Казалось бы, все это «*по-фестивальному*» обычно («Веч. Москва», 13 ноября 1959).

Наречия с этим значением в XX в. очень продуктивны.

в) Третье значение встречается только в разговорной речи. Сами образования эти (структурно соотносимые с основами притяжательных прилагательных на *-ин*, *-ов*, а семантически непосредственно с существительными собственными и нарицательными) носят полулитературный характер:

Дело-то выходило по его, *по-Костиному* (В. Кочетов, Товарищ агроном); Варенье варили *по-нянькиному* (Из устной речи, 1963); Ну да, если жить *по-Лизиному*, то никогда ничего не сделаешь (Из устной речи, 1965);... Вышло не по ее, а *по-агрономову* (В. Кочетов, Товарищ агроном).

В настоящее время можно отметить некоторые ответные образования на *-о*, отражающие первое и второе значение этого типа. Пока примеры единичны, но взаимодействие явно намечается. Ср. такие соотносительные образования, как *по-государственному* —

[39] Ср.: Дача *по-здешнему* хорошая (М. Салтыков-Щедрин, Письмо И. С. Тургеневу, 1882); ... Может быть, *по-ученому*, и хорошо опаздывать, но, по-моему, это свинство (А. Чехов, Дуэль).

государственно, *по-современному — современно*, *по-партийному — партийно* и некот. др.:

Кто не умеет мыслить *государственно* («Лит. газ.», 24 марта 1964); Они взяты из жизни, увидены по-своему остро, *современно* [40] («Лит. газ.», 16 апр. 1964); Юрий Либединский был художником глубоко и *партийно* осмысливающим общественное бытие («Лит. газ.», 18 янв. 1964).

Ср.: Неужели комсомольские вожаки впредь будут выступать в роли редких просителей? Или они решат вопрос *по-государственному*, используя свои законные права («Комс. пр.», 22 июля 1964); Можно подробно говорить о стиле А. Битова, о его образной речи, об умении видеть окружающее не только остро, но, что очень важно,— оптимистически, *по-современному* («Лит. газ.», 2 апр. 1964); Иной раз упрекнешь: не по инструкции, мол, действуешь, старый. «А я,— говорит,— *по-партийному*» (Н. Почивалин, Летят наши годы, 1963).

Наречия и того и другого словообразовательного типа с модальным значением встречаются достаточно часто в языке публицистики. Вне этой сферы наречия на *-о* и на *по-...-ому* со значением модального характера резко разграничены жанрово-стилистически: тип *по-...-ому* носит разговорно-непринужденный характер — встречается в частной переписке, в устной речи, в художественной литературе; тип *-о* — книжно-официальный.

С недавнего времени начинают употребляться наречия на *-о*, соответствующие по значению оборотам 'по каким-то сведениям', 'по каким-то данным' (и, следовательно, соответствующие отчасти третьему значению модального типа наречий на *по-...-ому*). Ср.:

... *Официально* они умерли от туберкулеза, но туберкулезом, и притом в острой форме, был болен один только Принцип («Октябрь», 1964, № 10); Предположение такое вполне вероятно, но *документально* это не так (Из устной речи, 1961).

Единичные случаи такого употребления в настоящее время носят, видимо, полулитературный характер.

177. Синонимия словообразовательных типов наречий как фактор их развития действует обычно не изолированно, а в тесной связи с другими факторами, в частности с так называемой «межкатегориальной синонимией»: помимо взаимодействия словообразовательных типов имеет место взаимодействие наречий с другими средствами языка (не словообразовательными), выражающими то же содержание. А поскольку качественные наречия всегда выражают то, что уже было выражено какими-то другими средствами, такое взаимодействие для них, вероятно, более характерно, чем для других частей речи. Результаты же взаимодействия определяются различными языковыми тенденциями.

Так, значительная часть качественно-обстоятельственных наре-

---

[40] Ср. с этим употребление слова *современно* в значении соответствия современной моде: Второй был высок, *современно* одет («Лит. газ.»,28 февр. 1964).

чий входит в систему словосочетаний со сравнительно-уподобительными отношениями и взаимодействует с другими членами этой системы. Это способствует развитию у многих наречий значения сравнения. Ср. соотносительность таких средств: запрыгал, *как заяц*, *по-заячьи*; красная, *как вишня* — *вишнево* красная; выглядел *как молодой*, *молодо*, *по-молодому* и т. д. Это создает возможность для выбора.

Вполне естественно, что взаимодействие этих единиц наиболее определенно происходит в языке художественной литературы, поскольку сравнение (не как логическая категория, а как прием выражения мысли) — больше всего достояние художественной речи, где сам характер сравнения является объектом пристального внимания писателя. Поэтому наречия на *-о* со значением сравнения используются в языке художественной литературы и публицистики для освежения, обновления сравнений-штампов. Такие наречные образования, как *снежно*, *молочно*, *мелово* белый; *лимонно* желтый; *каменно*, *свинцово* тяжелый; *угольно* черный; *шелково* мягкий; *стеклянно*, *родниково* прозрачный; *кристально* чистый; *вишнево*, *свекольно* красный и т. д., возникают как заместители сравнений-штампов с союзом *как* — белый, *как снег*, *мел*, *молоко*; желтый, *как лимон*; тяжелый, *как камень*, *как свинец*; гладкий, *как мрамор*; черный, *как уголь*; мягкий, *как шелк*; прозрачный, *как стекло*; чистый, *как кристалл*; красный, *как вишня*, *как свекла*, и т. п. Как показывает материал, эти наречия употребляются при тех же определяемых словах (глаголах или прилагательных) или их ближайших синонимах. Вот ряд примеров:

От резкого света стосвечовых ламп лица женщин казались кукольными, глаза — *стеклянно*-прозрачными (А. Н. Толстой, Эмигранты); Стихи стоят *свинцово* тяжело (В. Маяковский, Во весь голос); Дрожат кусты *осиново*, молчат сороки *каменно* (Н. Грибачев, Влюбленным снятся лапдыши); *угольно*-черные тучи (В. Катаев, Хуторок в степи); *снежно*-белая пена за кормой (Там же); *алмазно* твердая преграда («Лит. газ.», 31 марта 1964); День *кристально* чист (Г. Николаева, Наш сад, 1964).

В языке художественной литературы, особенно поэзии, наречные сравнения заметно вытесняют конструкции с существительными и союзом *как*. Объясняется это и тем, что внесение последних в некоторые контексты неуместно, поскольку существительное, называя предмет, вызывает представления о разных его сторонах (например, не только о цвете, но и форме). Ср., например, невозможность конструкций: *платье красное, как вишня*, потому что вишня дает, так сказать, избыточную информацию: или невозможность замены выражения *молочно, белые* оборотом *белые, как молоко*, в контексте такого типа: длинные ряды *молочно-белых* построек фермы (Ю. Казаков, Тихое утро). С другой стороны, в определенных случаях замена союзного оборота наречием заключает в себе только освежение формы сравнения. Ср.: Вспомнился мальчуган с *яблочно-круглым* лицом (Г. Николаева, Жатва).

Эта «межкатегориальная синонимия» обусловливает усиление продуктивности и других наречных образований. Так, например, функциональная соотносительность оборотов: *в отношении чего-нибудь*, *в каком-нибудь отношении*, *с точки зрения чего-нибудь* (или *кого-нибудь*) и соответствующих им по значению наречий [41] приводит в настоящее время к вытеснению многословных, тяжеловесных предложно-падежных конструкций более лаконичными, экономными наречными образованиями [42]:

Весь твой роман является только материалом для романа, ибо он *композиционно* не построен (А. Неверов, Письмо Н. А. Степанову [Афиногенову], 1923); Теперь служим с женой в Самарском земстве... *Материально* все-таки ничего (А. Неверов, Письмо И. Е. Лаврентьеву, 1914); Художник стремится выразить музыку своим, но *эмоционально* родственным ей языком («Театр», 1964, № 3); Советская социалистическая музыкальная культура по природе своей *жанрово* всеобъемлюща («Сов. музыка», 1963, № 5); *социально* и *комедийно* оправданный сюжет («Лит. газ.», 10 окт. 1964); *Драматургически* победа дается Давыдову слишком уж легко («Театр», 1964, № 7); Собака *юридически* ничья («Комс. пр.», 13 мая 1964).

178. Приведенные материалы позволяют сделать следующие обобщения. В языке XX в. синонимическое взаимодействие в словопроизводстве качественных наречий заметно активизируется. Все типы охвачены взаимодействием. Оно является важнейшим фактором развития словообразовательных типов качественных наречий. Изменения, обусловленные синонимическим взаимодействием, касаются существенных сторон семантики и структуры взаимодействующих типов.

Благодаря синонимическому взаимодействию наречий на *-о* и на *по-...-ому* расширяется круг производящих основ у обоих типов: основы прилагательных на *-ов-* примерно в одно время входят в сферу действия и типа на *-о* и типа на *по-...-ому*. Основы, традиционно свойственные одному из синонимических типов, в той или

---

[41] Ср.: В *литературном отношении* я равнялся на вас. Когда вы говорили мне, что это *литературно* неверно, я менял что-то (К. Станиславский, Из бесед с мастерами МХАТ, 1936). Такие наречия становятся продуктивными в последней трети XIX в. В языке XX в. продуктивность их усиливается чрезвычайно.

[42] Соотносительность наречий и обстоятельственных оборотов и их взаимозаменяемость во французском языке (например, *строго — строгим взглядом*, *строгим тоном*, *строгим образом*) отмечал Ш. Балли. Распространение этих оборотов, по его мнению, «в значительной мере зависит и от того предпочтения, какое оказывает современный французский язык конструкции с существительным» (Ш. Б а л л и. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с франц. М., 1955, стр. 269). В русском же языке больше действует тенденция к синтетическому сжатию. Ср. предпочтительность в современном употреблении наречий *истощающе*, *ослабляюще*, *тормозяще*, *возбуждающе* и т. д. (действовать) по сравнению с оборотом — *каким-то образом* (*истощающим образом* и т. п.).

иной мере начинают усваиваться и другим типом: происходит дальнейшее усвоение типом *по-...-ому* основ качественных прилагательных, а в тип *-о* проникают основы относительных прилагательных на *-н-*, притяжательных на *-ин-* и на *-⟨j⟩-*.

Взаимодействие словообразовательных типов существенно изменяет их семантику. Более заметным в XX в. является семантическое влияние типа *по-...-ому* на синонимический суффиксальный тип: развитие внутри типа *-о* сравнительного значения, прежде несвойственного ему, но исконно присущего суффиксально-префиксальному типу. В связи с развитием у суффиксального типа сравнительного значения происходит дальнейшая семантизация суфф. *-о*, значение которого в настоящее время уже не совпадает только с категориальным или разрядовым значением наречий (указание на необстоятельственный их характер).

Начало семантизации суфф. *-о*, нам думается, связано с развитием в XIX в. отпричастных образований с очень характерными значениями и образований от относительных прилагательных со значением ограничения признака (*социально* опасный и т. п.). Наречия со значением ограничения признака или с модальным значением (‘с точки зрения чего-н.’) не только «наречно» трансформируют значения соответствующих прилагательных, они выражают значение оборота *в каком-нибудь отношении*, где прилагательное имеет лишь долю участия. В связи с этим наречия данного типа в словарях получают самостоятельное толкование, чего не удостаивались наречия на *-о* типа *ласково*, *быстро* и т. п. [43]

До настоящего времени можно встретить утверждения, идущие от грамматистов XIX в., что наречия на *-о* не имеют права называться словами, это не более чем формы прилагательных, так как, в отличие от наречий на *-и*, они не имеют своей семантики. Сейчас можно говорить о наличии у наречий на *-о* по крайней мере четырех значений: 1) чисто качественного (*быстро*, *ласково*); 2) качественно-уподобительного (*крапивно*, *рубиново*); 3) ограничительного—‘в отношении чего-н.’ (*структурно*, *духовно*); 4) модального —‘с точки зрения чего-н.’ (*социально*). Значения отпричастных наречий дополнительно нуждаются в характеристике и классификации.

В результате семантического взаимодействия словообразовательные типы качественных наречий в середине XX в. начинают семантически унифицироваться: все они могут выражать значение «чистого качества», значение сравнительно-уподобительное, значения модального характера (ср. наличие всех этих значений у типов *-и*, *-о* и *по-...-ому*). Это позволяет выразить определенный тип значения самыми различными производящими основами и раз-

---

[43] Ср., например, толкование в БАС прилагательного *социальный* и наречия *социально*. Социальный — «Связанный с обществом, с жизнью и отношениями людей в обществе; общественный» ... ‖ «Свойственный классовому обществу, обусловленный разделением общества на классы, группы» ‖ «Порождаемый условиями общественной жизни той или иной общественной среды, строя» ... ‖ «Имеющий целью изменение общественных производственных отношений...»

Социально — «В общественном отношении; с общественной точки зрения...».

ные оттенки значения с помощью одной основы. Так, довольно определенно выражается в литературном языке XX в. тенденция, наметившаяся уже в XIX в. в развитии соотносительных образований на *-о* и на *по-...-ому*,— при каждом типе приставочных образований иметь бесприставочные и наоборот. Если раньше наречия на *по-...-ому* образовывались главным образом тогда, когда в языке не было соответствующих наречий на *-о*, то теперь появление наречий на *-о* может почти гарантировать образование соответствующего на *по-...-ому* и наоборот. Ср. соотносительность *по-звериному— зверино*, *по-осеннему — осенне* и т. п.

В настоящее время у всех типов качественных наречий наблюдается тяготение к основам существительных: ср. *по-читательски* и, *по-колхозному*, *водопад и о*.

Взаимодействие синонимических наречных типов приводит к увеличению и стилистических вариантов качественных наречий. Некоторые новые образования на *-о* добавляют к некоторым наречиям на *по-...-ому* варианты иного стилистического тона. Так, одиночные прежде формы *по-звериному*, *по-ястребиному* получают в качестве соотносительных наречия на *-о — зверино*, *ястребино* с окраской «литературности», художественности. Это несколько изменяет и нейтральное звучание самих наречий на *по-...-ому* этой семантики. У них появляется некоторый элемент сниженности. Такого же характера, видимо, отношение между образованиями *осенне — по-осеннему*.

Особенно значительные изменения в словообразовании наречий наблюдаются в первые десятилетия после революции (20-е годы) и в 50—60-е годы. Несомненно, причины этого лежат в сфере социальной. Языковая неупорядоченность первых послереволюционных лет, резкое увеличение числа лиц, говорящих на литературном языке, принесших с собой свойственные им формы речи, способствовали обострению протеканию процессов взаимодействия между синонимичными литературно-книжными и разговорно-просторечными типами наречий в 20-е годы. 30—50-е годы — время затухания синонимического взаимовлияния наречий. Новый этап обостренного взаимодействия наступает в конце 50 — начале 60-х годов как реакция на сверхнейтральную, приглаженную речь предшествующего периода.

179. Итак: под влиянием наречий на *-о* среди наречий на *по-... -ому* распространяется качественное значение; новообразования обладают разговорной стилистической окраской;

под влиянием наречий на *по-...-ому* среди наречий на *-о* распространяется сравнительное значение; новообразования имеют книжно-поэтическую окраску;

среди наречий обоих типов распространяются модальные значения; стилистически оба типа разграничены: наречия на *по-... -ому* — разговорного стиля, наречия на *-о* — книжного.

Сближение обоих типов в семантическом отношении — основа для их стилистического размежевания. Это естественно: стилисти-

ческие противопоставления ярко выявляются только в единицах, которые семантически тождественны или очень близки. Чтобы полностью выявить стилистические контрасты, надо во всех иных отношениях сблизить или даже полностью уравнять соотносительные единицы. Можно думать, что сближение двух наречных типов вызвано именно потребностью в усилении стилистических противопоставлений.

Значительна такая деталь: появление многих из описанных дублетных типов (семантически дублетных, но не стилистически) начинается в художественной литературе и лишь потом осваивается другими видами речи; начинается в поэзии и только затем — в прозе. Новации появляются там, где особенно остра нужда в стилистически выразительных единицах. Это лишний раз показывает, что существовала острая потребность в стилистическом развитии, в обогащении языка новыми экспрессивными единицами; такое обогащение могло полностью осуществиться лишь при семантической выравненности контрастных типов слов — и это определило их семантическое сближение.

180. Были описаны три вида стилистических разграничений в области словообразования. Разумеется, все они обусловлены взаимодействием между словообразовательными типами. Что в принципе отличает эти три вида друг от друга?

Различия между первым (III, § 162) и вторым (III, § 163—166) видами стилистических разграничений очевидны. Первый вид: существуют производящие основы двух стилистических типов (одни — разговорные, другие — книжные). Развитие идет так, что один аффикс становится постоянным спутником первой группы, другой аффикс — постоянным спутником второй. Таким образом, стилистическое различие основ подчеркивается и закрепляется особыми аффиксами в производных словах.

Второй вид: оба синонимических суффикса присоединяются к основам любой стилистической окраски. Если они оба стилистически окрашены одинаково (например, оба разговорного стиля), то они неизбежно становятся конкурентами. Стилистически менее выразительный тип вытесняется. В первом же случае условий для вытеснения нет. Существенны и различия между первым и третьим (III, § 167—179) видами стилистических взаимодействий. Первый вид протекает при увеличении семантического различия между соотносительными единицами; третий вид стилистических взаимодействий протекает при семантическом сближении соотносящихся единиц. Полноценным, подлинно контрастным стилистическое разграничение может быть лишь в третьем случае. В первом же оно только накладывается, как нечто второстепенное, на семантические и функциональные различия.

Несомненны различия между вторым и третьим видами стилистических взаимодействий. Третий вид предполагает соотношение словообразовательных типов, у которых стилистическая окраска контрастна: нейтральный стиль — разговорный, или: нейтральный

стиль — книжно-поэтический. Второй вид характерен для словообразовательных типов, у которых стилистическая окраска однородна: разговорная — и менее интенсивная разговорная же. Это ведет к различным исходам процесса их взаимодействия.

Для развития стилистической системы русского языка наиболее значительны результаты третьего вида взаимодействий.

Все три вида взаимодействий стимулированы общественными факторами, а именно: потребностью отразить и выразить в языке напряженно-стремительное общественное развитие в революционную эпоху.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Влияние изменений в лексике на словообразовательную систему. ***Выпадение слов из словаря и словообразование.*** *Ослабление некоторых словообразовательных типов из-за лексических утрат в языке. Влияние выпадения слов на корреляцию слов мужского и женского рода со значением лица. Изменения в функционировании суффиксов как следствие потерь в словаре.*

Пополнение словаря и словообразование. Влияние на словообразовательную систему новой структурно единой группы слов (аббревиатур). *Активизация интерфиксов. Возникновение морфем нового типа. Превращение аббревиатурных морфем в самостоятельные, отдельные слова. Образование новых слов путем усечения неаббревиатурных слов по аббревиатурному способу.*

Влияние на словообразовательную систему новой семантически единой группы слов. *Рост словообразовательной активности основ определенного семантического круга. Единицы разной степени расчлененности среди космических названий. Сознательно-аналитическое отношение к морфемному строению космонаименований. Функциональное сближение русских и иноязычных морфем. Новое осознание структуры слова «спутник». Парадигматическая регулярность космических слов и противодействие лексического материала.*

Выпадение слов из словаря и словообразование. 181. Изменения в словообразовательной системе связаны с внешними и внутренними изменениями в словарном составе. Словарные изменения в основном происходят в двух направлениях: 1) пополнение словарного состава новыми словами и 2) выпадение из него отдельных слов и групп слов.

Пополнение словарного состава всегда происходит интенсивнее, чем сокращение его за счет утраты отдельных слов или групп слов, особенно в периоды революционной перестройки общества, в эпохи подъема науки и искусства.

Выпадение слов из словаря может влиять на словообразовательную систему, усиливая или ослабляя отдельные словообразовательные типы, способствуя развитию или затуханию в них частных

словообразовательных значений. Исчезновение некоторых слов способствует опрощению производных слов, а тем самым возникновению новых непроизводных основ.

Последствия того влияния, которое оказывает на словообразовательную систему выпадение слов из словарного состава, гораздо менее значительны, чем влияние обратного процесса пополнения словаря, во-первых, потому, что этот процесс менее активен, а во-вторых, потому, что выпадают зачастую слова непродуктивных типов и система как таковая не испытывает заметных изменений.

Так, например, в силу социальных причин исчезли или значительно сократились в употреблении существительные жен. р. с суфф. *-иса*, *-есса*: *аббатиса*, *авиатриса*, *директриса*, *дьяконица*, *инспектриса*, *лектриса*, *авторесса*, *метресса*, *патронесса*, *принцесса* (*кронпринцесса*), *догаресса*, *баронесса*, *виконтесса*, *адвокатесса* и под. Слов широкого употребления с этими суффиксами осталось очень немного: *актриса*, *поэтесса* (ср. замену слова *чемпионесса* словом *чемпионка*). Однако окказиональные производные такого типа и сейчас возможны в непринужденной речи, часто с оттенком иронии или снисходительности: *кадресса*, *металлургесса*, *критикесса*, *редактриса* и т. п.

Рассмотренные суффиксы являются заимствованными, и появление некоторых новых слов с одним из них может объясняться не продуктивностью типа, а заимствованием (например, *стюардесса*). Ср. употребление слов с этим суффиксом при описании зарубежной жизни: *клоунесса*, *пересса*, *папесса* и под.

Сходная судьба и у образований с суфф. *-иня*. Слов с этим суффиксом было не так много, и большинство из них после революции сократилось в употреблении или совсем вышло из употребления в силу своего социального значения: *графиня*, *княгиня*, *герцогиня* (*эрцгерцогиня*), *монахиня* (*схимомонахиня*), *инокиня*, *монархиня*, *барыня*, *рабыня*, *сударыня*, *государыня*, *боярыня* и под. С этим суффиксом осталось тоже всего несколько слов широкого употребления: *героиня*, *богиня*, *барыня* (в переносном употреблении с качественной оценкой). Здесь также возможны окказиональные употребления с оттенком иронии (или без него), например *геологиня*, *филологиня*.

Таким образом, и в том и в другой случае выпадение слов или резкое сокращение их в употреблении привело к тому, что данные словообразовательные типы из малопродуктивных превратились в настоящее время в полностью угасающие и, что не менее важно, стилистически окрашенные.

Кроме того, поскольку коррелятивные слова муж. р. в ряде случаев не исчезли и не сократились в употреблении (ср. *автор*, *авиатор*, *адвокат*, *директор*, *инспектор*, *лектор*, *патрон* и под.), изменение в употреблении слов жен. р. данных типов активизирует основную тенденцию в корреляции существительных муж. и жен. р. для названия лиц — расширение употребления слов муж. р. применительно к женщинам.

Еще в XIX в. началось сокращение в употреблении многих существительных муж. р. с суфф. *-анин* (*-ане*) от основ нарицательных существительных. Процесс этот продолжается и в XX в.

Многие существительные на *-анин*, произведенные не от топонимов, стали меньше употребляться или совсем выпали из словарного состава потому, что они называли понятия не актуальные, устаревшие, например: *басурманин*, *каторжанин*, *клирошанин*, *лютеранин*, *магометанин*, *мирянин*, *могиканин*, *моложанин*, *молоканин*, *мусульманин*, *никонианин*, *огнищанин*, *пейзанин*, *поезжанин*, *помочанин*, *полонянин*, *посельчанин*, *поселянин*, *пресвитерианин*, *прихожанин*, *сельчанин*, *скитянин*, *слобожанин*, *соборянин*, *христианин*, *хуторянин* и под.

Широко употребляются только немногие из слов на *-анин* от основ нарицательных существительных: *горожанин*, *односельчанин*, *однополчанин*, *северянин*, *южанин*. Новые слова этого типа почти не производятся. Встречается, правда, иногда слово *заводчане*, но широкого распространения оно не получило. Например:

Сами *заводчане* придумали себе нечто вроде псевдонима, который звучит коротко и внушительно: «Звонят с завода ЗМГ-2» («Веч. Москва», 29 янв. 1966); И нам у *заводчан* много надо бы позаимствовать («Пр.», 28 янв. 1966).

Иногда подобные образования возникают и употребляются в узкой среде, например:

Между тем братья-*мехматяне* считают, что я рассеянный. Если вам неизвестно, кто такие *мехматяне*, знайте, что это не представители малой народности и не сектанты. Мои друзья *мехматяне* — старшекурсники и аспиранты механико-математического факультета МГУ, обитающие в доме на Ленинских горах («Пр.», 31 дек. 1966).

Исчезновение одних и малая употребительность других слов на *-анин* (*-ане*) [1] от основ нарицательных существительных способствовали, наряду с другими причинами, утверждению морфемы *-анин* (*-ане*) как суффикса, служащего для наименования лиц только по географическому признаку — по месту рождения или жительства, а это снова активизировало этот суффикс (см. III, § 82).

Пополнение словаря и словообразование. 182. Пополнение лексики оказывает значительное влияние на словообразование. Именно обогащение словаря показывает в полной мере, насколько сложно и многообразно взаимодействие между лексическими и словообразовательными процессами.

Конечно, каждый словообразовательный тип реализуется только в лексическом материале; ни один аффикс не существует вне слов. Однако из этого не следует, что любой словообразовательный процесс определяется изменением в лексике.

---

[1] Особо следует отметить слова с этимологически выделяемым суфф. *-ани́н*, имеющие различную употребительность: *гражданин*, *дворянин*, *мещанин*, *славянин* и под. Число таких слов невелико, и новообразований с таким ударением не отмечается.

Неправильно, например, было бы считать, что суффикс лица *-щик* приобретает в нашу эпоху огромную продуктивность потому, что появилось множество слов с этим суффиксом. Напротив, определенные отношения в словообразовании (взаимодействие данного словообразовательного типа с другими) обеспечили продуктивность суфф. *-щик*, т. е. частое использование его в образовании новых слов.

Когда же можно говорить о влиянии лексики на словообразование? В тех случаях, когда в литературном языке заимствуется большая группа слов — из других языков, из терминологии, просторечия и т. д. Они заимствуются потому, что полезны в семантических или экспрессивно-стилистических целях, а не потому, что имеют такое-то словообразовательное строение; причины заимствования только лексические. Но, проникая в литературный язык, заимствованные слова протекционируют определенным словообразовательным типам. Это один из наиболее частых случаев влияния лексики на словообразование.

Однако и здесь процесс обычно бывает не только односторонним: усваиваются литературным языком и оказываются устойчивыми в основном те новации, которые отвечают внутренним тенденциям этого языка, в частности — словообразовательным. Значит, здесь не только лексика протекционирует определенным словообразовательным тенденциям, но и словообразовательные тенденции допускают лексические новшества или накладывают на них запрет. В качестве примера можно напомнить распространение аббревиатур в литературном языке. Они возникли в официальной речи, в деловой переписке — вначале как условные замены настоящих названий. Среди них было много таких образований, которые не отвечали тенденциям словообразовательного развития русского литературного языка: они были «внемодельны», капризно-индивидуальны (см. III, § 45, 47—53). Резкая членимость на компоненты, сейчас свойственная сложносокращенным словам как их структурный признак,— качество, которое не было свойственно ими значально; это качество, как общий и характерный признак аббревиатур, постепенно культивировалось и усиливалось в ходе «врастания» их в нормированный общеупотребительный язык. Аббревиатуры, в силу общественных потребностей широко вошедшие в литературный язык, принесли с собой определенные словообразовательные новшества; но они не пассивно усваивались, а отбирались. Особенно влиятельным оказывалось то, что отвечало внутренним тенденциям развития словообразовательной системы (например, у аббревиатур — отчетливая членимость некоторых из них на компоненты).

Еще более несомненный случай воздействия лексики на словообразование связан с актуализацией некоторых лексических значений. По тем или иным внеязыковым причинам становится общественно важным определенный круг значений; он требует для себя дифференцированного лексического выражения (не в виде неустой

чивых описательных обозначений, а в виде слов или стабильных фразеологизованных словосочетаний). Для создания нужного круга слов мобилизуются все словообразовательные возможности языка — в том числе и продуктивные, и такие, которые непродуктивны и маложелательны по словообразовательным своим качествам.

Социальные причины поддерживают распространение и укрепление этой группы слов, хотя со стороны словообразовательных тенденций они не все могут пользоваться поддержкой.

В 50—60-е годы так актуализированы были «космические» значения, и это повлекло за собой появление большого числа «космических» слов — частью они уже стали достоянием общеупотребительного языка, частью остаются индивидуальными образованиями.

Итак, особенно значительными бывают словообразовательные изменения, если в язык быстро, стремительно входит и становится общеупотребительной структурно или семантически сплоченная и притом большая группа слов.

Для исследования были взяты:

во-первых, структурно сплоченная группа слов — аббревиатуры. Эта новая по своему морфемному строению группа слов, уже в 20-е годы очень многочисленная, вызвала значительные отзвуки во всей грамматической системе (см. IV, § 40). Были они существенны и для словообразования;

во-вторых, семантически сплоченная группа слов — «космическая лексика». Она с необычайной для языковых новаций быстротой вошла в язык и стала общеупотребительной (результат широкого проникновения научных интересов в массы, повсеместного распространения радио и печати). Появление этой группы вызвало ряд последствий для словообразовательной системы русского литературного языка.

Эти же две группы слов демонстрируют, как видно из сказанного выше, и два главных типа воздействия лексики на словообразование: путем заимствования слов (из других языковых систем и подсистем) и путем актуализации определенных лексических значений.

Влияние на словообразовательную систему новой структурно единой группы слов. 183. Наиболее мощным источником пополнения словарного состава в первые годы после революции явилась аббревиация, т. е. новый способ образования инициальных и сложносокращенных слов, называющих новые общественные явления.

Аббревиатуры воздействовали на всю систему русского словообразования в самых различных отношениях: не только расширяя круг производящих основ, но и значительно более глубоко. Они активизировали интерфиксацию, способствовали возникновению морфем нового типа и превращению аббревиатурных морфем в новые слова, вызвали образование новых слов путем усечения неаббревиатурных слов по аббревиатурному способу, т. е. не на морфемном шве (а также путем аморфемного усечения и суффиксации одновременно), и путем усечения неаббревиатурных нарицательных слов на морфемном шве; содействовали тенденции применять к лицам

женского пола существительные муж. р. Это влияние сложносокращенных слов на другие словообразовательные группы (на несложные слова или на сложные, но не сокращенные) заслуживает особого анализа [2].

184. Аббревиатуры и сложносокращенные слова представляли собой новые слова не только семантически, но и структурно, со стороны морфологического состава, поскольку членимость их на составные компоненты была качественно иной по сравнению с членимостью производных и обычных сложных слов. Отличались многие аббревиатуры также своими грамматическими свойствами и звуковым обликом.

Возникла живая и настоятельная потребность приспособить эти новые основы к привычным аффиксальным моделям словообразования. Средством приспособления необычных аббревиатурных основ к обычным способам суффиксации явилась интерфиксация (см. III, § 26—30).

185. Благодаря аббревиации возникали новые морфемы, т. е. новые значимые части слова, которые могли использоваться в дальнейшем словообразовании. Эти морфемы возникали из усеченных частей первой (реже второй или последней) части сложносокращенного слова, не равнявшихся, как правило, никаким корням, никаким существовавшим морфемам, и даже не равнявшимся в большинстве случаев слогам сокращаемых слов [3]. Такие усеченные части в силу значительной частотности и постоянства значения приобретали значимость морфем, первоначально соотносясь со словами-родителями и соответствующим словосочетанием, а потом и вне такого соотнесения со словосочетанием. Своеобразие этих морфем в том, что они «являются лишь частью «нормального» слова, но несут все же полное материальное значение тех слов, из которых они выделены» [4].

Ведут себя эти морфемы именно как морфемы, хотя и аббревиатурного характера; например, мы сразу понимаем значение слова *хозорг* (хотя такого слова и нет), равно как и значение слов *спецорг*, *жилорг*, *продорг* или *совпред*, *совкор* и т. п.

Такие морфемы отличаются структурно от обычных тем, что они более агглютинативны, а семантически — тем, что они представляют собой морфемы — синонимы целых слов при частичной омонимии с началом этих слов, т. е. это морфемы, хотя и нового качества [5].

---

[2] В этой главе описаны словообразовательные последствия появления аббревиатур для других — неаббревиатурных способов словообразования. Об истории развития самой этой структурной группы слов см. в главе третьей этого раздела монографии.

[3] Применяемый в литературе термин для названия этого типа аббревиатур «слоговые» является, конечно, условным.

[4] Г. О. Винокур. Культура языка, изд. 2. М., 1929, стр. 126.

[5] Такие систематически встречающиеся части фиксируются толковыми словарями наряду с обычными частотными частями сложных слов именно потому, что они приобретают собственное значение вне обязательной связи с породившим их словосочетанием.

В тех случаях, где усеченная часть понимается только на фоне определенного словосочетания, о морфеме еще нельзя говорить, как бы часто данное слово ни употреблялось.

Возьмем слово очень широкого распространения *зарплата*. Вне словосочетания *заработная плата* первый элемент *зар-* не имеет никакого значения.

Элемент *под-* в слове *подлодка*, хотя слово *подводный* сочетается с различными существительными, тоже никак не может считаться морфемой со значением 'подводный', поскольку такой аббревиатурный элемент в данном значении встречается только в одном-единственном слове и понимается только на основе словосочетания *подводная лодка*.

Аббревиатурные элементы, встречающиеся только в одном слове, при внешнем сходстве их с какими-либо иными морфемами могут даже вызывать ассоциации с ними и толковаться не в соответствии с этимологией. Так, например, слово *кожимит*, где начало слова *кож-* вполне значимое, обычно воспринимается как непроизводное, а если и как производное, то только на фоне других производных слов с вещественным значением типа *вулканит*, *гранит*, *фосфорит*, *камышит*, *текстовинит* и под., т. е. этимологическая рефлексия подсказывает возможность суффикса *-ит* с своеобразной интерфиксацией.

Таким образом, далеко не все компоненты сложносокращенных слов становятся морфемами и получают собственное значение. Аббревиатурное усечение становится морфемой только в результате повторяемости (см. выше, III, § 54, 60—61), высокой частотности, при постоянстве лексического значения. Ср., например:

Есть обувь местного пошива, | и лесопильный есть завод, | *заготсырье*, *заготпушнина* — | и много всяческих «*загот*» (Е. Евтушенко, Откуда вы?).

186. Некоторые из этих вновь возникших морфем приобретают самостоятельность значения и употребления, становятся корнями и, будучи снабжены той или иной системой флексий, функционируют как самостоятельные слова, например:

а) из начальных частей сложносокращенных слов: *зав*, *зам*, *нач*, *пред*, *опер*, *фин*, *госы* ('госэкзамены', в речи студентов и вузовских работников и т. п.;

б) из последних частей: *спец*, *бух*, *снаб*, *торг*, *распред* и др.

При этом в одних случаях они равняются по значению неусеченному слову (*зав — заведующий*, *нач — начальник*, *пред — председатель*, *спец — специалист*), в других — сложносокращенному (*опер — оперуполномоченный*, *фин — фининспектор*), в третьих получают самостоятельное значение (*снаб*, *торг*).

Такие слова, как *зав*, *зам*, *нач*, *пред*, т. е. представляющие усечение существительных (или субстантивированных прилагательных) со значением лица, могут управлять, как и их несокращенные двойники, тем же падежом существительных, например: *завгаражом*, *предместкома*. Ср.: *зав соседним гаражом*.

Самостоятельное употребление некоторых из подобных слов встречается уже в 20-х и в начале 30-х годов:

Главный грех коммунистов заключается в том, что они не понимают и не хотят понимать необходимости широко привлекать *спецов* к работе (Стенографический отчет об XI съезде РКП (б), 1922); Если же у нас будет и впредь в Наркомпросе... недостаток или отсутствие *спецов*-практиков... тогда дело не пойдет (В. И. Ленин, О работе Наркомпроса, 1921). Вы уж там сами придумайте. На то вы *спец* (В. Вересаев, Собачья улыбка); В тех же целях *замы* председателя СНКА тт. Рыков и Цюрупа должны всеми силами освобождать себя от мелочей и от комиссий (В. И. Ленин, Письмо А. Д. Цюрупе, 27 февр. 1922); Я сидел в уездном комитете партии, беседуя «по душам» с *предом* и секретарем (М. Горький, Рассказы о героях); Новый *зав* оказался дельным и хорошим работником («Работница», 1927, № 3); «Пошлем легкую кавалерию на *буха*» — это решение было единственным утешением и надеждой молодежной смены (В. Вишневский, Свежая закваска;) Посреди монологов у них обламывались носы, над ними рушились колонны, фининспектор выглядывал из-за кулис, на глаз определяя сбор. Но и среди развалин и под угрозой *фина* эти юноши продолжали царствовать, сражаться и любить (Л. Леонов, Дорога на океан); Я бы написал для Варвары Осиповны и не одну роль. Но разве «*аки*» меня поставят? (Н. Луначарская-Розенель, Память сердца) [Аки ← актеатры ← академические театры]; суд над вредителями *распреда* («Лит. учеба», 1934, № 8).

Довольно широко используются такие и подобные слова и в наше время. Среди таких существительных чаще встречаются существительные со значением лица, но возможны и другие значения, например значение организации, учреждения:

Любарцы бьют тревогу, а житомирские «*снабы*» и в ус не дуют («Пр.», 10 февр. 1960); Затем эта организация была ликвидирована, а все торговые точки переданы специализированным *торгам* («Изв.», 9 февр. 1960); Вуз я заканчиваю за три года. Начал с французского отделения, «*госы*» будут сдавать за английский («Комс. пр.», 7 окт. 1965).

Эти новые слова (ощущая их новизну, их иногда на письме берут в кавычки) употребляются в различных жанрах и стилях, однако стилистически нейтральными признать их нельзя, поскольку они имеют синонимы (полные слова и словосочетания), являющиеся нейтральными; высокому, торжественному стилю они не свойственны.

В таких словах значительно возрастает значение системы флексий как словообразовательного компонента модели.

Эти слова настолько употребительны, что от них уже встречаются производные, пока еще в незначительном количестве, например: *замовский*, *завовский*, *спецеедство*, *агитки*, *предушка*, *спецовка* (от аббревиатурной морфемы *спец-*'специальный', ср. *спецодежда*, а не от существительного *спец*, возникшего из аббреви-

атурной морфемы, ср. *военспец*), *не-ликвид-ный* (ср. *ликвидком*), *бес-хоз-ный*, *агит-ка*, *спец-евский* и др.:

Две недели пролежал драчливый *предушка* в постели (А. Меромский, Язык селькора, 1939). Ср. в устной речи (разговаривают молодые девушки): — У нас бывают хорошие *мультики*.— Что? — А ты не слышала? Это старое слово. Я еще чаще слышу *мультяшки* (1964).

187. Для русского языка нашего времени характерен процесс возникновения новых слов путем усечения неаббревиатурных слов по аббревиатурному способу, т. е. не на морфемном шве.

Аморфемное усечение основы слова — явление не совсем новое для русского языка. Такое усечение издавна использовалось, например, при образовании личных уменьшительных имен собственных от полных и при образовании прозвищ из фамилий.

Крайне редко старые усечения не на морфемном шве касались нарицательных слов. Из слов широкого распространения можно указать *гарниза*, представлявшее собой усечение прилагательного *гарнизонный* с включением значения определяемого существительного (гарнизонные солдаты), и слова *бакены* и *баки* (откуда уменьшительное *бачки*), представлявшие две степени усечения слова *бакенбарды*. Ср. также:

Но идти он должен был сейчас же. Можно было взять «*трам*», но это с пересадкой (П. Боборыкин, Пролог романа).

Встречались и окказиональные усечения, не имевшие такого широкого распространения. Например, слово *реак*, возникшее, видимо, в среде революционной интеллигенции:

Я познакомился с каким-то богачом и *реаком*: он ведет меня показывать дома (А. Герцен, Письмо к Огареву); С людьми высшего полета, с «*реаками*», как он выражался, он был крут и даже груб; с народом прост (И. Тургенев, Новь). А. Чехов употреблял слово *титуляр* (титулярный советник): — Да позвольте вас спросить: кто он такой? Муж своей жены, мелкопоместный *титуляр*, которому посчастливилось жениться на богатой! (А. Чехов, Именины).

В начале XX в. в языке революционеров было слово *экс*, обозначавшее экспроприацию: Петя сразу доложил брату, где спрятано оружие. Вот тут-то и родилась у нас идея «*экса*» (Иван Мызгин, Со взведенным курком, 1964; речь идет о событиях 1906—1907 гг.; автор И. М. Мызгин — член КПСС с 1905 г.); С револьверами и пистолетами было еще более или менее благополучно — «*эксы*» и закупки за границей пополняли наш арсенал (Там же).

В наши дни усечения нарицательных слов, особенно заимствованных, в которых для говорящих нет четкого морфемного членения, встречаются значительно чаще. Этому весьма способствовало распространение сложносокращенных слов, появление морфем нового качества и возникновение слов из таких морфем.

Смысловые соотношения слов типа *начальник — нач*, *заведующий — зав* создали условия для усечения и других, не аббревиатурных слов: если вместо слова *заместитель* можно в непринужденной речи сказать *зам*, то почему в тех же речевых условиях нельзя вместо слова *фанатики* сказать *фанаты*, или вместо *тунеядцы — туни*?

Возможно, что здесь до некоторой степени сказывалось и влияние западноевропейских языков, и некоторые усеченные слова представляют заимствования, например слово *пролеты* (нем.

Prolet, *m*, -en), которое употреблялось в русском языке 20-х годов:

Немецкая армия, битая союзниками, доблестно воюет со своими *пролетами*. Но, очевидно, пример заразителен, ибо теперь и *пролеты* колотят правительственные войска (Л. Райснер, Гамбург на баррикадах).

Среди таких аморфемных усечений названия лиц занимают небольшое место, и все они отличаются стилистической сниженностью: *член-корр* (член-корреспондент), *абитуры* (абитуриенты) [6], *лор* (ларинголог) [7], *мильт* (милиционер, простореч. «мильтон») и т. п.

Костриков хотел применить метод в своей клинике, ему не разрешили, подняли шум... а ему в будущем году баллотироваться в *член-корры*. Так что ж, он враг самому себе (В. Кетлинская, Вечерний свет, слова ученого); Ходят по улицам *абитуры*. Утром бегут на море. Окунутся — и с головой в учебник («Юность», 1965, № 1); Я плачу пять рублей и получаю квитанцию. Дальше мы идем с моим младшим братом.— Чудак,— говорит он мне,— деньги *мильту* отдал (В. Аксенов, Звездный билет).

В специальной среде используются усечения *кап-1*, *кап-2* в значении ‘капитан 1-го, 2-го ранга’.

Значительно шире распространены усеченные названия предметов или отвлеченных понятий. Так, например, во время войны самолет марки «*Мессершмит*» сокращенно называли «*Мессер*».Очень распространено было сокращение названия марки трактора «*Интернационал*» — «Интер»: Стал трактористом на «*Интере*» (Радиопередача, 4 июля 1962, Москва).

Особенно распространены в наше время усечения на твердый согласный, приобретающие систему флексий муж. р. Большинство таких усечений либо просторечны, либо используются в узкой профессиональной среде: *преф* (преферанс), *маг* (магнитофон), *транс* (трансформатор), *плекс* (плексиглас), *фокс* (фокстрот), *сакс* (саксофон), *пинг* (пинг-понг), *рок* (рок-н-ролл) и т. п. Это явление поддерживается и влиянием западных языков, где имеются различные типы усечения слов. Связанные общим происхождением и различными международными, экономическими, политическими и культурными отношениями, европейские языки переживают много общих процессов, но эти процессы отличаются по языкам конкретными формами и интенсивностью.

188. Аморфемному усечению подвергаются прежде всего существительные, поскольку усеченные отрезки слов легко присоеди-

---

[6] Ср. слово *абитура* (жен. р.) в собирательном значении,созданное, вероятно, по внешнему сходству с такими словами, как *профессура*, *адвокатура*: В общежитии «*абитура*» селится скопом, вместе с разных факультетов (Очерк «Абитура, абитура!» из «Комс. пр.», 12 марта 1965).

[7] «Словарь сокращений русского языка» (сост. Д. И. Алексеев, И. Г. Гозман, Г. В. Сахаров. М., 1 963) дает иное объяснение этого слова: *Лор*(*лор*) — отоларингология.

няют соответствующую систему флексий существительного (обычно ту же, что и в производящем слове). Усеченное слово при этом представляет разговорный или просторечный вариант полного производящего слова.

Реже встречается аморфемное усечение прилагательных, в результате которого образуются существительные, включающие в свое значение не только значение прилагательного, но и значение определяемого им существительного. Такие усечения представляют собой разговорный или просторечный вариант не слова, а целого словосочетания, одним из компонентов которого является производное усекаемое прилагательное. Так, при усечении слова *термоядерная* (реакция) — *термояд* происходит семантическая конденсация — включение значения слова *реакция* в семантику производного; таким образом, значение усеченного слова равняется значению исходного словосочетания. Можно привести еще слово *кибер*, обозначающее кибернетическую машину или кибернетическое устройство. Ср. также *экзоты* — экзотические растения или животные.

«К сожалению, это не *термояд*»,— говорит Дмитрий Гусев в фильме «9 дней одного года» (авторы сценария М. Ромм и Д. Храбровицкий). Ср. также заглавие стихотворения Е. Парнова «*Термояд*» («Лит. газ.», 4 сент. 1965); *Экзотами* обычно называются растения и животные, вывезенные из субтропич. и тропич. стран, но *экзотами* можно называть также растения и животных, которые привезены из более холодных стран в теплые (БСЭ², т. 48); Сегодня мальчишки мечтают о путешествии электронных «*киберов*», а собранные ими радиоприемники умещаются в корпусе обыкновенной авторучки («Юность», 1965, № 1); Худосочный *кибер* («Лит. газ.», 19 июня 1965).

В ряде случаев аббревиатурно усеченные части слов (как правило, заимствованных) снабжаются не только системой флексий, но и определенными суффиксами. Наиболее распространенный в этой функции суфф. *-ик* служит для образования как названий лиц, так и названий предметов. Слова, возникающие подобным способом, в большинстве своем употребляются только в непринужденной речи, зачастую определяя жаргон какой-либо группы, например школьников. В качестве примеров имен лиц можно привести слова: *шизик* (шизофреник), *туник* (тунеядец), *дирик* (директор) и под.:

Например, если через пару столетий какой-нибудь *шизик* будет писать про нашу компанию... (А. Гладилин, История одной компании, 1965); Не *шизики* — | а физики | герои нашего времени (А. Вознесенский, Монолог рыбака); Да, я обирал отца! Я «*туник*» и не хочу быть другим (В. Чивилихин, Елки-моталки, 1965).

С предметным значением довольно широко используются слова: *велик* (велосипед), *телик* (телевизор), *студик* (машина марки «студебеккер») и др.:

Кольку, конечно, надо взять в руки и отучить его от *«телика»* («Юность», 1962, № 5); Ему Белов уже *«студик»* прямо из капитального ремонта выписывает (В. Колосов, Полоска стали, 1954).

При образовании существительных с суфф. *-ик* от основ усеченных прилагательных в значение производного включается значение лица, например: *инфантик*, *индустрик*: он тот же мальчик-*инфантик*, что несколько лет назад попробовал заявить о себе как об «истинном» герое нашей молодой прозы («Комс. пр.», 28 июля 1965); Когда Юра Гагарин учился в Саратовском индустриальном техникуме,— пишет Рузанова,— он был моим любимым учеником... «Нина Васильевна, за меня не беспокойтесь. Юрка Гагарин вас никогда не подведет. *Индустрики* не подводят» («Веч. Москва», 7 апр. 1962).

Таким образом, к существовавшим ранее путям образования новых корневых морфем прибавился еще один: прежде непроизводные основы пополнялись за счет заимствований и изменения состава слова (опрощение), теперь же — еще и за счет эмансипации частей сложносокращенных слов и усечения основ различных по структуре и семантике слов.

189. Среди слов, возникающих с помощью усечения на морфемном шве [8], можно установить разряды и типы, связанные с определенным значением и с определенными структурными особенностями. Среди морфемных усечений следует разграничить два случая: 1) усеченное слово сохраняет значение исходного слова; 2) усеченное слово приобретает новое значение.

190. Усечение на морфемном шве при тождестве значения производного и производящего. Именно этот разряд ближе всего к аморфемным усечениям, которые чаще всего тождественны по значению с усекаемым словом.

В языке предоктябрьской эпохи такие усечения имели место, хотя и в значительно меньшем масштабе.

а) Отсекалась вторая часть сложного слова, и возникали слова типа: *авто*, *фото*, *кило*, *метро* и под.

Иногда могло иметь место не усечение как таковое, а заимствование усеченных частей. В таком случае для нашего времени следует говорить не столько об интенсификации рассматриваемого способа усечения, сколько о возникновении его на русской почве под влиянием аббревиации и заимствованных усечений, существующих в русском языке наряду с полными словами, ср. отношения: *автомобиль — автб*, *фотография — фбто* и под. Во всяком случае, и количество и качество усечений свидетельствуют о значительных сдвигах в этом направлении.

---

[8] Деление усечений на аморфемные и морфемные иногда носит условный характер, так как в ряде случаев граница усечения чисто случайно совпадает с границей морфемы. Так, например, при образовании названий лиц усечение должно оканчиваться на согласный, и если согласный приходится на морфемном шве, усечение не нарушает целостности морфем. Таково слово *псих*, представляющее усечение на морфемном шве (см. *психический*, *психоз*, *психиатр*). Но иного усечения в данном случае и не могло быть; т. е. в данном случае сокращение на морфемном шве является не избранным (как одна из возможностей), а вынужденным.

б) Отсекалась основа префиксального слова, и оставшийся префикс «заменял» все слово: *унтер*, *обер* и под.

В единичных словах встречались усечения и иных типов, например слово *виц* вместо *вице-губернатор*, *вице-председатель* и под.

— Но теперь губернатора нет, правит должностью *виц* (Л. Толстой, Воскресение).

Ср. современное употребление этого усеченного слова:

Их встретила молодая женщина, которая крайне удивилась, что посетители пришли к Президенту Академии наук СССР «без вызова, без приглашения»... Почему же так сразу? Может быть, вы обратитесь к *вицу*? — К кому? — не понял Хипт.— К *вице-президенту*,— пояснила она (О. Курганов, Тайны песчинки, 1965).

Одно русское суффиксальное слово может служить примером отсечения суффикса: *прапор* — из *прапорщик*:

И прежде выберут, бывало, отставного *прапора* в председатели (М. Салтыков, Пестрые письма); Когда-то Галактионов учился на филологическом факультете, потом стал прапорщиком, как тогда пренебрежительно говорили, «*прапором*» или «фендриком» (И. Эренбург, Люди, годы, жизнь, 1965).

В настоящее время продолжается эмансипация первых частей сложных слов. Преимущественно освобождаются первые части на *-о* типа: *метро*, *био* и др.:

Биологией Валерка увлекался давно, когда стал заниматься спортом. У него ответ на все «почему» один: Почему решил на *био?* Хочу управлять человеком («Комс. пр.», 12 авг. 1965); Жора Останчевский прямо мне сказал, что на *био* он не собирается (Там же).

Интересно новое усечение *а́вто* (с ударением на первом слоге, что указывает на его происхождение). Слово *авто́* (с ударением на втором слоге), применявшееся ранее для названия автомобиля, теперь не употребляется, говорят только *машина*.

Опять «*а́вто*»? — понимающе спрашивает шофер. «*А́вто*» — так называют в «скорой по́мощи» автомобильные происшествия («Комс. пр.», 15 ноября 1959).

В наши дни возможно и отсечение второй части сложного слова и превращение ее в самостоятельную единицу. Так, например, можно предположить, что слово *качественный* с оценочным значением явилось усечением от слова *высококачественный*, слово *сортный* — от слова *высокосортный* и т. п.

Марков продолжал искания. Скоро его осенила *обещающая* мысль (М. Задворов, Новатор, 1955) (*обещающий* — от *многообещающий*).

Однако такой тип усечений не является характерным для современного русского языка. Значительно более распространенным является отсечение суффиксов в существительных, обозначающих лицо. Еще в 20-е годы появилось и получило широкое распространение слово *руковод* (*руководитель*), возможно, не без влияния новых образований типа *групповод*, *кружковод*, *экскурсовод* и т. п.:

Стал я *руководов* искать (Н. Ляшко, Доменная печь); На кружок... пришли за четверть часа до начала занятий, для того, чтобы предупредить *руковода* («Комс. пр.», 26 янв. 1926).

Ср. также *подшеф* вместо *подшефник* (*подшефный*), *тектон* вместо *тектонист* и др.:

Секретарь горкома Заремба, так называемый «шеф» Параскевича, лично был у «*подшефа*» на шахте три раза («Комс. пр.», 21 июня 1933); Меня приглашают на день рождения. К одному *тектону*. — К кому, к кому? — К *тектону*. Ах, не понимаешь? Ну, к *тектонисту* иначе («Юность», 1963, № 11).

Значительно шире встречаются усечения существительных мн. ч., обозначающих лиц по отношению к какой-либо организации, отрасли производства или по иному признаку, например: *комсомолы* (комсомольцы), *напосты* (напостовцы), *попуты* (попутчики как определенная группа писателей), *серапионы* (серапионовцы), *соловцы* (соловцовцы), *спартаки* (спартаковцы), *текстили* (текстильщики), *энергеты* (энергетики), *фанаты* (фанатики) и т. п. Такие образования были особенно широко распространены в 20-е годы (особенно с усечением русских суфф. *-ец*, *-щик*):

Рабочие *текстили*, табачники... (В. И. Ленин, О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности, 1918);... Днем там одни *комсомолы* — проводят часы физкультуры (Ф. Гладков, Цемент); ... И до сих пор многие «*попуты*» втайне думают, что буржуазия, может быть, лучше и выше ценила искусство, чем рабочий класс (Из письма А. Фадеева А. М. Горькому, 1932); Владимир Давыдович Перазич, библиограф революционного движения *текстилей* (М. Шагинян, Дневники, запись 1925 г.).

Заметим попутно, что хотя случаев усечения суффиксов названий лиц довольно много, но гораздо интенсивнее в современном русском языке происходит обратный процесс: бессуффиксные, а порой и суффиксальные имена лиц приобретают еще один суффикс для вящей выразительности личного значения, причем и этот процесс не является вполне новым для нашего времени: *этимолог — этимологист*, *ортопед — ортопедист*, «*морж*» — «*моржист*»; *живописец — живописчик*, *миллионер — миллионерщик*, *строитель — строительщик*, *фармазон — фармазонщик*, *декадент — декадентщик*, *бандит — бандитщик*, *сапер — саперщик*, *стригаль — стригальщик*, *секретарь — секретарщик*; *супруг — супружник* и т. п.

...Ученые создают всевозможные клубы: английский, литературный... даже «*моржистов*», которые умудряются купаться в проруби в сорокаградусный мороз («Юность», 1965, № 1).

В обоих этих процессах, вероятно, есть одна общая, помимо прочих, причина — это стремление обновить слово, сделать его значимее и экспрессивнее.

Усечение на морфемном шве при нетождестве значения производного и производящего. 191. Усечение на морфемном шве с изменением значения слова относится к прилагательным, которые, как правило, становятся существительными муж. р. При этом происходит семантическая конденсация — включение в производное значения определяемого существительного.

Случаи такого усечения крайне редко наблюдались в предшествующий период, например: *Централ* — «центральная тюрьма», *престол* — «престольный праздник». Ср. также просторечное *в законе* — «в законном браке».

Теперь такие усечения представлены значительно шире и разнообразнее. Чаще всего усекаются прилагательные с суфф. *-н-*, значительно реже — с суфф. *-ов-*, *-ическ-*.

Если при усечении существительных обычно возникают существительные личного значения, то при усечении прилагательных чаще всего возникают существительные неличного значения.

При образовании существительных предметного значения путем усечения основы прилагательного всегда происходит включение в образованное слово значения определяемого существительного, причем обычно существительного конкретного значения. Это довольно многочисленная и постоянно пополняющаяся группа слов: *вал* (валовая продукция), *голеностоп* (голеностопный сустав), *декрет* (декретный отпуск), *демисезон* (демисезонное пальто), *дефицит* (дефицитный товар, материал), *неликвид*, чаще мн. ч. *неликвиды* (неликвидный товар, материал), *огнеупор* (огнеупорный материал), *подотчет* (подотчетные суммы, товары), *предрак* (предраковое заболевание), *противогаз* (противогазовая маска), *самоцвет* (самоцветный камень), *стационар* (стационарная установка, больница), *факультатив* (факультативный курс) и т. п. Вероятно, сюда же *липа* (липовый документ). Оба слова (*липа* и *липовый* в переносном значении) впервые зафиксированы в СУ. Ср.:

«*Пульман*» (пульмановский вагон); «*Силикат*» (Силикатный завод); Можно сделать машину из *огнеупора*, и тогда она сможет действовать в пламени, как сказочная саламандра («Пр.», 22 ноября 1964); Четким движением *голеностопа* подрезаю мяч назад (Спутник любителя футбола, 1963); Немало казусов порождал так называемый *подотчет*, т. е. индивидуальная материальная ответственность («Комс. пр.», 28 ноября 1965); Это все ненужные нам детали, *неликвиды* (А. Рыбаков, Водители, 1950); Как смогли авторы свести к такому *примитиву* сложный, умный и неожиданный толстовский *детектив* («Веч. Москва», 19 янв. 1966); У каждого рака есть свой *предрак*, но не каждый *предрак* переходит в рак (Выступление президента Академии медицинских наук, телепередача, 11 февр. 1965, Москва); Анатолий Валерианович по-мальчишески горячо рассказывал о своих работах. Об «*ультрафиолете*», которого здесь в горах в 936 раз больше выпадает на долю растений, чем на равнине («Комс. пр.», 16 дек. 1959).

Большинство существительных, образованных этим способом, принадлежит к муж. р. независимо от рода и числа того определяемого существительного, значение которого включается в новообразованное слово: *демисезон* (пальто), *вал* (продукция), *противогаз* (маска), *стационар* (установка, больница), *подотчет* (товары, суммы) и т. п.

Необходимо подчеркнуть, что все случаи усечения конца слова ведут к очень важному для словообразования следствию: в о з-

растает роль системы словоизменения как словообразовательного средства.

192. Усечение как один из способов экономии языковых средств в процессе коммуникации представляет собой естественное и закономерное явление, если это касается слов широкого употребления или слов, имеющих в определенной среде высокую частотность. Не удивительно, что во всех европейских языках в первую очередь подвергались усечению и сокращению имена собственные личные, наиболее частотные (за исключением служебных слов и местоимений) слова устной речи. В этом случае имеет место так называемая «синтагматическая экономия»: «Если данный объект упоминается довольно часто, экономичнее придать ему короткое обозначение, даже если это окажется дополнительной нагрузкой для памяти» [9].

Большинство усеченных слов рождается в устной непринужденной речи, в узкой социальной среде и получает просторечную, сниженную стилистическую окраску. Это и естественно: при своем возникновении такие слова ломают, нарушают нормы литературного языка, а нарушение нормы прежде всего встречается в просторечии: «Я думаю вообще, что литературный язык меньше сам создает, чем берет созданное жизнью, а языковая жизнь бьется и кипит главным образом в разговорном языке отдельных человеческих группировок» [10].

Как явление в основном новое и как нарушение нормы, как протест против нее, усечение слов в значительно большей степени свойственно языку молодежи, тогда как в речи старшего поколения усечения различного типа наблюдаются в меньшей степени. «Разговорные формы, употребляемые младшим поколением, можно рассматривать как вероятные предтечи будущего состояния языка» [11].

Разные типы усечений обладают разной степенью стилистической сниженности. Естественно, что усеченные существительные (любого способа усечения), сохраняя значение усекаемого, являются только стилистическим вариантом исходного слова и располагают меньшими возможностями проникнуть в нейтральную лексику литературного языка и укрепиться в ней, чем усеченные прилагательные, получившие личное, предметное или отвлеченное значение. Удовлетворяя потребности номинации новых предметов и явлений, они успешно конкурируют со словосочетаниями и описательными оборотами и постепенно становятся словами литературного языка.

---

[9] А. Мартине. Основы общей лингвистики. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 534. Ср.: В. В. Иванов. О функциях сложносокращенных слов. — В кн.: «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов»., М., 1962, стр. 27.

[10] Л. В. Щерба. Современный русский литературный язык. — Избр. работы по русскому языку. М., 1957, стр. 126.

[11] В. В. Иванов. Указ. соч.

Так, в большей или меньшей степени утрачивают просторечность или разговорность такие слова, как *спец*, *торг*, *спецовка*, *вал* и др. В еще большей степени это утверждение относится к словам, возникшим путем усечения с включением, как *противогаз*, *самоцвет*, *голеностоп*, *стационар*, *примитив*, *детектив*, *нейтрал* и др.

В специальной терминологии и в профессиональной речи самое широкое распространение получают слова: *плекс*, *транзистор*, *предрак*, *ультрафиолет*, *член-корр.*, *подотчет* и мн. др.

Хотя большинство усеченных слов пока функционирует преимущественно в сфере разговорной или профессиональной речи, нет никаких препятствий структурного характера для постепенного проникновения их в литературный язык, не говоря уже о том, что они экономны. Вероятно, такие усечения (или заимствования), как *фото*, *кино*, *авто*, *кило*, *радио*, *метро* и под., некогда тоже воспринимались как просторечные, разговорные.

193. Производность большинства усеченных слов всех типов с диахронической точки зрения не вызывает сомнения и не требует никаких иных доказательств, кроме хронологического сопоставления.

Некоторое сомнение в производности могут вызывать только те усеченные существительные (в основном из прилагательных), которые совпадают по форме с наличными в языке и в какой-то степени близкими по значению существительными,—*престол* (престольный праздник), *декрет* (декретный отпуск), *дефицит* (дефицитный товар, материал), *вал* (валовая продукция), *липа* (липовый документ), *столица* (столичная водка), *детектив* (детективный роман, фильм) и т. п.

Вторичность их ни в коем случае не подвергается сомнению, так как она подтверждается хронологически, но может возникнуть вопрос, а не являются ли эти существительные не усеченными прилагательными с включением, а теми же самыми существительными, только развившими новое значение путем метонимического переосмысления?

Метонимическое изменение значения отличается от усечения с включением значения определяемого тем, что в метонимии перенос значения происходит на основании смежности во времени или в пространстве самых предметов [12], причем включения при этом может и не быть, например *блюдо* ‘посуда’ и *блюдо* ‘кушанье’, *аудитория* ‘помещение’ и *аудитория* ‘слушающие’. Включение же предполагает непременную смежность с л о в (словосочетание), которая далеко не всегда совпадает со смежностью предметов. Если рассмотреть все указанные слова с данной точки зрения, то ясно, что отношения между значениями старых слов и новых, возникших в результате усечения, не покоятся на той смежности

---

[12] См.: А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Введение в языкознание. М., 1960, стр. 57.

предметов во времени или пространстве, которая необходима для метонимии [13].

Вторая группа слов, относительно путей образования которых может возникнуть сомнение, это слова типа *анатомия* (анатомический театр), *химия* (химическая завивка), *хирургия* (хирургическое отделение), *терапия* (терапевтическое отделение) и т. п. В этой группе слов как будто бы больше оснований заподозрить метонимию, поскольку здесь можно усматривать «смежность предметов», хотя один из «предметов» и носит отвлеченный характер. Вместе с тем здесь явно наличие и смежности слов (словосочетания), значению которых отвечает новое слово.

Если допустить здесь два возможных пути образования нового слова (или нового значения слова), то тогда следует признать, что результаты усечения прилагательного с включением (и определенным морфологическим оформлением) могут совпадать с результатами метонимии, если налицо и смежность предметов и смежность слов, и доказать с несомненностью тот или иной путь возникновения данного слова не представляется возможным. Вот иллюстрация подобного явления:

Знаменитый сторож бывшей пироговской «черной *анатомии*» [анатомического театра] Роман — пьяница, но умелый помощник прозекторов (Ю. Герман, Повесть о докторе Николае Евгеньевиче).

Во многих больницах травматическое отделение называется *травма*, и оснований для метонимии здесь совсем нет. Вероятно, и слово *Советы* в значении 'Советский Союз' скорее образовано усечением, чем метонимически.

Третью группу слов, где можно усмотреть метонимию, представляют усеченные существительные типа *комсомолы* (комсомольцы), *текстили* (текстильщики), *спартаки* (спартаковцы), *итээры* (итээровцы) и под. Здесь отсутствует включение, поскольку производное тождественно по смыслу исходному, и поэтому здесь можно предположить метонимию.

Метонимия совершается не хаотично от случая к случаю, а по определенным моделям (см. выше, II, § 50). Есть такая модель для метонимического изменения значения слова: название организации, отрасли занятия, места работы (в ед. ч.) → название лица или лиц (независимо от количества): *служба* — 'служивый, солдат'; *флот* — 'флотский, матрос'; *медицина* — 'медицинские работники' и т. п. Ср.:

Кругом звезды, степь на тысячу километров, а под самым небом — музыка, прожектора! *Целина* танцует (В. Алексеев, Люди Флинта, 1965); — Шел бы ты в Тимирязевку,— посоветовал Виктору счастливчик, только что сдавший на «пять» физику. И такое

---

[13] Относительно слова *детектив* (детективный роман, фильм) это очень убедительно показал Л. П. Крысин в статье «О слове *детектив*» («Вопросы культуры речи», вып. VI. М., 1965, стр. 178—179).

у него было издевательски-снисходительное лицо (что тебе, *селу*, делать здесь?!), что Витька не выдержал («Комс. пр.», 12 авг. 1965); Придется сказать: *улица* — так мы называем плохих детей в отличие от наших, хороших («Лит. Россия», 21 янв. 1966).

В 20-е годы, когда возникали подобные слова, такие усечения существительных происходили и там, где усечения не совпадали с наличными в языке словами. Ср. приводимые выше: *напасти́*, *попуты*, *серапионы*, *соловцы* и др.

Таким образом, можно полагать, что эти случаи к метонимии не относятся, а являются усечениями существительных.

А вот в синхроническом плане, действительно, далеко не все усечения могут рассматриваться как производные. Некоторые из усеченных слов имеют формальные признаки производности:

а) прояснение неударяемой гласной не в соответствии с этимологией или написанием слова, например: *лор* (ларинголог), *шпо́ра* (шпаргалка), *спи́куль* (спекулянт); ср.: *Тома* (Тамара), *Питер* (Петербург);

б) иные показатели производности: *кореш* (сохранение *-ш-* от слова *корешок*), *а́вто* (ударение на первом слоге);

в) частично в усечениях неморфемного характера производность подтверждается неморфемным характером отсеченной части: *трамвай*, *термояд-ерный* и под.;

г) на производность многих усеченных слов указывает их стилистическая окраска.

Очень многие из усеченных слов существуют наряду с полными словами или словосочетаниями, причем последние стилистически нейтральны, а усеченные — стилистически отмечены, обычно стилистически снижены: *абитуриенты — абитуры*, *тунеядцы — туни*, *туники*, *член-корреспондент — член-корр.*, *преподаватель — преп*, *преферанс — преф*, *магнитофон — маг*, *специалист — спец*, *руководитель — руковод*, *фанатики — фанаты*, *энергетики — энергеты*, *декретный отпуск — декрет*, *психический больной — псих*, *подотчетные материалы — подотчет* и т. п.

Вот эта-то стилистическая сниженность и является показателем их производности, так как в современном русском языке существует такая закономерность: при сопоставлении двух родственных слов, сходных по содержанию, но с различной стилистической окраской, стилистически отмеченным всегда является производное: *трактор — тракторишка*, *река — речонка*, *бумага — бумаженция*, *Валя — Валюха*, *пир — пирушка*, *пиршество* и т. п. Иначе говоря, от стилистически отмеченных, сниженных слов нельзя образовать нейтральных ни путем аффиксации, ни другим путем. Поэтому даже в сугубо синхронном плане нельзя предположить, что слово *абитуры* является производящим для слова *абитуриенты*, или *фанаты* для слова *фанатики*.

Только в том случае, когда и полное слово и усеченное тождественны в стилистическом отношении, производность усеченного сло-

ва нейтрализуется и оно уже воспринимается как слово с производящей основой.

Усеченные слова, получившие широкое распространение и утратившие стилистическую отмеченность, к тому же не оставившие после себя следов в виде неморфемных остаточных частей в словах с этимологически производящими основами, с синхронной точки зрения производными не являются: *гармонь*, *противогаз*, *самоцвет*, *криминал*, *стационар*, *детектив* и под. В профессиональных языках их можно найти еще больше: *транс*, *плекс*, *фаг*, *тол*, *вал* и т. п.

194. Рассмотренными явлениями не исчерпывается многостороннее влияние аббревиации на словообразовательную систему. Можно указать и некоторые другие, более частные и менее заметные направления воздействия аббревиации на систему современного русского словообразования.

Так, например, появление многочисленных аббревиатур со значением лица, образованных в большинстве случаев при помощи интеграции усеченных частей слова, способствовало развитию одной активной тенденции в русском языке нашего времени.

Таких аббревиатур было и сейчас есть довольно много. Одни из них имели или имеют широкое распространение, например: *комсорг*, *завхоз*, *завуч*, *главреж*, *нарком*, *начфин*, *начарт*, *комбриг*, *полпред*, *профорг*, *старлейт*, *торгпред*, *худрук*, *физрук*, *учлет*, *главбух*, *завмаг* и т. п.

Другие относятся к малораспространенным, например: *отсекр*, *каперанг*, *завбиб* и под.

Все эти существительные — муж. р. и, как правило, не имеют коррелятов жен. р. Только к очень немногим из них есть такие корреляты. Так, в 20-е годы все названия лиц со вторым компонентом *-кор* (корреспондент) имели параллельные образования жен. р.: *рабкорка*, *селькорка*, *стенкорка*, *женкорка* и др., но позже и они вышли из употребления. В настоящее время только одно из таких аббревиатурных слов имеет широко употребительный коррелят жен. р.: *юннат — юннатка*.

Более того, в 20-е годы под влиянием аббревиации возникали даже отдельные слова муж. р., которые обозначали и применялись только к женщинам: *женорг*, *женкор*, *женорганизатор*, *волорганизатор* (=*волженорганизатор*). А. М. Коллонтай была и наркомом, и торгпредом, и полпредом, но никто, даже в те годы, не пытался произвести для ее наименования существительные жен. р.

Увеличение количества слов муж. р. личного значения, не имеющих коррелятов жен. р., несомненно, способствовало утверждению тенденции применять существительные муж. р. к лицам женского пола.

Влияние сложно-сокращенных слов на систему словообразования в целом (т. е. на простые, не сложные слова и на сложные, но не сокращенные) оказалось очень значительным. Это влияние почти во всех случаях идет в общем русле развития современного русского словообразования: увеличивает его аглютинативность.

Как говорилось, аббревиация полностью отвечала требованиям одной группы социальных стимулов: она давала возможность называть многообразные новые объекты революционной эпохи; но она не была вызвана требованием другой группы социальных факторов — тех, которые связаны с демократизацией литературного языка (см. III, § 49, 60); в некоторых случаях аббревиация даже оказывалась в противоречии с этими вторыми факторами (см. III, § 60).

В словообразовательном влиянии аббревиатур этот конфликт отсутствует. Аббревиатурный способ, влияя на простые (не сложные) слова, способствовал не удвоению набора морфем и основ, а созданию новых слов, со своим особым значением или со своим особым стилистико-эмоциональным оттенком (ср. III, § 61). Таким образом, лексическое влияние было использовано словообразованием «эгоистично» в соответствии с потребностями самого словообразования.

Влияние на словообразовательную систему новой семантически единой группы слов. 195. Среди новообразований, возникших в русском языке 50—60-х годов, выделяется группа слов, непосредственно связанных с первыми достижениями в освоении космоса. Исследуя несомненную здесь прямую связь: новое в действительности — новое в языке, можно попытаться рассмотреть эту группу лексики с точки зрения того, как внешние потребности влияют на активность и развитие тех или иных языковых форм, ограничивают или поддерживают ту или иную возможность выражения определенных значений, воздействуют на сами значения — в частности, в словообразовании.

То, в какой степени и в какой форме изменения действительности получают отражение в словообразовании, во многом определяется его взаимодействием с лексикой.

Активизация определенной группы лексики вызывает словообразовательную активность соответствующих основ.

«Космическая» лексика по своей специфике издавна включает в себя значительное число интернациональных греческих и латинских морфем. И в наше время эта группа слов пополняется за счет широкого усвоения специальных терминов. Из языка науки и техники в общелитературный язык идет приток иноязычной и интернациональной лексики. Так как достижения наук, связанных с освоением космоса, имеют общечеловеческую значимость и поэтому одна и та же «космическая» информация должна быть одновременно передана на разных языках (при различных формах международных связей и обмена информацией), естественно, что в области «космической» лексики усиливается взаимовлияние языков. В результате этого расширяется и упрочивается интернациональный фонд морфем.

Следствием этого является словообразовательная активизация иноязычных (в частности, интернациональных) основ, включение их в собственно русское словообразование. Расширение словопроизводства от иноязычных основ, переход от сочетаемости их прежде всего с иноязычными аффиксами к более свободной сочета-

емости с русскими аффиксами не могут быть безразличны для системы словообразования: этот процесс связан с продуктивностью и регулярностью словообразовательных типов. Важно также, что иноязычные морфемы часто обладают такими морфонологическими особенностями, которые не свойственны исконно русским морфемам. Это не может не влиять на структуру новых производных.

Очень активизировали свои словообразовательные возможности основы *космонавт-*, *косм(ос)-*. Вот некоторые образования от них.

Космонавт-: *космонавтка*, *космонавтский*, *по-космонавтски*, *космонавтить* (Из читательского письма в «Веч. Москву», 1965), *сокосмонавт* (Телепередача, 1964, Москва).

В группу новообразований с корнем *косм(ос)-* входят имена существительные — названия лиц. Например, *космик*:

В правом крыле обосновались *космики*, как зовут здесь ребят, изучающих космические лучи (А. Анфиногенов, Десять в минус четвертой, 1963) [14].

От этой основы оказались возможными даже образования разговорного типа: с суфф. *-ач* — *космач* (например, см. Г. Гуревич, Первый день творения, 1963, ср. *бородач*, *усач*) и с суфф. *-ата* — *космоната*:

Так зовут мальчишек и девчонок из клуба юных космонавтов... у «*космонят*» своя радиостанция («Неделя», 1966).

В литературе не встретилось ни одного нового глагола с этой основой. Однако, когда редакция газеты «Вечерняя Москва» объявила конкурс, предложив своим читателям назвать новым словом «свободное плавание» человека в космосе вне корабля [15],

---

[14] Ср. по времени более ранние образования *космист* (в 20-е годы существовала группа поэтов «*космистов*») и *биокосмист*: Он [Циолковский] считает себя «*биокосмистом*»: одним из основных свойств природы он считает чувствительность, не видя различия между органическими и неорганическими телами (Л. Кассиль, Звездоплаватель и земляки, 1939).

[15] См.: «Веч. Москва», 10, 12, 14 апр. 1965.— Конкурс, посвященный этому слову, знаменателен тем, что он почти одновременно проводился в четырех странах — на четырех языках. Кроме москвичей, в нем участвовали варшавяне (инициатором конкурса была варшавская газета «Express wieczorny»), берлинцы (газета «BZ am Abend») и белградцы (газета «Вечерње новости»). Одинаковая заданность лингвистической ситуации, тождество исходной информации, общие правила «игры» привели к тому, что в разных языках создавались слова сходной структуры с теми же мотивирующими основами. Совпадение основ особенно ярко обнаруживает интернациональный характер космической лексики. Ср.: русск.— *орбитировать*, польск.— orbitować (ср. англ. неологизм — to orbit); русск.—*планетировать*, нем.— explanetieren, interplanetieren, польск.—planetować, planeterować; русск.— *спутничать*, нем. satellieren, lunikieren от Lunik (лунник); русск.— *невесомить*, польск.— agrawitować, нем. — gravitieren, schwerelosieren (по сообщению польской газеты, многие сербские читатели высказались в пользу глагола grawitować — глагол дан в польской передаче); русск.— *вселенить*, нем.— allieren, allagieren, universieren, universen, kosmosen, kosmovieren.

Кроме того, во всех этих языках были сконструированы глаголы, включающие в качестве основы полную или сокращенную фамилию советского космонавта А. Леонова. Ср. русск.— *леоновать*, *леонить*, *леонировать*, *леонови-*

в ответах среди новообразований оказалась группа глаголов, произведенных от основы *косм(ос)-*: *космосить*, *космосовать*, *космосировать*, *космотировать*, *космить*, *космичить*, *прикосмиться*, *космировать*. Они не вошли в язык и далеко не все из них удачны, но в них наглядно реализованы различные структурные возможности включения основы *косм(ос)-* в производные слова. При этом обнаруживаются характерные колебания: используется то полная основа *космос-*, то усеченная *косм-*; в конце основы или нет чередования или происходит чередование согласных *с/т*, свойственное иноязычным морфемам (ср. *эрос — эротический*, *рефлексия — рефлектировать*); основа соединяется то с русскими, то с иноязычными по происхождению суффиксами. Таким образом, колебания затрагивают именно те особенности, которые в словообразовании отличают морфему *косм(ос)-* как иноязычную от русских.

Ряд новых прилагательных произведен от прилагательного *космический* префиксальным способом. С иноязычными префиксами: *интеркосмическое* эсперанто («Техн.— мол.», 1964, № 1), *транскосмические* полеты («Лит. газ.», 7 янв. 1964), *субкосмические* лучи («Природа», 1965, № 3). С русскими префиксами: *предкосмический* режим (Г. Остроумов, В космосе двое, 1962), *предкосмические* эксперименты («Труд», 20 марта 1965), *противокосмическая* оборона (Англо-русский словарь по космонавтике, 1964).

Отмечены производные наречия: *по-космически*, *по-космическому*. Например:

Уже несколько дней мы питались «*по-космически*» (Ю. Гагарин, Дорога в космос, 1961); *По-космическому*, оказывается, надо прыгать иначе (Н. Мельников, На космодроме, 1964).

Все эти факты говорят о словообразовательной активности морфемы *косм(ос)-*, о расширении ее синтагматических связей с русскими аффиксами.

Наряду с новыми иноязычными основами, в словообразование включились некоторые новые русские основы, возникшие в результате семантического словообразования (большей частью путем метафорического изменения значения). Это основы слов: *спутник*, *виток*, *невесомость*, *перегрузка*, *стыковка*, (*солнечный*) *парус*. Например, основа *спутник-* в новом значении дала производные: *спутниковая* телевизионная связь («Авиация и косм.», 1964, № 2), *спутничная* и ракетная астрономия («Природа», 1965, № 3) [16].

ровать, *леонизировать*, польск.— leonować, нем.— leonieren. (Материал взят из публикаций соответствующих газет в апреле — июне 1965 г. и из писем в газету «Вечерняя Москва»). Хотя эти слова не вошли в язык, конкурс дает интересный материал для изучения проблемы стихийного и сознательного в языке.

[16] Ср.: Я бы назвал ее *спутникия* — сказал один из зарубежных участников X Международного астрономического съезда — эту новую науку, которая родилась 4 октября 1957 г. (Е. Сапарина, Небесный землемер, 1959). Так в русский язык приходит иноязычное окказиональное образование от ставшей интернациональной основы *спутник-*.

196. Новые тенденции развития языка легче всего обнаруживаются в новой лексике. Космическая лексика в этом отношении особенно показательна, в ней интенсивно идут процессы преобразования старых структур и возникновения новых.

В современном русском языке на основе интернациональных элементов формируется категория аналитических прилагательных (см. IV, § 73—88). Этот процесс обусловлен внутриязыковыми причинами, но, чтобы реализоваться в языке, он должен поддерживаться количественным ростом определенного типа образований, стимулом для появления которых служит внешняя потребность.

В космической лексике равноправно с другими аналитическими определителями (*радио-*, *теле-*, *фото-*, *био-*, *метео-*, *астро-*, *гео-*, *селено-*) начал функционировать новый элемент *космо-*. Рассмотрим образования разной структуры с этим элементом в связи с указанной тенденцией. Очень распространены сочетания типа «*космо-* + существительное». Например:

космоцентр («Зн.— сила», 1959, № 10), *космопилот* (Радиопередача, 1960, Москва), *космошлем* («Изв.», 30 дек. 1962); в научно-фантастической и художественной литературе отмечены: *космопорт*, *космовокзал*, *космогород* (М. Васильев, Путешествие в космос, 1955), *космопластмассы* (Н. Носов, Незнайка на Луне, 1964), *космотрасса* (С. Лем, Звездные дневники Ийона Тихого, пер. З. Бобырь, 1961), *космостанция*, *космоинженер*, *космосеть*, *космоблюз* (А. Кларк, Лунная пыль, пер. Л. Жданова, 1965), *космокорабль* (Л. Вышеславский, Сб. «Разнолетье», 1964) и др.

При помощи элемента *космо-* создаются, в частности, экспрессивные образования: возвышенно-торжественные, как, например: У землян появилось своего рода «*космоощущение*» — восприятие космоса как продолжение своего жилого пространства («Лит. газ.», 30 окт. 1965) или сниженно-иронические, когда элемент *космо-* с его высоким интеллектуальным ореолом контрастно соединяется с основами разговорно-бытового характера: Не космонавтом — *космопассажиром*, как из такси, шагну из корабля («Вокруг света», 1964, № 6); О торжество жизни! Этот *космокраб* похож на своих земных собратьев («Техн.— мол.», 1964, № 1). Ср. также *космориторика* [17] («Лит. газ.», 8 мая 1953).

Все перечисленные образования с атрибутивным характером отношений очень близки к свободным словосочетаниям, включающим аналитические прилагательные.

Располагая далее примеры по степени нарастания внутрисловной связанности единицы *космо-* со второй частью, надо указать на образования с неатрибутивными отношениями: *космооткрыватель* — по образцу *землеоткрыватель*; *космоплаватель* — *звездоплаватель*; *космоплавание* — *мореплавание*, *воздухоплавание* (т. е. 'плавание в космосе', 'плавание в море, по морю', 'плавание в воздухе', ср. слово с иным семантическим отношением между пер-

[17] Пример взят из статьи: Н. И. Фельдман. Окказиональные слова и лексикография.— ВЯ, 1957, № 4.

вой и второй частями: *ракетоплавание*). Все это, несомненно, сложные слова (а не словосочетания). Однако, по-видимому, грань, отделяющая эти сложные слова от сочетаний атрибутивного характера, неглубока и будет перейдена под давлением тенденции к семантической унификации с более сильным рядом — словосочетаниями типа *космошлем*, *космопилот*. Например, слово *космоплавание* отойдет от своего образца *мореплавание* и примкнет к ряду сочетаний с аналитическими прилагательными. Для этого надо, чтобы изменился оттенок в его значении: оно стало бы означать не 'плавание в космосе', а 'космическое плавание'; очевидно, что это семантическое различие минимально.

Показательно, что уже сейчас слова типа *космоплавание* могут осмысляться как выражающие и пространственные отношения ('плавание в космосе'), и атрибутивные ('космическое плавание').

Конечно, этот процесс связан и с более широким функционированием слова *плавание*: 'движение без опоры на твердую среду' — не только в воде, но и в воздухе, и в космосе.

При той же структуре вторая часть слова может быть еще более фразеологически связанной по своей семантике, как, например, в слове *космовидение* (ср. *телекосмовидение* — Б. Ляпунов, Неоткрытая планета, 1963) в ряду *телевидение*, *евровидение*, *интервидение*. Однако массовое присоединение подобных элементов к основе *-видение* может привести к усилению ее семантической самостоятельности и далее — к появлению отдельного слова с новым значением, подобно появлению слов *вещание* из *радиовещание*, *приемник* из *радиоприемник* [18].

Таким образом, изменение внутренней структуры этих слов направляется общей тенденцией к агглютинации и может быть промежуточным этапом на пути выделения из них аналитического прилагательного.

Граница, отсекающая эту возможность, проходит в словах, образованных по конкретному образцу, в которых вторая часть является связанной не только по своей семантике, но и по своему строению [19] (причем вероятность того, что эта вторая часть приобре-

---

[18] О закономерном характере подобных явлений см.: «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 56. — О таком направлении развития именно этого слова см.: Л. Я. Боровой. Путь слова. М., 1965, стр. 170.

[19] Специфическая черта слова, отличающая его от свободного сочетания слов, — его семантическая фразеологичность (см.: М. В. Панов. О слове как единице языка. «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина», т. 51, вып. 5, 1956). Слово выражает значение, которое не складывается механически из суммы составляющих его частей. Так, в словах *телевидение*, *космовидение* элемент *-видение* передает значение, которое он нигде в окружениях другого типа не передает. В этом его «словность», фразеологичность.

Единицы типа *землепроходец*, *водолаз* фразеологичны, несвободны и по своему строению. Вторая часть этих слов (*-проходец*, *-лаз*) в других окружениях ранее не встречалась. Именно поэтому образование новых единиц по образцу этих слов порождает слова (*космопроходец*, *космолаз*), а не словосочетания, несмотря на свободу функционирования первой части *космо-*.

тет самостоятельность и станет употребляться как отдельное слово, равна едва ли не нулю): *космопроходец* — ср. *землепроходец*, *космолаз* — ср. *водолаз*, *верхолаз*. Например:

Водолазы, потом *космолазы*. | Как скафандры их схожи (Л. Халиф, сб. «Мета», 1964); Первый в мире «*космолаз*» движется из открытой Вселенной к кораблю («Изв.», 10 апр. 1965); Первый раз, в океане плывя неземном, *звездолаз* покидает космический дом («Изв.», 19 марта 1965).

Наконец, элемент *космо-* выступает в соединении с интернациональными «аффиксоидами». В окказиональных образованиях: *космософия* — ср. *философия* (так предложили назвать науку о разумных существах в космосе — «Юность», 1965, № 8); *космоскаф* — ср. *пироскаф* (А. и Б. Стругацкие, Стажеры, 1960); *космобус* — ср. *автобус* («Пр.», 12 июня 1964); *космоплан* — ср. *аэроплан*. В интернационализмах: *космонавт*, *космодром*, *космотрон*. Эти единицы явно представляют собой целостные слова (а не словосочетания), притом часто морфемно слабо членимые.

197. Явная вычленимость элемента *космо-*, которую обеспечивает уже сама свобода его сочетаемости с другими элементами, способствовала появлению новообразований от русских основ со вторыми иноязычными элементами, которые входили в слова с первой частью *космо-* (*космодром*, *космонавт*, *космоплан*) и ранее были слабо вычленимы. Среди них оказались наиболее активными *-дром*, *-навт*, *-план*, *-бус*. Однако активизация этих элементов связана и с некоторыми несловообразовательными причинами, в частности, со специфическим воздействием лексики на словообразование.

При словообразовании по определенному типу носители языка часто опираются на конкретные лексические образцы, при этом лексика, находящаяся в активном употреблении, в первую очередь может предоставлять такие образцы.

Космическая лексика, благодаря своей особой социальной значимости, новизне и формальному своеобразию, оказалась в современном языке источником актуальных выразительных средств. Космические термины, как это часто обнаруживается в контексте, послужили непосредственным образцом для многих шутливых образований. Одновременно космические термины, выделенные своим высоким ореолом, стали центром экспрессивного притяжения других слов из соответствующего ряда, что актуализовало в сознании словообразовательное единство данного ряда и тем самым повлияло на словообразовательную активизацию соответствующего типа (подробнее см. III, § 152, 154). Ср. ряды новообразований: *космодром*, *вертодром*, *вододром*, *кортодром*, *зернодром*, *скотодром*, *рюходром*, *поэтодром*, *змеедром*, *психодром* и др.; *космонавт*, *гидронавт*, *акванавт*, *океанавт*, *недронавт*, *собаконавт* и др.

198. Обострение процесса вычленимости вторых частей слова, ранее слабо выделяемых (типа *-дром*, *-навт*) отражает напряженное стремление усилить аналитизм, расчлененность в структуре космических слов. Связано это с тем, что развитие космической лекси-

ки обслуживает процесс научного познания. А это вносит бóльшую степень сознательности в сам процесс номинации; в словоупотреблении же часто побуждает подчеркивать внутреннюю мотивированность слова. Кроме того, космические проблемы — это объект научной популяризации, ее задачи также часто требуют обнажения внутренней формы, морфемного и даже этимологического строения терминов для объяснения новых понятий.

Прежде всего, сказанное относится к осознанию морфемной членимости иноязычных слов. Передним краем здесь часто оказывается научная фантастика, влияние которой на языковое сознание людей (особенно молодежи) в последнее время выросло.

199. Активный процесс вычленения иноязычных морфем, их активизация в русском словообразовании способствуют функциональному сближению русских и иноязычных морфем. Эта общая тенденция словообразовательного развития получила яркое отражение в рядах новообразований с синонимичными элементами *-план* и *-лет*, которые представляют собой наименования различных летательных аппаратов, в том числе названия фантастических или проектируемых машин. В 50—60-е годы в связи с усилившимся интересом к авиационной и космической технике эти образования особенно многочисленны.

Со вторым элементом *-лет*.

В научно-популярной литературе отмечены: *ракетолет*, *космолет*, *звездолет*, *планетолет*, *атомолет* (Б. Ляпунов и Н. Николаев, Сквозь тернии к звездам, 1962), *ионолет* («Зн.— сила», 1965, № 3), *экранолет* («Комс. пр.», 26 июня 1965; «Наука и жизнь», 1966, № 1).

В научно-фантастической литературе находим кроме того: *астролет* («Зн. — сила», 1965, № 10), *дисколет* (С. Лем, Непобедимый, пер. Д. Брускина, 1965), *винтолет* и *спиролет* (спиральный звездолет) (И. Ефремов, Туманность Андромеды, 1958), *ядролет* («Зн. — сила», 1963, № 7), *фонолет* («Зн. — сила», 1964, № 12), *вихрелет* («Зн. — сила», 1959, № 11) и др.

В названиях новых авиационных машин: *вертолет*, *турболет* («Огонек», 1964, № 34), *автолет* («Пр.», 18 февр. 1963), *электролет* («Наука и жизнь», 1965, № 4), *ветролет* («Веч. Москва», 19 авг. 1963), *махолет* («Изв.», 18 ноября 1963; «Наука и жизнь», 1966, № 1), *земнолет* и *ползолет* (перевод американских терминов) («Сельск. жизнь», 3 февр. 1963).

Со вторым элементом — *-план*.

В названиях космических летательных аппаратов (реальных и фантастических): *ракетоплан*, *космоплан* («Труд», 24 марта 1965), *звездоплан* (Е. Сапарина, Небесный землемер, 1959), *астроплан* (И. Забелин, Пояс жизни, 1960), *светоплан* («Лит. газ.», 20 марта 1965), *гравиплан* («Зн. — сила», 1959, № 10) и *акваплан* (Д. Сэлинджер, Повести и рассказы, пер. Р. Райт-Ковалевой, 1965).

В названиях авиационных машин: *аэроплан*, *стратоплан*, *гидроплан*, *биплан*, *моноплан*, *вертиплан*, *высокоплан* (о самолете

«Украина»), *низкоплан* (о самолетах ТУ-110 и «Москва») [20], *конвертоплан* («Звездолеты и сфинксы», 1964), *дископлан* («Техн. — мол.», 1964, № 2).

В дискуссии о терминах космонавтики были предложены следующие термины: *теплоплан*, *атомоплан*, *электроплан*, *фотоноплан* («Авиация и косм.», 1965, № 2).

Таким образом, если первоначально существовало формальное разграничение: морфема *-план* выступала лишь в соединении с иноязычными (интернациональными) элементами, а морфема *-лет* — с русскими, то теперь это разграничение исчезло. Возникает синонимия этих морфем. Знаменательно предложение, сделанное в упоминавшейся статье журнала «Авиация и космонавтика», — функционально разграничить употребление таких элементов, т. е. закрепить за названиями разных видов транспорта разные «терминоэлементы»:

Для железнодорожного транспорта это слово «*воз*», для водного — «*ход*», для воздушного — «*лет*», для космического, вероятно, целесообразно установить «*план*» («Авиация и косм.», 1965, № 2).

Перечисленные выше слова с элементами *-лет* и *-план* объединяются в группы, структуру которых можно изобразить в виде такой общей схемы (И — иноязычный элемент, Р — русский):

И + И	*астроплан*
Р + И	*звездоплан*
И + Р	*астролет*
Р + Р	*звездолет*

Если какие-то сочетания из этой схемы не представлены, то в большинстве случаев они потенциально возможны.

Как показывает дискуссия в журнале «Авиация и космонавтика», в терминологии складывается структурное единство образований, представленных двумя словообразовательными типами: на *-лет* и на *-план*. Если образования, подобные перечисленным выше, из терминологии и из области потенциального перейдут в общелитературное употребление, можно будет говорить о сближении этих типов и в общелитературном языке.

Однако уже сейчас появление всех этих новообразований привело к структурному сближению двух слов, стоявших во главе рядов слов на *-лет* и *-план* и первоначально находившихся на разных полюсах: сложного русского слова *самолет* и заимствованного нечленимого *аэроплан*, ставшего, однако, уже малоупотребительным в современном языке.

200. Преобразование структуры пережили не только иноязычные, но и некоторые исконно русские слова. В русской космической лексике следует назвать один факт, когда приобретение словом нового значения повлияло на новое осознание его структуры. Слово *спутник* уже давно пережило процесс опрощения и не делилось на

[20] Примеры из указ. статьи В. П. Григорьева, стр. 75

приставку *с-*, корень *-пут-* и суфф. *-ник*, однако его новое значение ‘космический летательный аппарат’ породило новое осмысление суфф. *-ник*. Ему теперь может быть приписано узкое значение в ряду слов *спутник — лунник — марсник*. О реальности выделения этого значения говорят окказиональные образования, например: корабли класса «*звездник*», «*фотонник*», «*парусник*» (космический корабль с солнечным парусом) (фантастический репортаж, «Зн. — сила», 1965, № 1). Будет ли продолжаться этот ряд дальше, покажет время.

201. Внеязыковые потребности могут актуализировать определенные словообразовательные значения. Об этом свидетельствует и космическая лексика. В этой группе возникли ряды новых слов с актуальными значениями ‘житель планеты’, ‘опуститься на поверхность планеты’, ‘летательный аппарат’ и др.

Как внешняя по отношению к языку может выступать потребность регулярного выражения каких-либо логических противопоставлений, которые становятся актуальными в процессе осознания определенных отношений в действительности.

В связи с проникновением человека в космос особую актуальность приобрела идея общности и связи Земли и космоса, но вместе с тем обострилось чувство единственности Земли — родины человека и противоположности ее всей остальной внечеловеческой Вселенной.

Возникает потребность особыми наименованиями выделить все, что относится к космосу, связано с ним, служит ему, противопоставив это исконному, земному. Но вместе с тем все, что человек открывает в космосе, по необходимости получает название, в котором отражается сходство или различие с чем-то земным, так как земной опыт всегда останется для человека эталоном и мерой в познании Вселенной.

Язык пользуется самыми различными средствами для выражения этого противопоставления.

Внешняя потребность выступает здесь как стимул к регулярности в самом языке. С особенной резкостью обнаруживаются все отступления от нее, обусловленные внутриязыковыми причинами. Однако, так как регулярность — это проявление системности языка, напряжение обычно свидетельствует о противоречии в самой системе, например, о противодействии, оказываемом регулярности в одном ярусе со стороны других ярусов. В частности, ограничения для словообразовательной регулярности могут исходить со стороны лексико-семантической системы языка. Роль внешнего воздействия в разрешении противоречия в каждом случае заслуживает отдельного и особенного внимания.

Рассмотрим на двух примерах, как лексико-семантическая система языка противодействует тенденции к единообразному (в словообразовательном отношении) выражению взаимосвязанных и противопоставленных значений, актуализированных социальной действительностью.

202. Противопоставленность названий новых космических наук названиям соответствующих «земных» наук, от которых они отделились, обычно выражается присоединением элементов *космо-*, *астро-*, *плането-*, *гелио-*, *селено-* к прежним названиям.

Физика — *астрофизика*, *космофизика*, *планетофизика*, *гелиофизика*. Также: *астро-* или *космобиология*, *астро-* или *космомикробиология*, *астро-* или *космоботаника*, *астро-* или *космохимия*, *астро-* или *космопсихология*, *астро-* или *космонавигация*, *космобиотелеметрия* и др.

Однако этот регулярный способ наталкивается на сопротивление лексического материала в группе названий наук, начинающихся с *гео-*. В этой группе возникли два ряда образований: по регулярному способу и арегулярно.

Несмотря на то, что элемент *гео-* входит в один ряд с определяющими элементами *гелио-*, *селено-* и по своей семантике относится как частное к общему к элементам *астро-*, *космо-*, *плането-*, существует стремление названия с элементом *гео-* использовать как нечленимые общие наименований и присоединять к ним уточняющие единицы *космо*, *астро-* и под. Ср.:

Не случайно же такие земные науки, как *география*, *геология*, *ботаника*, *геофизика*, *геохимия*, прибавили к своим названиям короткую приставку «*астро*» (И. Забелин, Пояс жизни, 1960). В той же повести действуют *астрогеографы*, *астрогеологи*, *астрогеофизики*, *астрогеохимики* рядом с *астрозоологами*, *астроботаниками*, *астроклиматологами*, *астрофилологами*. Об агглютинативном характере присоединения элемента *астро-* во всех этих образованиях, об их семантической регулярности можно судить по высказыванию одного из героев повести: «На Земле я тоже с молотка и лопаты начинал. И на Венере пришлось. Геология, ничего не поделаешь! Хотя и *астро*, а все же *геология*».

Это оказалось возможным потому, что слова *геология*, *география* идиоматичны по значению. Различие между ними лишь указывается формальным различием вторых частей, но не разъясняется семантикой этих частей. Поэтому ослаблена семантика и элемента *гео-*. Об этом свидетельствует, в частности, появление таких словосочетаний, как *земная геология*, *земная география*, в которых прилагательное дублирует тождественный ему по значению, но семантически ослабленный элемент *гео-*. Например:

... Особенности рельефа Луны... могут быть изучены не только методами астрофизики, но и специальным морфологическим анализом, разработанным в «*земной*» *геологии* (Ф. Зигель, Вселенная полна загадок, 1960). Без уточняющего определения слова с начальным *гео-* воспринимаются как не содержащие в своей семантике указания на исключительно земную гео-направленность. Они немаркированы по этому признаку. Маркирующий элемент может к ним присоединяться. Ср. сочетания, обычные в научно-популярной литературе: *космические геологи*, *космонавты — геологи*, *космогеологи*, основы *лунной геологии*, наметки «*географии*» *Венеры* (из журна-

лов). Таким образом, регулярную тенденцию включать в новые названия наук уточняющие определители (*астро-*, *гелио-*, *селено-*, по типу *космо-* + *физика*) поддерживает слабая семантическая вычленяемость элемента *гео-* в наименованиях, которые давно уже утвердились в языке.

Однако эти лексические единицы (*геология*, *география*, *геофизика*, *геохимия* и под.) в отличие от других слов — названий «первичных» наук—способны входить и в иные словообразовательные противопоставления, «оживляющие» их семантическую членимость. Так, существуют ряды слов с элементами *гео-*, *селено-*, *гелио-*, для которых характерны отношения взаимной маркированности: *геоцентрический — гелиоцентрический — селеноцентрический*. Это поддерживает другой, арегулярный для данного ряда способ словообразовательной реализации. В новообразованиях по этому способу первые элементы (например, *гео-* и *селено-*) оказываются в отношении взаимозамещения:

Аналогично таким привычным для нас наукам, как *география*, *геология*, *геофизика*, *геохимия*, будет, по-видимому, развиваться и *селенография*, возникнут *селенология*, *селенофизика* и *селенохимия* («Авиация и косм.», 1964, экстренный выпуск, октябрь); Луна выходит из их [астрономов] ведения и поступает в распоряжение *селенологов* и *селенографов* (от греческого слова «селена» — луна) — лунных геологов и географов (Полет на Луну, 1956); Остается не так уже долго ждать, пока новая наука — назовем ее *планетографией* (ведь есть же *география*, и есть *селенография*, от слова «Селена» — Луна) — обогатится интереснейшими данными (Б. Ляпунов и Н. Николаев, Сквозь тернии к звездам, 1962).

В приведенных фразах новые термины являются лишь гипотетическими, конструируемыми, поэтому они в чистом виде отражают две абстрактные возможности развития. В реальности же на столкновение этих возможностей накладывается еще действие дополнительных языковых и внеязыковых факторов. К языковым факторам следует отнести воздействие на новообразования отдельных терминов, уже существовавших в языке. Они либо формально заполнили собой определенные клетки «космической» системы терминов, будучи в действительности семантически посторонними для этой системы (как *астрология*), либо, напротив, семантически входя в эту систему, нарушают принятую в ней основную «формулу» построения терминов (представленную типом *астрофизика*). К факторам внеязыковым относится то обстоятельство, что содержание и членение космических наук еще только складывается, появляются избыточные термины, идут споры об определении самого предмета новых наук [21].

[21] Так, предмет науки *астрогеологии* (термин введен акад. Фесенковым в 1949 г.) одними определяется так: общая теория Земли как космического тела (в геологическом аспекте), которая впоследствии будет частью более широкой науки планетологии. Другое определение: *Астрогеология* занимается двумя тесно связанными между собой проблемами. Одна из них — геология

Итак, в современной литературе встречаются термины, образованные как способом агглютинативного «приклеивания», так и субституцией (ср., например: *астрогеология*, *астрогеография*, *астрогеофизика*, *гелиогеофизика* и *астрография*, *космология*, *селенология*, *селенография* и под.).

Вся эта группа терминов интернациональна [22]. Поэтому в утверждении вариантов одного или другого типа важную роль играет международная координация, взаимовлияние в процессе обмена научной информацией. Ср., например, в реферативном сборнике Института научной информации АН СССР («Итоги науки и техники. Астрономия», 1965) в соответствии с английским selenodethic — русское *селенодезический — геодезический*.

203. Более сложное взаимодействие «разрешений» и «запрещений» со стороны лексико-семантической системы обнаруживается в процессе становления и выравнивания словообразовательных гнезд с основами — названиями планет.

Невозможность построить абсолютно симметричные гнезда с регулярными отношениями внутри рядов и между ними связана с противоречием между потребностью в регулярности, заложенной в системе языка (и в данном случае — усиленной актуальностью соответствующих противопоставлений в мысли) и ограничениями, налагаемыми реальной лексической системой языка.

Образцов, которым могли бы следовать новообразования, немного. Наличие пустых клеток, необходимость и возможность параллельно создавать производные с одним деривационным значением от всего ряда основ является фактором, благоприятствующим регулярности, так как пустые клетки могут быть выравнены по образцу заполненных (если нет других ограничений). Однако, с другой стороны, система обычно дает несколько образцов для построения новых слов. Борьба между несколькими образцами [23] редко приводит к прочной победе одного из них, т. е. к полной регулярности новообразований.

Это можно проиллюстрировать группой образований со значением ‘житель планеты’. Здесь обнаруживается тенденция к выравниванию по ранее существовавшему образцу: *марсиане*, *земляне*, *венериане*, *юпитериане*, ср. образования жен. р.: *марсианка*, *венерианка*, *юпитерианка*, *сириусианка*, *землянка*. В научной фан-

планет... другая — это влияние космических факторов на тектонику земли («Зн.— сила», 1963, № 4). При двух определениях — два совершенно разных семантических наполнения слова.

[22] См., например: «Англо-русский словарь по космонавтике». Сост. Ф. П. Супрун, К. В. Широков. М., 1964.

[23] Очень показательны, например, производные со значением ‘лицо — житель’ с корнем *планет-*: *инопланетяне* («Зн.— сила», 1965, № 6), *инопланетники* («Наш совр.», 1962, № 2), *инопланетцы* (Г. Гор, Уэра, 1964); *однопланетники* («Зн.— сила», 1965, № 7), *однопланетцы* (Г. Гор, Кумби, 1963); *сопланетники* («Зн.—сила», 1963, № 8). Ср. еще: *межпланетники* (В. Новиков, Путешествие «Геоса», 1964), *межпланетчики* (Маленькие рассказы о большом космосе, 1962) — последние два слова имеют иное значение — ‘специалист’.

тастике: *Хария — хариане* («Изв.», 8 окт. 1964), *Лира — лиряне* (С. Лем, Непобедимый, пер. Д. Брускина, 1964), *Водо — водяне* («Лит. газ.», 21 янв. 1965), *лаолитяне* («Лит. газ.», 20 марта 1965), *Флорина — флориниане* («Техн. — мол.», 1966, № 1), ср. также *инопланетяне* («Зн. — сила», 1965, № 6). Но наряду с этим встречаем и образования на *-ец*: *венерцы* (И. Забелин, Пояс жизни, 1960), *венерианцы* (А. Кларк, Лунная пыль, пер. Л. Жданова, 1965), *юпитерцы* («Слушайте все», 1962), *юпитерианцы* («Зн. — сила», 1966, № 4), *сатурнийцы* (С. Лем, Звездные дневники Ийона Тихого, пер. З. Бобырь, 1961) и даже *марсианцы* («Лит. газ.», 26 апр. 1966).

Таким образом, новые основы испытывают притяжение со стороны нескольких словообразовательных типов.

Имена прилагательные от названий планет в научно-популярной литературе создаются соответственно по образцу прилагательного *марсианский*: *венерианский* (*венерянский*), *меркурианский*, *юпитерианский*. Тот же словообразовательный тип представлен и в научно-фантастической литературе, например: *харианский*, *лирянский*, *флориниански*й, *Трантор — транторианский* («Техн.— мол.», 1966, № 1), *Церекс — внецерексианский* (Б. Новинский, Под одним солнцем, 1965) и др. Однако отмечены образования с суфф. *-ск-* без интерфикса (*венерский*, *юпитерский*) и с интерфиксом *-ов-* перед суфф. *-ск-* (*плутоновский*, *нептуновский*). Таким образом, названия лица — жителя планеты корреспондируют в основном со словообразовательным типом прилагательных с интерфиксом (*и*)*ан-* и суфф. *-ск-*. Тенденция к регулярности обнаруживает себя, преодолевая в некоторых случаях даже морфонологическую неоднородность производящих основ (хотя в целом морфонологические особенности названий планет и звезд или неоднословность этих названий могут служить неопреодолимым препятствием для словообразовательной регулярности).

Напротив, аналогия нарушается, когда соответствующая клетка оказывается заполненной. Это касается, например, прилагательного *земной*: ведь по образцу *марсианский* следовало бы создать слово «*землянский*», которое отмечено, кстати, как окказиональное «в синих бликах *землянских*» в туристской песне. В ряду ‘житель планеты’ клетка ‘житель Луны’ была заполнена словом *селенит*, производным от другой основы. В речи, однако, отмечено и образование от основы *лун-* по образцу *марсиане*: *луняне*.

Образцом для многих новообразований послужили слова с основой *земл-*. Слово *земля* многозначно, причем многие производные и сложные слова соотносимы лишь с одним из значений, хотя «очевидна связь этих значений друг с другом, их распределение внутри единого семантического целого»[24]. Эта закрепленность за одним и тем же знаком разных значений и сделала возможным появ-

[24] Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, стр. 83.

ление «планетных» аналогичных образований по образцам производных, в которых основа *земл-* имеет другие («непланетные») значения. Например, *земля* — ‘поверхность’ в образцах *приземлиться*, *землетрясение*; *земля* — ‘страна’ в образце *землепроходец*. В результате этого была нарушена семантическая регулярность в возникших словообразовательных рядах. Ср. *землетрясение*, *лунотрясение*, *марсотрясение*. Там, где это было возможно, произошло выравнивание семантических отношений между образцом и аналогическим образованием.

В частности, при соответствующих контекстных противопоставлениях актуализуется значение *земля* — ‘планета’ в слове *землепроходцы*, по образцу которого возникла целая серия слов: *первопроходцы*, *небопроходцы*, *звездопроходцы*, *космопроходцы*, *вселенно-проходцы*, *лунопроходцы*, *марсопроходцы*. Вот некоторые употребления:

По окончании строительства лунного поселка «*лунопроходцы*» поселятся в капитальных «домах» («Наука и жизнь», 1964, № 10); Около года проведут в полете первые *марсопроходцы* (Маленькие рассказы о большом космосе, 1962); Я рассказал ей, что ждет человека во Вселенной, какие открываются перед ним пути, и о том, какое это счастье быть одним из первых «*вселеннопроходцев*» (Г. Титов, 17 космических зорь, 1962).

Глагол *приземлиться*, будучи противопоставленным новому глаголу *прилуниться*, утвердился в новом значении: ‘совершить посадку из космоса на п л а н е т у Земля’.

В этом случае, однако, из-за многозначности глагола *приземлиться* (ср. возможность говорить: *приземлиться на Луну*, *Марс*, *Венеру*) оказывается более спорной необходимость введения глаголов от других основ. Ср. отмеченные в литературе окказионализмы: *примарситься*, *привенериться*, *присатурниться* и соответствующие отглагольные существительные *приземление*, *прилунение*, *примарсение*, *примарсивание*, *присатурнение*, *примеркуривание*.

Подобные колебания, связанные с многозначностью корня *земл-*, затрагивают и другие образования. Многочисленны оговорки типа: Возле предприятий — поселки. Хочется сказать, что все они *подземные*, но для Луны нужно иное слово — *подлунные* («Полет на Луну», 1956). При этом возникает конфликт на почве омонимии: *подлунный*, *подлунье* — о недрах Луны и *подлунный мир*, *подлунье* — в старом значении.

204. Очевидно, что при утверждении одной из конкурирующих форм действуют разные причины. Однако решающей может оказаться социальная потребность. Значительность такого события, как первое «примарсение» человека, может быть ознаменовано введением в обиход нового слова. Насколько сильной и действенной может быть такая потребность, показала газетная дискуссия о том, каким глаголом следует назвать свободное плавание, «парение» человека в космосе, хотя в языке существовала возможность выразить это значение без новообразований. Эта дискуссия состоялась после

первого выхода из кабины космического корабля в открытый космос советского космонавта А. Леонова (см. выше).

Таким образом, в процессе пополнения двух новых социально актуализированных групп лексики: 1) названия новых наук, рожденных освоением космоса, 2) производные разных типов от названий планет — выявились противоречия в системе языка, которые противодействуют тенденции к установлению регулярных словообразовательно-семантических отношений между новыми производными и их образцами.

205. Каково же значение описанных фактов для словообразовательной системы русского языка?

Появление нового направления человеческой деятельности и человеческого познания, связанного с изучением и освоением космоса, получило многообразное отражение в языке, в частности в словообразовании.

В словообразование вовлечены новые группы производящих основ (иноязычных и русских). «Космические» новообразования способствовали освоению морфемного инвентаря и структуры иноязычных слов, интенсифицировали взаимодействие русских и иноязычных морфем и структур. Специфика семантических заданий, обусловленных внеязыковой потребностью, послужила стимулом к регулярности в определенных словообразовательных рядах, актуализировала некоторые словообразовательные значения. Усиливается продуктивность ряда словообразовательных типов, в том числе префиксально-суффиксальных глаголов, производимых от основы имени существительного и имеющих значение 'опуститься на поверхность планеты'.

Интенсивность словообразования по конкретным образцам, характеризующая область «космической» лексики, не безразлична для состояния словообразовательной системы, так как она может оживить старые или породить новые словообразовательные типы, особенно в тех случаях, когда по одному образцу возникают целые ряды аналогичных образований [25].

Космическая лексика, связанная с научным познанием мира и техническим оснащением этого познания, является примером рационалистического, сознательного словосозидания. Поэтому в целом космические новации в лексике усиливают начало сознательного творчества в словообразовании.

Очевидно, однако, что еще не все словообразовательные последствия выявились с достаточной наглядностью. Вероятно, их обнаружит лишь будущее.

---

[25] Например, в связи с появлением ряда новых слов со второй частью *-проходец* встает вопрос, не возникает ли новый словообразовательный тип, в котором элемент *-проходец* функционирует подобно элементам *-лог*, *-вед*. См.: В. В. Лопатин. О сложных словах со второй частью *-проходец*. «Вопросы культуры речи», вып. V. М., 1964.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список сокращений 5

Глава первая. Вступление (§ 1—11) 9

Глава вторая. Изменения в морфонологической структуре производного слова (§ 12—43) 24

Глава третья. Создание новых словообразовательных способов (аббревиация) (§ 44—70). 66

Глава четвертая. Рост продуктивности словообразовательных типов (§ 71—81) 100

Глава пятая. Рост специализации словообразовательных средств (§ 82—93) 118

Глава шестая. Рост регулярности словообразовательных типов (§ 94—116) 134

Глава седьмая. Изменения в значениях деривационных аффиксов (§ 117—147) 170

Глава восьмая. Изменение членимости слов (§ 148—160). 214

Глава девятая. Стилистические изменения в системе словообразования (§ 161—180) 231

Глава десятая. Влияние изменений в лексике на словообразовательную систему (§ 181—205). . . . . 26[illegible]

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.rustang.ru

Русский язык и советское общество.
Словообразование современного
русского литературного языка

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Н. Н. Барская*
Художник *А. Г. Кобрин*
Технический редактор *В. Д. Прилепская*

Сдано в набор 20/IX 1967 г. Подписано к печати 29/I 1968 г. Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 18,75. Уч.-изд. л. 20,4. Тираж 6600 экз. Тип. зак. 3586. Т-01463. Бумага № 3.
Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
12	8 св.	устарению	устранению
17	5 св.	§ 29	§ 96—99
69	22 св.	в свои	и свои
148	19 св.	образования основ	образования от основ
210	24 св.	женщин	женщин по мужу
212	2 св.	обычным	необычным

Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка.